

Степан Мазур Дыхание власти

Цикл Скорпиона – 2

Ленинградское издательство; СПб; 2010
ISBN 978-5-9942-0536-5

Аннотация

Время ускорилося. Ответственность возросла. На счету каждая минута. Пришло понимание — Скорпион раскрывает возможности нового человека, индиго нового поколения. Но получивший силу получает и проклятие — ответственность за каждое свое действие... Как же сложно в семнадцать лет оперировать высшими истинами.

Степан Мазур Дыхание власти

Часть 1 Управление

Забегая вперед.

— Ты ее не получишь! — прокатилось по полупустому помещению, отразилось от стен тяжелым эхом и вернулось к Эмиссару. Он взревел. — Сах'рэ!

Стекла по всему периметру пентхауса небоскреба разлетелись вдребезги от магического слова. Осколки вылетели наружу и устремились вниз. Падая со сто двадцатого этажа, разгоняясь, острые кромки приобрели убойную силу.

Прохожих постигла печальная участь. Но Золо не заботили подобные мелочи. Скорпион опустил сложенные ладони. Серебристая завеса щита померкла.

— Сами как-нибудь разберемся. Без тебя... Или лучше от слова «бес»?

Золо исчез в воздухе. Черная молния устремилась к вихрастому гостю, но растаяла, не задев его.

Сергей вскинул руки, разрезая волновой выпад на две части. Пол и стены за спиной

потрескались. Волна вырвала кусок гранитной колонны и затихла, потеряв мощь.

Кулак парня обьяло огнем. Эманация элемента четвертого уровня поплыла по воздуху вместе с ударом. Появившийся Золо выставил щит, перехватив удар, но пропустил нужный момент и опалил себе запястье и манжет рубашки.

Эмиссар взревел, отскочил от Сергея.

Скорпион, улыбаясь, облизнул вздувшийся волдырь на костяшке. Рана исчезла, больше не напоминая, что с огнем шутки плохи.

— Знаешь, Золо. Зря ты все это затеял. Не скажу, что потерял время, наоборот, стал сильнее... Но это обернулось катастрофой для тебя самого. Я собираюсь вырезать Эмиссаров, замкнув весы. Ваша игра больше не к месту... И к чертям весь ваш баланс, ваш Хозяин будет низвергнут. Система порабощения душ будет уничтожена.

— На колени, щенок! — глаза Золо почернели от ярости. Воздух в зале сгустился, потяжелел. Слух Сергея резанул до боли тонкий звук, на уровне ультразвука. Волны усилились, повреждая уже и кожу. Давление на перепонки плавно повышалось, грозясь лишить слуха, искалечить тело.

— Ты меня не понял? Вы больше ни к месту! — Скорпион сдвинул руки, выставляя ладони.

По полу и потолку пошли трещины. Мебель, встретившуюся на пути, разнесло в щепки. Золо отбросило в стену. Эмиссар распластался по ней, обливаясь кровью.

— Шельэ хаса, — прошептали губы Золо.

Черная молния пробила потолок, за мгновения сжигая массивные плиты чудовищной температурой. Миг, и она устремилась в голову Скорпиона.

Синим светом окутало все помещение. Сергей перехватил молнию.

Бой шел на пяти из семи возможных уровней. И на физическом, низшем, молния превратилась в гюрзу.

Руки цепко схватили ее, вытянув извивающееся тело над головой. Победоносная улыбка парня стала шире. Несколько мгновений в руках черноволосого гостя... и змея пала к ногам кусками гниющего мяса. Мгновение, и оно испарилось без остатка.

Скорпион развел руками, сгущая воздух. Мышцы напряглись. Синий свет, исходящий от его ладоней стал для эмиссара невыносимо ярким, обжигаящим глаза и кожу.

— Ди-во! — слетело с губ северного варвара.

Чудовищной силы аэрбол прошил помещение. Миг, вспышка — и потолок здания вырвало. Но видимо что-то вмешалось — спасло эмиссара от низвержения.

Пыль улеглась. Дом устоял, хоть и лишился крыши и целостности конструкции.

На Сергея холодно и обреченно посмотрели глаза... Ее глаза.

— Не-е-ет!!! — от крика Скорпиона здание пошатнулось.

Над небом Нью-Йорка сгустились тучи.

* * *

Возвращаясь назад. Настоящее время (три года спустя последних событий).

Черный Кава прыгал на ухабах грунтовки, оставляя за собой облако пыли. Стальной конь гнал, не жалея лошадиных сил. Рука в безпальцовке завернула ручку скорости до красной черты, и зверь встал на заднее колесо.

Иссиня-черные кончики волос мотоциклиста ветер рвал остервенело, трепал со звуком развивающегося флага.

Опаздывать на совет не входило в планы Сергея.

Управлять мотоциклом в семнадцать лет гораздо удобнее, чем в четырнадцать. Возмужавшее тело прибавило роста, силы, объема. Спортивный лежак больше не грозил выйти из повиновения. В седле Скорпион сидел, как матерый наездник.

Время летело. Плечи раздались вширь, руки окрепли, скулы заострились.

В ухе пискнуло, выключая музыку плеера в стиле хэви:

— Леопард вызывает Скорпиона. Прием.

Не сбавляя скорости, не снимая шлема, ответил:

— На связи, блондин. Прием.

Веселый голос Семена Егорова Леопарда докатился из-под недр гор чистый, без помех. Дмитрий закупил в отечественных НПО замечательное оборудование радиолокационной связи.

— Скорп, все в сборе. Если не прибудешь через двадцать минут, начинаем разбор полетов без тебя. Сам вольностью наградил сам и наслаждайся.

— Больше ста пятидесяти по грунтовке не выжимает даже на одном колесе.

— В мастерскую закинь, пусть модернизируют. Техники у нас неплохие. Крылья приделают, полетишь сквозь леса и поля. Не хочешь сквозь, лети сверху.

— Блондин, ты завязывай с мясом. Злой как волчара.

— Да? А что там у тебя в плеере играет? Вроде не классика. Мясо он видите ли не ест, а вот от тяжелого металла робкий, как овечка.

— Это чтобы не уснуть.

Сема подло захихикал, вспоминая время последнего сна. Сухо обронил:

— Ждем. Конец связи. — Отключился.

Сергей включил плеер, прибавил громкости.

Ручка скорости вся на себя,

На спидометр взгляд бунтаря.

Разрывая цепи, мчишь вперед, как ветер.

Бог асфальта, судьбы молния.

Мотоцикл взревел яростно, почти полетел над землей. Каждый поворот мог оказаться последним для мотоциклиста, грозя потерей управления. Но, ни рессоры, ни резина Кавасаки не подводили. В последние секунды Сергей вписывался в дорогу, выходя из заноса на гравии.

Очередной поворот вывел к разбитой дороге лесозаготовительной компании. В колеях от КамАЗов можно было утопить мотоцикл. Благо луж нет, солнце испекло грязь, скатало до состояния бетона. Но все равно скорость пришлось сбавить почти до нуля. Не автобан.

Разрази меня гром, если до конца года не сделаю эти трассы пригодными для гонок. К черту всевидящее око спутников. Если не собьем, пусть зрят. Лучшие так, чем постоянно терять время на ухабинах.

Двое подтянутых мужиков на КПП, изображая беспечность, искоса обследовали новоявленную фигуру с ног до головы. Признали сына хозяина базы. Едва подъехал к воротам, кивнули.

Все запуганы глобализацией. Стоит поднять глаза к небу — получишь свой снимок по почте на следующий день. Так дело не пойдет. Или время свои игрушки в космос закинуть, или пора сбивать те, что бдят. Неплохо бы совместить. Отдаваться под тотальный контроль заокеанского хозяина не собираюсь, пусть даже глобализация — естественный процесс.

Скорпион заехал под козырек, вручил мотоцикл первому сторожу. Второму отдал шлем, на ходу бросил:

— Слава, загони коника в мастерскую. Пусть проверяют по всем параметрам. Мощности не хватает. Нужна чудо-кнопка. Как у Джеймса Бонда.

— Сделаем, босс, — с пониманием ответил сторож. — Пару цилиндров добавить?

— Не плохо бы. Только дорог нормальных нет. Улечу с трассы и поминай, как звали. Запиши лучше в смету асфальтирование.

— А маскировка?

— А ты закажи асфальт под цвет грязи.

— Понял, босс.

На кожаную куртку накинул потрепанную ветровку. Так сверху, если кто зорким глазом спутника глянет, НАСА, ГЛОНАСС, то увидят банального работягу, что вышел из

барака и пошел по своим делам. Обычная база, обычные рабочие. Все разваливается и доживает свой век, как и положено отмеченной Мировым Правительством стране.

Ноги помчали вдоль старых потрепанных лесозаготовительных машин. Техники специально потрудились над аппаратами так, что те стали похожи на старые развалюхи. Со спутников выглядят доживающими свой век агрегатами, а под капотом каждая деталь в заводской смазке, блестят мощные моторы. Хотя сейчас в ралли Париж-Дакар. Техники ручались — ни одна не подведет. КамАЗы и ЗИЛы в любой момент могли переквалифицироваться для перевозки любых грузов.

Прошел вблизи вертолетной площадки с мрачными, некрашеными Ми-8, нырнул в неприметное здание. Трое в камуфляже в углу комнаты подскочили, кивнули.

Меньше слов, большие дела. На базе нет отдавания чести, знаков почета. Салаги не служат, а профессионалам какой смысл друг перед другом кланяться? Каждый знает свою работу, каждый работает как индивидуум, без инструкций и указаний. Своим мозгом. Этим и отличаемся от системы.

Солдат надавил на выемку в стене. Глазам предстал черный проход со скоростной обтекаемой тележкой, с местами на шесть пассажиров.

Скорпион впотьмах залез в тележку, прижался спиной к мягкому сиденью, обронил:

— Давай, Макс, запускай. Жаждали уже «главы семейств».

— Приятно ветерка, босс.

Солдат прикрыл дверь, погружая в полную тьму. Донесся щелчок замка. По всему периметру уходящего вниз коридора зажглись энергосберегающие лампы, два небольших реактивных моторчика по краям тележки заурчали, закряхтели. Личное изобретение Дмитрия вдавило в спинку сиденья. Тележка покатила по наклонной вниз, набирая скорость. Двадцать километров до базы под горой преодолел за две минуты. На последних километрах система тормозов сбросила оглушительную скорость, затормозила у платформы.

Техник проследил за тележкой, приветливо кивнул, что-то черкая в блокноте:

— Приветствую, босс. Как новые скорости?

— В порядке. Вы с отцом с каждый месяц делаете тележку все проще и удобнее.

Но все равно надо по базе струнный транспорт вводить. В перспективах будем расширяться...

— Неплохо бы, босс...

— Да вы что, сговорились все? — вспыхнул Сергей. — «Босс», да «босс». Достало. Не итальянская же мафия, в конце концов!

— Шеф? Хозяин? Начальник? — перечислил техник, не меняя выражения лица.

Привык работать с бизнесменами. И к прихотям деньги имеющих тоже привык. Антисистеме пришлось приложить немало усилий, чтобы выкупить смышленную голову у одного олигарха. Строил сынишке парк аттракционов. Полный бред. Конструктор с мировым именем проецирует строительство американских горок.

Скорпион покачал головой:

— Семен Аркадьевич, как не стыдно? Вы меня старше на тридцать лет, два высших образования, а мне даже школу экстерном закончить некогда. Просто Скорпион или Сергей. И на «ты». Здесь все так. Что генералы, что технички. Нас мало, народ сплоченный, работает на идею, так что все должно быть проще.

— Прости, Скорпион... непривычно, — протянул рано сидящий техник.

— Забудь совдеп. У нас звания по заслугам, а не по выслугам. Страна внутри страны. Антисистема внутри системы. Мозг внутри тела. Пока неповоротливая система тупит и перегибает палку, мы быстро работаем в местах перегибов.

Едва вылез из тележки, моторчики развернулись соплами на сто восемьдесят градусов. Тележка без пассажира взмыла в горку с еще большей скоростью. Техник прошептал:

— Мозг... Хм... — и не объясняясь, снова удовлетворенно кивнул и ушел, мыслями витая в расчетах и схемах.

Скорпион размял шею, и быстрым шагом поспешил по коридорам. Десятки камер

впились в новый объект базы, сканировали. Вся доступная информация вывелась на экраны модернизированного «Эльбруса-2» в командном центре.

Сергей пробежался по светлой чистой базе, прерываемой секторами с бурильными машинами. Те создавали новые площади, расширяли базу вглубь и вширь. Всюду шныряли полчища рабочих, техников, дизайнеров. Работали тихо, энергично, но без лишней суеты. Каждый знал свое дело. Друг другу не мешали. Профессионалы, проблемы решают самостоятельно, работа не стопорится.

Смекалка в условиях. Дожил.

Остановился перед массивной дверью с двумя близнецами-солдатами по краям. Элитная охрана, внешнее кольцо базы.

Левый близнец обронил тяжелым басом:

— Вас ждут, босс.

— Не вас, а тебя, — в сотый раз поправил «босс» базы. — И не босс, а Скорпион. Как дела на территории?

— Спокойно, — ответил второй близнец. — Как в море.

— Только люди работают. — Добавил первый. — Как пчелы.

И оба протянули в один голос:

— Непривычно.

Сергей хмыкнул. Положил руку на датчик, зафиксировал глаза, глядя в одну точку. Лазер прочитал отпечатки, прошелся по сетчатке.

— Открывай, — обронил Сергей обычным голосом. — Свои.

— Свои дома сидят, — ответила программа компьютера. — Но тебя я знаю. Ладно, проходи. Я сегодня добрый.

Шутки Семы. Подвел Василия под мысль озвучить защитную программу своим голосом.

Близнецы-охранники прыснули над новым приколом.

Голос обработался, прошел через фильтры. Створки бесшумно разъехались в стороны, исчезли в выемках. Плоские лампы зажглись по всему периметру коридора мягким, ненавязчивым светом.

Скорпион пошел по коридору, стараясь шагать как можно громче. Прорезиненный пол упрямо глушил любой намек на звук. Чем отец его еще покрыл, понятия не имел. Посередине коридора остановился. Дальше ни шагу или крупнокалиберные пулеметы изрешетят вдоль и поперек. Левую руку приложил к одной из ламп. Еще один замаскированный индикатор прошелся по отпечаткам. Потайная дверь отъехала в сторону.

Как ни пытался привыкнуть к отсутствию скрипа дверей, не получалось. В голове клеймом застыла печать телевизора, что российские обреченные базы и лаборатории грязные, заброшенные, доживающие свой век. Словно после глобальной катастрофы.

Везде обязательно должна висеть паутина, гореть одна-две лампочки на всей территории и каждая дверь должна открываться с жутким скрипом. А солдаты, охраняющие подобные объекты, стоят в тулупах, ушанках. Из каждого кармана по бутылке. Вот и образ моей страны. Голливуд приложил немало усилий, чтобы Россия «гордилась» своими детищами. Коллаборационисты¹ с радостью перепутают сталинские бункера времен войны и сверхсекретные базы, смешивая все в одну кучу.

Но на подземной базе «Тень», в семистах метрах под хребтом Сихотэ-Алиня Голливуд не любил. Колабов просто уничтожали по первому правилу Антисистемы наряду с наркоманами, маньяками, террористами и прочей накипью человечества.

База сияла чистотой, светом и надежностью и упрямо заставляла верить в завтрашний день.

¹ Коллаборационизм — добровольное сотрудничество с врагом в его интересах и во вред своему государству или союзных с ним стран.

Последняя дверь скрылась в стене, и глазам предстало обширное помещение с почти домашней обстановкой. В центре стоял круглый стол с кучами карт, схем, бланков. Картами увешана добрая часть комнаты — спутниками и Интернетом пока пользоваться запрещалось, до разработки экранизирующих систем. Самые секретные каналы пеленгуются. А свой собственный спутник пока виделся несбыточной мечтой.

Структура едва-едва вставала на ноги. Приходилось все сводки, схемы и расчеты производить на бумаге или собственном компьютере базы, со своим софтом. Из зарубежной техники на базе были лишь три плоских телевизора на жидких кристаллах. Отечественной сборки. Техники базы усовершенствовали антенну базы, и она ловила большинство каналов мира и любые радиочастоты. Сам собой сформировался аналитический отдел, прослушивающий по тем частотам нужные переговоры нужных структур.

Один из трех телевизоров как раз висел в командной комнате. Приглушенно бурчал, показывая очеловеченное лицо иностранного президента, который решил выступить без бумажки и раз за раз выдавал такие афоризмы, что присутствующие невольно начинали хохотать.

За столом сидел неполный десяток оживленно беседующих человек. Патриоты дела, пассионарии. Восемь лиц тайного совета с одним из новеньких.

Мозг услужливо расставил по полочкам всю информацию...

Дмитрий — приемный отец. Основатель базы, уволившийся из оборонки, чтобы вплотную заняться любимым детищем — наукой. Он возглавлял все, что касалось научной деятельности, технических свершений или нестандартных подходов к законам физики. Именно ему по чистой случайности перепало единолично владеть базой, напичканной самым современным вооружением и оборудованием периода последних дней СССР. Старые наработки и спустя двадцать лет неплохо держались.

Рядом с отцом сидел Сан Саныч. Отставной подполковник, отдавший полжизни служению родине и незаслуженно уволенный, когда пошел против начальства. Служака оказался не промах и организовал частное охранное агентство, сколотив спецназ из лучших бойцов воинской части прошлых годов. На Саныча ложилась большая часть бремени воинской части, охраны, снабжения новыми видами оружия и расширения боевых единиц штата. Так как в данное время основной, стабильный доход база получала от его действий, работы было как никогда, много.

Ему часто помогал Никитин — майор Альфы. «Официальный военный», как он сам себя называл. Редкий гость на территории базы «Тень». Он никак не укладывался в рамки только лишь своей службы командования хабаровской «Альфой» и понимал, что скоро сверху придет приказ о ликвидации его, как самостоятельного, здравомыслящего субъекта. Но прежде чем уйти на пенсию, Никитин искал недовольных системой по всем каналам связей. Людей, которым осточертела однобокость госаппарата, было ни мало. Антисистеме нередко выпадали бонусы: людьми, ресурсами, советами, информацией, единомышленниками...

Четвертым и пятым человеком в совете были Даниил с позывным «Медведь» и Андрей, больше известный в своих кругах, как «Кот». Разведка и контрразведка структуры. Оба за два года прошли Кавказ, набрались опыта в горячих точках и прокатились по миру, участвуя во многих локальных конфликтах. Собирали информацию и отбирали разного рода полезных людей. Последние два месяца торчали на Российско-Грузинской границе, с отрядами спецназа уничтожая наркотропы и самих поставщиков белой смерти. Нередко после спецопераций «Тени» перепали ящики конфискованного у банд-формирований вооружения и партии денег. С Кавказа после службы под командованием белоруса и корейца возвращались и желающие служить в новой структуре.

Шестым был Василий. Одноклассник. Молодой гений. На первых порах помогал Дмитрию, но вскоре занялся аналитикой, сметой расходов, бюджетом базы. Как-то сам собой стал координатором ресурсов, сводок, идейным мастером. Он успевал везде, собирая под своим крылом младших техников, аналитиков и хакеров. Гений практически безвылазно жил

на базе, экстерном закончив одиннадцатый класс намного раньше срока. Оставалось сдать только ЕГЭ, и можно было породниться с Антисистемой навсегда.

Седьмым сидел безалаберный блондин с вечной улыбкой на лице — Сема. Самый молодой из присутствующих. На несколько месяцев младше кровного брата. Индиго-2, боевая единица. Сема был генералом базы в намного большей степени, чем Сан Саныч или Никитин.

Сам Скорпион, Индиго-1, беззаговорочно считался маршалом базы. Именно с его подачи и началось то, что за несколько лет вылилось в Антисистему. Вдвоем с названным братом Семеном и выполняли всю самую тяжелую работу, возглавляя восьмерку совета.

— О, босс пришел, — повернулся Сема. — Владимир звонил, снова расстрельными списками завалил. Некстати амнистию объявили. Соскучился по стрельбе? Подразделения «налогозахоронение», «правозахоронение», «здравозахоронение», «таможенный беспредел» и «бандитизм классический» завалены работой по уши. Людей не хватает. Патроны заканчиваются раньше, чем привозят. Еще СМИ такой шум подняли, что мы функции милиции исполняем, жуть. Как тебе?

— Шумят всегда и везде. Сегодня здесь, завтра там. У нас достаточно боевых троек, пусть наводит, и воюют, — бросил на ходу Скорпион, занимая место в кресле и рассматривая новичка, девятого в совете. — Почему Владимир сам не хочет вступить в совет? Вспомогательной единицей быть проще?

Присутствие нового человека в совете — крайняя степень доверия к нему кого-либо из присутствующих лиц. Василий оторвался от графиков, протер запотевшие очки, зевая, обронил:

— О, Скорп, привет. Девятого зовут Евгений. Я лично ездил за ним в Новосибирск, едва отговорил от поездки к дядюшке Сэму. Хакер высшего разряда. Проверен и надежен, ручаюсь. Сам понимаешь, я завален работой, нужны чьи-то плечи. А таких терять нельзя. Совсем нельзя. Еще пара ребят хотят иммигрировать к нам из СНГ.

Сергей всмотрелся в новенького — тощий студент с глазами компьютерного фанатика. Чем-то похож на Василия. Наверняка, тоже гений, только в сфере компьютеров. Просто человек, который хочет работать и создавать, да чтобы его работы получали путевки в жизнь, а не пылились на полках. Но это внешне. А что он представляет из себя внутри?

Скорпион сосредоточил внимание и моргнул. Спектр зрения и чувственного восприятия слился. Люди в комнате вспыхнули сияниями разноцветных аур. Резанули по глазам небесно-синие энергетические оболочки Семы и Василия. «Боевой» и «мозговой» индиго, как про себя классифицировал обоих. Только если Сема уже осознал возможности, и темно-синяя аура переливается красным знаком мощи и силы, то гений еще не раскрылся. Небесно-голубой кокон назревает, как бутон. Стоит поторопить цветение. Время дорого. А хакер индиго не был. Но золотой шар над головой, так похожий на корону или нимб, что изображается на каждой иконе, говорил за выдающийся интеллект и стремления к преобразованию мира в лучшую сторону. Таких людей стоит поощрять.

Может быть в совете, но должен доказать.

— Вася, у тебя уже есть трое хакеров. Зачем нам хакера, если на базе всего один компьютер? Да и тот стареет.

— Не согласен! — подскочил Евгений. — Я знаю, как его ускорить. Перспективные разработки пылятся в архивах. У меня есть ключик к тем полкам. Достанем, протрем, применим. Одну из целей — покупку завода в Юго-Восточной Азии по сборке компьютеров еще никто не отменял.

Корона пульсировала, покачиваясь над головой, как воздушное облако. Оно вполне может стать грозовым, если попадет не в ту компанию.

— К тому же Евгений занимается разработкой нового типа Интернета... это большая перспектива, — добавил Василий. — Если мы решили напрочь прекратить использование зарубежного оборудования и софта, нам без Жеки нельзя.

— Интернет-2? — спросил заинтересованный Андрей. — Я сталкивался с подобным.

— Зачем Интернет-2? — Снова подскочил Евгений, затараторил. — Это уже прошлый век, просто закрытая сеть НАТО и НАСА, ничего сложного. Я же с группой единомышленников из бывших одnogруппников в Новосибирске придумал Нэт в десятки раз быстрее. На основе информационных кристаллов, которые так же разрабатываются в нашем институте в Новосибирске. Мы условно называем его Руснэт... Ну или еще как-нибудь. За названием дело не станет.

Он не врал. Облако над головой светило чисто и ясно в мире энергий. Когда человек лжет, оно скукоживается и темнеет.

— Группа студентов придумала Интернет нового типа, — хохотнул Сема. — Если бы я не дрался с тридцатилетним Скорпионом в Японии, ни за что бы, не поверил.

Ах, да, мой возможный вариант развития. Не стоит про него забывать. Напоминай мне почаще, брат, напоминай.

— Если запустить спутник, собрать пару пробных компьютеров на основе Эльбруса с технологией кристаллов и соединить Руснетом, Билл с дядей Сэмом останутся далеко позади, — довольно закончил Евгений. — И никакая Корея с Японией им не помогут. Они и сами бы рады их сгноить.

— Мировое Правительство сделает все возможное, чтобы похоронить эти разработки в зародыше. Убить не рожденными. — Протянул Даня.

— Даня, что за сомнения? Или мозоль на пальце больше не дает возможности сказать им свое «нет»?

Медведь кивнул. Услышал астральный диалог. Но ответить не в силах — не дорос до энергоинформационных уровней.

— Спокойно, хлопцы, — поднял руки Скорпион. — Что-нибудь придумаем. Раз со спутником столько связано, ресурсы достанем. Давайте вернемся к делам насущным. Что скажут наши пенсионеры? — Сергей улыбнулся, поглядывая на Дмитрия, Саныча и Никитина.

— Индиго, мать их, — буркнул Саныч, подтолкнув плечом Никитина.

— Да уж, звания для них уже ничего не значат. По мозгам все меряют. Нас с опытом и то скоро на свалку спишут, — добавил Никитин, — поколеньице еще то. Этими четверьмя настойчиво интересуются отечество. Пара-тройка структур. Я скоро не смогу их покрывать... завербуют или... застрелят. Иногда все приходит в одно и то же время.

Жаль Медведь и Кот не индиго. Достигли мастерства боя, азов сверхскоростей, даже постигают начальные ступени божественного развития, но выше головы не прыгнут — лимит, — подумал Скорпион.

— Я их тоже порой не понимаю, но если бы ни тот вихрастый со своими чудаковатыми идеями, база так и лежала бы под завесой тайны в пыли, — обронил Дмитрий.

— Да ладно. Мы без вас никуда, вы без нас, — кивнул Скорпион.

Чушь, конечно, полная, но нашего раскрытого народу так мало, что приходится терпеть ваши низкие скорости. На первых порах союзников не выбирают. А через пяток лет пересмотрим иерархическую лестницу.

— Скорп, они так долго говорят.

— И что?

— Может пару резервов открыть? У Александра Александровича проблемы с сердцем. Никитин курит столько, что легкие похожи на решето. Вот-вот прохудятся. К концу года — рак легких. Не делай вид, что не замечаешь. Ты же только Дмитрию пинка к развитию дал.

— Он мой отец. А у вояк своя жизнь. Не вмешивайся в естественный ход вещей.

— Не рано ли терять майора и полковника?

— Поднимись по нитям выше, шагни за бодхиальный² уровень, сам все увидишь. У

² Бодхиальный уровень. — Шестой, предпоследний уровень энергоинформационного поля, стоящий ниже непосредственного Высшего Я и выше козுவального уровня.

каждого свой путь.

— Не могу выше ментала³. А что там, родовое проклятие?

— Не знаю, сам пока не выше сакрала⁴, но Рысь сказал, что если мы остановим инфаркт и рак, то будет хуже, чем тогда, в Китае. Прямое воздействие чревато. Я могу только подтолкнуть.

— Вася, что там у нас со сводками? Каково нынешнее положение дел?

Василий проворно зашуршал листами, снова протер очки. На Скорпиона глянули красные уставшие глаза — работал на износ. В груди невольно кольнуло.

Наставник базы поднялся из-за стола, обошел по дуге, руками обхватил голову тревожного Василия, снял очки.

— А как же воздействие?

— Он чист. Допускается поощрение.

— Я вот думаю, как скоро нападут на базу после твоего...

— Ему семнадцать, не шестьдесят. Хватит бурчать, почему я спасаю одних и не вмешиваюсь в других случаях. В нем больше перспективы... А нападут на нас в любом случае.

— Как ты умудряешься делать паузы в астральных диалогах? Сколько в тебе энергии?

— Сема, отвяжись.

В руках появилось тепло, разогнал тело до двенадцатой ступени. За два года смог постичь только одну — ступень овощей, как она наиболее точно переводилась на физический язык. Если одиннадцатая ступень минералов показалась легкой, то ступень овощей постигал долго. Живительная влага, питательная сила земли. Уровень энергии в овоще гораздо больше, чем в камне. Чтобы понять то, что невозможно описать словами, потребовалось много времени. Так как в сутках всего двадцать четыре часа, приходилось многим жертвовать.

Семеро за столом замерли, рассматривая новое действо.

Василий ощутил тепло в висках, оно спустилось с пальцев Скорпиона, коснулось глазных яблок. Дно глаз резко зашипало, сдавило, потом резь резко ушла, отпустило. Блаженное тепло разлилось по глазам вместе со слезами.

— Извини, Вася, побочный эффект. Поплачешь еще минут пять. Но потом очки можешь выкидывать или передать по наследству. — Скорпион смахнул пот со лба, выхватил из рук бумаги. — Давай я прочитаю.

— Ха, меня ты полчаса мурыжил, пока глаза на единицы не вернул, — крикнул Дмитрий и добавил. — Но ничего, Вася, зато про очки я действительно забыл, как про страшный сон забыл. И ты забудешь. Сейчас оклемаешься.

Евгений непонимающе завертел головой. Он немного слышал о Скорпионе от Василия в самолете, но большей части не верил, спросил:

— И что с ним?

— Да ничего, — обронил Сема. — Сейчас прозреет... Скорп, ты как-то обещал мне транслейтор⁵ открыть. Не забыл?

— Не перегибай, коллапс энергетик обеспечен. Сколько раз с нас шкуры снимут?

— Дал слово — держи.

³ Ментальный уровень — третий уровень энергоинформационного поля, стоящий выше астрала, но ниже сакрала.

⁴ Сакральный уровень — четвертый уровень энергоинформационного поля, стоящий выше ментала, но ниже козуального уровня.

⁵ Транслейтор — открытый резерв в мозгу человека, позволяющий вспомнить все языки мира, достать запечатанную информацию из высших энергетических миров.

— Да я без проблем, только всех кого ты здесь видишь, ты увидишь в последний раз. Согласен?

— А, ну его этот транслейтор. Словари буду зубрить.

Скорпион пожал плечами в физическом мире, ответил:

— Пока не могу, ступеней маловато.

— Эх, всегда так, — протянул Сема, пряча глаза. От него не укрывалось, что с их невербальными диалогами неуютно себя чувствуют не только Саныч, Дмитрий и Никитин, но и Даниил с Андреем. Разрыв отдалял друг от друга с каждым днем. Одно из проклятий обладания знаниями и силой.

Никитин ткнул в бок Саныча, обреченно прошептал:

— Ну вот, опять ничего не понятно. Одно дело, когда я ему даю приказания в спецназе, там все по схеме. Вот цель, и ее надо выполнить, и ни каких «ни-ни». А другое дело вот так, мозгами... Тяжело. На пенсию пора.

Никитин тяжело вздохнул, уголком рта брякнул Санычу, поглаживая усы:

— Точно индиго, мать их...

Это сложно. И больно. Видишь все и всех насквозь, но помочь или вмешаться — чертов баланс на страже. Я вижу, как умирает Саныч, я вижу, как угасает Никитин, но сделать ничего не могу. С меня спросят, как с обладателя силы. Как же сложно держать себя в руках в семнадцать лет. Дед, почему ты не со мной? Почему твое мудрое слово не избавит от возможных ошибок? Все приходится самому, — прокрутил в голове Скорпион и горько хмыкнул. Сосредоточился на бумагах, зачитывая вслух:

— Итак, мы обладаем объектами в количестве пяти штук; подгорная база «Тень», вертолетная база полуоткрытого типа в десятке километров от Тени, замаскированная под лесхозную фирму, офис охраны «скорпионовцев», как ласково назвал свой спецназ Саныч, видимо с намеком на одну двенадцатую часть населения планеты с подобными знаками зодиака... Значит, офис со зданием в Хабаровске и два офиса в пригороде Хабаровска и в Комсомольске-на-Амуре. Базу Альфы я в расчет не беру, она все же государственная, что значит — временная. Наша подгорная база — наиболее засекреченный и совершенный объект. Из вооружения: три выдвижные ракетные турели, семь шахт с пусковыми ракетами малой и средней дальности, что значит не дальше Китая, Кореи и Японии. Восьмая шахта переделана под стартовую площадку самолета ЯК-141 с вертикальным взлетом. Надеюсь, технари его модернизируют.

— Хорошо Андрюха успел, — прервал Даня. — Такой самолет хотели на металл пустить. Он может и из четвертого поколения, но для горной базы без взлетных полос в самый раз. Контрразведка работает. В Китай не ушел. Пусть оборонка клепают самолет нового поколения с вертикальным взлетом, а нам пока и этот сгодится. Красавчик! Стоит, сверкает. Так и хочется отдать приказ пилоту что-нибудь взорвать.

— Да я что? — махнул рукой Андрюха. — Все дело в пилоте. Говорит, пилите меня вместе с самолетом, я без него никуда. Ему тут же пригрозили, понизили, потом просто уволили. Но он не дал пустить в утиль самолет и продать под видом металлолома. Хотя предприимчивые шакалы уже перегнали через всю Россию. Оставался последний контракт. Ну, я охрану отвлек, с пилотом поговорил. Здравый мужик попался, ему летать еще и летать. Я смекнул, что нам и пилоты, и самолеты пригодятся. До Тени как раз было двести с лишним километров, а ЯК-141 летает на триста сорок... В общем, я пилоту координаты дал, контракт уничтожил, и у нас в ангаре... Кх-м... бывшей шахте... теперь стоит это чудо. А пилот из рядов авиации уволенный, тренируется ежедневно в гравитационной комнате. На керосин хватает, пусть летает понемногу. Спутники зафиксировать объект со скоростью 1800 километров в час не успевают. Он может резко сбрасывать скорость до нуля, зависать в воздухе, потом снова на форсаже. Перекрасим его в серебристый цвет. Пусть за НЛО принимают.

— Неплохая идея, — вставил Никитин. — Предлагаю еще две пусковых шахты переоборудовать под вертолеты КА-50 и КА-52, «Черную акулу» и «Аллигатора», там

глядишь и до КА-60 руки дойдут. В скором времени появится возможность приобрести у оборонки.

— Думаю, на околоторной базе среди Ми-8 они будут смотреться со спутников подозрительно. Зачем лесорубам боевые вертолеты? Не строить же нам ангары, будет подозрительно вдвойне. Или если не присмотрятся, то не догадаются? Глобальная спутниковая система все-таки не всеильна, если специально не знает в каком квадрате смотреть, хрен найдет. Неплохо бы сбить половину к чертовой матери, как решился Китай, — подал идею Даня.

Неужели моя школа? Так заигрался в войну, что заразил желанием уничтожить неправильный мир все вокруг? Пора выпрыгивать из этих узеньких, маленьких рамок мировосприятия. Мир генерируется эмоциями, мыслями, те облачаются в действия. Это легко заметить, блуждая по астралу и менталу. Но как мне заставить весь мир поменять отношение к физическому слою, чтобы он стал добрее? Всех в астрал не выкинешь. Големы скорее метеоритного дождя дождутся, чем поверят в то, что сами творят свой мир.

— Еще можно четвертую шахту расширить и запустить собственный спутник на малой ракете. Только это сожрет весь бюджет Антисистемы и базу запеленгуют, придется объясняться, — роняя слезы после воздействия на зрение, добавил Василий.

— Нет, ракеты надо запускать с космодромов или полигонов. — Рассудил Дмитрий. — В мире более двадцати космодромов, у нас в России три, не считая арендуемого у Казахстана Байконура: Плесецк, Капустин Яр и Свободный. На первые два нас никто не пустит, а Свободный в принципе недалеко, Амурская область. Только он законсервирован. Еще есть вариант построить частный космодром, маленький, как «Морской Старт» в Тихом Океане. С экватора запускать удобнее всего, градус сопротивления ниже, меньше мощности требуется. Четыре холдинга скинулись, два из которых, кстати, из России и Украины, и переоборудовали нефтяную платформу под космодром. Ребята с головой. А, вы что, уже в космос захотели? Картошка то еще не окучена!

— Захотели! — Уверенно добавил Сема. — Придется расконсервировать. Но тут та же тема, что и с компьютерами. Билли вряд ли денег одолжит. А в бюджете России покорение космоса не предусмотрено. Все на рыночных отношениях, а в принципе весь космос под НАСА. Хотя вы, Дмитрий, правильно сказали — холдинги. Мир под контролем глобальных транскорпораций. Чтобы выжить, придется создавать свой «холдинг», а то нефтяным и газовым компаниям значит можно свои армии держать, а нам нет? Нет уж, с оружием в руках оно как-то безопаснее выйдет.

— Скорп, может рассказать им про Эмиссаров? И про то, что мы лишь странники в этом мире брэнном, обреченные на вечную борьбу с быдлом...

— Сема, не доставай. И так тяжело. Столько информации.

— Я говорил, что Хрониками Акаши увлекаться не стоит. Много знать вредно. Голова болит и бессонница. Одно дело знать, что мир один и другого нет, совсем другое что это лишь переходный этап. И реинкарнацией выкинет в мир другой, потом еще и еще. И так до уровня Абсолюта. Или в Преисподнюю на переплавку, если шагать только вниз.

— Этап или не этап, а стоит его сделать чуть почище.

— Он изначально так запрограммирован.

— Значит, перепрограммируем! Не доставай.

— Слушай, хакер душ, а големы — это первичные души?

— Первый человекоподобный этап после зверя.

— Так у душ несколько уровней?

— Сема, мы на совете. В земном мире. Сделай одолжение, замолчи!

Вынырнул мыслями в физический мир, прислушиваясь к разговорам.

— Слушайте, вы так всю базу перестроите. А ракеты уже не причем? Их для чего строили? Может, лучше атомной начинкой снабдим или водородной? — Злорадно вставил Никитин. — А потом бахнем. Всегда хотел бахнуть, честное слово. Я как красные кнопки вижу, так руки сами тянутся.

Значит, по рукам получишь. Эти кнопки декоративные. Пальцев не терпят.

Скорпион покусал губу, взгляд устремился под потолок, покачал головой, подбирая язык, который поймут вояки:

— Сотрем Китай, Японию или Корею с лица земли и наступит дисбаланс. Ядерное оружие создавали для того, чтобы было, стояло на полочке и грело ощущение паритета, а не для применения. Но шахты не трогать, вертолеты в случае приобретения миглом на вертолетную базу. Пока под тенты, потом оформим, как прикрытие для скорпионовцев. Мало ли у охраны потребностей? Губернатор поймет. В любом случае через пару лет перевыборы. Люди меняются, система остается.

Скорпион всмотрелся в Саныча и Никитина, осторожно продолжил:

— Лучше снабдить ядерной начинкой ракетные турели и с десяток поставить вдоль границ с Китаем, одну-две с Северной Кореей и парочку под Владивостоком, и, конечно, на Курилах. Япония откажется от претензий на Курилы, Северная Корея перестанет баловаться ядерным оружием, Южная притеснять торговый флот, а Китай отложит план завоевания мирового господства еще на пару веков. Они терпеливые. А ракеты мы на какую-нибудь другую базу перенесем. «Тень» — первая, но не последняя база Антисистемы. Пусть служит научным целям.

— Скорп, пока будем строить турели с ракетами, создадут лучевые протонные пушки. Концепция во внешние слои вышла, скоро кому-нибудь явиться озарением. Ты же знаешь, это не ядерное оружие, удар будет только один, ответа не будет. Хочешь скинуть с базы турели, поставь их на Кунашире. Ино станет проще. Против Духа эта мелочь не пройдет. Ведутся разработки над микроволновыми пушками.

— Что ты мне все про войну? Надо мозгами думать. Сема, старые ракеты тоже устарели, разве что спутники в космос запускать. Оружейники над ядерным оружием пятого поколения работают — точечные удары. Упадет такая тебе в кружку с чаем и мало не покажется. Но все равно не то... Нужно что-то другое. Почему всем нужно разное? Общих идей никаких... Надо от войнам к эволюции переходить. Не эволюции ради войн, и война ради эволюции, а просто всеобщее развитие без войн. Тебя не достало с пистолетом за каждым маньяком бегать? Я бы лучше вложил деньги в разработку по уничтожению таких особей на клеточном уровне. Надо бороться с причиной, а не следствием. Пистолетики вон старикам оставь, они без них не могут. Мышление другое. Нам же пора взрослеть.

— Никуда ты от пистолетиков в ближайшие годы все равно не денешься.

— И к турелям можно добавить атомную артиллерию. Ее в западной части России запретили, а на Дальнем Востоке можно. И если бы еще береговые расчеты класса «Берег» достать... — продолжал мечтать Никитин. — И зенитно-ракетные комплексы С-400, да «Панцирь» С-1, вообще никто не подойдет, а если укомплектовать МиГ-35, Су-34, — глаза у майора стали, как у жалобного пса, что просит косточку у хозяина. — Ну, давайте приобретем хотя бы Су-39.

О, Творец, дай мне силы!

— За такое «хотя бы» юса сядет на диету, — добавил Даня.

— Спокойствие, господа, — остепенил Сергей. — Закатайте губы, это нам не по карману. Наш месячный бюджет пока не превышает сотни тысяч евро. Половина народа и так за одну идею работает. Их энтузиазм надо поощрять.

— Хорошо хоть от долларов отказались. Эта неудобная по всем статьям бумажка витает в воздухе. Кредит доверия иссяк. Немногие знают, что она не только не обеспечена золотом, но и не имеет своего государства. Доллар печатает не сама юса, а частные... ммм... руки. Вот, — не забыл добавить Василий. — Там даже вместо «билет банка такого-то государства», прямо сказано — «в бога мы верим». С него и спрос в случае чего. Юса за свою валюту никакой ответственности не несет. Дело в том, что в свое время несколько шустрых банкиров в награду за поддержку на выборах президента Вильсона (1913–1921) выпросили себе право создать на базе своих банков Федеральную Резервную систему, которая, собственно, эти доллары и выпускает. То есть доллар — это долговая

расписка группы частных коммерческих банков. Продолжать?

— Ладно, Вася, ты хоть и гений, но в одиннадцатом классе, не перебарщивай, — предостерег Дмитрий. — Народ запугаешь.

— Наш народ уже ничем не запугать. Нас с детства Кощеями пугали, волками и прочими добрыми феями. Стойкий иммунитет и недоверие ко всему пугающему.

— С этим понятно, и с оружием понятно. Разработок полно, аналогов в мире нет, но и денег нет, — продолжил Скорпион. — Со стрелковым-то хоть в порядке, Саныч?

— Лучшие образцы пистолетов и автоматов, защитные костюм-комплекты «бармица», АГС-30. Тут я шиканул. Можно еще БТР-90 достать для пехоты или БМП-4. Деньги будут, закуплю. Скорпионовцы обеспечены. А летом нас на Урал на смотры приглашают. Т-95 хочешь?

— «Черный орел»? Танк, обогнавший запад на целое поколение?... Кстати, а зачем нам тяжелые танки? Будем воевать? — Сема пригляделся к Скорпиону, изображая всю ту же безалаберность, а внутренне послал сообщение. — Скорп, со стрелковым оружием для охраны понятно, но если мы начнем закупать тяжелые единицы, контора присмотрится. ГРУ зря, что ли, новый офис отгрохали? Зачем тебе эта предупредительная пуля в затылок? А если присмотрится особый отдел? А если создадут особый отдел по борьбе строго с нами? Ты же знаешь, на науку денег нет, на космос нет, а вот на особые отделы хоть сколько.

— Просто надо направить энергию Саныча и Никитина в нужное русло. Королев ракеты строил не для войны, хотел открыть людям выход в космос. Только из-за его настойчивости ядерные боеголовки заменили спутником. И мир открыл дорогу за пределы матери-земли. Шестой раз, если не ошибаюсь. Мы же шестая раса? Ты дальше во сны не прыгал?

— Нет, но разводить с тобой демагогию на тему кто первый, сейчас ни к чему. Единицы движут миром, а не наоборот. Есть идеи относительно пенсионеров предыдущего твоего шестого поколения?

— У Природы или у меня?

Скорпион достал второй листик, впился глазами. Отбирая важное, резюмировал:

— С вооружением понятно. Самолет простимо — спасли от ножа, а пару вертолетов спрячем, но больше пока ничего не надо. Турели и ракеты при первой возможности отвезем на Кунашир. Пока пусть стоят в шахтах. Пыль стираем, да и ладно. Стрелкового оружия хватает. Рабочий спецназ, охрана баз и тройки-ликвидаторов вооружением обеспечены. Идем дальше. Общая численность активных людей нашей структуры составляет двести двадцать четыре человека. Из них сорок восемь боевых единиц «скорпионовцев», семь троек ликвидаторов, тридцать четыре техника, двадцать восемь снабженцев, сорок четыре строителя и сорок человек разного типа помощи. Если еще в прошлом году все Антисистемники, так или иначе, жили в Хабаровском крае, и проблем с жильем не возникало, то в этом году появились желающие работать на Антисистему и из других краев. А к чему это нас подводит кроме новых закупок служебных машин?

— На базе и в офисах все не поместятся, будут и другие желающие, — ответил за всех Дмитрий. — Нужна своя строительная компания, только не такого уровня, как лесозаготовительная компания, какую мы скупили для прикрытия «Тени».

— А не рано замахнулись? — остепенил Саныч. — Может и больницу с садиком построить? Деревьев насажать? Я бы там сразу садовником устроился, птичек бы кормил.

Отличная идея, Саныч. Будет тебе садик с большим огородом.

— Для своих построим. И насажаем. Может, даже посадим. Только построим не больницу, а здравницу, — серьезно добавил Сема. — Мы своих людей лечить будем, а не... как обычно. Я не могу на тот бред в халатах смотреть. Если кого из скорпионовцев ранят, мы должны взятку за нормальное лечение столько отвалить, что хватило бы на содержание всей больницы. Дешевле за бугром лечить. О качестве я и не говорю.

Скорпион отметил для себя, что ругать врачей — второй пункт умников после госаппарата, дальше пойдет милиция, таможня. Последним пунктом будет стоять

преступность...

— Не бубни, блондин, — прервал Андрей. — В нашей необъятной стране, беднейшей в Европе, пусть и не во всей — самые высокие цены на все, кроме бензина. Хотя здесь я тоже логики не уловлю. Юса покупает у нас нефть, везет ее, перерабатывает и продает дешевле, чем мы. Это как вообще такое возможно?

— А почему рубль крепнет? — вставил Саныч, подчеркивая для себя важную информацию.

— Если честно, то понятия не имею, — серьезно ответил Василий, не поднимая головы. Слезы лились, словно резал лук. — При росте рублевых цен в торговле, сам рубль непрерывно растет относительно мировых валют. Это либо весь мир падает в бездну, а мы на коне, либо рубль укрепляется искусственно, для того, чтобы спрятать реальную инфляцию. Выходит, то, что плетут про рост ВВП и прочий рост — бред. Поэтому я настоял на том, чтобы не спешили переводить финансы Антисистемы с евро на рубли, как недавно с доллара в евро. Рубль надули как воздушный шарик. Одна иголочка. Бух и дефолт, инфляция. Или еще какая бяка. Я чем больше узнаю, тем больше не понимаю. Страна парадоксов и антилогики. Наверное, наша структура — самое то. Лишь бы народ понял.

Скорпион вновь ощутил недосказанность.

За что мы гнобим юсу, если у обоих идиотов хватает. Лишь бы народ понял? Как будто народ когда-то что-то понимал.

— Вася, — обратился Дмитрий. — В России нарушена обратная связь. Если идет передел, или какие реформы, то всегда в худшем своем проявлении, насколько я знаю историю.

— Увеличивающееся количество людей требует более крепкой идеологии, своих отличительных знаков, своего духа. Одними боями не отделаешься, не все воины, — Василий уронил последнюю слезу, проморгался и посмотрел на мир новыми глазами. Все предметы вокруг стали четкими, яркими, словно все осветилось ярким светом. Впервые не пришлось напрягать глаза, чтобы разглядеть хоть что-то без проклятых окуляров. В груди потеплело, на лицо напозла жизнестойкая улыбка. Благодарно кивнул Скорпиону, бодро продолжил. — Я займусь этим вплотную. Будет у нас идеология.

— Мои ребята заставили уважать знак скорпиона на предплечье охранников. Ни один бандит в городе, увидев знак у зданий, не сунется грабить магазин, склад, офис или любое помещение под нашей охраной, — довольно протянул Саныч. — Символы — штука хорошая. Прилепи на рабочий костюм каждого из снабженцев, и дело в шляпе. Но как быть с тройками-ликвидаторами? Им светиться нельзя. Пусть бегают так же в черном, но без значков...

Вася пошкрябал подбородок, пожал плечами:

— Нехватка руководящего состава. Девять человек для совета слишком мало. Проблема троек не в информации и снабжении вкупе с идеологией. И далеко не в костюмах. Все дело в нехватке командира. Саныч, Скорпион и Сема занимаются ими косвенно. Так долго нельзя. Могут случиться сбои. Участились ранения среди личного состава. Потерь пока нет, но скоро возможны. Надо быть умнее и опережать смерть на два шага.

Скорпион повернулся к Никитину, приподнял уголки губ:

— Ну что, майор, когда говоришь, тебя под нож пустят? Может, все-таки на пенсию? А? Садик там, камин, все такое...

Никитин напряг лицо. Желваки заиграли, губы слились в одну белую линию. Чуть помедлил с ответом и тяжело обронил:

— А, черт с вами. Завтра увольняюсь по собственному желанию.

— Это меняет дело, — продолжил Василий. — Но нужен как минимум еще один человек. На следующем совете будем перераспределять обязанности.

Скорпион кивнул.

— Токаяву бы. Но тренер запустил в душу осень.

— В Японию хочет, но Ино спросить стесняется. А сама позвать не догадается. Гордые

все. Возраст, наверное...

— Ты открыл Васе резерв? Он же физически уступает. Зачем ему скорости?

— Сема, не смейся. При правильных тренировках и стремлении наверстает за два года. Только ему этого не надо. Он гений в другой области. Пусть мыслит так, как мы бегаем.

— Полагаешь, мы действительно индиго нового поколения? Дело же не только в сверхтренировках и ступенях. Или все дело в синих оболочках?

— Я пока не могу ответить на этот вопрос. Но мы уже не те, что начали рождаться в семидесятых.

— Другой уровень?

— Давай пока остановимся на индиго-2.

— Сверхлюди звучит интереснее.

— Богом себя еще назови!

— Гм... младший бог... звучит интересно...

— Сема!

— Молчу, молчу. Но нечего мое развитие стопорить! Мне этих рабских палок в колеса выше крыши, надоели.

— Какие еще вопросы на повестке дня? — Скорпион вернулся на вербальное общение. «Разговор» с Семой занял около пяти секунд.

Дмитрий прокашлялся, обронил, краем глаза кося на телевизор:

— Становится тесно. Строителей мало. Стоит новых по последнему кругу проверки пропустить и заняться расширением базы вплотную, но опять же...

Скорпион поднял руки, запричитал:

— Все! Все! Хватит! Понял! Больше не надо! Достану я вам денег, достану.

Где бы их достать? Думать. Думать.

И как в озарении посмотрел на Евгения:

— Слушай, хакер, а как насчет боевого крещения?

Евгений выпятил хилую грудь, хрустнул пальцами, глаза загорелись:

— Пентагон? НАСА? Ми-6? Контора? ЦРУ? ФБР? ФСБ? Хотя вру, внутри страны взламывать не буду, не проси. Так где?

Скорпион расплылся в кресле, составляя в голове план закупки оборудования и подходящего помещения. Довольная улыбка заполонила лицо:

— Швейцария, Жень, Швейцария. Там наше золото красной партии. Еще есть во Франции и Японии, но, то уже дореволюционное, вряд ли вернем. Так что давай с банков начнем.

— Ура! У нас будут вертолеты! — Шутя, завопил Сема.

Сергей, пряча улыбку, распорядился:

— Леопард, бери Жеку, пару человек сопровождения, и пулей в магазин за оборудованием, деньги возьмешь с одного из счетов. Наведите маскарад с лицами, снимите квартиру в отдаленном неблагополучном райончике, где легко затеряться, ставьте выделенную сеть и дальше, как скажет хакер. Как скрываться — знаешь.

— Сколько переводить? — Глаза Евгения загорелись. Настроился на профессиональную волну. — Жадничать будем?

Скорпион обвел взглядом всех восьмерых, взял у Василия листик со сметой расходов, глаза вновь уползли под потолок, губы тяжело обронили:

— Ты взломай сначала... А так для начала миллиона три евро, а там посмотрим, — и добавил. — С одного счета только не бери. Тысяч по сто с каждого, не больше.

— В какой город переводить?

— Кидай в Москву. Легче затеряться. Я после экзаменов съезжу с Семой, заберу. А фамилию сам придумаешь, — повернулся к Никитину, — товарищ майор, пока не укрылись пледом и не протянули...кхе... вытянули ноги у камина, займетесь документами?

— Как же, дадите вы кости погреть. Будут тебе документы, не сомневайся. Как обозначить? Иванов?

— Товарищ майор, ну вы дали, — хихикнул Сема. — Такие деньги могут быть только у трех типов людей из золотого миллиарда: капиталистов, арабов и евреев. Иванов как-то не входит в общую картину. Вот если Мойша Бронштейн или Ахмед Араши ибн Фахмех или просто Джон Смит, тогда другое дело.

— Да и ты на семита как-то не похож, — пробурчал майор, — если только на сына олигарха.

— Вот могут же, когда хотят, — восхитился Сема, — Вроде бы майор, а такие здравые идеи. Вот Саныч бы никогда не догадался. Правда, Саныч?

Саныч оскалился улыбкой зверя:

— Вот я кому-то в следующий раз пистолетик без патронов на задание подсуну. Посмотрим, блондинчик, как тогда заговоришь.

Скорпион скрыл улыбку, повернулся к Евгению:

— Тогда четыре миллиона, а то трудностей много. И раздели полученные средства на четыре части. Помести в разные банки Москвы на разные фамилии. Майор обещает четыре новых паспорта сделать. Так, товарищ майор?

Никитин кивнул:

— Сделаю. Только не забывай, что тебе эти четыре чемодана как-то тащить придется, про карточку можешь забыть. Тащить придется не просто как-то, а как-то неприметно, как-то без зеленого коридора в Шереметьево и без недельного прозябания в СВ поезда. Ты хоть знаешь, что значит тащить миллион? Это тебе не героические блокбастеры, где десятки миллионов купюрами по сотне помещаются в дамские сумочки.

Умно. Не мешает взять пару уроков работы с пространством. Где бы учителя найти?

— Ничего, с Семой донесем. Один можно раскидать по мелочи в разных банках Москвы, на наши счета в Хабаровске. Пару пачек туда, пару сюда... — прикинул вслух Скорпион.

— Еще один мы с Даней заберем. Отправим вместе с оружием с Кавказа по осени, — подал идею Андрей.

— Третий доведет группа сопровождения. — Крякнул Саныч.

— А последний дотащим, — закончил Сема. — Всего какой-то миллион евро. Если купюрами по пятьсот, то в чемодан поместится. Какой там сейчас курс?

— Слушайте, если не хотим подобных трудностей в дальнейшем, надо в своем городе свой банк открывать. А в столице филиал, — подал идею Василий. — Только к этому времени надо будет с налоговой разобраться. Платить «самый низкий в Европе налог» со всеми косвенными в итоге выходит не выгодно. В конечном счете выходит, что отдаешь три четверти дохода.

О, нет, сколько можно? Одна проблема тянет за собой другую.

Заседание совета продолжалось.

* * *

Голые пятки больно вдавило в прорезиненный пол. Легкие дышали с трудом, заставляя себя закачивать и выталкивать воздух. Все мышцы напряглись. На плечи словно бросили гору, вес удвоился. Сердце стучало мощно, преодолевая новые условия.

Скорпион продолжал вольный бой, стараясь не обращать внимания на перегрузку. Скулы заострились, глаза вспыхнули огнем адреналина. Искусственный гнев прокатился по телу, помогая преодолеть внешние условия. Кулак яростно врезался в стальную макивару, оставив вмятину.

Дмитрий за сверхпрочным стеклом застучал по клавишам. Гравитация повысилась еще на половину g, достигнув двух с половиной g.

Скорпион прикусил губу. Колени полусогнулись. Костяшки кулака содрали кожу от последнего удара, прежде чем распластался на полу, помогая организму преодолеть еще

половину единицы.

Как только сын лег на пол, Дмитрий без боязни довел гравитацию по пяти единиц. Искусственная гравитация в тренировочной комнате достигла предела. Пять g — максимум, что она могла предложить. Степень воздействия гравитационных полей комнаты колебалась от невесомости до пяти аналогов земной гравитации.

Дмитрий не видел смысла модернизации ее до больших пределов. При «потолке» сознание не терял только Скорпион. Сема с пилотом могли продержаться до четырех с половиной единиц. Дане, Андрею, скорпионовцам и ликвидаторам хватало и трех, чтобы кровь переставала поступать в мозг и происходила отключка сознания.

Подобные перегрузки тренировали выносливость тела лучше любых испытаний. В нормальных, обычных условиях тренированные в комнате люди достигали фантастических результатов.

Полуобнаженный Скорпион распластался по полу. Грудная клетка обозначила каждое ребро. Каждая конечность тела имела пятерной вес. Любая одежда только мешала, душила. Чтобы оторвать руку от пола требовалось множество усилий, и не только силы мышц, но координации всего организма. Перебор мог обернуться фатальными последствиями для внутренних органов и головного мозга.

Удалось повернуть правую ладонь и сжать в кулак, лежа показать отцу большой палец. Дмитрий застучал по клавишам, постепенно уменьшая нагрузку — резкие перепады чреваты.

Сердце застучало свободнее, кровь на всех порах устремилась к измученным конечностям, легкие вздохнули свободнее. Мозг от прилива кислорода послал сигнал глазам о конце света. Зрение помутнело, картина пред глазами поплыла. Раньше бы носом пошла кровь, но в последнее время привык.

Скорпион освобождено оторвал руки от пола, проморгался. Зрение восстановилось. Не торопясь, привстал, рассматривая содранную костяшку на правой руке. Кровь на грубой, тренированной коже с понижением гравитации старалась появиться в больших количествах. Сердце по инерции работало в тяжелых условиях, яростно, из последних сил стараясь перекачать положенное количество крови в каждую даль тела. После таких тренировок мышцам сердца не грозил инфаркт, а мозгу инсульт — кровоток прочищал все сосуды.

По телу потекла волна легкости, тело стало почти невесомым. Мог запросто прыгнуть до потолка, пробежаться по стенке, поднять три своих веса, драться или бегать с огромной скоростью. Чудовищный суплес растянул границы возможного, расслабил и подготовил тело для любых испытаний.

Дверь отъехала в сторону. В комнату вошел рослый десантник с чистым полотенцем, аптечкой и бутылкой молочного коктейля. Тело после подобных тренировок сжималось, мышцы уплотнялись, и нужна была растяжка, разминка и подходящее количество питательных веществ.

— Прекрати уничтожать руки, три дня бить правой не сможешь. Вроде не маленький, знаешь, как правильно колошматить. Все в тебе какое-то ребячество. — Проговорил гвардеец и взял руку, чтобы стереть кровь и прижечь костяшки йодом. Взгляд невольно наткнулся на вмятину в стальной макиваре. Присвистнул.

Скорпион поймал взгляд отца в окне, приподнял уголки губ. Сконцентрировался на костяшках, руку обожгло. Как раз солдат стер кровь с разбитой кожи, поднял удивленный взгляд:

— Эй, парень. А где рана-то? Я сам видел, как ты вмазал по стали. У тебя рука в клочья должна... А тут даже кожа...новая. Из чего у тебя руки?

— Да ты не парься, Миха. Обычная регенерация. Правда, немного ускоренная. Концентрируешься на ранении и заставляешь мозг резче выполнять починку. Разгоняешься.

Сергей мягко, по-кошачьи, подсочил на ноги, молниеносно выхватил у десантника бутылку с коктейлем, выпил одним залпом, довольно крикнул, резко подпрыгнул до потолка, в два прыжка доскочил до стены. Так же быстро продолжил бег по стене, пробежал по потолку над головой изумленного солдата, снова по-кошачьи мягко приземлился перед

скорпионовцем, протянул бутылочку.

— Ты тренируйся получше, тоже так сможешь.

И для закрепления эффекта трижды сменил цвет радужной оболочки глаз. Людям нужны фокусы, так веры больше. Потом, пересказывая увиденное, преувеличит, перевернет. Слухи поползут такие, что Антисистема уверует в своих предводителей.

Бывший десантник с воплем отскочил, перекрестился.

— М-да, — протянул Скорпион. — Чем примитивнее сознание человека, тем большую власть над ним имеет вера. Чем человек ленивее, тем все ему оправдаться хочется. Спортсмен победит на соревнованиях — допинг принял. Сосед зарабатывает больше — ворует. Денег нет — порча. А если кто-то умеет больше других, то либо сумасшедший и в психушку, либо душу дьяволу продал. Так ведь? Самому не смешно?

— Скорп, я здесь недавно. Не понял еще, почему военные антисистемы скорпионовцами называются. Думал, блажь генеральская. В честь сына назвал, то, да се...

Скорпион вытянулся по струнке, расправил плечи. Гордый орлиный взор смотрел уже куда-то вдаль, в будущее, словно вспомнив о собеседнике, обронил:

— Не твоя вина, Михаил. Как-нибудь соберу вас всех на инструктаж и покажу возможности человека. Может, даже пару секций по городу откроем, посмотрим. А что касается веры, верь только в Творца, да Природу. А любая религия, любое толкование высших сил — такая чушь, аж за человечество стыдно. Нет посредников между тобой и Творцом. Нет храмов, кроме тех, что в твоей душе. На это каждый рано или поздно выходит.

Скорпион первым покинул комнату, делая себе зарубку, что над идеологией стоит начать работать гораздо быстрее, чем предполагал. Информационная бездна запудрила мозги человеку. Скоро перестанут отличать левую руку от правой. Случится та же история, что и с сороконожкой, которую учили ходить «как все».

На выходе Дмитрий похлопал по плечу, протянул одежду:

— Не волнуйся, я тоже не сразу понял. К тому же, понять — это одно, а поверить в свободу и возможности — совсем другое.

Скорпион облачился в светлую безрукавку, натянул темные, потертые джинсы с широким ремнем, армейские ботинки. Безпальцовки плотно сели на руки, подвязал густые длинные волосы банданой. Спрятал в ухе наушник связи, что в свободное время использовал как простой плеер — техники модернизировали плату — протянул проводок под майкой до кругляша на поясе — система связи.

На плечи легла кожаная куртка, распахнул по карманам сотовый, бумажник. Левое запястье опоясали электронные часы. Глаза зацепились за циферблат. В голове пронесся сумбур. Пришел откат после добротной тренировки, потянуло в сон. Мысли поползли медленно, неторопливо. Суббота, вечер. Надо успеть к брату в лес на тренировку. За двести километров от города. И в воскресенье к вечеру быть дома — в понедельник сдавать первый Единый Государственный Экзамен. Проклятье хиреющей системы образования для здравомыслящего человека.

— Скорп, — Дмитрий затряс за плечо, выводя из раздумий.

— Чего?

— Может тебе кобуру скрытого ношения с ГШ-18 под куртку? Саныч выдаст. А то у тебя лицо такое, словно кому-то не повезет.

— Не, батя. Я заправлюсь и на мотоцикле в лес к Рыси, а в понедельник на экзамен. Там с оружием нельзя. — Скорпион пожал плечами. — Система. Что поделаешь?

— Жаль, что спутника нет. Я бы тебе маячок в часы запустил, чтобы компьютер на карту выдавал, где ты находишься. К тому же, я не помню, когда ты последний раз спал.

— Пятьдесят два часа назад, — не моргнув глазом, соврал Скорпион, чтобы не беспокоить отца. — Но не до сна. Столько времени теряется с этим сном. Может Рысь зарядит. Не знаю, батя. Пора мне. — Скорпион вяло зашагал прочь из комнаты управления. На тело накатила такая слабость, что с радостью уснул бы прямо на полу.

Дмитрий выхватил из кармана шприц, проворно воткнул в шею приемного сына,

подхватил вяло сопротивляющееся тело, приговаривая:

— Батю не обманешь. Пятьдесят два часа назад ты был на задании. Сема намекнул, что бодрствуешь ты больше трех суток. Так нельзя сын, ты хоть и из другого теста, но тоже должен отдыхать. — Дмитрий дотащил сына до кушетки, уложил, укрыл одеялом. — Спи. К Рыси успеешь. Я что-нибудь придумаю.

Дмитрий подошел к компьютеру, нажал кнопку вызова:

— Пилота самолета в комнату управления!

Через три минуты в дверном проеме появился сухонький, подтянутый мужичок с горящими искрой жизни глазами. По старой привычке козырнул, вытянулся.

— Вызывали, Дмитрий Александрович?

— Вызывал. Садись на кушетку рядом со Скорпионом, посмотри на его измученное тяготами жизни лицо. Сел? А теперь ответь на вопрос. Ты хочешь ему помочь?

— Безусловно. Мне Кот про него рассказывал. Если хотя бы половина — правда, то сделаю все возможное.

— Тогда подвези его на самолете до тайги в двухстах километрах севернее. Если напрямую, меньше.

— Дмитрий Александрович, я не совсем понимаю. ЯК-141 — одноместный самолет.

Дмитрий приподнял бровь:

— Да ну? Неужели не поместится?

— Поместимся. Только перегрузки...

— К перегрузкам ему не привыкать. Ты же «свечек» с «колоколами» и другими акробатическими изысками пилотирования делать не собираешься. У тебя не МИГ и не СУ. А за него не бойся, выдержит, крепкий. Расчетная, боевая нагрузка самолета — тонна. Вы оба вместе весите не больше ста сорока килограмм. Он чуть меньше семидесяти, ты больше. Техники снимут вооружение, зальют горючего под завязку и полетишь, как миленький. Вот маршрут. — Дмитрий вывел на экран карту, ориентиры.

Пилот вник во все ориентиры, кивнул:

— Задача ясна, сделаю. Доставлю в целости и сохранности. Расстояние компенсирую высотой. Потолок самолета — пятнадцать километров. Если потом на бреющем полете на одном двигателе... — Пилот углубился в терминологию.

Дмитрий внимательно выслушал, кивнул:

— Идите, исследуйте самолет. За Скорпионом прибудете через два с половиной часа. Я вкатил ему дозу снотворного на три дня, но он проснется гораздо-гораздо раньше. В последнее время становится невосприимчив.

* * *

Святослав широко улыбнулся, завидев с холма дальние стены Царьграда. Два дня пути, и Константинополь узрит мощь мечей русичей. Цитадель распутства падет, давая рождение новому миру, новой империи от Волги до Адриатики, от Ладоги до Пелопоннеса. Центром мира станет Переяславль Дунайский. Знамя Перуна воссияет на ярком солнце. Род узрит могущество детей своих.

Скорпион погрузился, читая мысли предка. Призадумался, расставляя по полкам беседы с почившим волхвом, свое знание истории и намеки Рыси.

Великая получилась бы держава, несмотря на все старания новой веры. Навсегда заперла бы цивилизации Европы от полудиких кочевников Азии, как некогда павшая Троя. И не важно, что держава Святослава вряд ли переживет своего основателя. Пусть его сыновья или даже внуки поделят ее. Если б только Святослав прожил еще лет пятнадцать-двадцать. Лишь бы выросло новое поколение, привыкшее к существованию в едином пространстве. Поколение, привыкшее смотреть на достижения культуры Средиземноморья не как на откровения Неба, а как на добычу отцов. Чтобы славяне покрепче уцепились корнями за плодороднейшие черноземы Дона и Кубани. Одно поколение — и никаким половцам не

выжить их оттуда. И не будет набегов каждые три года. И Волга, и Поморье, и Посулье, и Сурож, и Корсунь, и Тмутаракань никогда не станут для русов становьем степных хищников, не своей землей. И Орда три века спустя упрется в густозаселенную, богатую и сильную страну вольнолюбивых, привычных к оружию подданных — казаков. Совсем иная Русь, даже если приняла бы павлианство, как вернее называть принятое Владимиром христианство.

Хотя, кто знает? История многовариантна. Как бились с кочевниками, так и сотрудничали. Фазы этногенеза. Кто-то на подъеме, кто-то падает во тьму веков. Многогранная история человечества. Почему всегда так хочется переделать историю по-своему, под свое мировоззрение и мироощущение? Прошлое нужно помнить ровно настолько, чтобы не переоценивать свое настоящее. В те далекие времена мир жил другими законами. И никто не знает, как перевернулся бы мир, поменяй в нем хоть что-то. Тем более продли жизнь такая влиятельная фигура, как Святослав.

Скорпион погрузился еще больше, сконцентрировался на вожде, стараясь понять, что же случилось на самом деле.

Русый длинный чуб упал на голое плечо двадцативосьмилетнего князя. Изрезанное вязью татуировок правое плечо напряглось. Ладонь крепко сжала эфес богатырского харалужного меча из лучшей булатной стали. За плечами висели простые, добротные ножны — князь роскоши не любил, ценил простоту и удобство.

Обереги и свастики на руках князя отражали лучи светила. Вязь орнаментов и оберегов солнца, Рода и Природы, сплетались на груди с парящим соколом — тотемом деда — Великого Рюрика. Балтийского славянина, сплотившего разрозненную проклятой Византией Русь.

Волхвы украсили руки конунга еще по молодости, когда, побывав в проклятом всеми богами Константинополе, с негодованием отверг предложение матери принять рабское крещение. Того позора, что пережила вольнолюбивая душа руса в двуличном граде, простить матери не мог. Не зря дядька Олег Вещий, двумя тысячами ладей взял лживый город, да отец — Великий Игорь, уйдя от греческого огня, через три года пришел и отомстил за поражение.

Скорпион едва не выпал из родового сна — с татуировками оказался прав. Собственные глаза не обманывали.

Святослав повернулся. Широкая, добродушная улыбка голубоглазого князя взяла за душу. Пышные усы блестели на солнце, подбородок брит, кожа оскоблена ножом до синевы.

Скорпион был готов лить слезы, рассматривая при жизни рослого, широкоплечего князя, разбившего державу-вампира — иудейский Хазарский каганат. Страну работорговли, что полтора столетия не давала покоя Руси, собирая кровавую дань «белыми девицами», дочерьми, да мечами булатными, лучшими мечами того времени, что для каждого славянина был как сын. Гений полководца из рода ясных соколов молниеносно, с малой дружиной в один, 965 год от рождества христового, разбил орды самого лютого врага на его же территории. В степях, где славянам было биться не с руки, не привычно. Ударил в самое сердце, разбив у столицы Итиль тридцатитысячное наемное войско.

Вот кому надо было памятники по всей Руси ставить, Святославу Храброму, а не красной угрозе здравому смыслу в лице дядюшки Ленина.

— Отец!

Скорпион обернулся вместе со Святославом.

К вершине холма спешил паренек лет двенадцати с длинным русым чубом и такими же голубыми глазами, как у отца. Точная копия князя. Молодой княжич.

Стоп.

Скорпион судорожно перебрал в памяти даты, приметы известных сыновей Святослава. Княжич не был похож на Ярополка, тот должен быть старше, должен был остаться в Киеве. И не Олег, тот чернявый, правит во Вручье (ныне Овруч), столице древлянской вместо сожженного Ольгой Искоростеня. Даже не Свенг, боевой сын, который ходил с отцом на Хазарию, да остался править теми землями под Тмутараканью. Летописцы нарочно предадут

его имя забвенью, словно и не было. По всей истории о нем напомним лишь византийцы, обронив, что сын Святослава Свенг сильно помог подавить мятеж в 1015 году в крымских владениях Византии, взяв в плен мятежного князька — крещеного хазарина Георгия Чулу. Паренек ни в коем случае не был похож на Владимира, тот сослан в Новгород, упрямым боярам на потеху. Святослав проклинал день, когда испив ромейского вина поддался соблазнам Малуши. Добран или Добрыня на новый лад, подобрал точное время, чтобы подложить рабыню на ложе, а потом испросить новгородских послов взять младого Владимира себе на княжение, под свое воспитание. Он исправно отработал долг рабовладельческим кланам Хазар, человеконенавистникам со своими понятиями и верованиями. Робичич, сын рабыни, был хазарской крови. Отродьем того государства, что травило Русь и которому Святослав вонзил в грудь меч. Но никак не мог догадаться, что по клинку того меча руки коснется незримый яд.

Святослав не любил незаконнорожденного ребенка, вспоминая единственную слабость жизни, что так плачевно обернулась для Руси в дальнейшем. Но убить не поднялась рука, хотя по традиции балтийских славян, от которых происходил его род, отец мог убить нежеланного младенца. Это было в порядке вещей. Но дрогнуло сердце князя.

Скорпион записал в память образ молодого княжича, чувствуя, что что-то незримое тянет назад — действие лекарства заканчивалось. В голове прокатился печальный сумбур. Так кто же этот княжич? Пятый сын Святослава? Младший? Самый любимый, которого взял с собой в поход? Истинный наследник?

Какая теперь разница? Повторение прошлого ведет к повторению его последствий. Прошлого нужно помнить ровно настолько, чтобы не переоценивать свое настоящее.

* * *

— Княжич! — закричал Скорпион, просыпаясь. — Княжич!

В уши ударил свист турбин, тело ощутило вибрацию, осознал себя в тесной кабине, парящим высоко над землей среди янтарных облаков заходящего солнца.

— Парень, ты поаккуратнее, кабинка одноместная. Я хоть и снял все вооружение, но ежели кнопку катапультирования нажмешь, нам не повезет, — раздалось откуда-то со спины. — Я хоть и верю в реинкарнацию, но умирать по весне не с руки. Солнца еще не наглотался.

Скорпион собрал мысли в кулак, заставил сердце успокоиться, повернул шею. Периферийное зрение уловило шлем пилота, худощавую фигуру в сером защитном комбинезоне. Вспомнил свои последние шаги перед родовым сном.

Батя! Опять со своим лекарством намудрил? Все не верит, что тренированный организм может и без сна, просто надо нормально перестроиться. Надо будет сделать организм полностью невосприимчивым к снотворному. Может, пригодится когда-нибудь. Кто знает?

— Мы в самолете, что ли? — бросил Скорпион через плечо.

— Так точно, — ответил пилот. — В самой середине, точнее в клювике... В общем, сиди и не вякай.

— Он же одноместный!

— Я тоже пытался твоему отцу объяснить, но... не поверил. Так что не ерзай, ног уже не чувствую. Хорошо, что педалей нет, так бы разбились.

Скорпион почесал нос, хмыкнул. Незаметно на половину уменьшил вес тела, сонно спросил:

— А куда летим?

— В тайгу твою. Природу, мать ее... А-а-а, ноги что-то отекают. Ты никак лишний вес сбросил? Я что-то в шлеме ничего не чувствую, насморк.

— Слушай, не умничай, а то сам поведу. Нас немного учили. Это же почти как танк?

— Вот уж нет, — запротестовал пилот, — штурвал не отдам. Из танка можно вылезти,

а отсюда только катапультация или головой вниз. Но гравитация не простит. Злая она какая-то последние миллиарды лет. Не Луна все-таки.

— Долго еще? — сонно бросил Скорпион.

— Со скоростью 1800 километров в час? Еще минуты три. Сейчас пойдем на снижение. Держись. База передает, что к нам спутник стал присматриваться. Надо под облака. Подальше от всевидящего глаза глобального предиктора.

Внутренности взмыли в небо. Желудок попросился на выход.

— Хорошо, что не ел третьи сутки, не до еды. А то бы не до предиктора, — пробурчал Скорпион.

— Да ладно, там под ногами тряпочка есть, отмыли бы. — Ответил пилот, сбавляя скорость. Серебристая птица пропала в облаках, нырнула к земле. Пилот напомнил. — Дмитрий Александрович говорил, что ты любишь нагрузки.

— Люблю. Только со своим полным весом! Хочешь еще раз ноги отсидеть? Я могу вернуть свой полный вес! — закричал сквозь поднимающийся гул Скорпион.

— Нет, нет, нет, вон уже твоя полянка, твой лесок. Деревца там всякие. Это такие палки, торчащие из земли, порой с листьями. Сейчас опушечку какую-нибудь найдем, и будешь гулять на воле. А там уже делай, что хочешь. Я на базе насмотрелся на твои способности. Я лучше в небе летаю, не готов я еще к таким зрелищам.

— Совдеп, — обреченно прошептал Скорпион, — верите только в мумию и субботник. Если б не Королев, я вообще бы в вас разочаровался.

Сопла поменяла расположение на девяносто градусов. Турбины добавили мощности, удерживая на весу железную птицу в горизонтальном положении. Пилот сверился с дисплеем в шлеме, сориентировался и посадил самолет на одной ему видимой полянке.

Крышка кабины отворилась, впуская свежий теплый воздух и звуки леса. Скорпион перегнулся через край, повис на руках, прощаясь с пилотом.

— Спасибо, что подбросил. Скажи Дмитрию, чтобы кто-нибудь из ребят мотоцикл к условному месту в воскресенье вечером подогнал. Пешком на экзамены не успею.

— Передам. Обязательно передам. Ну, все, хлопец, гуляй, а я полетел. Керосина может не хватить. Не хотелось бы потом пешком до базы. Не здешний я, заблужусь.

— Не переживай, Дмитрий в один из приоритетов развития поставил переход сначала на твердое топливо, а потом вообще что-то жутко фантастическое получится. В следующий раз точно долетишь. Не все так плохо.

— Будем надеяться.

Скорпион отцепил руки, падая с высоты двух с лишним метров в траву. Приземлился с перекатом. Обежал на безопасное расстояние, махнул пилоту.

Стекло вернулось на законное место, отрезав пилота от внешнего мира. Сопла загудели, взвыли, сжигая траву и выкидывая в воздух едкий дым. Як-141 оторвался от земли. Пилот поигрался с пультом, заставил «птичку» махнуть крылом, потом носом и резко стал набирать высоту. Взмыл в небо.

— Вот и инопланетные технологии. Вместо многомиллионных фильмов ни о чем лучше бы науку развивали. И не так бы летали, — пробурчал Скорпион, провожая птицу под прощальные лучи заходящего солнца.

Вечер плавно вступал в свои права. Солнце опускалось за видноту, окрашивая небо кистью незримого художника в малиновые оттенки. Скоро наползут сумерки, зажгутся первые звезды.

Скорпион вдохнул полной грудью, ощущая, как соскучился по природе. Повернулся и невольно вздрогнул. Перед глазами во весь статный рост стоял хмурый Рысь, скрестив руки на груди. Русые длинные волосы трепетали на ветру, синяя повязка на лбу сдерживала лишь малость.

— Я рад тебя видеть, долго ждал. Но раньше ты пешком приходил. Времена изменились или повзрослел?

— Прости, брат. Опаздывал.

— Дело не во времени. Мне пришлось порвать защитный кокон непрогляда, чтобы самолет совершил посадку. Я его полгода налаживал, сам знаешь. Мне до возможностей деда еще шагать и шагать, все приходится своим трудом, путем проб и ошибок... Эх, устал я что-то.

— Да не моя вина, брат. Отец вмешался, все карты переиначил.

— Ну ладно, чего на родню пенять? Рад тебя видеть. Пойдем, чаю попьем, — Рысь улыбнулся, суровый взгляд растаял.

Брат крепко обнял. Вдвоем пошли к дому, где на веранде уже парил самовар и воздух смешался сладкими привкусами печеных угощений.

— Брат, я тоже рад, — Скорпион замедлил шаг, — слушай, я пока летел, мне сон один родовой приснился. Забавный такой. Ты знаешь о пятом сыне Святослава?

Рысь невольно остановился, печально выдохнул:

— Мечеслав? Ну откуда ты знаешь про Мечеслава?

— Я не знал, как его звали. Я не досмотрел. Времени не хватило.

Рысь первым взобрался по крыльцу, разлил по тарелочкам чай, придвинул фиалки с пятью сортами меда. Убрал тряпицы с тарелок, полных сладких ватрушек, печенья, бубликов, снова вздохнул:

— Все-то ты знаешь. Я сам недавно докопался.

— Ну, рассказывай, рассказывай.

Скорпион старался не смотреть на накрытый стол, но подлое зрение послало сигнал мозгу, что под руками еда, ресурс. Обоняние тут же уловило тепло, свежесть печеного. Даже ветерок вступил с ними в союз, нагулял аппетит. Мозг взбунтовался, отвоевав себе часть тела. Рука своевольно потянулась за добычей, пальцы цепко вцепились в мягкое, горячее слоеное тесто.

— Мечеслав, младший и любимый сын князя. Ему Святослав Хоробрый пророчил владение своей империей, что построит после взятия Константинополя. Двенадцать весен парнишке было. За два дня до рокового события доказал свое право на ношение взрослого оружия. Ты же помнишь, сколько весил взрослый харалужный меч?

Скорпион кивнул:

— Не всякий взрослый воин поднимет. Но там все богатыри были, лентяев в дружине Святослава не наблюдалось, сам ратным был и другим спуску не давал. Этого даже летописи выкинуть не смогли.

— То-то и оно, — подтвердил Рысь. — Не привык паренек к новому мечу, а старый уже взять не мог...

— Драка? Битва? Что там было? — Скорпион безжалостно поглощал труды долгих часов старания Рыси за русской печкой.

— Тут сразу и не объяснишь. В дружине князя были не только русичи. После побед к нему присоединились и болгары, и племена печенегов, и местные проводники, наемники. Непримиримые враги шли за Святославом рука об руку, разногласий не было. Ты же знаешь, как обычно воюют печенеги?

Скорпион попытался ответить, но булочка, как на грех, не позволяла открыть рта.

— Ладно, сам скажу. Печенеги — кочевое племя. Нападут быстро, затем резко отступят, осыпая контратаку врагов тучей стрел, потом снова нападут и так много раз.

Скорпион кивнул.

— Но слишком долго воевали с князем рука об руку, отвыкли отступать. Стяги князя не знали поражений. Ни разу.

Скорпион перестал жевать, весь превратившись в слух.

— Вард Склир, крещенный печенег, полководец византийцев, ночью вышел из стен Аркадиополя. Это городок такой был перед Царьградом. Мощный городок. В общем, вышел и напал на засадные полки — печенегов-союзников Святослава. Те, узрев земляка-предателя, двинулись на пролом покарать мерзавца, поломав строй. — Рысь примолк, вспоминая подробности, добавил, — кстати, общее войско Святослава не превышало пятидесяти тысяч

человек. Хитрые ромеи загодя до этого, уточняя количество дани, спросили о точном количестве воинов. Святослав назвал цифру, в два раза превосходящую его войско — сто тысяч. Император Византии, не медля, собрал всю казну, ободрал подданных до последнего золотого и насобирав наемного и своего войска на двести тысяч конных, мечей и топоров. Воины со всех стран с лучшим вооружением, закованные в железо, конница, лучшая армия, превосходящая войско Святослава в четыре раза.

— Это знаю, ты про драку, про драку давай.

— Экий ты боевой, все тебе мечом махать. Ну ладно. Так вот. Завязалась драка. Но печенеги... не отступили! Полегли все, как один. Битва была жесткой, разгорелась по всем фронтам. Святослав с воеводами рубились на другом краю поля, а Мечеслав, углядев прореху в обороне, повел ближайших русичей закрыть брешь. Охрана не поспела за княжичем. Малолетний Мечеслав, едва удерживая тяжелый меч в руках, столкнулся лицом к лицу с массивным богатырем — Вардом Склиром, рослым полководцем, что побывал не в одной сече. Рубака, как ты понял, отменный. Меч Мечеслава чиркнул по шлему полководца, но ответный удар сразил княжича. Византийские хроники гордо ознаменуют этот бой, как победу прославленного ромея над воеводой диких варваров. Мужик ребенка зарубил. Доблестный герой, — Рысь замолчал, рассматривая первые вспыхнувшие звезды в чернеющем небе.

— Но на этом история не закончилась? Святослав-то не умер, как я помню. — Спросил Скорпион.

— Не умер, — подтвердил Рысь. — Четырехкратно превосходящее войско не смогло одолеть потрепанные отряды северного князя. Император Цимисхий запросил мира. Собрал все оставшееся золото и велел дипломатам во что бы то ни стало запросить примирения у грозного варвара. Святослав трижды проклинал ромеев с их золотом и собирался стереть Царьград с лица земли. Никакие подношения не могли замолить его мести, но...

— Что но? Всегда это «но»! Что у нас за история такая, если везде сплошные эти «но»... — забурчал Скорпион.

— ...но один из дипломатов догадался в очередной раз прихватить с собой меч убиенного сына Святослава. И как только горящие очи отца узрели оружие любимого сына... Святослав сломался изнутри. Подписал мир, собрал золота на живых и на павших. За каждого убиенного, его семье взял золота. И уплыл на многочисленных ладьях морем на север, в родные края.

— Но не дошел... — выдохнул Скорпион.

Рысь кивнул.

— Цимисхий тотчас послал послов к печенегам, наклеветал, что Святослав повинен в гибели их людей. А тут еще как назло армия Святослава разделилась. Он послал головной, лучший и больший отряд в Киев с добычей, а с малым, ранеными и младшими воинами, остался на зимовье, ожидая возвращения подмоги с Киева.

— Но подмога не прибыла, — печально добавил Сергей.

— Слишком сильна стала фигура нового «Македонского» в мире. Византия приложила все усилия, чтобы осерчавшие печенеги встретили его по дороге. Христиане Киева также осознавали свою второстепенность в случае переноса Святославом столицы из Киева южнее.

— Все-таки снова пре-да-тель-ство, — протянул Скорпион.

Рысь кивнул.

— Один из воевод — Свенельд, христианин, не довел дружину на помощь Святославу. Князь, как и большинство воинов, были язычниками. Свенельд был куплен Византией. Клятва князю оказалась легче пуха. Малому отряду, пережившему зиму и изъевшему все припасы, пришлось встретиться с печенегами один на один. Ты же знаешь, что значит разочароваться в кумире. Они почитали Святослава, как полубога, великого героя, а он заключил мир с презренными ромеями... В той битве Святослав не вынимал из ножен меча, убитый гораздо раньше, под стенами Царьграда. Его убили не печенеги. Его убила боль потери любимого сына. Домой в Киев не спешил. Он не любил дворовое лицемерие, бояр и

вечные заговоры. Это был настоящий князь, последний конунг. Но настоящих всегда боятся...

В груди что-то потухло, оставив звенящую пустоту.

Почему так всегда в истории? Что за злой рок над державой — терять лучших и достойнейших, предавая праху времени их заслуги? Страна, что не помнит своих героев, обречена...

Слова сами сложились в стихи. Губы зашлепали, чеканя каждый слог:

Ты не предал Перуна,
Отличал Навь от Добра.
Мать хотела окрестить —
Только волей жить привык.
Ложь не принял, не привык
Ты по чьей-то воле жить.

Грудь обожгло огнем, привстал и продолжил, повысив голос:

Царь царей, тебе хвала!
Ты избавил мир от зла.
Как Хазарский каганат
Навсегда попал в свой ад,
Так и орды печенегов
Оставались без набегов.
Мир спокойно процветал
Пока Святослав не спал.

В памяти всплыли глаза Мечеслава и образ князя, что отражался в глазах мальчугана. Слова шли из души сами:

Князь, велик был твой успех,
Ты сражался без доспех,
Чуб твой огненный пылал,
Ты «Царемь Болгарам» стал.
Русь крепил, мирил Славян,
Раны с детства презирал,
Ты почти что богом стал...

Каганат, работоторговцы, освобожденные пленные, что не надеялись обрести свободу. Страх Цимисхия. Ужас ромеев при слухах о приближении северного князя.

Второй Рим боялся дня,
Твоего меча, коня...
Ты кричал: «Иду на вы!»
И враги поражены.
Слава, память и завет,
Только Святослава нет.
Мир боялся божества —
С юга шла твоя гроза.

Битва с ромеями, пыл схватки, сердце больно бьет по груди, предчувствуя несчастье. Глаза ловят в толпе телохранителей сына, но напрасно — он на другом краю сечи.

Сын убит, ты весь в слезах,
Братец предал на глазах.
Воевода подкуплен,
Это есть — христов закон.
Ложь, коварство, клевета
И судьба твоя одна.

Мир? Зачем мир? Ради чего? В столице не ждут. Дома нет. Ради кого покорять мир? Ни любви, ни сына. Шакалов все больше и больше подле раненого льва.

Печенеги тебя чтили,
Византийцы всех скупили.
В ход идет святая ложь,
И убийцам невтерпеж.
Ты устал, шакалов тьма...
Так пришла твоя зима.

Свенельд вступает в Киев с большой дружиной. Пир. Бояре решают сменить князя. Посол скачет к печенегам. Все. Снова шайка тайных заговорщиков решила судьбу.

Сколько подвигов? Не счесть!
Только в мире правит лесть.
Святослав, ты лучшим был,
Покорил бы ты весь мир,
Только крест сломал людей...
С тех пор это мир зверей.

Рысь долго молчал, переваривая порыв души младшего брата, наконец, обронил:

— Святослав один из тех, кто сдобрил землю русскую, сделал обильнее и защитил от врагов. Ты его потомок. Твоя воля посадить и вырастить на этой земле дивные всходы. Стальная воля и желание соберут добрый урожай. Будет хлебородный год. Прошлого не вернуть, но создай настоящее, верши будущее. Попробуйся, как пытался великий князь, радатель своей земли. Пусть современники и не поймут многих дел, но потомки оценят. Высоко оценят. Докопаются до истины.

— Брат, я понял, что значит тринадцатая ступень. Я понял, что значат «зародыши семян во влаге». Это наши безграничные возможности, то самое «могу», которое превратится в «сделал».

Рысь улыбнулся.

— Спасибо, брат. Какая следующая?

— «Травы и деревья».

— Значит, будем растить урожай. Скоро постигну и эту.

— Я верю в тебя. У тебя все впереди. Достань, наконец, до звезд, как не смогли другие. Достань и другим позволь... достать.

Молочные точки над головой словно вспыхнули ярче, за горизонт свалилась падающая звезда. И шепот трав и деревьев докатился до слуха яркий, живой, родной. Своя родная природа дала сил и веры в новые свершения, новые силы. Боги стихий всегда были с человеком, давали сил тем, кто был способен слушать и слышать.

— Жениться тебе надо, Рысь. Сколько еще в одиночестве сидеть будешь?

Брат поднял полные тоски глаза, приподнял уголки губ:

— Помнится, ты сам хотел остаться здесь навсегда. Одиночество не беспокоило.

— Увидел рыжую и сменил мнение. Зачем еще жить, как не ради любви?

— Все-то ты верно говоришь, да кто ж пойдет за отшельника? Кому нужны те знания,

что я собираю и охраняю?

— Вторая половина все поймет. Ты просто должен ее найти. Найти свою берегиню. Глаза все расскажут сами.

— Взрослеешь, братишка. Да нельзя мне отлучаться. А сама вряд ли забредет. Под лежащий камень...

Ложь во благо — святость.

— Рысь, ну что ты здесь охраняешь? Меч Славы у меня. Он никому не нужен — спалит любого, кто коснется, кроме меня и самого князя. Само место? Знания то в тебе.

— Ох, не знаю. Просто надо так и... все.

Да что ж я делаю? Он не намного старше меня, прислушается еще...

— Раз надо, то я сам найду тебе вторую половину. Найду и приведу. Даю слово.

Рысь широко улыбнулся. Глаза вспыхнули печальным огнем мудрости. Отвел печальный взгляд, обронив:

— Пусть тебе повезет. Сложно беречь древние знания в двадцать восемь лет...

А- а-а, в точку, брат.

— ...сложно одному, но не вдвоем, — добавил вслух Скорпион. — Знаешь, чего не хватает вот здесь, сидя на веранде?

— Волхва и волка?

— Их тоже. Но больше не хватает детского смеха и дюжину больших красивых глаз. Где мои племянники и племянницы?

— Все, не тревожь больше душу, — взмолился Рысь. — Уйду, и не найдешь.

— Я дал слово. Я слова держу. Сам знаешь

Невольные братья судьбы еще долго сидели на веранде, коротая время беседами. Сон смог совладать с обоими лишь далеко за полночь.

* * *

Восходящее солнце бросало косые лучи прямо в глаза, светило ярко и безжалостно. День будет жарким и душным.

Пиджак сидел на широких плечах непривычно, делая их еще больше. Рубашка и брюки выводили из равновесия, заставляя нервничать. Не привык к такой одежде. Больше военный комбез по душе, чем бабочка на шее. Хорошо хоть от галстука спасся. Удавку галстука на шее вообще не понимал. Зато прекрасно помнил ее предназначение. Слабо немало усилий приложил, чтобы вбить постулатом в головы людей о необходимости носить на шее хоть что-то. Вне зависимости от времени года. Не удавку и веревку для овец и коз, так хоть галстук. Все одно ассоциации с ведомыми.

Скорпион выделялся на фоне одноклассников размером плеч, статью, длинной прической и огнем в глазах. Словно тот самый северный варвар среди перепуганных ромеев.

Василий затряс за плечо, выдавая порцию паники:

— Что-то у меня действие валерьянки заканчивается. А ты пяточок в туфлю положил?

Сергей бросил взгляд на ненавистные туфли, что за пять минут умудрились натереть все пальцы — воистину! Самая неудобная в мире обувь! — ответил:

— Ты-то чего переживаешь? Зачем тебе пяточок? Ты знаешь больше, чем все здесь вместе взятые. Причем только одну, официальную историю. С другой не перепутаешь, напишешь все, как по учебникам. Только если скажешь, что американские танки под Москвой остановили Гитлера, получишь персональный перелом носа... по-дружески конечно, по-свойски.

Вася округлил глаза:

— Я не до такой степени доверяю учебникам, я с фронтовиками общался. Помню. Последних застал. Так что на реформы положить.

Скорпион ощутил посторонние пальцы на плече, повернулся. В глаза смотрела одноклассница Катюха, весело прощепетала:

— Привет, Скорпион. К экзамену готов? Пятачок под туфлю положил?

Сергей воздел глаза к небу, обхватил лицо, взмолился:

— Да учил я! Учил! Хоть и некогда...

Учительница собрала детей, зашептала всем перед сортировкой:

— Все пяточки под туфли положили?

— Все! — грянули одноклассники.

Скорпион треснул себя по лбу, прошептал:

— Да когда этот ужас кончится?

Из школы грянули порции учителей с табличками групп. Школьный двор загомонил. Каждый на секунду превратился в индивидуума, осознавая свой номерной знак с искомой аудиторией. Разбились по группам, испытывая и без того новую порцию стресса. Вдобавок из школы вышел кордон из нескольких охранников, директора, завуча и комиссии. Дети группами двинулись сквозь этот недружелюбный живой коридор, где цепкие глаза совдепа упорно подозревали всех в наличии шпаргалок, за поимку с которыми обещали немедленный ноль баллов и возможность передачи лишь в следующем году.

Скорпион вздохнул, возвращая потерянный настрой. Двинулся за своей группой последним. Хотелось напоследок вольным воздухом подышать. Суету, что творится внутри школы, не любил.

— Стой! — Выдернул за локоть из группы толстый охранник. — Паспорт! Что-то рожа у тебя не больно ученическая.

Скорпиона приподнял бровь, холодно ответил:

— Мужик, ты как разговариваешь? Рожа у тебя. У меня лицо. Или лик. Суровый, грозный лик. Понял?

Толстые пальцы сдавили плечо, скучающий охранник недобро улыбнулся:

— Паспорт!

Зубы сжались в плотную линию, прошептал, закипая:

— Руки убери, животик пивной! Тебя любой террорист мордой в пол уложит прежде, чем ты скажешь: «Здравствуй».

— Паспорт, засранец! Или не пуцу!

Скорпион схватил руку охранника, с легкостью заломал, ткнул пропускной бумагой в самую морду охранника:

— Паспорта у учителя, дегенерат! Сам же видел, все прошли со специальными бумагами, на которые обменяли паспорта у учителей. Мозг включи. Вот бумага! Еще бы в детском саду в Рембо начал играть. Совсем что ли с ума сошел? Ты где служил?

— Пусти, сученок, я тебе сказал... — снова начал гнуть свою линию охранник, пытаясь освободиться от захвата. Пузо мешало, ничего не выходило.

Скорпион не стал дальше спорить — бесполезно. Ткнул пальцами в солнечное сплетение. Усадив отключившегося охранника на стул, пошел к искомой аудитории на третий этаж.

— Корпионов? — выбежала одна из назначенных смотрящей.

— Да, — кивнул Сергей.

— Садись быстрее. Уже несут бумаги.

— О, Провидение, да что за суета? Ну, опоздал бы на минуту и что? Четыре часа все-таки экзамен.

— Как можно? Как можно? Ты должен подготовиться... — затараторила училка.

— Ага, посидеть и понервничать, разгрызая карандаш, — обронил Скорпион, занимая положенное место.

Суета, нервы, еще этот охранник. Все выводило из равновесия.

— Карандаши не положено, только ручки, только черная паста, — заспорила вторя надзирательница.

— Спокойно! Спокойно! — Вспылил Скорпион. — Просто дайте мне этот чертов пакет с заданиями, и я понаставлю галочек строго в положенных клеточках для тупой машины

кустарной сборки-производства, что не может отличить единицу от семерки. Пара старушек помогут ЭВМ повысить уровень производительности...

— Молодой человек, как вам...

Скорпион молча подошел к столу, схватил один из пакетов, вскрыл, сел за парту, приступая к заданию.

— Как вы можете! Не положено! Мы должны сами строго ножницами... — зашебетали надзиратели.

Скорпион треснул ладошкой по парте, закричал:

— Так подайте на меня в суд! Только не мешайте писать! — и про себя додумал. — Сколько миллионов потратили на всю бумажную волокиту? С кого-то надо снять денег, чтобы бюджет не лопнул. Шаг влево, шаг вправо от установленных норм — расстрел или не поступишь в институт. Сколько Золото денег вложил, чтобы выбить из России здравый смысл? Или все-таки Слабо? Предстояло разобраться и перерубить этот канат, пока есть, кого спасать.

В надзирателях возобладал здравый смысл над инструкциями, сели по разным углам класса, оставив в покое Сергея и прочих экзаменуемых.

Скорпион быстро заполнил бланки, приступил к заданиям класса «А». Скрипя зубами, за двадцать минут выполнил и заполнил почти все задания. Формулировки вопросов подавались таким образом, чтобы выкинуть из головы все, что знал, запутать и понизить интеллект:

«Как звали князя Владимира?»

1) Красное солнышко 2) Черная заря 3) Владимир 4) Вадим.

«Что конкретно имел в виду Святослав, говоря: «Иду на вы!»?»

1) Осторожно, затопчу 2) Главная дорога, имею право 3) Сбор налогов 4) Вызов на «разборку».

«Кто такой Вещий Олег?»

1) Калика перехожий 2) Бард 3) Князь 4) Хиромант

Скорпион сжал ручку, выдохнул сквозь стиснутые зубы. Все, с министром образования личные счета. Каждый год все больше и больше недоразумений.

Следующий вопрос чуть не лишил разума:

«Назовите дату основания Руси».

1) 1999 г. 2) 1991 г. 3) 1700 г. 4) 988 г.

Руки потянулись изорвать листы в клочья. В памяти всплыли три даты. Волхва, разумная и официальная.

«Запомни, Скорпион, Руси 32 514 лет». Дед помнил первую дату, до переписываний. Но доказать ее официально не мог, летописи были уничтожены при крещении Руси. С тех пор прошло три года. Сейчас Руси 32 517 лет.

«В лето от сотворения мира Славяне ведут свое летоисчисление». На современную хронологию дата от сотворения мира — 5508 год до н. э. Значит, по этому исчислению Славянству Руси 7517 год. Но и эту дату официальная история не допустит. Огромное количество археологических находок и работ историков не в состоянии изменить консервативный взгляд системы. Незнающими управлять проще.

Но как могли низшей планкой поставить дату крещения Руси как образования Руси? А где тысячи лет родоверия, исконной религии славян? Той, что ромеи назовут язычеством. Они все религии, что не их, звали язычеством, от слова «языки». Где тысячи лет ведизма?

Стоило больших трудов для сердца патриота перейти к заданиям «В». Вопросы там звучали более конкретные, без вариантов ответов:

«Каким словом можно было охарактеризовать настроение населения после кризиса августа 1998 года?»

«Как вы относитесь к МММ?»

«Сколько роковых августов было в истории России?»

Скорпион положил голову на парту. Ярость сменилась отчаянием. Накатила волна

грусти, прошептал:

— Такую страну даже не надо завоевывать. Сами сдались. Никакие войны не причинили больше вреда, чем причинили себе сами по вечным недоразумениям.

— Молодой человек! С кем это вы там разговариваете? Быстро мобильный убрали!

Скорпион поднял голову. Расхотелось даже спорить. Когда убивают изнутри, на внешние факторы мало обращаешь внимания. К тому же глаз зацепился за первый вопрос уровня «С»:

«Сталин — враг человечества. Назовите не менее десяти причин ненавидеть Сталина».

— Все, хватит! Я ухожу. С таким бредом и в институт расхотелось поступать. — Скорпион приподнялся из-за парты.

...Но судьба преподнесла новый виток развития.

Кто-то решил иначе.

В класс ворвались двое рослых парней в черных масках с автоматами АКМ на перевес. Автомат всех времен и народов служил всем людям одинаково. Учительнице, оказавшейся ближе всех к двери, достался удар прикладом в лоб. Женщина рухнула на пол, теряя сознание. По лбу потекла струйка крови. Вторую смотрящую один из налетчиков схватил за волосы, кинул на пол, наступив тяжелым ботинком на шею.

— Мордой в пол! Быстро! Лежать, свиньи! — С горским акцентом закричал один из налетчиков.

Что ж, толстый охранник вряд ли добился от террористов паспортов.

Дети попадали на пол в чистых рубашках, сорочках и пиджаках, как гроздь спелого винограда. Скорпион не стал торопить время, лег рядом. Сначала стоило оценить обстановку, прежде чем начинать бой. Сколько человек в масках в школе?

Первый налетчик приложил к губам ушко рации, доложил по-арабски. Скорпион улыбнулся, понимая язык:

— Ахрам, дети шайтанов лежат лицами в пол. Сопротивления не было. Все по плану. Ждем тяжелого оружия, оцепления и репортеров. Шумиха поднимется изрядная. Да пребудет с нами Аллах.

— Все будет вовремя, Ишмек. Аллах поможет своим детям.

Скорпион рефлекторно увеличил диапазон слуха, чтобы расслышать, что донеслось от наушника.

— Слушайте меня, — заговорил Ишмек на русском языке с сильным акцентом. — Кто не хочет отправиться в ваш христианский ад раньше времени, лежите и не двигайтесь. Одно движение, и я спускаю курок. Шайтан моментально заберет ваши неверные души, и бросит на раскаленные пески.

Скорпион задавил гнев души. Хотелось высказать Ишмеку все. И про Шайтана, и про священную войну вместе с Джанной⁶. Но вряд ли фанатики станут слушать. В тренировочных лагерях в головах давно стерлись понятия о человечности. В настоящий смысл Корана никто не вникал...

Один из одиннадцатиклассников что-то запричитал, роняя слезы. Нервы от экзаменов сдали окончательно, направленный в спину холодный ствол автомата убрал все последние преграды и заслонки мозга. Второй налетчик закричал, неестественно засмеялся, словно под воздействием наркотиков, пнул ботинком под ребра пацану.

— Спокойно, Махед, — обронил по-арабски Ишмек, — помни, наша задача не в захвате заложников. Нам главное спецназ «Альфы» дожидаться. Дождаться штурма и положить всех до одного, как самых опасных антитерроров. За свободу Кавказа, за свободную Ичкерия. Телевидение растиражирует этот сюжет по всему миру. Нейтральные братья по вере положат на счета еще больше денег. Знамя полумесяца пойдет по миру гораздо быстрее. Русские отдадут нам все земли, а сами зароятся в грязь, и будут лежать там

⁶ Джанна — мусульманский рай.

как свиньи, кем по существу и являются...

Скорпион прокачал тело до тринадцатой подвластной ступени. Время вокруг замедлилось, сам ускорился во временном потоке. Мозг отключился, выпуская ярость. Сорвался в движение, как взведенная пружина.

Длинный нос Ишмека расплющился от мощного удара. Кости воткнулись в мозг. Террорист молча рухнул на колени, не веря в неожиданную смерть.

Ступай в свой рай, девственницы заждались.

Махед заметил смазанное движение. Автомат из рук перекочевал куда-то в сторону и приклад в два удара раздробил затылок. На глаза навалилась темнота. Совсем не так он представлял героическую смерть. Она должна была случиться на вершине горы, под открытым небом, чтобы Аллах забрал душу верного бойца напрямую, чтобы зрел подвиг прямо из-за облаков. Все не так. Он, верный меч ислама, должен был до последнего патрона отстреливаться от неверных, но не так... Совсем не так.

Скорпион не стал останавливаться в классе, успокаивать народ, отвечать на вопросы. Потеря времени недопустима. То, что о нем подумают сверстники или учителя — за это пусть отвечает официальное начальство в лице Никитина — интересно, он успел уволиться? — Его же задача спасти жизни детей, учителей и «Альф».

Кавказу несладко придется без спецгруппы быстрого реагирования высшего уровня. Страна не может терять таких бойцов. Жертвы среди мирного населения возрастут во сто крат.

Сбросил пиджак и туфли и коридор донес до следующего класса быстрее, чем раздали шаги. Двигался на сверхскорости, срывая не разогретые мышцы и жилы, травмируя связки. Не до них сейчас, время дороже.

Дверь была отворена. Налетчики прислушивались к происходящему в коридоре, заложить вход партами не успели. Ворвался внутрь горячим ветром Аравии. Палец спустил предохранитель, и два одиночных выстрела продырявили лоб и затылок зверей в масках.

Снова коридор, снова бегом, темп. Стоит успеть как можно больше. Надо облегчить задачу своим парням. Необходимо успеть зачистить хотя бы часть этажа, хотя бы одно крыло, чем больше снять, тем парням будет проще...

Третью дверь с лету выбил ногой. Удачно задел дверью единственного на класс налетчика. Еще одна пуля покинула обойму.

Судить таких людей будет система. Антисистема велела сердцу спускать курок на месте по законам разума. На Востоке это называлось законом Шариата, на Западе — судом Линча. В стране двуглавого орла пусть зовется законом разума.

Забрав запасной рожок и две гранаты с пояса бандита, Скорпион помчался дальше, стараясь не встречаться взглядом с бывшими заложниками. Для них парень одногодка, раскидывающий террористов, должен выглядеть как минимум странно. Будет чем поделиться в компании сверстников, распивающих пиво на лавочках в каждой подворотне.

Последним помещением, что успел зачистить перед поднимающейся тревогой среди террористов, была библиотека. Налетчики приспособивали склад макулатуры в качестве склада оружия. Каково же было удивление фанатиков, когда вместе с выломанной дверью в проем влетели две гранаты.

Скорпион заткнул уши, прижимаясь спиной к стене. Грохот вынес стекла, взметнул из прохода облачко белого дыма.

Задерживая дыхание, Сергей ринулся в пролом.

Двое в масках, которые ближе всех оказались к эпицентру взрыва, не подавали признаков жизни, изорванные осколками. Третий истекал кровью, придерживая внутренности. Рыдал и выл. Он пришел забирать жизни и не допускал мысли, что самому придется оказаться в роли жертвы. Последний бандит без маски, с большой черной бородой и оторванной ногой читал молитвы, силясь прицепить обрубок ноги на место. По повторяющимся строчкам Сергей понял, что с молитвами у верного «меча Аллаха» не густо. В лагерях учили убивать и взрывать, а не запоминать священные строчки. Фальшь

священной войны сквозила повсюду. Вроде воевали ради Корана, но о содержимом священного писания знали... те самые несколько строчек.

Палец надавил на курок, отправляя в преисподнюю третьего. Подошел к четвертому, бросил зло по-арабски:

— Пустынный шакал, где Ахрам? Говори и я подарю тебе легкую смерть.

Бородач поднял мутные глаза, криво улыбнулся:

— Повтори свои слова моим сорока семи братьям, что отправят на небо всю эту школу вместе с бойцами и детьми. У вас нет будущего...

Палец надавил на курок сильнее обычного. Не смог возбудить над собой, пока не расстрелял в упор весь оставшийся рожок. Чужой кровью забрызгало с ног до головы, закричал:

— Это у вас его нет, мрази!!!

Сердце рвалось из грудной клетки, нехоти на глаза наплыла дымка отдачи организма. Так не вовремя, еще столько всего надо успеть...

— Третий этаж! Третий этаж! У вас все в порядке? Третий этаж! Отвечайте! Что за выстрелы? Кто стрелял? — запищала рация на поясе бородача по-арабски.

Скорпион подхватил рацию, сменил частоту, настраивая на свою:

— Никитин, пенсия отменяется. Школа захвачена фундаменталистами. Около пятидесяти человек. Свяжись с Даней и Андреем. Не пускай Альфу на штурм раньше моего сигнала. Уничтожат вместе со школой и детьми. Схема три.

Бросил рацию в угол, сконцентрировался на образе Семы:

— Брат, ты в соседней школе?

— Что, не выучил? Подсказать?

— Не до шуток. Террористы захватили школу. Я один не справлюсь. Спешу.

— Мне все равно не нравились эти задания. К черту ЕГЭ!

Скорпион повесил автомат через плечо, стянул носки и свесился в окно. Предстояло попасть на второй этаж без страховки.

* * *

Майор Никитин поднял лицо от ладоней, достал из нагрудного кармана флакончик с таблетками. Два кругляшка упали на ладонь, проглотил, не запивая. Цепкий взгляд прошелся по бойцам «Альфы». Мужики снова готовы в огонь и под пули. Боевая элита.

Пятнадцати шагов не хватило, чтобы сдать заявление об уходе на пенсию — тревога остановила у самого кабинета начальства. И в голове слишком много вопросов. Пятьдесят фундаменталистов с кипой оружия через всю Россию и застали врасплох. Забрались в самый тыл, и ни одна структура не пресекла движения? Как такое вообще может быть? Не через Китай же перешли. Буддизм враг ислама, если только дело не пахнет крупными суммами денег. Ресурсы автоматически превращают всех врагов во временных союзников.

По всей схеме выходило, что пробраться в тыл незамеченными могли только в том случае, если глаза «смотрящим» засыпать купюрами.

Мать вашу, оружием точно снабдили свои. Пушу себе пулю в лоб, если в течение месяца те «свои» не будут удобрять землю.

Автобус тряс две дюжины бойцов с хмурыми лицами. Маски оденут позже, перед самым выходом. А пока глаза смотрят вопрошающе, ждут инструкций и команд.

Никитин отключил рацию, приглушил голос и заговорил по-свойски:

— Да, парни. Они добрались и до Хабаровска, нашей базы. Никто не ожидал. Как добрались и вооружились, тоже никто не понимает. Есть мнение, что помогли. Помог кто-то из системы. Так что предлагаю забыть про систему и действовать согласно по обстоятельствам. Живыми не брать. Суда не будет. Веры никому нет. Я в последнее время верю только Скорпиону. Ему посчастливилось сдавать экзамены в той самой школе. Больше информации нет.

Глаза бойцов загорелись. Начальник наградил волей. Это многого стоит. Не придется размышлять над последствиями, оправдываться за каждый правильный или неправильный шаг, цепочку взаимодействий, случайности. Надо будет просто действовать.

Автобус последний раз качнуло, водитель пробился сквозь заслон МВД, милиции, ОМОНа и ФСБ, остановился. Солдаты натянули маски и высыпали из автобуса, готовые выполнить задание или умереть под меткой, а чаще случайной, пульей.

* * *

Сема мчался к захваченной школе напрямик через садик. В спальном районе в одной куче понастроили весь муниципальный комплекс: детский сад, школы, поликлиники и больницы. Рай для террора.

Не мудрено, что захватили один из объектов. Как всегда, никто не ожидал. Чушь. О передвижении групп с Кавказа знали задолго, и оружие могли перехватить не раз. Вновь какая-то мразь позарилась на шелест бумажек и быстрый карьерный рост. Что ж, для боевых троек ликвидаторов лето будет жарким, — Подумал Сема.

Туфли покрылись пылью так, словно были специально намазаны притягательной для пыли мазью. Ветер растрепал длинные пшеничные волосы. Трепетали, как флаг. Мчался с огромной скоростью, не хватало топора в руке, чтобы приняли за мифического героя или полубога.

Перемахнул через забор и взгляд зацепился за первый кордон охраны — милиция и МВД, а так же, как грибы после дождя, появившихся репортеров, журналистов. На бегу вспомнил, что документы младшего лейтенанта у Никитина. Погоны же вовсе никогда не носил. Какие могут быть погоны в семнадцать лет? Времени объясняться, не было.

— Стой, парень! Ты куда? — Лысый опер в синей рубашке преградил путь.

Леопард ускорил тело, достигая девятой ступени — максимальной для себя. Опер тут же замедлился, движения стали заторможенными. Сема поплыл в воздухе, словно скользил по дну бассейна. Разогретое тело пыталось забыть о гравитации. Милиция, МВД и ОМОН остались позади. Почти уткнулся в фээсбэшников и рассредоточенных, готовых к штурму бойцов спецназа. Быстро нашел командный автобус Никитина, замедлился почти перед самым носом майора. Не давая опомниться, заговорил:

— Майор, времени нет. Оружия мне: пистолет-пулемет, а лучше бронебойный пистолет ГШ-18, нож, пару гранат и я пошел. Скорпион долго на темпе не продержится. Он не разогрет. Стоит террорам опомниться, и начнется отстрел.

Никитин подавил испуг — только что перед глазами была карта местности, и вдруг из воздуха появился воинственный арийский блондин — треснул рукой по карте, обронил:

— Да как ты туда попадешь? Взрывчатка на каждом из входов. Полагаю, сеть детонаторов окутала всю школу. Одно действие, и все на воздух. Двести метро до школы простреливаются снайперами, как на ладони. Ребята держат их на прицеле, но если убить хоть одного, опять же все взлетит на воздух.

— Хватит разговоров. Дай бронник и каску, разберись с заслоном за спиной. Любого из силовиков могут снять в любой момент. Понимают, что не ответите, потому что боитесь смерти заложников. Журналистов стрелять не будут. Журналист для террориста брат родной. Кто еще осветит каждый его шаг?

Рев моторов прервал разговор, белорус и корейчик в повседневной одежде на мотоциклах прорвались сквозь заслон. Кот на ходу кричал кому-то в форме за спиной:

— Пусти меня, балбес. У меня звание выше твоего. Погоны на гражданке не ношу.

Даня первый прыгнул с мотоцикла, дал в морду кому-то из самых настырных оградителей, вывернул руку журналисту со скрытой камерой.

Никитин громовым голосом не вмешался:

— Пропустить их! Это особый отдел! Документы у меня.

Перед майором вырос человек в сером дорогом пиджаке, злобно прошипел:

— Что за самодеятельность, Никитин? Есть же инструкции. Или захотел на ковер к начальству? Тебе полчаса до пенсии. Захотел лишиться помощи государства под старость лет? Да я тебя под трибунал!

— Да заткнись ты, время дорого. Беру ответственность на себя, — оборвал Никитин и повернулся к снабженцу, забыв про «пиджака». — Бургунский, выдать Коту, Леопарду и Медведю запрашиваемое оружие... и группу поддержки... Если попросят, — снова повернулся к застывшему «пиджаку», — а ты лучше репортерами займись. Если лица этих троих молодых попадут в эфир, грянет взрыв помощнее этого? Понял?

— Что за... — возмутился пиджак, свирепея.

— Да к чертям его, — Сема надавил командиру в штатском на сонную артерию, тихонько оттащил обмякшее тело к автобусу.

Снабженец Бургунский с понимающей улыбкой запрятал спящего горлопана меж сидений, выдал Семе оружие и бронежилет с каской.

Даня вооружился чуть ранее. С группой из трех человек уже обегал школу по дуге. Андрей с группой из пяти человек исчез с глаз на другой стороне.

Никитин снова извлек из кармана флакончик, но проглотить таблетку не успел. Связист Альфы принес рацию, козырнул:

— Товарищ майор, вас губернатор.

Никитин выдохнул, взял черный прямоугольник:

— Майор Никитин слушает.

— Что-то я никак до Прокопенко дозвониться не могу. С кого спрашивать?

— Не важно... все это. Сейчас все от молодого поколения зависит.

— Те четверо?

— Они самые.

— Ну смотри мне, Никитин, смотри... На пенсию кому охота рядовым идти?

— Лучше рядовым, но без груза на душе, чем генералом с ответственностью за двести пятьдесят четыре подорванных души. Прошу заняться репортерами. Об этом не должны знать.

— О террористах?

— О тех, кто их сейчас уничтожает... Рано... люди не готовы.

— К сожалению, СМИ не в моих руках.

* * *

Даниил Харламов, он же Медведь, достиг черного хода — продленки школы со своим входом и небольшой комнаткой. Группа прикрытия дышала в спину. Трое мужиков, с кем прошел половину Кавказа, отстали на пятнадцать секунд. Этого времени хватило, чтобы нутром почуять у двери заминированную подлость. Бородачи успели окопаться. Откуда только берутся? Сводки не раз сообщали, что уничтожили последний лагерь, последнюю банду, последнего бандита... Откуда берутся? Кто снова и снова прикармливает?

Группа рассредоточилась под окнами, прикрывая друг другу спины. Дула поймали на прицел окна. Лейтенант Харламов покачал головой, показал знак стенки. Сердца бойцов застучали быстрее — лейтенант идет на риск, ползет первым, хотя не успел одеть даже бронежилета со спецовкой. Только пояс с пистолетом и ножом. Но перечить не стали. Приказ есть приказ. Неординарные действия лейтенанта часто позволяли выйти сухими из самых кровавых бань.

Самый рослый солдат припал на колени, второй привстал ему на спину, третий встал таким образом, чтобы лейтенант мог использовать его как первую ступеньку при переходе на второго.

Даниил опустил пистолет на ступеньки, извлек нож, обхватил ручку зубами. Вспомнил пятую ступень — полезная вещь, Скорп не зря заставил постичь перед военными кампаниями на Кавказке — и... побежал. Ноги взмыли ввысь, оттолкнулся от первой

«ступеньки», второй. Свободными руками зацепился за раму, ногами вышиб стекло. Проник внутрь.

Зубы больно впились в ручку, осколки стекла впились в ладони, колени и спину при перекате. Глаза рефлекторно нашли врага со стеклянным взглядом в углу, с рукой на детонаторе. Нож разрезал воздух, воткнулся в кисть. Перерубил «держательные» мышцы. Рука боевика рефлекторно разжалась. Бородачи рассчитывали на длительную оккупацию, иначе детонаторы были бы настроены на взрыв при размыкании рук.

Медведь бросился на пол, подхватывая опасный объект. Успел дотянуться, пришлось пожертвовать сохранностью лица — рассек щеку об острый осколок стекла. Перевернулся на свободной руке, подсекая опору бандита в маске. Террорист упал на спину.

Даня отложил детонатор и вцепился в горло террориста. Стальные пальцы задушили в зародыше возможный возглас. Поднял нож и бандит ощутил, как грудь разрывает стальная полоса. Сердце лопается от мощного инородного вторжения.

Бесстрастные голубые глаза русовласого северного воина донесли правду жизни. Рассказали перед смертью о том, что так долго и тщательно пытался вытравить из головы аятолла — мол, неверные не будут сражаться за свою страну, их жизни для них дороже жизней других. Скифы забыли свои корни...

Все оказалось ложью. Кровь арийцев еще кипит в венах северных воинов.

Медведь перекатился на спину, облегченно выдохнул. В окно влетел пистолет. Поймал лежа. Трое спецназовцев, помогая друг другу, проникли в комнату. Двое рассредоточились перед следующей дверью, третий обрезал провод детонатора.

— Что ж парни, вперед, — прошептал Даниил. — За нашу свободную отчизну!

Спецназ сорвался в движение.

* * *

Андрей Ан, он же Кот, вприсядку достиг спортзала. Здесь высокие окна расположены так, что ни один снайпер террористов не может устроить наблюдательного пункта. Окон много. Но до них надо дотянуться. Сидя в большом помещении, терроры способны смотреть в одно-два окна, не больше. И то рискуют быть снятыми снайперами.

Только бы не прогадать. Попасть в свободное окно и не запутаться в сетке, что нацепили физруки, опасаясь разбитых мячами окон. Чутье, не подведи!.

Пятеро за спиной не отставали. Бойцы Альфы в спецовке и масках, с оружием наперевес, были готовы к любым командам. О разведчике Коте слыхивали не раз, хоть и воевать вместе и не приходилось.

Кот выстроил из пятерых бойцов живую пирамиду со «ступеньками». Верхнему бойцу отдал два пистолета — должен скинуть, как только он попадет внутрь.

Ладони плотно сжали два ножа, грозящие острием земле. Скинул кроссовки, взял разбег и вспомнил шесть врат силы. Шесть ступеней.

Пирамида выросла в размерах до уровня окна. Ноги быстро промчались по подставленным спинам. Выставил кулаки с ножами перед собой и нырнул в окно кулаками вперед. Периферийным зрением, обостренными чувствами уловил за спиной вспышку фотоаппарата — журналисты прорвали заслон... или купили.

Кулаки врезались в стекло, пробили стекло. Осколки порезали незащищенную комбинезоном шею, распороли майку, впились в поясницу, руки. С молниеносной скоростью заработал обоими лезвиями ножей, освобождая себе дорогу сквозь сетку. Если бы РУБ не научил правильно падать, разбил бы голову о скамейки под окнами — высоты полутора метров вполне хватало для сворачивания шеи.

Заглушил боль, прокусив губу, и продолжил движение. На скорости оценил обстановку: двое у входа в зал и один на ящиках цвета хаки.

Оружие? Взрывчатка?

Упал ближе к выходу. Ножи метнулись к охранникам двери. Сталь пронзила грудь

обоих, присели, бешено вращая глазами. Дула уперлись в потолок. Пальцы рефлекторно сдавили спусковые крючки Калашей. С потолка посыпалась штукатурка.

Третий на ящиках потянулся за детонатором.

— На юго-запад, одиннадцатый!!! — бешено закричал Андрей, вкладывая в слова все убеждение, намерение и управление, на какие был способен.

Слова поплыли по залу. Управляющий импульс достиг террориста, схватился с алгоритмами. Захватчик на мгновение замешкался, потеряв ориентацию в пространстве. Мозг захватил власть, стараясь переработать белиберду из уст спецназовца. Этого времени Андрею хватило, чтобы на бешеной скорости преодолеть отрезок до фундаменталиста, уронить с ящика на пол и сломать шею, придавив коленом.

За спиной слышались шлепки — Альфовцы проникли в помещение. Два пистолета взвились в воздух от первого упавшего.

Кот подскочил и подхватил на лету. Молча помчался к двери.

Спецназ не отставал.

* * *

Сема прицепил на липучках на ногу нож, напялил бронежилет, нацепил каску, не пристегивая ни то, ни другое, и дождался очередного открывания двери с «дипломатом» от террористов. Хмурый боевик с черной бородой заорал в громкоговоритель без акцента — либо опытный толмач, либо учился в России.

— Слушайте наши требования, свиньи, и ваши выродки не пострадают. Не будете слушать — порежем детей, как баранов. Верные воины Аллаха хотят...

Третье правило Антисистемы — никаких переговоров с террористами. Как в Израиле. Этому у израильтян стоит поучиться.

Нога спустила с тормозов. Мотоцикл Андрея взревел — братишка простит, свой далеко — помчал на заднем колесе, преодолевая полосу отчуждения от защитных автобусов до школьного двора. Полетел вниз по ступенькам под добротные маты фээсбэшников — не положено. В инструкции написано: переговоры до последнего, и только если абсолютно ничего нельзя сделать — штурм.

Пули снайперов-ваххабитов застучали по каске, броннику. Взрывать школу при прорыве единицы, как и предполагал, не стали. Ждут полноценного штурма. Самая подлая пуля чиркнула по кисти левой руки, обжигая болью до самых кончиков пальцев.

Надо было гороскоп на сегодня прочитать, — мелькнуло в голове Семы.

Спрыгнул, группируясь, с мотоцикла в момент перед столкновением байка с крыльцом школы. Бронежилет и придерживаемая руками каска приняли на себя удар при падении, спасли ребра и голову. Метнул не пристегнутую каску в толмача еще до того, как поднял голову. Тело запомнило расположение врага.

Скинул тяжелый бронник через голову, выхватил нож из ножен у ноги и ворвался в проход, как взведенная пружина. Плечом сбил и затолкал внутрь «волеизъявителя». Тело пошло наносить удары без участия мозга. Нож резал гортань, вены на шее, чиркал руки с автоматами, подрезал сухожилия на ногах. Техника ножевого боя в тесном помещении, изучаемая не первый год, доказала, что все уроки прошли не зря. Попутно бил локтями в челюсть, коленями в пах. Правил нет. Ответственность за жизни более двухсот ровесников не позволяла думать о гуманности. Террористов никто не звал. Суда не будет.

Тесный проход зачищал, как мясорубка перемалывает мясо. Своего оружия нет, да и работать отобранными автоматами в тесном помещении — себе дороже. Приходилось биться с одним ножом на огромной скорости...

Когда понял, что силы иссякают гораздо быстрее, чем планировал, а любой пропущенный удар приведет к срыву операции, воззвал к тотему.

Теперь можно. Своих рядом нет.

Глаза застлала кровавая пелена. Тотем леопарда второй раз в жизни вышел на свободу.

На улице кольцо окружения вздрогнуло от животрепещущих криков... террористов.

* * *

Скорпион тяжело дышал. Носом шла кровь. В ушах гудело так, словно стоял под колоколом, и кто-то изо всех сил бил по нему снаружи. Легкие рвали грудную клетку, сердце шло в отказ, изнашиваясь на предел. Локти, колени, плечи и бедра молили о пощаде. Связки на сверхскоростях растянулись. Волны боли вызывали судороги. Защищая очередной класс на втором этаже, понял, что не всесилен.

Минеральная вода потекла по окровавленному телу, изодранной рубашке, зацепала неестественно багровые белки глаз. Встревоженные лица сверстников и учительниц смотрели в больные глаза, засыпали сотнями вопросов. Каждый хотел помочь. Сергей только что на глазах класса почти на нормальной скорости ворвался в класс и уничтожил двух налетчиков и снайпера у окна.

Парень, уничтоживший троих за несколько секунд, выглядел эффектно.

Сам Скорпион так не считал, умирая от боли отката. Тело настойчиво требовало новой реинкарнации. Немедленного перерождения.

К счастью, в этом классе сдавал экзамены Василий. Гений быстро всех растолкал, уложил друга на парту, причитая:

— Скорп, ты не двигайся, сердце разорвется. Замри. Я сейчас Сан Санычу позвоню, он Никитину все передаст. Не двигайся, все в порядке... Зря монетку под туфлю не положил. Плохо подготовился.

Сил не осталось. Руки полностью обездвижились, потеряв всякое восприятие мира и команд мозга. При одной только мысли о возобновлении сил ступеней тело бросало в неконтролируемую дрожь. Это было страшно. Тело полностью выходило из повиновения.

Вася приказал всем забаррикадировать двери партами и умолкнуть. Самый смелый народ засуетился, выполняя распоряжения того, кто способен давать приказы.

Василий набрал номер.

— Саныч, Скорп у меня в классе.

— погоди, на Никитина переключу.

Послышался щелчок. Никитин ответил почти сразу. Василий снова затараторил:

— Майор, Скорп у меня в классе на втором этаже. В худшем состоянии из возможных. Он сдавал экзамены на третьем этаже. Если добрался до меня, значит, террорюгам не повезло. Я бы даже предположил, что третий этаж зачищен и... половина второго.

— Скажи ему, что Леопард, Кот и Медведь уже внутри. Первый этаж так же зачищен. Осталась только половина второго. Пусть терпит.

В дверь мощно замолотили. Класс вздрогнул от злой непонятной речи. Хрупкую, ветхую дверь выломали прикладами, парты рухнули, раскиданные мощными толчками. Трое в масках, с автоматами наперевес, забежали, раскидывая детей, как шар боулинга кегли. Закричали, увидев Скорпиона. Холодные дула уперлись в окровавленное, измученное тело. Рожи оскалились.

Василий приготовился к самому худшему. Нелепо дернулся, стараясь остановить неизбежное, но получил мощным кулаком по скуле и отлетел к парте.

Скорпион чуть раздвинул окровавленные, разбитые сухим жаром, губы. Прошептал по-арабски:

— Именем Аллаха убивать детей... может только полная мразь. Твой бог не простит тебя. Коран надо было... хоть один раз... прочитать.

— Умри, дите Шайтана. Убьем тебя и посчитаем свою миссию выполненной. Думаешь, нам нужна Альфа? Горэ послал за тобой лично. Передает привет. — Ахрам приставил дуло к виску распластанного юноши.

Скорпион устало закрыл глаза.

Переиграл. В следующей жизни повезет больше.

Раздался выстрел, несколько вскриков.

— Горэ? Привет? Не волнуйся, сами передадим, — донесся знакомый голос блондина.

Вслед за ним послышался дружеский бас белоруса:

— Скорп! Очнись, а то мясом накормим, сам подскочишь, вегетарианец хренов. Сил вон даже на зачистку школы не осталось.

Скорпион через силу поднял веки. Покоцанные схваткой лица Семы, Андрея, Даниила и Василия смотрели полунасмешливо. Нервы у всех сдали. Хотелось смеяться и плакать. Семины зрачки отдавали неестественной желтизной — использовал тотем. Глаз еще не перестроился.

— Помирать, что ли, собрался? Мы еще с Горэ не разобрались. Погоди лет этак пятьдесят. Хорошо? — обнадежил Сема. — Весь Кавказ накрывать ядерным грибом не красиво, но вот посадить воинственных горцев на вегетарианскую диету неплохо бы. Хотя бы ради разнообразия. Может тоже сил на школы перестанет хватать?

Сема заговаривал зубы, отвлекая от боли. Но от глаз не укрылась бессильно повисшая рука блондина. С пальцев падали тяжелые багровые капли, пропитав изодранную рубашку, что еще утром была белоснежной, как в рекламе после компьютерной обработки.

— Да, Скорп. Мы найдем его базу, в каком бы бункере в горах он не сидел, — пообещал Кот, прикрывая изодранное стеклом лицо. По скулам сочилась кровь.

— Слушайте, слушайте, а как вы так можете? — донеслось от одного из бывших заложников, — как этому научиться? Я бы тоже хотел вот так — раз и все...

— Тренируйся как этот сумасшедший, и все сможешь, — обронил Даня, подхватывая Скорпиона на руки.

— А где тренироваться? — раздался другой голос.

— Слушай, парень, — возмутился Василий. — Вот у него и тренируйся, когда очухается. Он все равно секцию в конце лета собирался открывать. Адреса пока не скажу, не знаю. Но как только увидишь рекламу с этим индивидуумом, все поймешь... А если не увидишь рекламы, все равно поймешь.

Сема повернулся к Василию:

— Вась, ты чего?

— Раньше надо было думать, индиго, когда без масок на штурм пошли. Я в окне уже десятка два видеокамер насчитал.

— Полагаешь, нам придется...

— Уже пришлось. Все, Семка, кончилось подполье.

— Сдали блин ЕГЭ, будь оно неладно, — пробубнил Сема, переступая тело Ахрама.

* * *

Два дня спустя.

Пиджака не было, но и без плечиков плечи распухли так, что походили на рыцарские латы. Куда там каким-то плечикам пиджака. Скорпион лежал под легкой простыней без движения, только глаза бегали по комнате, да не потерял способности разговаривать. А стоило пошевелить распухшей рукой или ногой, как мигом вспоминал костры инквизиции, что зрел в родовых снах.

Эх, таких красивых девушек жгли эти импотенты в рясах. Самих бы всех на костры. Лично бы дров подкинул. Сколько миллионов вошло на костры ради пары-другой строчек в книжечке?

Подсознание заботливо подкидывало последние два дня воспоминания мук просвещенных предков. За любую толковую мысль цивилизованная Европа бросала гениев прогресса на костры. Мракобесие в рясах делало все, чтобы искоренить «ересь».

Странное, странное человечество. Что это за святыне писания, ради которых лилась кровь, горело мясо, крушились кости. Если священное слово — подарок Бога, то их интерпретации человеком — насмешка его противоположности.

Утрешнее солнце пробивалось сквозь ветхий заслон воздушного тюля, огненные лучи падали отблеском на рыжие волосы Валерии. Изумрудные глаза смотрели заботливо, нижняя губа то и дело подвергалась безжалостному изжевыванию, чередуясь с еще более безжалостной улыбкой. Чистой и ясной, как сам первородный свет.

Она снова рядом, пришла с первой зарей. Сидит бесшумно, как мышка. Сон не тревожит, не будит, только ждет, смотрит и печалится. То возьмет и расчесывает длинные черные пряди, то гладит по руке, тяжело вздыхая.

Берегиня. Уходи от меня, пока не поздно. С такой жизнью не будет тебе покоя.

Грудная клетка невольно тяжело вздохнула, сердце радостно затрепетало. Сложно притворяться спящим, когда ощущаешь ее ауру на расстоянии вытянутой руки. Приоткрыв глаза, Скорпион виновато улыбнулся.

Заботливые руки тут же поднесли кружку с соком, трубочка коснулась губ.

Как вовремя, во рту поутру далеко не фиалки. Надо будет спросить у Рыси как он без зубной пасты обходится, всегда от него шалфейем, мятой и ромашкой пахнет.

— Прости, Лер, я снова пропустил наше свидание.

Нежный палец коснулся губ.

— Не говори ничего. Мне не за что тебя прощать, ты спас детей. На этот раз я все видела по телевизору собственными глазами. К тому же, лимит прощений далеко не исчерпан. Я до сих пор помню, как в апреле ты опоздал ко мне на день рождения, со своих бесконечных заданий. Я тогда заперла дверь, отключила все телефоны, а ты залез с Семой на крышу моего десятиэтажного дома и спустился на шестой этаж по веревке, с загипсованной рукой, к груди прижимая букет из тридцати трех белых роз. В тот день я заранее простила тебя за все опоздания на полгода вперед. Так что до сентября можешь мелькать в телевизоре в новостях... Я, наверное, привыкну. Все в порядке.

Грудь разрывало сладкой болью любви, тепла и нежности, благодарности и нечеловеческого счастья.

Любит, ждет, понимает. Как выкроить на нее побольше времени? Как чаще держать в стальной ладони ее заботливую нежную ручку? Может, бросить все к чертям? Всю эту суету, борьбу с невозможностью, грязью и чернью. Страну, погрязшую в болоте, тащить на берег сложно... И ради кого? Только ради нее. Все ради нее. Чтобы жила тихо, спокойно, не боялась ходить по ночным улицам, чувствовала уверенность в завтрашнем дне, жила полной жизнью и посвящала себя чему угодно в свободе, а не в прозябании и мучениях за каждую минуту жизни. Любовь, дружба, родина, свобода. За это стоит жить. За это стоит биться. А ради чего еще жить?

Она прочла все мысли на лице. Тайнственная женская магия.

Все они в какой-то степени ведьмы. Но чтобы на костер за красу, за женственность, за любовь? О, где те славные времена, когда Мать была главным божеством и мужчина не смел причинить женщине вред?

— Так! И чего это мы пригорюнились? — Снова прочла все мысли огненновласая.

— Да так. Думаю, как тебя от экзаменов в следующем году освободить. Что-то я перестал им доверять.

Дверь комнаты распахнулась. Блондин, пританцовывая, внес на руках Машку с двумя увесистыми мешками в руках. Левая рука раненого бойца была в мягкой бинтовой повязке от плеча до кончиков пальцев. Но видимых неудобств это ему не доставляло. Не гипс. Значит, кость не была задета.

— Капитан Корпионов, разрешите обратиться? — Сема поставил Машку на ноги, вытянулся по струнке, но вместо отдавания чести прижал правую руку к груди.

— Разрешаю, — вздохнул Сергей, прислушиваясь к гулу в груди. — Снова повысили?

Сема кивнул, зашуршал пакетами. Извлек грамоту, прокашлялся и начал:

— В моих руках бумажка с множеством пустых слов. Но как итог, от лица губернатора тебе приглашение на чай с медалькой. И повышение по служебной лестнице от лица командования и генерал-лейтенанта Никитина лично.

— Так Никитина тоже?

— Да, на пенсию стариканыч ушел в благородном чину. Нас всех повысили. И половину группы повысили, участвующей в операции. Сверху повысили. Так еще бы, после такой-то шумихи. В общем, я теперь лейтенант. Данька с Андрюхой получили старлеев.

— Им можно, они в горячих точках, на передовой. А нам куда? В тылу. В семнадцать лет. И без высшего образования, — закрихтел Скорпион, стараясь повернуться.

Лерка, изображая чертика, злорадно ткнула в плечо, напоминая, что тыл может быть опаснее любой горячей точки. На милом личике на миг проступили черты дьяволенка. Тут же снова улыбнулась, как ни в чем не бывало.

Берегиня. Какой с нее спрос?

— Правильно, рыжая. Пусть не прибежняется, — добавил Сема. — Я видел его синюшное лицо под дулом ваххабита.

Сема достал еще несколько бумаг, важно повысил голос:

— Так, все слушаем сюда. Вот бумажка с освобождением от дальнейших экзаменов. Вот бумажка с зачислением в высшее военное училище, вот в гуманитарный. Ты же математику не любишь? Вот я тоже так подумал. Вот тебе оба диплома. Сдал досрочно. — Подмигнул. — Поздравляю, ты теперь обладатель двух высших образований. Можешь стать политологом, как и хотел. А можешь на кафедру поступать, кандидатскую защищать и сразу на пенсию или в другую реинкарнацию. В принципе ты уже закончил весь жизненный путь голема, осталось только закончить путь самого человека. Делай, что хочешь. Мне тоже такой волокиты полный пакет понасували. Губернатор хотел наградить всех публично, когда оклемаешься, но Никитин настоял на закрытом мероприятии и намекнул, что пышности ты не любишь.

— Да полная чушь, — закрихтел Скорпион, — ладно еще водительские права в четырнадцать лет сделали, но досрочный диплом? Даже не один — перебор!

— Система, — развел плечами Сема. — Что поделаешь? Когда Даня тебя всего окровавленного и распухшего Никитину поднес, когда старикан не увидел ни одного живого места, пообещал, что сделает для тебя все. Вот и сделал, что смог. Ты же сотворил невозможное: ни одного потерянного бойца Альфы, ни одного убитого заложника, только выбитые стекла, чуть покоцанная школа и сорок восемь террористов в ряд, показанных крупным планом и продублированных по всем новостным телеканалам мира. — Сема почесал подбородок, любезно добавил. — А в прочем, Даня все записал. Сейчас подъедут, покажем. В общем, я намекнул, что на экзамены у тебя с сегодняшнего дня аллергия, учиться некогда...

— Так что, Скорпиоша, вкушай плоды победы и ешь сладкие персики. Сама выбирала, — подмигнула Маша.

Мы плыли, плыли и, наконец, приплыли.

— Стоп, стоп, стоп. Какие репортеры? Какое телевидение? Я думал, Лерка пошутила, — встрепенулся Сергей и попытался встать, превозмогая боль.

Лера ткнула пальцем в лоб, обронила:

— Только попробуй встать!

Скорпион снова тяжело вздохнул, обронил:

— Я знал, что одними пяточками под пяточку дело не кончится. Мать с отцом видели?

— Дмитрия Александровича конечно, а Елену Анатольевну с Ладущкой и псом твоим любимым наша структура в деревню отвезла, — расплылся в улыбке Сема. — По техническим причинам там как раз сломаны телевышки, а на цифровое вещание твоя деревня еще не перешла. Не беспокойся. Сложнее было уговорить всех знакомых не ворошить инцидент. Забыть про все. Но школьники тебя никогда не забудут. Словесный портрет бродит по всем образовательным учреждениям. Так что с секциями поторопись, или сами найдут.

— Хоть внешность меняй, — вздохнул Скорпион.

— Да ладно, скоро забудут. Люди все забывают, свойство памяти забывать все лишнее,

плохое и страшное, сглаживать, — отмахнулась Мария. — Ты вон лучше персик скушай, сладкий, как мед.

Лерка скосила предупреждающий взгляд на подругу, повернулась к Скорпиону:

— Не забудет только та самая школа, ученики и учительницы. И мы, конечно, — добавила Лера. — Правда выпускной тебе придется все-таки пропустить, замучают автографами.

Даниил ворвался в комнату неожиданно. Распахнул дверь комнаты, обвел всех ясным соколиным взглядом, уткнулся в свободное место на стене, кивнул, словно увидел домового и вышел.

Научил на свою голову.

— Теперь квартиры — просто проходной двор какой-то. Двери спецназу не помеха. Даже замки не поцарапают, — возмутилась Лерка. — Вас в Альфе ключами не учили пользоваться? Чтобы греметь, чтобы все слышно за версту. Мы бы хотя бы подготовились.

Даня молча повернулся спиной и втащил в комнату здоровенную коробку. Следом вошел Андрей. Половина лица заклеена лейкопластырем, бинтами. Он нес коробки поменьше.

Так же молча зашуршали, распаковали пакеты. На свет извлекся здоровенный плоский телевизор, стереосистема и всеформатный проигрыватель дисков нового поколения. Андрей скомкал и выбросил инструкции. Завозился с кабелями по интуиции. Даня подошел к стене, примерил телевизор, убрал. Постучал пальцами по стене с видом знатока, довольно хмыкнул, доставая пару гвоздей. Приложил к стене и под вскрики девчонок ладонями вбил гвозди в стену. Андрей тут же повесил телевизор на гвозди, подсоединил центр и только теперь повернулся к Скорпиону. Вскрикнул, словно только увидел:

— А-а-а! Скорпион?! Живой?! Надо было тебя все-таки в больницу отнести... И привязать.

Даня забурчал, сжимая кулаки:

— Знает же, гад, что дома выходят. А если бы по реанимациям валялся, не рвал бы жилы, не лез под пули. Мы же не всегда сможем прикрыть грудью, герой. А твоя потеря лишит структуру головы. Мы развалимся, так и не сложившись. Все передерутся за власть. Обычная человеческая история. Вспомни Александра Македонского.

Сема кивнул, достал из-за пазухи диск, протянул Даниилу.

— Как человек ниже по званию, но с двумя высшими образованиями, против одного у тебя, доверяю тебе, нижестоящий, сию коробочку информации.

Даня, поклонившись по-японски, взял диск:

— Будет исполнено, блондинистый господин.

— А в принципе, Даня прав. Давайте Скорпа прикуем к кровати, — вставил Андрей.

Сергей прервал:

— Ну что за пессимизм? Я всего лишь один из совета. С одним правом голоса. Правом вето не обладаю. Так что не будем о грустном. Я тоже рад вас всех видеть. Даже тебя, Даниил, но вместо своих десантных привычек использовал бы лучше дрель-перфоратор в коридоре. А то отец на меня жалуется, что я им за весь ремонт ни разу не пользовался. А дырки под дюпеля разных размеров.

Все тренировки, тренировки.

— Спокуха, брат. Сейчас нарезочку клипов увидишь, сам все мысли потеряешь, — Сема захватил во власть оба пульта, сел на пол у кровати.

Посетители расселись кто куда. Дисковод поглотил диск, выдал картинку на экран. На дисплее появилась миловидная дикторша CNN. Только самый наблюдательный глаз мог выявить в ней черты бывшего мужчины.

— Так это ж трансвестит, — возмутился Скорпион.

— Да какая тебе разница кто и куда свистит? Ты слушай и смотри, — оборвал Сема.

Камера приблизила «дикторшу», та взволнованно затараторила:

— На территории России, на самом Дальнем Востоке, в местечке с большим

запутанным названием — Хабаровск, произошел крупнейший в России за последние три года террористический акт. Группа вооруженных боевиков в количестве сорока восьми человек захватила одну из школ, в которой дети сдавали Единый Государственный Экзамен. Гость нашей студии, эксперт по вопросам образования, прокомментирует систему ЕГЭ. Скажите, Алекс Смит, что вы думаете о русских с их системой государственного тестирования?

Камера поймала молодого красивого человека с холеным лицом. Не многие из зрителей могли засечь в гламурном лице черты бывшей женщины.

— Так это ж... — начал Скорпион.

— Тихо! — возмутились одновременно все четверо.

— Я не знаю, чем они думают, Алисия, — ответил «мужчина», — но западная система образования десятилетия назад отринула систему глобального тестирования. Она признана во всем цивилизованном мире неудачным экспериментом. Нам это стоило нескольких загубленных поколений. Почему русские подхватили этот метод? У меня нет ответа на этот вопрос. До развала Советского Союза за железным занавесом была лучшая система образования, хоть и излишне консервативная. Это признали генеральная ассамблея совета безопасности ООН, ФБР и ЦРУ.

— Большое спасибо, Алекс. А теперь перейдем непосредственно к месту действия и посмотрим, что же удалось заснять на месте террористического акта нашим журналистам...

— Нашим журналистам? — Переспросил Скорпион. — Откуда в Хабаровске появились корреспонденты си эн эн?

Сема повернулся, посмотрел в глаза:

— По данным Антисистемы множество всякого рода журналистов снимали квартиры в трех минут езды до школы. Поскольку в нашем колхозе снимать нечего, логично предположить, что Горэ намекнул СМИ о предстоящем событии и послал их вслед за своими головорезами.

— Хоть бы один сообщил, — протянула Маша.

— Хуже зверей. Сенсации дороже жизни, — добавила Лерка.

— Не своя же, за свои держатся, — снова добавила Маша.

На экране появилась школа сквозь заросли кустов и деревьев. Оператор снимал с близлежащей крыши, используя сильный телеобъектив. Автоматический стабилизатор глушил дрожание рук.

— На ту крышу даже наш снайпер попасть не смог. Кто-то заложил все выходы, — любезно добавил Сема.

Камера выхватила окна школы, взрыв на третьем этаже. Стекла трех ближайших классов вынесло взрывной волной.

— Это я библиотеку зачистил, — обронил потрясенный Скорпион. — Только начал действовать. Но в этот момент вообще никто знать не мог о теракте. Значит, оператор заранее сидел на крыше.

— Да, мы его допросили. Сказал, что снимал миграцию гусей, — хихикнул Андрей. — Хоть и лето, но не придерешься. С собой документы географа. С правом на съемку в любой части мира. Для канала ВВС.

Камера поймала распахнутое окно, окровавленную рубашку чернявого длинноволосого парня. Тот лез с третьего этажа на второй, с автоматом за спиной и без страховки. К счастью, не захватила лица — густые волосы мешали. Оказавшись на уровне окна, юноша ногами выбил стекло, молниеносно оказался внутри. Камера поймала лишь смазанные движения. Затем повторила в замедленном действии. Один за одним рухнули замертво трое террористов в масках, распахнулась едва заметная сквозь окно дверь. Через доли секунды отворилась другая дверь. Еще двое в масках рухнули на пол. Произошла какая-то заминка. Оператор переводил камеру с одного окна на другое, потеряв фигуру.

— Что за заминка, Скорп? — обронил Сема.

— Третий этаж взбунтовался. Один из терроров пытался проломить учительнице череп

прикладом. Я услышал ее крик.

Камера вновь поймала фигуру длинноволосого. Тот вылез в окно и вскарабкался на третий этаж, продолжая зачистку. Один из террористов на огромной скорости встретился со школьной доской. Навороченная камера зафиксировала разлетающиеся комочки зубов.

— Это он бил учительницу, — сухо обронил Скорпион.

Еще два класса лишились бандитов, прежде чем произошла очередная заминка.

— А это что за заминка? — Повторил Сема.

— Я на три минуты потерял сознание, лишившись контроля ступеней. Болевой шок от связок отбросил тело в особое состояние. Вряд ли этому есть объяснения в научных терминах.

Камера переключилась на суету возле школы. Подъехали первые «воронки» милиции, МВД. Докатился автобус Альфы. Перед заслонами появилась куча зевак, репортеров. Образовался странный муравейник. Повысыпали бойцы ОМОНа, бегали и кричали люди в форме, гражданской одежде.

Третья камера резко поймала садик, бегущую фигуру ученика с белыми волосами. По лицу били длинные патлы, скрывая его лучше всякой маски. Перед самой изгородью юноша пропал, выпал из кадра. Операторы заботливо остановили сюжет, перекрутили назад и показали замедленное движение, как блондин ускорился, проскочил рядом с оперативником и перелетел забор, почти не касаясь изгороди.

— Видишь Скорп, они сделали из нашего желания спасти заложников подобие блокбастера. Запечатлели каждый шаг.

Камера вновь поймала окно третьего этажа, пропадающие фигуры бандитов, выбиваемые пулями стекла. Десять секунд спустя разбилось последнее стекло второго этажа.

— Я, когда очнулся, ступени больше использовать не смог. Прорывался почти на обычной скорости. Все больше приходилось стрелять, да швырять ножи. А как снова спустился на второй этаж, понял, что двигаться больше не могу. Отстреливался лежа. Потом несколько минут вывихи вправлял. Больше темп включить так и не смог.

Камера вновь переключилась, выловила группу из трех спецназовцев в масках, ведомую за собой рослым широкоплечим парнем. Снимали со спины, лиц не видели.

— А почему без масок, Даня? — Обронил Скорпион.

— Да разве до них было? — Протянул Медведь.

Солдаты выстроились перед стеной пирамидкой. Русский парень в повседневной одежде обронил оружие, взял нож в зубы и буквально забежал в окно.

Снова камера переключилась, запечатлев последнее действие группы спецназовцев с другой стороны школы, у спортзала. Коротко стриженный Кот так же взбежал по лестнице. Кулаками, с зажатыми в ладонях ножами, выбивая стекла.

Скорпион мельком поймал растерянный взгляд Леры. До этого та не смотрела такие новостные подробности. И в ней боролись тысячи противоречий. С одной стороны видела, как ее любимый спасал детей, с другой — как безжалостно убивал, именно убивал живых двуногих нелюдей, отправляя на тот свет.

«Что ж, решай. Хотела правды? Вот она. Тяжелый груз посыпался со своей души, облекая совесть, но сколько того груза выдержишь ты? Шестнадцать лет — не тот возраст, когда стоит смотреть на убийства, что творятся от тебя на расстоянии вытянутой руки. Это реальность, Лерка. Прими или останься в прошлом мире. Так не хотелось посвящать тебя во все детали. Но, наверное, истина сама находит дорогу. Я сотни раз говорил тебе, что руки мои по локти в крови, но ты сотни раз улыбалась и добавляла: «Зато душа чистая»».

Камера сместилась к центральному входу. Дверь школы отворилась. Показался хмурый боевик с черной бородой. Поднес к лицу громкоговоритель, губы что-то зашептали. Внизу экрана строчкой появились неслышимые слова. Специалисты прочли по губам, услышали и восстановили от очевидцев.

От кордона прорвался мотоцикл. Парень в каске с бронежилетом на всех парах погнался к боевику, пригибая голов от пуль. Стекла первых этажей разбились, пробитые

снайперами-ваххабитами. Стальной дождь забарабанил по каске, броннику. Камера отчетливо выловила взметнувшийся фонтанчик из пробитой артерии на руке. Мотоцикл полетел в бок, врезался передним колесом в поднимающиеся ступеньки, но не взорвался.

— Я слил почти весь бензин, — любезно добавил Сема.

— Андрей, как ты не убил его? Это ж твой мотоцикл, — обронил Сергей. — Ты сколько на него копил?

— Да не бойсь, Скорп, Вася восстановил все расходы. Смотри дальше.

Сема буквально вмял переговорщика в школьный проход, исчез.

Леопард, повернувшись к Скорпиону, обронил:

— Хорошо, что я Никитина уговорил замыть от крови коридор раньше, чем начали эвакуацию заложников, а то детям было бы не по себе. Кровь они, конечно, и раньше видели, сколько фильмов и кровавых игр пересмотрели, переиграли, но после экзаменов нервы у всех иссякли. Мало ли. Кровавый у меня тотем. Там все в клочья. Куда там мне с ножечком...

Камера поймала финальный эпизод.

Первым из школы вышел Василий, следом, прихрамывая, полубоком проковыляли Андрей с Семой. Последним — Даня, с героем дня на руках. Альфовцы метнулась к крыльцу, прикрывая лица всех участников щитами. Камеры не успели запечатлеть лица героев. Не скрывал свое лицо только Василий, пошел навстречу репортерам, минуя заградительное кольцо охраны, закричал на ходу:

— Уникальное интервью любой телекомпании, кто заплатит пять миллионов евро. По миллиону об информации за каждого из участников.

Сема выключил телевизор, добавляя:

— Если захочешь комментарии из Пентагона или Белого дома с генералами, советниками и аналитиками, досмотришь без нас. Столько чуши про индиго наплели, запуганные Золой, что сами теперь всего боятся. У юсы был проект с привлечением новоявленных индиго к военной, научной, инженерной схеме, но поскольку действовали они старыми методами, их индиго восстали. В настоящее время семьдесят процентов сидят по тюрьмам, остальные в психушках и на антидепрессантах. Юса не смогла детей нового поколения приспособить к реалиям сегодняшнего дня. Они пытались изначально свободных направить в нужное для себя русло. Надеть хомут, в общем. Ты же знаешь, бесполезно...

— А Вася? Что он там наплел? — Возмутился Скорпион. — Хотя погоди с Васей. Лер, ты примешь меня таким, какой я есть?

Лерка важно осмотрела с ног до головы, тревожно подняла бровь:

— Голым и распухшим? Еще чего! Вот отмою, одену, накормлю...

— Скорп, ты не волнуйся, — прервала Машка. — Будет капризничать, я тебя сама заберу. А ей блондина отдам. Пусть помучается...

— Еще чего! — Возмутилась Лерка. — На фиг мне твой блондин, когда у меня тут под простыней герой России лежит? Хоть и голый, слегка помятый, но...

— Блондин тоже герой, пусть и не голый. Медалей зато полный пакет! — запротестовала Машка.

— Девушки... — протянул Сема, притворно сползая под кровать.

Даня с Андреем переглянулись, заржали, как по команде, и ушли на кухню разгружать пакеты со стратегическими закупками класса НЗ для холодильника.

— Ладно, Сема, пока они с ума сходят, давай мне про Ваську всю инфу, — брякнул Скорпион.

— Кто? Мы с ума сходим? — возмутилась Лера. — Ха! Пошли, Маша, на кухню, ребятам поможем. А этим пусть стыдно будет.

— Пойдем, Лера.

Конфликт моментально утонул в женской солидарности.

Ладно, потом разберусь, время будет.

Сема проводил девчонок долгим взглядом, хмыкнул, восстанавливая здоровый

мыслительный процесс:

— Загадки природы, блин, — повернул голову. — Чего там? Ах, да, про Василия. Да я тоже сначала думал, что крыша поехала у нашего гения. Ан, нет же, обвел простаков вокруг пальца. Репортеры хотели сенсаций и получили их больше, чем предполагали. Так как лиц наших четко видно не было, а Евгений вдобавок в ту же ночь взломал сеть Пентагона и затер лица окончательно, Василий открыл счет в банке на свое имя. дождался перевода денег и выдал журналистам все, что был способен придумать. С фантазией у него неплохо.

— Что за день-то такой? — взмолился Скорпион. — Я обречен каждый день это повторять? Давай подробнее.

— Да без проблем. Так как мы ушли с Альфы вслед за Никитиным...

— А мы ушли?

— Официально нас уволили в запас по ранениям. А неофициально перебросили под секретность класса «три нуля». Свободные агенты экстра-класса, делающие, что захотят по своему усмотрению, с правом на убийство. «Уникумы», «суперы», «волкодавы», «абсолюты», «экстры». Это не я придумал, это в резюме написано было. Вчера смотрел. Представь, мы такие, оказывается, не одни. Только прочие суперы постарше и ступенями не пользуются. Хотя, кто знает? Тут у нас в Хабаровске, оказывается, еще один такой есть. Тоже Сергеем зовут. Может, как-нибудь повстречаемся? Потренируемся, завербуем.

— Где ты это резюме достал? Почему рука в бинтах? Я же только что видел по телевизору, что пуля навывлет прошла, кость не задета. Зачем тебе бинты? В глаза смотреть!

— Слушай, ну что ты как маленький? — блондин отвел глаза, делая вид, что увлечен пультом. — Свербило документы почитать, я и почитал. Никто не пострадал. Давай я уж про Василия договорю, а то ты так и не узнаешь, откуда у тебя на личном счету миллион евро лежит.

— На счету нашей структуры? — Переспросил Сергей.

— На твоём личном! И на моем. И у Дани, Андрея. И самого Васьки. Личные счета «боссов». Хе-хе. Если у каждого в совете будет подобный счет, то ни на какие взятки в дальнейшем не потянет. Все предусмотрено. Семья обеспечена, дом стоит, безделушки есть, значит, все время на работу. Тылы же прикрыты. Чего еще надо? Всем будет хватать, мы не жадные. Вася умную мысль высказал, что на одном энтузиазме дальше семидесяти лет не уедешь — доказано. СССР. А мы все-таки не роботы, тоже жить хотим. Даже иногда что-то покупать. А на счет нашей структуры заброшено одиннадцать миллионов евро. Это, конечно, не значит, что сюжет с хакерством и московской командировкой отменяется, но возможности увеличатся. Привлечем финансистов, и счет к концу года удвоится. Если, конечно, слабо не вмешается и не изымет денежный ресурс. Но мы от его рук загребуших что-нибудь придумаем. В крайнем случае, вложим все деньги сразу во все отрасли, грабить ему будет нечего. Не успеет.

— Да вы что, все совсем с ума посходили? — чуть не подскочил Скорпион. — Я же всего два дня без сознания был. Ты хоть понимаешь, что нам придется заработать для Антисистемы в десятки раз больше, чем наши счета. А если совет расширится?

— Не всего два, а целых два! — Возразил Сема. — Пусть расширяется. Главное, чтобы не больше ста. Сотня управителей — это предел. Это для всей планеты хватит, не только страны. Но чтобы туда попасть, два образования — минимум. Только нам то, что грустить? Вот бумажки есть, — Сема кивнул на дипломы.

— Слушай, хватит со своими бумажками. С нами прокатило, но чтобы такого бардака больше не было. Мы-то самообучимся, набираем знаний своими методами, а старые вряд ли.

— Не смей меня. В совете старых не будет. Через лет десять все заменятся нашими. Я даже название новое придумал — Хомо Универсалис.

— Эх, дать бы тебе по башке. Да руки не двигаются. Ты семь лет назад ничем не отличался от них. Твои гены спали. Ты их не использовал. А то, что у них этих генов в помине нет, так они с этим родились. И то совдеп решил, что генетика с кибернетикой —

ложные, антикоммунистические науки, все убрали из науки и запустили. Как сейчас сократить пятьдесят лет отставания?

— Хватит изобретать велосипед. Они наши разработки без зазрения тырят, так что мы их заберем. Купим пару мозгов, оборудование, и разгадаем наши внутренние загадки. На нас не одну нобелевку сделать можно.

— Слушай, блондин. Ты к Васе ближе давай, к Васе! А то все вокруг, да около. Мне сейчас больно думать.

— Резюме он на нас четверых создал и на себя заодно. Приколист. С документами, фотографиями и видеозаписями с тренировок с затертыми лицами. От нас не убудет. Сколько таких было? Стояли, зевали. Помнишь?

— Что?! Пленки сдал?

Сема махнул рукой, словно отгоняя муху:

— Да ты слушай. Ничего секретного он не раздавал. Ступеней на пленках нет. Вот Даня по документам по национальности монгол, секретная разработка Улан-Батора с целью глобального изменения микроклимата. А Андрей выращен в пробирке из дерева Баобаба и рожден в новолуние седьмой декады конца света. Меня нашли в тайном кратере Индии, а ты пришелец с другого мира. Я, конечно, утрирую, но Вася им столько наплел, да так правдоподобно, мешая полуправду с бредом, что, слушая запись разговора, я под конец практически верил в собственное происхождение. Дошли до того, что эту запись у телевидения втридорога перекупили военные из ООН или НАТО, запретив показ по всем телеканалам. Пусть голову ломают, тратят миллионы на ручку, пишущую в космосе, а мы как писали карандашом, так и будем!

Скорпион, в который раз за утро, тяжело вздохнул, прислушиваясь к вкусным ароматам с кухни. От интерпретаций блондина истины начинала болеть голова.

— Ну, Василий, ну дает. Правильно говорят: «Где прошел хохол там двум евреям делать нечего». У него же корни украинские. Но погоди. Это всего пять миллионов. Продал горяченькое, повезло. А откуда остальные одиннадцать?

— Ха, это самое интересное. Они с Евгением сайт с аукционом в Интернете сделали. Помнишь, ты носки в библиотеке оставил? — Сема едва сдержал смех. — Фактически реликвия получилась.

Скорпион захлопал глазами. От горла поднимался приступ смеха. Едва сдержался. Если начнет гоготать, мышцы не простят.

— Так вот, с них все и началось, — продолжил Сема. — Сразу после общения с репортерами Женя, шутки ради, выставил на торги твои чудо носки с пометкой: «ускоряющие метаболизм под воздействием глобальной интеграции третьего слоя ауры в связи с совокупностью первородной теории Хаоса». Выставил за пятьсот тысяч евро, прилепив к носкам ролик, где ты по стенам в гравикомнате бегаешь при половинной гравитации. Так какой-то спортсмен, бегун или баскетболист, повелся и купил. А потом как началось: порошки, зелья, припарки, куски исцеляющей ткани. Изодрали весь твой боевой комплект на базе. На мощи святого. Еще и старые тапочки Дмитрия Александровича продали. Самое прикольное, что люди, скупившие все это барахло, оставляли отзывы, что им действительно помогло. Представь?

— Самовнушение — великая вещь. — Вздохнул Сергей. — Хоть в навозе копошись, главное верь, и исцелишься. Не понимают, что сами себя исцеляют. А кому распродавал-то?

— Сайт был на трех языках. Я тоже предупреждал, чтобы на территории России и СНГ не вздумал заключать сделки, но потом подумал — а откуда у наших честных граждан деньги-то такие? И мы без зазрения совести подсадили на лохотрон десяток-другой олигархов. Если еще и лечить наложением рук по фотографии начнешь, подтянешься до миллиардера. Пойдешь на страницы журнала «Форбс»? Мы тебя приоденем, синяки закрасим. Самое-то будет.

Нет, покоя сегодня не будет.

— Слушай, блондин, ну почему когда я в отключке, ты всегда норовишь покорить мир

к моменту моего пробуждения?

— Да скучно просто, Скорп, — посуровел Сема. Голубые глаза подернулись вуалью тоски, что пытался скрыть за несметным количеством юмора и энергии. — Хочется изменить это положение дел. Ты под пулями и на сухпае, а пиджаки в ваннах золотых купаются. Я не говорю, что надо вытащить олигарха из ванны и посадить туда тебя, но твой подход к перераспределению ресурсов в научную и исследовательскую область мне становится ближе с каждым днем. Почему бы и нет? Лучше чахлый спутник в небе, чем новый автомобиль с бриллиантовым рулем. Я лично на Марс хочу. Одно дело, когда мы одни туда с тобой доберемся, а вот когда с семьями, да на поселения, да в дальний космос... Лепота... А ты как думаешь? Долго мы еще как недоразвитые тюлени на материнской планете сидеть будем? — Сема оторвал взгляд от потолка, посмотрел на брата.

Скорпион погрузился в исцеляющий сон. Лишь легкая полуулыбка говорила о том, что он добрый и обнадеживающий. Обычный сон с взглядом в будущее.

— Вот подлец, сначала сам растормошит, с кровати поднимет, разбудит, мысли взбудоражит, работать заставит, а как только в бой, так сразу... Хотя ладно, тебе еще столько битв предстоит. Спи брат, набирайся сил. Вот проснешься и я тебе дорасскажу, как Дмитрий Александрович выкупил участок земли под базой и собрал все необходимые бумаги на оформление сего объекта в частное владение. Фигня, конечно, без оружия все эти бумаги. Но все же переходим на официальный уровень. Еще столько всего предстоит... — Сема поправил одеяло и вышел из комнаты, тихонько прикрыв дверь.

— Предстоит, Семка, конечно, предстоит, — прошептал одними губами Скорпион, погружаясь в сон... — Как бы тебя еще научить кратко излагаться? Индиго-философ это перебор.

* * *

Кавказ

Семнадцать часов спустя

Лампочка мигнула и погасла. Подполковник внутренних войск Лавров непроизвольно выронил стакан с чаем. Граненная стекляшка с треском рассыпалась по полу на десятки осколков, запачкав и без того старые брюки липкими пятнами. Сердце тревожно забилося в предчувствии нестандартной ситуации. Периферия зрения выловила за окном какое-то движение.

Лавров в темноте нашарил выдвижку стола. В руку легла знакомая прохладная рукоять Макарова. Тут же слух выловил возню в коридоре. Послышались частые выстрелы, ругань. Кто-то пробивался с боем с нижних этажей, сметая ночную охрану, как картонку шквальный ветер.

Подполковник схватил со стола телефон-передатчик, зло бросил в трубку:

— Саша, что там за черти ломаются?

Вместо ответа старшего сержанта Еременко в трубке послышалось хриплое:

— Аллах Акбар! Я порежу тебя, как барана!

В груди застыл холодный ком. Неприятно покатился по телу, обдавая дрожью. В голове завертелись грустные мысли.

Ну, вот и все, пришли и за ним. Купить не смогли, так просто пристрелят. Или взорвут.

Терять Лаврову было нечего. Жену с дочерью боевики вырезали еще в первую чеченскую компанию. А старушку мать потерял при вылазке бандитов в город. Группа боевиков тогда при прорыве стреляла по всему, что двигалось. Не жалели ни стариков, ни детей.

Подполковник пинком опрокинул стол, баррикадируясь от двери. Присел на корточки, готовый в любой момент выстрелить в дверной проем, в случае атаки. Живым он не дастся, но и уходить на тот свет сразу не спешит. Захватит с собой пару смертников. Обойма полная.

В коридоре вновь послышалась автоматная очередь, совсем близко. Кадык непроизвольно дернулся, пытаясь проглотить холодный ком, застрявший в горле. Палец сам надавил на спусковой крючок, когда в проходе появилась небритая физиономия с зеленой повязкой на лбу. Цветом джихада. Бородач рухнул в проем, подкошенный метким выстрелом в лоб. «Десятка», как на стрельбах в учебке.

Но больше Лавров выстрелить не успел. Мелкий орешек гранаты ударился о стол и отлетел чуть вбок, погрузив в слепоту и оглушив на долгие секунды. Офицер полностью потерял контроль.

Очнулся на коленях под дулом автомата. Рослый детина по-волчьи скалил зубы, хриплым голосом что-то втолковывал. Слух то появлялся, то пропадал, картинка двоилась.

— Ты думаешь, ты нужен своей стране? Своему правительству? Государству? Тупой шакал, ты отказался от денег. И теперь умрешь! Здание под нашим контролем! Шайтан заберет тебя к себе.

— Сам шакал, — прошептал Лавров, закрыв глаза и приготовившись к смерти.

Стекло разлетелось на тысячи осколков. Лавров открыл глаза, глядя, как берцы незнакомца врезались в челюсть бандита. Ваххабит отлетел в угол, роняя автомат. Через мгновение блеснувший в темноте нож неожиданного гостя вонзился в грудь бородача. Тот захрипел. Из рта потекла черная в полумраке кровь.

Незнакомец в маске вытащил нож, приблизился к Лаврову. Быстро проговорил низким уверенным голосом:

— Не слушайте шакалов, подполковник Лавров. Вы из таких людей, которые нужны России. Делайте свое дело так, как делали. Грядут перемены. Если и дальше будете работать в разумном русле, Антисистема свяжется с вами.

Лавров лишь кивнул, запоминая карие глаза спасителя сквозь прорези черной мази. Ночной шиноби выхватил АК-74 из рук бандита и с невероятной скоростью, словно ветер, скользнул в коридор. Как понял Лавров, он собирался еще и зачистить здание.

Аналитический отдел предположил, что главарь налетчиков мог знать примерное расположение базы Горэ. Предстояло обезвредить его банду и допросить главаря.

Лично.

Кот просто делал свою работу.

* * *

Кавказ. Где-то рядом

Лопасты привычно резали воздух. Вся кабина знакомо вибрировала, погружая в тревожное состояние готовности к бою. Еще пять минут и будут на месте. Снова в бой, снова под пули.

Даниил Харламов окинул взглядом свою бойцовскую дружину. Закаленные боями десантники. Веселые лица, но вечно хмурые глаза профессионалов. Отпечаток профессии. Дедов брат не стал, тем полгода до дембеля, солдаты-срочники служат из-под палки, долг родине для многих — это не зарплата. Свою команду слепил из бывших спецназовцев Саныча, Никитина и скорпионовцев. С ними через огонь и воду. День за днем, словно не внутренний конфликт в стране, а локальная война на всю планету. Зато ни один не подведет. В качестве поощрительного бонуса с каждой спецоперации и зачистки отчислял премиальные, если таковые попадали в руки. Боец с голодающей семьей дома — раздираемый муками совести мужик. Он, исполняя свой профессиональный долг, думает, где бы достать денег, чтобы накормить и одеть семью. А если попадается крупный зеленый пакет, то почему бы часть из него не раздать дружине, как делали все вожди и князья прошлого после боя? Треть в штаб, официальным военным, чтобы закрывали глаза на самодеятельность, треть Антисистеме, пусть скорей сметут прошлые порядки беззакония, и треть самим бойцам. Одни командуют, другие кровь проливают. Должен быть баланс.

Даня сложил брови на переносице. От аналитиков структуры поступила наводка на

группу курьеров в заданном квадрате. Снова тащат через границу белую смерть. И оружия столько, что вооружить можно целую армию, отобьются и от танков, и от самолетов.

Дан приказ, и «вертушка» режет воздух. Своей нет, пришлось арендовать у «официальных». Бензина как всегда не хватает, высадят за десяток километров от заданной точки. Снова бегать по лесу, ущельям, горам, высям.

Надо бы нашей структуре подумать о приобретении нефтяных месторождений и перерабатывающего завода. На следующем совете стоит подкинуть единомышленникам идею.

Но не привыкать бегать по горам, как горным козлам. Главное, чтобы белый порошок сгорел на костре, а не растворился в крови сограждан, вновь порабошая чьи-то жизни. Кто-то один богатеет на продаже смерти, а десяток продают душу, сгорая изнутри.

— Слушай мою команду, — перекричал Даня грохот лопастей, поймал прицел зорких глаз, сделал эффектную паузу, чтобы придать большей значимости, и гранитным голосом добавил, ломая все барьеры. — Пленных не брать! Приказ штаба отменяется!

На суровых лицах заиграли понимающие улыбки. Народ подтянулся, приободрился, заерзал на месте в предвкушении равноправной бойни, где не только тебя могут убить, но можно без боязни стрелять в ответ.

Раньше было, что бойцы кладут жизни за уничтожение партии героина в десятки килограмм, а поставщику пять лет дают. Финансовые потоки выкупают их из тюрем через год. Совсем другое дело, когда продавца смерти оставляешь на том же костре, где в воздух взвигается ядовитый дым порошка.

Древняя формула проста — око за око, зуб за зуб.

Старший лейтенант Даниил Харламов был сторонником сильной власти. Сильная власть подразумевала расстрел по всем «наркотическим» статьям в кодексе Российской Федерации.

— Снижаемся, — прокричал пилот.

Пассажирский вертолет завис в нескольких метрах над землей.

— За мной! — Даня первый коснулся земли и устоял без переката.

Пригибаясь от ветра лопастей, помчался в лес.

Семь фигурок поочередно попрыгали на землю вслед, вынужденно совершив перекат, и так же скрылись в лесу.

В десяти километрах к западу отряд столкнется с бандой боевиков.

Медведь, просто делал свою работу.

* * *

Кавказ

Два дня спустя

Одинокая птица парила над вершинами гор. То ли сокол, то ли орел. Летела слишком высоко, с земли не разглядеть даже со стопроцентным зрением. Парила гордо, как и все живое на Кавказе. Явно хищник, рыщет своим сверхчетким зрением по земле в поисках добычи, как рыщут по высоким лесам группы бородатых. И нет для тех бородатых различий: русский солдат или мирное население народов предгорий и гор, мусульманин или православный. Для них нет никакого понимания слов, доводов, рассудка. Понимают только силу. Важна только война. Беспрекословная война со всеми неверными. А «неверными» с легкой руки денежных потоков становятся все, на кого укажут из тени.

Откуда и предстояло узнать в скором времени.

Андрей переложил губами травинку, погрыз, покусал. Осторожно протер стекло снайперской винтовки тыльной стороной кожаной перчатки. Задумчиво обронил, не сводя глаз с дальней зеленки⁷.

⁷ Зеленка — заросшая кустистая местность.

— Дань, почему самых ярких чеченских и прочих террористов называют именно «ваххабитами»? Скорпион говорил, что настоящие Ваххабиты — это члены королевской семьи Саудовской Аравии, и большинство их подданных — люди сугубо мирные, богатые и процветающие. Они покровительствуют священной Мекке, выступают с самых авторитетных университетских кафедр и ни к какому вооруженному насилию не призывают.

Даня поправил косынку цвета хаки, чуть прикрыл уставшие от долгих бессонных ночей глаза, но ответить не успел. Краем сознания уловил в дальних кустах постороннее присутствие. Оборвал разговор, расширяя чувственную сферу и уточняя количество человек.

Кот замолк, прислушался. За время двухлетних скитаний по Кавказу, его и Даниила трижды повысили в звании за уничтожение разрозненных и сплоченных групп бандформирований, как выражались официальные лица. Всего завалили порядка двухсот боевиков. Хотя кто их считал? Вдвоем уничтожили больше, чем некоторые полки и дивизии вместе взятые. И что толку? Количество воинствующих бандитов не уменьшилось ни на пядь. То из местных жителей вербуются по любому поводу, то границу с Грузией перебегают наемники со всего мира. И за дело ислама, и так, пострелять. Каждому свое. Кавказ и ныне там, пока открыта граница.

Из- за резких повышений в званиях на молодых парней стали коситься. Каждому не объяснишь, что действительно потом и кровью. Пришлось уйти в подполье разведки и контрразведки. Сложить лычки, отказавшись от званий и пагонов. Проверки-надзоры сверху, бюрократизм и субординация ушли ко всем чертям, руки развязались. А то, что «официального» статуса военных лишили, с правом на применение холодного оружия и защиту родины, так это не беда. Золоченые книжечки с грифами особых отделов сделать труда не составляло. Конторы давно к себе переманивали, не подозревая, что бойцы класса «супер» работают совсем на другую систему — Антисистему.

Штанишки армии начали теснить, пришлось сменить на более просторные. Ночные облавы на вооруженных до зубов бородачей, когда даже местные стараются держаться дома, с ночным зрением Даниила и Андрея заставляли террористов врасплох. За неделю вольных прочесываний в горах, когда в штабе о тебе ни краем уха, нашли столько схронов оружия, что вооружить можно не одну сотню человек. И это после всех чеченских кампаний, рейдов силовиков, суеты местной милиции. А Кавказ все тот же. Третью сотню лет.

— Андрюха, чего пригорюнился? — ткнул в бок Даниил, — там три с лишним десятка фундаменталистов наркоту со стороны грузинской границы тащат. А по рации о прорывах через блокпосты не передавали. Вот тебе и еще одна дырочка на границе. Зашьем?

— Бородачи? Через Южную Осетию? — предположил Андрей.

— Нет, Осетия хочет единства. Давно к России просятся, мира хотят. Документ о вхождении в Российскую Империю есть, а о выходе нет. Выходит, что Грузия нелегально оккупировала территорию. Осетины подлить не будут, наркотропы в обход идут. — Вздохнул Даня. — Мне кажется, база Горэ в Панкийском ущелье.

— Крупная, видать, дырка на границе. — Добавил Андрей, вспоминая выпускной, красный диплом и сладкие губы девушки, имя которой выветрилось из памяти за два года партизанской войны на своей территории против чужих... или своих?

Эти свои хуже чужих. Бардак получался такой, что выходило — воевать приходится со всеми одновременно. Система уничтожала боевиков и тут же поощряла, вновь зачищала территории и снова мазала медом.

И чего я здесь с автоматом бегаю? — подумал Андрей. — В детстве что ли, не навоевался или тренировок не хватило? Кавказ этот и даром никому не нужен. За жалкие капли нефти реки крови. Выжгли бы уже все напалмом или дали бы этим горцам свободу, заслужили. Пусть друг с другом воюют, как хотят. Война не из-за нефти, ее в других регионах ведрами черпать можно. Война идет потому, что страна свои ошибки признать не может. Авторитет страдает. Зря, что ли, морочились триста лет? Хотя с другой

стороны так страна и не позволяет себе развалиться по директориям, областям и прочим автономиям.

— Жаль, авиация прикрыть не может, — буркнул вслух на автомате, пытаясь поймать в смятениях души момент, когда вся эта возня с кровью, убийствами, огнем и войной просто осточертела.

Даня повернул голову:

— В этих кустах стингеров, как муравьев... ВДВ прикроет уже у самой границы. Зажмем в стальные тиски. Это последняя наркотропа на Кавказе, поработали хорошо. А то, что откроются или появятся новые дыры, это уже не наши проблемы. Это политика. Если тупят там, то мы здесь бессильны. Ругаться не буду, надоело. Да и какая может быть политика, когда все здесь решает Горэ? Найдем базу этого урода, доложим аналитикам. Потом вернемся всей нашей группой, сожжем до основания вместе с сильным мира сего и на заслуженный отпуск. Вася все-таки молодец с бонусами. Я давно мечтал об отдыхе.

Палец Андрея дернулся, спуская крючок. Дуло выплюнуло длинную бронебойную пулю со смещенным центром тяжести. Кусок свинца, преодолевая гравитацию, ветер, влажность и настрой снайпера, понесся к цели.

Тело рухнуло. Тут же бредущий отряд террористов зашухался, встрепенулся, поливая окрестные кусты градом пуль. Андрей методично отстрелял магазин, перебежал на новую позицию, вставил новый.

Рутинная работа снайпера.

Когда выпустил последний патрон, Даниил уже встретил группу бандитов, идущих на обнаружение и подавление огневой точки...

Медведь выпорхнул из-за куста перед бандитами бесшумно, совершенно неожиданно. Расстрелял в упор всю обойму, снова нырнул в зеленку, двигаясь в темпе. Выполз уже далеко. Снаряд РПГ, выпущенный по нему, задел лишь своих же боевиков.

Кот, отложив родимую пристреленную винтовку, выхватил из-за пояса нож и, скалясь, как зверь, хотел, было нырнуть в соседние кусты, но в ухе щелкнул микрофон:

— Я те пошалою! — Послышалось предостерегающе от Харламова. — Мы чем ближе к границе, тем ближе к Горэ. Хочешь, чтобы засек? Ничего выше темпа, никаких ступеней, дерись как простой солдат... Ну, почти простой...

Кот с негодованием вернулся на точку снайпера, ворча, принялся перезаряжать старую добрую систему Драгунова. Не глядя, швырнул нож в кусты. Удовлетворенно услышал всхлип и падение тела боевика.

Тоже мне, разведчик!

С самым обиженным видом приник к прицелу. Но терпения хватило ненадолго.

Даниил носился по зарослям с мощностью тура, но грацией лани. Отвлекал отряды на себя. В сгущающихся сумерках мелькал его зазубренный нож, а тела в черных камуфляжах неслышно оседали в траву, ничего не успевая шепнуть в усик микрофона. Наступающая темнота была союзником, способствовала разведывательно-диверсионной работе. Андрей свою норму отстреляет, отдохнет, может быть, где-то даже поспит, но сам пока не сожжет который уже килограмм этого проклятого белого порошка, спать не ляжет.

Ноги размеренно подбрасывали над землей. Далеко за периферией слуха остались отдаленные отзвуки автомата, взрывы гранат. Это курьеры палили в сгущающихся сумерках по любым хомякам в кустах. Боялись каждой тени.

В потоке шорохов вычислил осторожную поступь Кота — не спиться же шельме! — тот вылез из куста, виновато разводя плечами:

— Как солдат, значит, как солдат... Там больше не полезут. Ты верно подметил. Они в тисках. С одной стороны наш отряд... или лучше армия? С другой твой тренированный десант подожмет позже.

Андрей тяжело опустился на траву. Устал не физически, морально устал, иссяк. Внутри начинало что-то подтачивать, ощущал, что воюет без веры, вхолостую. Значит, что-то уже не то. Стоило остановиться и разобраться в себе.

— Отвоевали мы свое, Даня. Вырастать пора. К тому же родине можно служить по-разному. А я не люблю лицемерить. В горле застрял у меня уже этот Кавказ. Нечего здесь делать. Пусть антисистема отправит меня куда-нибудь в степь, а тайгу или на север. Или пески. Все равно, только подальше. — Андрей без сожаления выбросил винтовку в кусты, оставив из вооружения только нож и надежный, как Калашников, пистолет ГШ-18.

Даня ничего выкидывать не стал, повесив автомат через плечо. Знал, что война так быстро своих солдат не отпускает.

— Андрюха, я ждал этих слов. Ты прав, детсадовцам пора в школу. Нас еще звезды ждут, а мы грязные, голодные и от выстрелов оглохшие, по горам как горные козлы скитаемся. Все выполняем миссию водородной бомбы... Как думаешь, от кого больше крови?

— Эх, надо бы институт второй закончить, как у чернявого с блондином, я бы тебе по бумажке ответил.

— А без шпаргалки слабо?

— Не политически корректно.

— Тогда молчи, как все молчат.

— Так безопаснее.

— Ну-ну...

Через несколько часов две сумрачные фигуры в камуфляже пересекли границу Южной Осетии.

* * *

В то же время в Хабаровске.

Сема отворил дверь квартиры, отключил сигнализацию. Квартиру давно считал своей. Родителей видел два раза в год: в начале декабря на день рождения и в июле пару дней, да и то как-то мельком, скорее для приличия. Эти встречи ничего не приносили. Не создавали даже иллюзии праздника — пустышка. Бабка, свихнувшаяся коммунистка, после череды санаториев и лечений наткнулась на представителя сектантской концессии и погрязла в секте «космических коммунистов последнего дня». Вся секта укатила в пустыню Гоби в поисках истины и седьмой месяц не подавала о себе вестей.

Наверное, нашли.

Егоров давно хотел сплавить ненавистную старушенцию в психический диспансер, но судьба милостиво развязала руки, убрав преграду самостоятельно. Поучаствовав в уничтожении трех сект, торговавших наркотиками и порабоцевавших людей, Леопард впервые нашел в них разумное зерно истины. Бред коммунизма, при смешивании с бредом новоявленных пророков, жаждущих спасения от инопланетных существ, давал фантастические результаты — злобные пенсионерки растворялись без следа, сглаживая статистику, в которой старушки жили в среднем на двадцать лет больше стариков.

Отец говорил, что в восемнадцать лет переписшет все документы на квартиру на сына, ждать оставалось полгода. Только с последней зимней встречи, до первого летнего месяца произошло слишком много событий.

Сема, не разуваясь, прошел на кухню с кипами пакетов. Отдернул шторы, подставляя лицо краешку восходящего солнца. Утро едва вступало в свои права, скрытое за серой пеленой душной погоды.

Не глядя, уселся на стул, придвигая к себе стационарный телефон. Глаза прошлись по горе посуды, толстому слою пыли, грязному кафелю. Даже с моющей машиной и суперпылесосом убираться некогда. В детстве убирался ежедневно, тогда кроме школы и редких тренировок ничего не было. Последние три года еще пытался поддерживать в доме хоть какой-то порядок, выкраивая время из сна после бесчисленных заданий, учебы, занятий, постоянных тренировок, путешествий и глобальной суеты, в которую завертела жизнь. Даже Маша пыталась помочь, раз в месяц устраивали генеральные уборки, зачистки... Но

эксплуатировать любимую девушку не собирался, тем более, что во всей суеде встречались редко. Не чаще раза в неделю.

Пора это прекращать.

Сема разгреб пакеты. Провизией забил весь холодильник. Документами, бумагами и вещами засыпал обеденный стол. Глаза скользили по специальным дипломам без дат — в скобочках значилось «экстерном» — пустым погонам и горкой звездочек, которые так ни разу и надел.

Хе, сотрудник отряда специального назначения «Альфа». Уволен в запас. В семнадцать лет. Скорп прав, какой-то полный бред с нашим ускоренным развитием.

Разогревая чайник, стянул с себя кожаную куртку. Извлек из карманов кредитку, толстый бумажник, удостоверение сотрудника охраны — скорпионовца, ключи от квартиры и мотоцикла, сотовый, плеер, коробочку связи с базой, карманный компьютер с GPS. Скинул с плеч пояс скрытого ношения с пистолетом в кобуре, тремя обоймами. С ноги под носком стянул мягкие ножны с метательным ножом.

Полезные вещи. Война всегда со мной. Что-то достала эта суеда. Вот черт, точно пора на пенсию. Поздравляю, Семен Егоров, ты семнадцатилетний пенсионер. Ветеран. О, мама, роди меня обратно. До чего дожил? Много чего за три года произошло.

Сема прислушался к тишине. К ней привык. Она часть его жизни. И погрузился-то в суету, чтобы забыть об одиночестве, выжечь каленым железом.

Две минуты дышал низом живота, восстанавливая организм. Затем резко придвинул к себе стационарный телефон и застучал по кнопкам, набирая номер фирмы, предоставляющей услуги домработниц, объяснил ситуацию.

— Мы не можем предоставлять услуги лицам младше восемнадцати лет, — бесстрастно ответили на том конце провода.

— Да всего-то полгода до восемнадцатилетия.

— Это не имеет значения. Что полгода, что два дня.

— Да какая разница? — Возмутился Сема. — Я плачу из собственного кармана наличными. Я же не в интим-услуги звоню. Почему вы такие пуленепробиваемые?

— Молодой человек, законодательство...

— Погодите! Вот вы сколько получаете?

— Это не имеет значения.

— Я дам вам зарплату за два сезона, если вы закроете глаза на сто восемьдесят дней.

— Молодой человек, законодательство...

Сема бросил трубку, причитая:

— Старый мир должен рухнуть как можно быстрее. Что мне, студенток в домработницы брать, что ли? Маша приревнует, да и я не уверен, что вернусь в квартиру, где все вещи будут на месте. Дипломы есть, военный билет есть, водительские права есть, а прав нет...

Пискнула рация базы. Сема притянул ушко микрофона:

— Леопард на связи. Прием.

Послышался уставший голос Саньча:

— Привет, боец. Мне тут человека в тройку опытного не хватает для задания. Даня с Андреем на Кавказе, Скорпион еще не отошел. Пойдешь? Задания класса «ресурсное». Мужики вроде и сами могут, но в итоге столько крови получается. Накипело у народа, сам понимаешь. Все как-то в карательное действо переходит...

Сема вспомнил все шесть типов заданий Антисистемы. Классификацию буквально на днях ввел Василий.

Ресурсное — кампания по перераспределению доходов в нужное русло или изъятие денежных масс у криминализованных или теневых структур, работающих во вред стране.

Возмездие — ликвидация лиц или группы лиц, осознанно вредящих разумным действиям или поощряющих беспредел системы, как их часть.

Воспитательное — первое и единственное предупреждение лиц или группам лиц.

Поощрительное — помощь разумным единицам или коллективам с возможной последующей проверкой вышеупомянутых лиц.

Карательное — физическое уничтожение особо опасных преступников, рецидивистов, маньяков, торговцев наркотиками, предателей, двойных агентов, главарей террористических групп, патриархов сектантских концессий, уничтожающих разум людей, и прочих лиц, лимит преступлений, против человечества которых пересек красную черту.

Смежное — комбинация нескольких типов.

Сема почесал нос, покачал головой:

— Саныч, имей совесть, раз с ней не дружишь. Я только что с задания. К тому же не в настроении. Злой я какой-то стал, поубиваю всех к чертовой матери. Ты мне лучше домработницу найди, а то во мне совесть проснется, вообще тогда из заданий вычеркивать можешь.

— Да ладно, ты все равно в отпуске. Это я так, на всякий случай. Народа в принципе хватает, найдем людей. И домработницу найдем. Повара тоже?

— Слушай, Саныч. Мне не до смеха. Дом превратился в свалку. Ты же знаешь, я бываю здесь все реже и реже. Мне проще купить новые носки, чем постирать старые. И на кой мне повар? Для кого он будет готовить? У меня даже собаки нет!

— Ладно, шучу я, не грусти.

— До связи.

— Жди звонка, боец. Отбой.

Сема опустил наушник. Усталость накатила волной, даже аппетит пропал. Быстро скинул с себя всю одежду и зашлепал босыми пятками в ванну. В кой-то веки понежиться в джакузи. С собой захватил только сотовый. Его номер знали лишь четыре человека: родители, Скорпион и Мария. Ради них готов на все, а от остальных можно и в отпуск.

Перешагивая через горы белья, залез за борт. Включая оба крана, сел на дно, отдаваясь бурлящему потоку. Евроремонт ванны портил эту идиллию из кип белья, заваленная бельевая корзина и стиральная машинка. Это навевало тоску, погружая в какое-то новое чувство — депрессию. Постарался закрыть глаза и не думать о бренном. Но в голову упорно лезли мысли, что на себя перестал тратить время абсолютно.

Бешеная работа, все на износ. Даже экзамены не дали нормально сдать. Нужен отдых. Нельзя же так уставать. Перегрузка. Слава Творцу, все позади, впереди только отпуск и... небольшие подработки. Не более.

Рука потянулась к сотовому, не глядя, набрал заученный номер. Она ответила почти мгновенно, голос сиял, придавая сил:

— Да, любимый. Снова еле живой?

— Маша, выходи за меня замуж. Я без тебя не могу. Люблю тебя больше жизни. Забери меня от этой жизни в свою. Я куплю нам дом за городом, обустрою его с нуля, у нас будет две машины, я завтра же получу нормальные водительские права, научу ездить тебя. У нас будет отряд чудных детишек, трое как минимум. Они будут ползать по мне вечерами, когда всей семьей будем сидеть у костра во дворе или у камина дома. Один точно будет блондином, вторая чернявая, как сама ночь, а дальше... да что дальше? Я обеспечу тебя с ног до головы, можешь каждый месяц уезжать за границу, делай что хочешь, только будь рядом... Маша, я люблю тебя.

Физически ощутил ее улыбку, грустные глаза. Голос стал еще нежнее, потеплел:

— Сема, нам по семнадцать лет. Куда ты торопишься? Дай хотя бы закончить институт. Не так, как ты, а по-честному. Пять лет от звонка до звонка.

— Тут каждый день, как последний. Мир лихорадит. Ждут пришествия инопланетян. Мы когда со Скорпионом паркур⁸ занимаемся, нас часто путают с инопланетными

⁸ Паркур — (фр. parkour, искаженное от parcours — дистанция, полоса препятствий) — дисциплина, заключающаяся в быстром преодолении препятствий.

захватчиками. Если простых трейсеров⁹ принимают за что-то нечеловеческое, то я представляю удивление народа, когда придет какой-нибудь пророк.

— Вообще в нашей стране каждый третий выдает себя за пророка или как минимум его помощника. Ничего необычного.

А каждый второй поглощен в это верой.

— Маш, я не знаю, сколько живут индиго. На наших со Скорпионом скоростях мы можем перегореть гораздо раньше. Как вундеркинды.

— Сема, милый, ну ты же знаешь, что это не так. Юса не права. Индиго не только проживут дольше средней статистики жизни, но и разовьются в новое поколение.

Поток энергии прокатился по телу, выветривая депрессию и сомнения. Вернулся былой настрой.

— Если женщине обрезать крылья, она будет летать на метле.

— Так, блондин, что за дела? — голос любимой посуровел.

— Да я в хорошем смысле. Немногие знают, что слово «ведьма» произошло от слова — «ведать», то есть «знать», «понимать сакральное», «ведать знаниями». Это все от арийских вед. Ведари и ведьмы. Меня в последнее время в родовые сны выбрасывает. Конечно, не такие как у Скорпиона, скорее картинки, слайды. В общем, от недосыпания перед глазами мелькают отрывки из сюжетов жизни пятой расы.

— Пятой расы?

— Ну да, пятой, людской.

— А что, до нас еще были расы? — воскликнула Маша.

— Ну, да. Динозавры вымерли 65 миллионов лет назад, а человек как таковой появился 2 миллиона лет назад. Промежуток в 63 миллиона — неплохой срок, чтобы запихать туда пару-другую рас. Не находишь? — Сема прикрыл глаза, расслабляя перетруженные мышцы.

— Атланты? Гипербореи?

— Эти жили относительно недавно, три-четыре десятка тысяч лет назад, пра-люди. Отдельной расой не считаются. Мы со Скорпионом были в одном из старых фортов, видели. Можешь считать их нашими прадедами.

— Арийцев — дедами? А скифов — родителями?

— Что скифы-славяне, что кочевые племена — все в одном котле варились, пока с лошадей не слезли, да земледелием не занялись.

— Спасибо за краткий исторический курс.

— Да неважно все это, Машка. У всех общие предки, общая ведическая пра-религия. Как бы это людям объяснить...

— Адам и Ева?

Да кто о них знал две тысячи лет назад-то?

— Не совсем. От двух предков в результате инцеста человечество выродилось бы раньше, чем началось.

— Как у египетских царей, что женились на своих сестрах или дочерях? То-то до наших дней ни одного настоящего египтянина не дожило. Одни арабы.

— Вот видишь Машка, историю ты знаешь. Иди на исторический, заканчивай экстерном и...

— Погоди, ариец. Так что там про расы? Какие были до нас?

— Четвертая — лемурийцы, третья — титаны. А вот со второй и первой я ни в чем не уверен. Но полагаю, что боги и эти... ну такие, черненькие, маленькие, с большой головой.

— На летающих тарелках?

Вот черт, еще и под психа подвели. Ладно, не впервой.

— Возможно. Летают и наблюдают за своей старой родиной, чтобы мы все не спалили

⁹ Трейсер — Человек, занимающийся паркурком.

здесь в ядерном грибе. А то накажут. Ядерные катастрофы были и до нас. Кто-то из богов сражался под Уралом. То ли Брахма, то ли Ярило. Я точно не знаю. Боги, как первая раса — почти бессмертны, возможно, выжили после своих каких-то войн, своих разборок. Ну, чего там у них было. В общем, я снова не уверен, но, кажется, именно они наставляли людей в начале пути. А может, и создавали нас своими руками. Каждый по-своему. Потом один присвоил таинство создания себе.

Маша молчала, раздумывая, шутит Сема или нет. Тонкая грань между юмором и правдой — специфика блондина.

— Ладно, не заморачивайся, просто знай, что Пирамиды, Стоунхендж, памятники Майя, Инков и прочие артефакты древности построить руками людей в то время было невозможно. Технологий не было. Да и сейчас почти нет. Никто не сможет построить Великую пирамиду даже со всеми современными технологиями. Возможно, предшественники магию использовали. Но кто научил? Боги и научили. А потом передрались за право единоличного обладания всей человеческой расой. Как мелкий ошметок от богов, я знаю только Пятнадцать сильных мира сего. Пока видел только двоих. Больше я тебе, разведчица, ничего не скажу. Если только про йети или крылатых людей. Но как-нибудь в следующий раз.

— А что с крылатыми? Я помню в древнегреческой поэме про аргонавтов, участвовали двое крылатых. Их еще на вазах рисовали. Но это, наверное, из той же оперы, что и Геракл — мифы.

— Про Геракла-Таргитая точно в следующий раз. По древности все друг у друга мифы тырили, потом переименовывали присваивали, но суть оставалась прежней. А крылатые люди были. На Руси их Палычами называли. Один приковал себя цепями к воротам Киева и защищал город до самой своей смерти. Это еще до крещения было. Предприимчивые христиане эти крылья потом ангелам стали пририсовывать. Чтобы больше благочестия, избранности, святости... Великаны, крыланы и прочие забавные создания — последствия ядерной войны 23 тыс. лет назад. Мутанты. От тех войн одни кратеры по всей Земле остались. То ли Атланты, то ли... Маш, я не сильно много говорю?

— Сема, я все равно почти ничего не поняла, но постараюсь разобраться. Все, милый, убегая на экзамены. Теперь я точно знаю, куда мне поступать. Спасибо. Целую. До встречи.

Телефон гадко пискнул, отключаясь. Сема посмотрел на трубку с неприязнью, тяжело вздохнул. Но запал не иссяк, набрал номер матери.

— Мама.

— погоди, Сема, я на совете. Перезвоню, — докатился равнодушный голос матери.

До слуха перед отключением донеслись испанские слова.

Сема не сдался, набрал отца.

— Папа.

— Семен? Рад тебя слышать, но я в командировке в...

Залатанную плотину прорвало в один момент. Все, что накопело в душе за половину потерянного детства, выплеснулось наружу.

— А ну-ка стоять! Выслушай меня внимательно хоть раз.

— Но я на...

— Ты и «на» и «в», а мне не важно. Я хочу ощущать, что у меня есть родители. Хотя бы раз в месяц или квартал. Я просто уйду из дома, переделаю документы, и вы обо мне больше не услышите! Я женюсь, а вы так и не узнаете! И внуков вы не увидите! Удели мне пять минут или взорву к чертям твое посольство, захвачу тебя в заложники и похищу вместе с матерью. Поверь мне, сил хватит!

— погоди, отпрошусь выйти. — Сухо обронил отец.

В телефоне послышалась французская речь.

Почти минуту спустя телефон снова щелкнул. На линию подключилась и мать. Оба взволнованно затараторили:

— Что с тобой, Семен? Где бабушка?

— О, боги! Какая бабушка? — Взмолился Сема, — это старческое слабоумие давно собирает грибы на кольцах Сатурна. Она выпала из моей жизни, как только я пошел в школу.

— Но Сема...

— Никаких «но»! Когда я смогу вас увидеть? Когда вы в последний раз сами друг друга видели? За отпуск вроде бы не расстреливают. Прошли те времена. Так в чем дело?

Первой ответила мать:

— Сем, ты взрослый мальчик. Мы зарабатываем тебе на жизнь, на стабильность и уверенность в завтрашнем дне, на...

Мальчик. Как давно я не слышал этого слова.

— Не смей меня, мама, — прервал Сема. — Если дело только в зарплате, то можете увольняться. Я обеспечу вас всем необходимым до конца света. Я заработал за несколько лет больше, чем вы вдвоем за все свои годы дипломатической тяжбы. Говорю вам, увольняйтесь, и я не позволю вам в чем-то себе отказывать. Просто вернитесь домой, просто побудьте рядом со мной. По-человечески тепла хочется...

Прервал отец:

— Сын, дело не в деньгах...

Отступить поздно.

— В чем?! Вы ненавидите меня? Или, быть может, я задушил в колыбельке своего брата? Сестру? Почему? Отвечайте мне! Почему я один? Потому что я индиго? Что я сделал такого? Что?! Откуда холодный блеск в глазах, когда мы встречаемся? Откуда это равнодушие?

— Просто мы с твоей мамой давно другие люди, — донесся холодный голос отца.

— У нас разные жизни, Сема. Ты уже взрослый, должен понять...

— Ненавижу вас! Если бы не брат, я бы вырос моральным уродом.

— Сема, ну не надо так. Не думай об этом, я вот договорился, чтобы тебя в МГИМО зачислили.

— А я тебе квартиру ближе к морю присмотрела.

Сема дышал тяжело. Такого гнева не испытывал давно, если вообще когда-то испытывал. В душе что-то оборвалось. В бурлящей джакузи стало холодно и неуютно. Этот холод пошел изнутри, схватил за сердце. Губы зашептали в бессильной ярости:

— Копии своих дипломов я пришлю вам по факсу, квартиры оставьте себе. Ваши слова звучат фальшиво. Я пытался на это закрыть глаза, переубедить себя... Но не смог. Что не так в нашей семье? Говорите. Я все равно узнаю правду.

Молчание длилось самые долгие в жизни Семы десять секунд.

— Ты не наш сын, — не выдержал отец.

Стекло жизни пошло осколками. Трещины, трещины. Тишина. Боль.

Сердце больно стукнуло в грудь. Раз, два, три. Это вполне могло быть инфарктом, если бы не тренированная мышца и ранний возраст.

— По воле несчастного случая, мы оба бесплодны, — добавила мать, — тебя зачали из пробирки и... выносила суррогатная мать. Мы пытались тебя полюбить, но...

Сердце снова стукнуло в грудь.

По щекам потекли слезы... Их не остановить никаким самоконтролем. Да и незачем.

Так вот все откуда. Эта фальшь, этот каменный, холодный и равнодушный взгляд.
ЛОЖЬ! ВСЕ ЛОЖЬ!

— Я покидаю это обиталище. — Заговорил Сема не своим голосом. — Надеюсь, стоимости квартиры хватит, чтобы оплатить нянечек и пеленки, на которые вы тратились, приезжая из зарубежных командировок. Если нет, пришлите счет, я оплачу.

— Что ты такое говоришь? — донеслись оба голоса, — тебе всего семнадцать лет, не выдумывай.

— Вы забыли, что значит «семья». А я никогда не знал, что значит — родители. Я в свои семнадцать понял больше, чем вы. Прощайте, у меня больше нет родителей. И не беспокойся, «отец», за фамилию дипломата Егорова. Она не пострадает в любом случае. Я

меняю фамилию.

— Что?!

Ладонь сжалась. Телефон сухо хрустнул и упал на дно джакузи переломанной микросхемой и кусками пластика. Сема бессильно опустился на дно, не набрав в легкие кислорода. Внутри, в душе, не осталось ничего. Словно вытащили весь скелет, каркас и остов самой сути. Взамен оставили только безразмерную глыбу льда. Так холодно и пусто не было никогда.

Вот она, правда. Вся, целиком и полностью. Получил, сколько хотел.

Организм взбунтовался, требуя воздуха. Жизненный импульс выбросил из джакузи, требуя лишь одного — действия.

Как робот, оделся, накинул куртку. Так же на одних алгоритмах, достал из шкафа свой старый, походной рюкзак. Побросал внутрь документы, немного личных вещей. На столе оставил кредитную карточку с кодом. Решил отдать воспитателям половину всех денег, что заработал сам. Более половины миллиона евро вполне хватало, чтобы окупить все расходы воспитателей, менталитет которых, в связи с частыми командировками, сместился к сугубо материальным ценностям.

Окинув последним взглядом дорогую, уютную и обставленную квартиру, где все с детства знакомо, хлопнул дверью. Больше сюда ни ногой. Семнадцать лет жил в иллюзии, сне и сумерках полу-обмана.

Время просыпаться. Жить во лжи не для меня.

Сбежав по лестнице, остановился перед консьержкой. Сухо обронил, протягивая ключи:

— Егоровы вернутся, отдадите.

— А ты куда намылился?

— Куда? — Сема на мгновение растерялся. Но лишь на мгновение. У самой двери ответил. — Строить новую жизнь!

Мотоцикл на стоянке завелся сразу, взревел, приветствуя хозяина. Вдвоем оставили за спиной элитную новостройку. Более пустого и бесполезного места не было на всем белом свете.

Больше Сема на пороге бывшей квартиры не появлялся. То, что считал своим полчаса назад — ушло в прошлое.

* * *

Ни один очаг не был разведен сегодня в Радогосте. Скорпион, незримым духом, стоял перед высоким, дубовым частоколом с массивными воротами. Ворота были распахнуты. Смотрел, как в спешной суете вооруженный люд собирается у моста. Родовой сон донес до древней веси. За пядь до момента крещения. Дружина князя и сам старый Владимир уже спешили из леса, навстречу непокорным язычникам.

Народ бросился навстречу опасности, еще не веря в нее. Еще только пытаюсь убедиться, не проклиная врага, который появился, подобно исчадию пущи. Местный охотник на самой заре предупредил жителей о приближающемся войске. Родогощане встречали у ворот, не ведая, как принимать князя — добром ли, топором ли. Выскакивали из хижин, вооружались и молча стояли, встречая солнце и до рези в глазах всматриваясь в густой лес.

Острый блеск солнца и оружия слепил жителей веси. Солнце еще только пробивалось сквозь леса и туман, но уже несло в себе всю ярость, и этого было достаточно, чтобы огонь его собрался на кончиках вражеских копий, и эти копы продолжались в бесконечность и поражали каждого издалека. У кого был щит, тот прикрывался им от проклятого блеска. Прочие же просто вздымали ладони.

Дружина подошла. Застыли напротив друг друга. Разделяемые только мостом. С одной стороны конная дружина с красными щитами, подпираемая темными валами пеших воинов,

с другой — kloкочущая толпа радогощан, которая с каждой минутой росла и росла, и от этого казалась еще более кипящей и шумной.

Что десять оборванцев по сравнению с одним мечником? Двое ветеранов раскидают вдесятеро больше неумелых бойцов, — подумал Скорпион, предчувствуя разворачивающиеся события.

В узком пространстве между воротами и мостом становилось все теснее и теснее, начиналась давка. На валу толпились женщины Радогоста, подбадривая своих мужей. Древний обычай: мужчины должны воевать, а женщины только вдохновлять на победу. В суровой веси среди густых пущ это правило действовало не всегда.

Многие женщины также были в толпе вместе с мужчинами у моста и пред вратами. Зато на валу не было ни одного мужчины. И самые старшие, и молодые бросились сюда, к воротам.

Радогощане первыми начали перекличку с дружиной. От дружины отделилось несколько всадников — дипломаты. Они прискакали на расстояние полета стрелы, готовые говорить от имени князя.

— Кто такие? — закричали радогощане.

— Великий князь Владимир.

— Что за князь?

— Из Киева!

— Так и сидите себе в Киеве!

— Все земли — киевские.

— Да не наша.

— Не под крестом потому что. Принесли вам крест.

— Несите назад.

— Князь шлет вам милосердие.

— Обойдемся!

Из толпы бесшумно вылетела стрела, вонзилась в землю перед одним из всадников. Пущена была просто так, для испуга. Но неосторожный жест дипломаты поняли по-своему. Всадник вздыбил коня, круто повернул его, другие тоже стали поворачивать коней, поскакали к дружине. Вослед им сыпанули стрелы. Тоже без особой причины. Лишь бы еще больше напугать непрошенных гостей. Однако из этого ничего не вышло. Наоборот, от дружины откололась изрядная часть. Несколько сот всадников, выставив копыта вперед, помчались к мосту. Все, кто был перед мостом, кинулись убежать, чтобы присоединиться к своим, прежде чем их настигнут дружинники князя.

На мосту тоже не стояли, сложа руки. Из-под ног радогощан выметнулись бревна, служившие настилом моста. Бревна, оказывается, лежали ничем не закрепленные.

Держались просто благодаря своей собственной тяжести. Теперь их легко и быстро столкнули вниз, в глубокий ров. Передняя часть моста сразу ощерилась голыми брусками. Всадники, достигшие рва, туго натянули поводья. Коня затанцевали перед обрывом, дружинники застыли. Скорпион подошел поближе, растворяясь в дружинниках, проходя сквозь них, как бесплотный дух. Не по линии предков залез в родовой сон, а по энергоинформационному каналу сакрала. Чувств и мыслей людей не ведал.

Со стороны веси полетели в сторону пришельцев насмешливые восклицания, едкие словечки:

— Почему же вы не прыгаете?

— Выпустите своего князя вперед!

— Щитами заслоните дырку!

— Они ведь у вас красные!

— А у нас щиты деревянные!

— Дудки вам войти в нашу весь!

С вершины холма доносились выкрики женщин. Глухо гудели и напирали задние, которым хотелось увидеть дружинников, обронить и свое словцо, столь долго вынашиваемое

и обдумываемое. В повседневных заботах слов требовалось мало. Как-то обходились двумя-тремя, а тут случай подвернулся. Каждый высыпал все, что у него было, протискивались вперед те, которые минутой раньше колебались, пятились, не спешили поперек батьки в пекло.

Толкотня и неразбериха еще больше усилились. Небо разорвали первые крики о помощи. Кого-то придавили, кого-то и топтали. Вал взорвался женским криком, перепуганным визгом. Этот визг упал с вала вниз. Возле ворот раздались крики мучения, позора и боли. Там происходило что-то страшное и неожиданное — дружина, как один ринулась в сечу, нанизывая непокорных на копья и рубя мечами. Все, кто был на мосту и у моста, ринулись назад, оставив полуразрушенную постройку. Повернулись спинами к торжествующим дружинникам.

«Нет больше Радогоста», — вздохнул Скорпион.

Закипел настоящий бой. Железо дружины оросилось кровью. Словно рожденные нечистой силой, гарцевали всадники с багровыми щитами. Рубились мечами и кололись длинными копьями пешие воины. Воины умелые, безжалостные, жестокие. Прошли не одну схватку. Князь кого попало в дружину не возьмет.

Падали убитые и раненые радогощане. Пекло у ворот превратилось в избиение, дружина прорвала проход и устремилась по улицам вдоль домов, сея смерть и разрушения. Взметнулись в небо первые пожары. Народ в страхе разбежался, прятался кто куда, но далеко убежать не могли. Быстрые копья били в спины, копыта топтали заживо.

«Моя кровавая история умирения непокорных язычников», — вздохнул Скорпион, наблюдая, как в ворота, вслед за дружиной вошел князь со свитой и десятком миссионеров в рясах. Попы и священники, перешагивая тела радогощан, озаряли пылающие дома крестным знаменем, бормоча молитвы по-гречески. Самые нетерпеливые торопили князя отрядить воев для уничтожения древних капищ. Не терпелось повергнуть идолов в грязь и водрузить священный крест.

Бегали перепуганные насмерть женщины. За ними гонялись раззадоренные дружинники, получив вольную на непокорную деревню. Над картиной разорения стлался дым. Дыма становилось все больше — пылали дома. Народ задыхался и кашлял, крики и проклятья сыпались на головы захватчиков. Клянущих тут же насаживали на копья, словно в насмешку озаря крестным знаменем.

Пожар гнался за людьми, прожорливо набрасывался на все, что попадалось у него на пути: жилища, деревья, хлеб. Ревела перепуганная скотина, надрывно лаяли собаки, ржали кони. Сухой треск, полыхает пламя. Черные столбы дыма все ближе к небу.

Князь с приближенными отошел от пожарищ, укрывшись от дыма в небольшой долине в самом сердце Радогоста. Оттуда был хорошо виден пылающий город.

Скорпион, пройдя мимо пылающего капища с поверженными деревянными и глиняными идолами Перуна, Дажьбога, Сварога, Световита, Макоши, Ярилы, поспешил узреть князя. Долго смотреть на вакханалию бесовщины павлианства в рясах смотреть не мог. От учений Христа в них осталось не много. Разве что символ. Но тот не их. Крест — издревле священный знак. Стоит лишь посмотреть на солнце с прищуром.

Едва ли какой дружинник мог сейчас своей лютостью превзойти служителя иудейского культа, что орудовали топорами не хуже ветеранов, а факелы лишь довершали дела.

Впереди дружины стоял белый конь в дорогом уборе. Драгоценный нагрудник на нем был шит золотом и камнями, как и попона. Старый человек в шелковом заморском плаще поверх золотой чешуйчатой брони, застегнутый круглой драгоценной пряжкой, с шитыми жемчугом сафьяновыми сапогами, с мечом в ножнах, украшенным золотой чеканкой, рубинами, яшмой и изумрудами, и был Владимиром.

Скорпион приблизился и увидел глаза старого князя. Натолкнулся на твердый, равнодушный, напоминающий выступающий из воды камень, взгляд. Эти глаза смотрели на него и не на него, они смотрели, словно сквозь него, но и не сквозь. Они все видели и одновременно — ничего. Для них не существовало ничего на свете, кроме них самих. Они

жили собственным светом, собственными хлопотами, усталостью, знанием, покоем.

Владимир Красно Солнышко. Твое красное солнце залило кровью все славянские племена. Ты понимал, что покорить славян невозможно, пока крепка старая вера, и ты сломил веру. Ты объединил и разобил, ты возвеличил и втоптал, ты уничтожил и возродил. Я понятия не имею, как к тебе относиться. Твои деяния есть вне зависимости от меня, и осудит тебя лишь один Творец. У тебя он иудейский Бог, у меня славянский Род.

Князь заговорил с кем-то из приближенных. Скорпион молча слушал. Это был утомленный, приглушенный голос старого человека. В голосе чувствовалась сила, улавливалась многолетняя привычка к повелеванию. Еще пробивалась сквозь этот голос сытная еда и питье всласть.

Вера верой, а тысячи наложниц по всей земле княжьей летопись замолчать не смогла.

Скорпион повернулся к князю спиной и зашагал по пылающему Радогосту, всматриваясь в лица измученных людей.

Радогост — рады гостю. Вот только гость гостю рознь.

Дружина отпрянула от веси, возвратившись к князю. Даже облаченные в рясу утолили жажду проповедей и отошли. Изорванные, избитые, в кровоподтеках, живые радогощане собирали павших, складчину тушили пожары, спасали уцелевших.

Так закончился день, миновала ночь. Радогост еще пылал, дым расплзался на окружающие пущи. Скорпион хмуро бродил вдоль мертвых улиц, силясь понять, какой эгрегор наплатил его силой, что не выкидывает из энергоемкого сна столь долгое время.

Или время для мира ничего не значит? Мироздание — река, что течет в обоих направлениях или мне еще только предстоит постичь что-то выше?

К вечеру второго дня дружина и вои погнали всех уцелевших радогощан к Яворову озеру, что находилось подле веси. Там они должны были принять крест.

Киевские и греческие священники зашли под яворы и приготовили кресты, сосуды со священной водой и кропила. Люди не хотели идти в воду. Поднялся крик, вопли отчаяния. Один из стариков пал на колени к воде, зашептал. Зрачки Скорпиона расширились.

Из Яворова озера поднялись руки, могучие и шершавые, как кора деревьев, сотни лет стоявших в воде. Схватили священников, а с ними и некоторых дружинников, со всем, что у них было в руках: с крестами, кропилами, оружием. Втащили их в озеро, и воды сомкнулись.

О, боги при Роде.

Ужас воцарился среди уцелевших дружинников и народа. Все бросились врассыпную, узрев диво. Только дед, старый волхв, благодарно склонил голову над озером.

Этот дед и пал от меча Владимира, едва князь узнал о случившемся. С новой порцией священников и дружинников владыка сам явился к берегу непокорного озера, возвышаясь непоколебимой уверенностью, готовый сразиться хоть с дивами, хоть с самими богами, если те вновь выйдут из спокойных вод.

Волхв был разрублен. Старые боги, не услышав нового призыва, больше не тревожили процесс крещения. Утром князь велел тушить пожары и ставить на месте Звениславина капища деревянную церковь. Люди князя не жалели ни сил, ни времени, лишь бы только была церковь. И она возвысилась на холме за пару дней, острая и голая, как и крест над нею.

Скорпион в последний раз оглядел крест, и по щеке потекла одинокая слеза.

Душа Сергея протестовала против установившегося порядка, при котором для человека не осталось места на свете — все заняли боги и их прислужники: апостолы и пророки, кадилыщики и славословы.

Лишь Творец — мой отец. Все остальные прочь, — догнала последняя мысль, и картина покоренного Радогоста поплыла.

Просыпался.

* * *

День начинался хмурый и ненастный, как и настроение после пробуждения. Небо за

окном затянула серая мгла. Ватное одеяло сбило все представление о летней июньской погоде. Вдобавок, ночь обещала полнолуние и слияние нескольких планет по одной прямой.

Астрологи с осатаневшего за несколько дней телевизора, снова предвещали конец света, а десятки конфессий после каждой рекламы предлагали быстрое покаяние и отпущение всех грехов по льготной цене.

Стоило ли, Владимир, строить такую Русь? Неужели все в мире из-за женщин? Из-за одной любви к дочери византийского императора сменил ты веру. Тысячи своих наложниц оказались ничем перед ней?

Скорпион прохаживался у окна. На голову давил то ли ртутный столбик барометра, то ли невероятная солнечная активность. Родовой сон занял трое суток. Три дня валялся в кровати почти в анабиозе. Организм сам устранял отеки и сращивал опухшие связки.

Проснулся с тоской в душе, но с ощущением здоровья. Провел специфическую бодрящую разминку — танец мышц. Рысь научил во время последнего посещения тайги.

Начал с живота, заставляя работать брюшной пресс. Каждая жилка затрепетала, попеременно напрягаясь и расслабляясь. Было бы похоже на танец живота, если бы не восемь кубиков, уплотненных суплесом в антигравитационной комнате до крепости камня в случае напряжения. Танец продолжился вверх, грудь затрепетала, вибрация пошла к плечам, змейки прошлась по рукам до самых кончиков пальцев, уползли обратно к плечам, пробежались по спине, пояснице и ногам до самых пят. Последним штрихом допустил танец до шеи. Здесь перенапряжение было опаснее всего для мозга и зрения, шею разминать «танцем» следовало в последнюю очередь.

Внутренние органы заработали быстрее, организм довольно вздохнул, наполняясь обновленной энергией. Тяжесть в голове прошла, мышцы сообщили мозгу, что вернули былую форму более чем наполовину. Еще пара дней, и можно вернуться к привычным нагрузкам.

В коридоре гроыхнула дверь. На пороге возник растерянный и поникший Сема с рюкзаком за спиной и мотоциклетным шлемом в руке. Глаза брата смотрели куда-то вдаль, явно находился не в нашем мире, витал где-то в своем. Вид блондина никак не говорил о хорошем самочувствии: растрепанные волосы, мешки под глазами, а в самих очах дымка, как на улице.

Сема, ни говоря не слова, добрал до табуретки, рухнул, не глядя. Уставился в окно перед собой. Тяжелый, измученный и охрипший голос резанул по сердцу:

— Я сегодня не такой, как вчера.

— Неприятность эту мы переживем, — прохрипел в ответ Сергей и сел рядом, положив руку на плечо брата. — Излагай, как есть.

— Я всегда жалел тебя, Скорп. Жалел потому, что у тебя нет родителей.

— Были, и не стало. — Вздохнул Сергей. — Такова жизнь, а что?

— Так вот, после миссии по уничтожению фирмы, занимающейся поставкой девушек за границу в качестве секс-рабынь, дома на меня свалилось... Все, в общем, свалилось... Нет у меня больше дома, и родителей, оказывается, никогда не было... Странно все это, да? Хе, я пробирочный суррогат... Вроде бы есть, а вроде бы...

— Ушел из дома? — сощурился Скорпион.

Сема упал лицом в ладони, прошептал сквозь пальцы:

— Это не мой дом. Это не моя семья... Это не моя жизнь. Странно все это.

Скорпион сжал пальцы, словно пытаясь разделить тяжкий груз с братом. Как и предполагал по фотографиям, у четы Егоровых с блондином ничего общего...

— Эта квартира тоже не мой дом, но здесь живут люди, которые заменили мне родителей. Живи пока у меня, а там видно будет.

— Скорп, я не знаю... Я заезжал в банк, оставил своим воспитателям счет на предъявителя с половиной денег. Я не хочу быть им чем-то обязанным. Потом заехал в контору по недвижимости...

Сергей приподнял уголок губ:

— Что, снова сказали, что нет восемнадцати?

Блондин встrepенулся:

— Это смешно, если бы не было так грустно. Денег валом, а сделать практически ничего не могу...

— Да ладно, всего, какие-то полгода. Точнее, полгода мне до начала ноября, а тебе до конца декабря семь месяцев. Зачем тебе квартира? Жить в этом курятнике, где каменные стены давят со всех сторон? Есть мысль поинтересней.

— Поинтересней?

Загнать тоску вглубь, брату куда сложнее.

Скорпион исчез в другой комнате, вернулся с кипой чертежей, развернул на столе. Сема привстал, чтобы лучше видеть. На планах изображались чертежи загородных домов двух, трех и четырехэтажного типа. От небольших в 60–70 квадратных метров до гигантов в 380–400 метров, на несколько семей.

— Русско-канадский проект. Дома без фундамента на сэндвич-панелях, — довольно произнес Скорпион.

Сема поднял взгляд на брата, бровь поползла вверх:

— И?

— Да не «и», а стоимость самого дорого четырехэтажного дома с бассейном и баней — три миллиона рублей. Три, а не триста! Как какая-то двухкомнатная квартирка. По таким ценам можно понастроить для работников Антисистемы целые города. Проблема только в том, что дома такого типа производятся лишь в Москве и самой Канаде. Железная дорога сожрет за перевозку денег больше, чем хотелось бы.

— Ну правильно, до струнных трасс нам еще шагать и шагать. Или ты что-то другое придумал? — Сема прищурился, поймал взгляд, не отпуская. Так и учился читать правду в глазах.

— Придумал, — твердо ответил Скорпион. — У нас заводы и мощности есть, купим пару, и будем строить и собирать у себя. Застроим по дешевке весь Дальний Восток, места полно. Мы же хотели строительную компанию приобрести.

Сема поскреб затылок, пустота из души куда-то ушла. Брат ведет себя так, как будто ничего и не случилось, обсуждает повседневные дела. Проблемы позади. Их и не было никогда?

— Скорп, если ты выставишь такую крайне низкую цену, да еще удешевишь производство, собирая на местах, на тебя, конечно, будут молиться, но ты вызовешь обвал цен за квадратный метр. Строительные компании скинутся, чтобы тебя не стало.

Сергей расплылся в улыбке:

— Когда было иначе? Постреляем. Ты думаешь, почему я нашу структуру со спецназа начал? Ты как будто не знаешь, что цены на жилье в России завышены...mmm... искусственно... группой теневых монополистов. Причем, завышены в пять раз, а может и все пятнадцать, надо разобраться. И никакие это не теневые монополисты, а вполне конкретные люди... Людьми назвать не могу... Время изменить положение вещей и жить по-человечески в добротных домах с отоплением, горячей водой, электричеством и спутниковыми коммуникациями.

— А, — протянул Сема. — Так вот почему ты спутник запускать собрался?

— Одного для ракеты с твердым топливом будет мало. Мощностей хватит на десяток. Прервем монополию и снова обвалим конкурентов низкими ценами. Но дело не в прибыли. Я пока валялся в кровати, документы по Королеву читал. Великий человек. В дань памяти великому человеку надо будет в ближайшую пятилетку слетать на Луну и к красной планете, как он и хотел. А потом...

— Погоди, Скорп. — Сема исчез в комнате, вернулся с листиком и карандашом. — Говори, я записываю. Ты, кстати, понимаешь, что чем дальше мы играем в Антисистему, тем больше придется тырить денег?

— Ради покорения космоса я готов на все, как Робин Гуд. Лучше человек в космосе,

чем десять в канаве. Тут разница поставленных целей. Одно дело — дом построить. Вроде бы достойная цель так?

Сема кивнул.

— А другое дело построить тот же дом, но на Марсе. Вроде бы действие одно и то же, а цель гораздо глобальнее. То есть если правительство или правительства многих стран зашли в тупик по решению многих вопросов, империи на грани краха и старый император понятия не имеет, что предпринимать, то приходит новый. Молодой и энергичный вождь, как правило, варвар, из самых низов, и так реформирует страну, что та по инерции живет многие поколения. Это история. С этим не поспоришь. А сколько там надо поубивать старых отморожков и где достать ресурсы, это отойдет на второй план. Если хочешь, потом могу додумать и в такие слова облачить, что никакое НЛП и рядом не стояло. Победителей не судят ни по одной известной статье кодекса Российской Федерации.

— Депутатская неприкосновенность, — хихикнул Сема, — ладно, все равно вопрос в сторону увел. Давай, что там дальше?

Скорпион поставил чайник, приземлился за стол и продолжил:

— Во-первых, в ближайшее время нам нужны люди: ученые, строители, инженеры, техники, художники, дизайнеры, идейщики с самыми безумными идеями и проектами, пусть даже противоречащими логике и официальной науке. Во-вторых, ресурсы. Семнадцати миллионов евро не хватит...

— Двадцати одного! — поправил Сема.

— Почему двадцати одного?

— Василий где-то финансистов, брокеров, трейдеров и прочих биржевиков раздобыл. Ну таких, отечественных. За неделю, играя на бирже, сняли навар. Рискнул конечно, доверяя финансы Антисистемы, но парни сработали неплохо, идеологическая обработка прошла успешно. За здравый смысл и перспективы теперь день и ночь у мониторов готовы торчать.

— Вася, Вася. А учились в одном классе... А что с Евгением?

— Кстати, забыл сказать. Он в последний момент, когда перевел в Москву пять миллионов, кинул через оффшоры еще двадцать девять, какого-то бывшего отечественного олигарха опрокинул. Личная обида у хакера на него была. Теперь деньги лежат в банке на Кипре. Но перевести можно будет, только когда оформим свой собственный банк. Как раз нужны деньги. Что там с московской командировкой?

— Значит, запиши в графу людей еще и работников банковской сферы.

Сема достал новый сотовый из-за пазухи, буркнул:

— Кстати, у меня номер телефона сменился, запиши.

Пальцы прошли по кнопочкам, Женя ответил сразу:

— Да, блондин.

— Откуда ты знаешь? Я только что подключился, и то на поддельный паспорт. Фамилия «Егоров» осталась в прошлом. Я даже мечи не стал забирать из квартиры.

— Не умничай, офис, в котором ты подключался под охраной скорпионовцев. Ты даже не заметил, как девушка тебе подмигивала? Что с тобой? Можешь говорить прямо, разговоры под нашим контролем. Техники совместили мощности трех сотовых операторов и кое-что доработали. У нас теперь бесплатная связь и зона покрытия — весь мир, без возможности прослушивания. Правда, они об этом еще не подозревают. Так что там?

— Да ничего, забудь. Слишком много правды узнал. Ты лучше скажи, операцию «опальный олигарх» продолжить хочешь? Скорп говорит, ты мало взял.

Опальный олигарх? Мало взял? О, Род, меня же не было всего четыре дня.

— Нормально взял. А чтобы не засекли, миллиарды со счетов разлетелись по всем уголкам мира по десяткам тысяч счетов. Многие обрадуются, заметив неожиданное пополнение. Олигарх на нуле, а если подтянет связи, то потребуются столетия, чтобы распутать клубок, который запутала моя программка-вирус. Так что все нормально.

— Лады, хакер. Себе-то хоть что-нибудь взял сверх комиссионных? Или совсем индиго?

— Да зачем? С нашей структурой всегда успею. Вы же дали мне главное — мощности и возможность работать над тем, чем хочу. Мне больше не надо. Отбой, блондин, работы много.

Сема отключил телефон, посмотрел на Скорпиона. Брат важно кивнул, разливая зеленый ароматный чай по высоким кружкам:

— Да, Семка, индиго разогнались. Даже быстрее, чем успеваем давать команды. Я же говорю, структура работает уже и без нас. Просто жесткая и гибкая система с приоритетом на разумные, осмысленные действия. Если пришло время топора, индиго не будут сажать цветы. Мы только контуры обозначаем, да силовое прикрытие.

Сема отхлебнул чая, довольно крикнул:

— Не отвлекайся, работы еще горы. Что там дальше?

— Так, на чем мы остановились? Ах, да. В-третьих, мощности. Начнем комплекс мер именно со строительства. Выкупим акции компании или патент на совместную работу, привлечем специалистов, запустим заводик. Кстати, чтобы привлечь побольше народу, прикажи-ка нашим аналитическим ведам...

— Ведомствам?

— Не, те от слова «ведомости», а у нас от слова «ведающие». Прикажи скинуть всю известную инфу по зачисткам: как, за что, кого и когда. Кидай все в информационную сеть. Покупать свой сектор СМИ обременительно, а вот в Интернете разумные единомышленники найдутся быстро. Информация попадет в нужные руки. Золото со Слабо пусть локти кусают. Эмиссаров можно обыграть, но только по новой, нелогичной схеме.

— Типа мы, вместо того чтобы скрываться и делать все в тени, раскроем все карты?

— А от кого скрываться? Не сегодня, так завтра пуля в лоб за вскрытие гнойника, за открытие глаз и горечь правды. Так что надо растормошить как можно больше людей. Или тебе нравится жить в мире потребителей?

— Да мне уже все равно, не было жизни, и не жалко. Лишь бы успеть достичь чего-то важного, дать пинка к развитию. А там в реинкарнации зачтут. Хе-хе.

Зазвонил телефон. Сема рефлекторно щелкнул громкую связь.

Взволнованный голос Леры покотился по кухне:

— Сережа, Маше плохо. Я не знаю, как до блондина дозвониться. Телефон отключен.

— Да тут я, тут, — прервал Сема. — Что с Машей?

— Экзамены, — вздохнула Валерия. — Сознание на ЕГЭ потеряла. Написала все и потеряла.

— Вот черт, надо было губернатора дожать, чтобы вообще по краю отменил, — послал Сема астральный монолог Скорпиону.

— Без паники, мы сейчас подъедем. Ждите, — Скорпион потянулся отключить телефон.

— Откуда ты знаешь, где мы? — Донеслось из динамика.

— Я всегда знаю, где ты, — улыбнулся Скорпион и отключил телефон.

Сема закрыл глаза, сосредоточился на любимом образе. В солнечном сплетении вспыхнул теплый шарик, прокатился вверх, расплылся по голове, довольно сообщил:

— Они в школьном медпункте.

Скорпион исчез в комнате, спешно одеваясь, на ходу обронил:

— Маша истощена энергетически.

— Странно, я с ней утром разговаривал. Была полна сил.

— Знаю я тебя, загрузил информацией по уши. Сожрал всю энергию, вампир хренов. Сколько раз говорить, звони после того, как выпишься, а не до.

Сема вскочил, возражая:

— Я устал от всего этого! Времени на себя нет!

— Из-за отсутствия энергии твой организм и приспособился жрять за чужой счет. У него выбора нет. Либо так, либо умрет. — Скорпион появился из комнаты одетый полетному, в джинсовых шортах на ремне и светлой майке без рукавов. Накинул на плечи

кожаную куртку с документами и положил руки на плечи брата. — Вот что, Семка, эта неделя тяжелой была, все иссякли. Поехали лучше на природу. И девчонок зарядим, и сами почистимся. Пару суток город без нас проживет.

Сема потянулся, растягивая связки, зевнул:

— Природа? Неплохо. Можно я пистолет у тебя оставлю?

— Да хоть весь арсенал.

* * *

Костер трещал сухим хворостом, весело раскидывая искры в ночное небо. Легкий ветерок подхватывал огненные всполохи, вздымал ввысь, изо всех сил стараясь достать далекие молочные точки, что заполнили весь небосвод. Ночной лес у берега реки шумел ласкающими слух звуками. Ухо соскучилось по звукам природы в городской суете, непривычно ловило все происходящее, от шума листвы до шепота ветра, посылая мозгу импульсы, как замену информационному потоку, что без конца лился в городе.

Протока небольшой речушки в трех шагах от костра и обрыва берега, доносила плеск рыбы, журчала чистейшими подземными ключами. Грудь жадно вдыхала свежий водяной пар с примесью отрицательных ионов, как научно назывался чистый, прохладный, приятный воздух.

Скорпион поплотнее укутал в свою кожаную куртку Лерку, нежно поцеловал в самую мочку уха. Оба сидели на старом бревне у костра, смотрели в пылающие картины огня и на звезды, довольные и умиротворенные, возрожденные за день на природе. Глаз соскучился и по яркому свету ночного костра, и по белым россыпям созвездий над головой, что привыкли не замечать в мрачной дымке города.

Сема подбросил дровишку. Оранжевые язычки с радостью приняли за новый дар, поползли, обхватили в тиски, раздвигая границы костра. Маша легла на второе бревно, откидывая голову назад. Так лучше видела луну. Едва слышно обронила:

— Такая луна, такие звезды, такая природа. И никакого конца света.

Прокручивая события дня, вспомнила мороку с экзаменами, обморок. Утро начиналось жутко: серость дня, головная боль, бумажная волокита, бледное лицо, дрожащие руки... Но как же все изменилось, когда в медпункт со скоростью молнии ворвался парень с длинными волосами цвета спелой пшеницы, подхватил на руки и увез на стальном коне далеко за город на лоно природы, прочь от всех невзгод.

И день потерял серость, тучи куда-то ушли, солнце разогрело саму душу.

Сема поймал взгляд Скорпиона, послал импульс:

— Ты точно погоду не менял?

— У природы нет плохой погоды. Я это понял после кровавого похода в Китай. Природа разумная. Сама все изменит.

Лера стянула с себя куртку, вскочила от костра.

— А пойдемте купаться!

Скорпион стянул майку, вспоминая, сколько раз за день эта рыжая купалась — выходило никак не меньше двух десятков. Подвинул перевязь с мечом подальше от костра и подхватил берегиню на руки. Ноги понесли к берегу, где обрыв. Днем облюбовали то место для ныряния.

Лерка засмеялась, притворно замолотила кулачками в грудь, причитая:

— Пусти, Скорпиоша, ну пусти. Я сама дойду. Хотя нет, не пускай — брось! Брось с обрыва, как днем. Кувырком!

Скорпион перекинул Лерку на плечо:

— Бросить тебя? Никогда. А вдруг водяной утащит? Что потом делать буду? В навь идти?

— Водяной? Где водяной? Хочу водяного! Пусти к водяному! — запротестовала Лера.

За спиной слышались торопливые шаги. Сема с Машкой неслись наперегонки,

обогнали с криками:

— Посторонись! Дорогу пловцам!

Ноги мелькнули на обрыве в свете полнолуния, два всплеска оповестили о правильном входе в воду. Отбитый за день живот обоих научил нырять, а не падать на воду мешком.

Лера скривила губки. Изумрудные глаза притворно выдали грусть, сообщила:

— Ну вот, они нас обогнали. Еще и целуются под водой. Им никакой водяной не страшен. А мы чего? А, вихрастый?

— Хе, сейчас мы им покажем водяного. Набери воздуха. — Скорпион подмигнул и взял за руку.

Лера, сияя, обхватила за плечи, взгромоздилась на спину. Два тела ушли под воду. На минуту речка поглотила все звуки...

Лишь сова на большой дубовой ветке в лесу была свидетелем, как вспыхнул костер, когда река донесла веселые вскрики:

— Атака крокодилов!

— Акула!

— Пираньи!

— А-а-а!

Сема с Машей спешно выбрались на берег. Смеясь, побрели греться к костру.

Речка разверзлась посредине. Двое «крокодилов» всплыли как буйки, прервав водными всполохами лунную дорожку.

Скорпион уверенно задержался на воде, замерев на одном месте, словно ногами касался дна, хотя протока была глубокой. Но глубина и течение никак не мешали придерживать берегиню и смотреть в сияющие искрой жизни глаза.

По телу покатился такой всплеск энергии, что потянуло на безумства. Помимо ступеней тело словно раскрыло еще какие-то врата, глубинный тайник. Приятное тепло распространилось на обоих, вода заискрилась, засветилась, словно подсвеченная фонариком снизу. Глаз выдал видение аур. Синие всполохи слились, растворяясь в бело-золотом свечении ей ауры. Не индиго, но одаренная большими способностями.

Сема у костра оборвал болтовню с Машей. Оба засмотрелись на зарево посреди речки, краем глаза отмечая, как засветилась не прикрытая ножнами рукоять меча у костра. Меч Славы ожил, ощущая неподалеку возросшую силу оруженосца.

Лера ощутила, как вода выталкивает Скорпиона на поверхность, а с ним и ее. Когда вылезли из воды по грудь, сознание захватил непонятный страх. Испугалась, забыв все уроки. Разум отказался принять действительность.

«Это же невозможно», — подумала Лера.

— Просто верь в свои силы! — бросил астральное послание Сергей.

Не могу, — обронила сама себе Лера, и хрупкое равновесие надломилось.

Свет исчез. Оба ушли под воду, не успев набрать в грудь воздуха. Лерка хлебнула воды, закашлялась в глубине, теряя последний воздух. Рефлекторно схватилась за шею Сергея, впиваясь ногтями в кожу.

Каждому по вере его. Неужели я начинаю понимать смысл этого кровавого многовекового блокбастера?

Скорпион так же не успел набрать воздуха, на секунду растерялся. Испугался не за себя — за нее. Ее глаза рассказали, что поверить в себя не готова. Быстро взял себя в руки, погреб под водой, мощно работая руками и ногами, не обращая внимания на острые ногти, что впились в кожу. Лера боялась утонуть и спасалась, как могла, обхватив шею и волосы. Было бы меньше сил — утопила бы обоих.

Через некоторое время ноги коснулись дна, выбрался на берег, спешно выталкивая драгоценную ношу на поверхность. Рыжая пловчиха закашлялась, отплевывалась от воды, силясь набрать побольше воздуха. Лицо в цвете луны казалось мертвенно бледным, почти синим. Прижал к себе, успокаивая. Прислушался. Сердце стучало быстро-быстро, как у загнанного зайца. Отдышавшись, Лера прижалась, дрожа всем телом не столько от холода,

сколько от страха.

— Прости, я растерялась, не поверила. Все так неожиданно. Ты смог, я не смогла...

Не в страхе дело. Ты подсознательно поставила заслонку, запретив себе верить в чудеса, — подумал Сергей, но его мысли остались при нем.

Скорпион обнял крепче, повышая температуру тела, чтобы согреть ее. Нежно провел ладонью по щеке. Успокаивающий импульс передался с касанием губ виска.

— Лера, не бойся, все в порядке. Не все сразу. Пойдем к костру, погреешься, отойдешь.

Он подхватил берегиню на руки, понес к полоске света. Капля крови стекла по шее, рана зашипала, но виду не подал, засохнет — исчезнет. Главное, чтобы любимая не боялась. Остальное — ерунда.

Сема все понял без слов, накидал в костер хвороста. Маша притащила одеяло из палатки. Усадили и укутали пловчиху у костра.

Все необходимое для жизни на природе днем завезли на машине скорпионовцы, стоило только позвонить и сообщить. Сами ничего, кроме байков, не брали, только Скорпион забрал с собой на природу меч Славы, открыто повесив перевязь через плечо. Благо инспекторам ДПС научился отводить взгляд, останавливать мотоциклы не успевали, отвлекаясь. Оставлять его одного дома не мог. Эмиссары не дремлют и Дух не спит. Как бы Рыси не говорил, что железяка никому не нужна. Если есть сила, то есть и охочие ее использовать.

Сема придвинул к костру чайный котелок, сыпанул мятной заварки и растворился в темноте начищать песком металлические кружки. Скорпион так же исчез в лесных дебрях, несколько минут спустя, вернулся с кипой корней, листьев. Быстро прополоскал добычу, порезал на разделочной доске, ссыпал в котелок. Приятный, немного терпкий запах покатился по лесу.

Сема вернулся с вычищенными кружками, принялся к котелку, довольно пробурчал:

— Ну, шаман. Опять аппетит разбудишь. Я не могу больше есть. За день здесь мной съедено больше, чем за месяц дома. Благо ребята сообразительные, припасов столько понавезли, роте солдат хватит.

Скорпион довольно улыбнулся, словно украшенный сединами старец. Снял чайник и разлил навар по кружкам. По-стариковски ответил, как когда-то волхв:

— Солнцем, водой, ветром и землей почистились. Теперь сил набирайтесь. Завтра еще загорать-неперезагорать, купаться-неперекупаться, тренироваться, слушать ветер, лазить по деревьям, бродить по лесу, играть в волейбол, прыгать через костер, ловить рыбу. Энергия понадобится. Не переживай.

Лера приняла горячую кружку. Пальцы приятно согрелись, отхлебнула успокаивающего чая. Теплый шарик прокатился по пищеводу, расплылся по телу. Сама не заметила, как глоток за глотком выдула всю кружку. Веки потяжелели, тело размякло. Холод и скованность ушли. Потянуло в сон. Долгий и целебный. Борясь с собой, спросила:

— Скорп, а почему нас комары не кусают? Я же слышу как они над головой роями... а нас чего-то... Так хорошо... Не хочется этот момент упускать... Это один раз в жизни... хр-р...

Скорпион подхватил ее вместе с одеялом, потащил в палатку. Пять минут спустя до палатки добрались Сема с Машей, улеглись рядом, мгновенно погружаясь в сон.

Сергей выбрался на свежий воздух, пригасил костер, разгреб угли и лег спать под открытым небом. В кои-то веки удалось. Давно так не спал. Ночь теплая и звездная, друзья в порядке, можно и на покой.

Почему Лера не верит в себя? Семь лет рука об руку с чудесами, а верить не научилась... Что-то не так.

Еще долго не спал, прислушивался к себе и природе, считал звезды, спутники и неопознанные летающие объекты. Те хоть и мелькали с невероятной скоростью, едва различимые в темноте и незримые обычному человеческому глазу, но ничего не предвещало опасности. Смотрители были с человечеством всегда. Те, кто знают, не подают вида об их существовании.

Ночь будет тихой и покойной. Земля перезарядит все ресурсы организма как нельзя лучше. Даст сил под завязку. Уткнувшись щекой в теплую, прогретую костром землю, послал ночному небу благожелательный импульс. Одна из точек над головой на какие-то доли секунды ярко вспыхнула — наблюдают, смотрят, дают шанс.

Улыбнувшись, Скорпион уснул целительным сном.

Время контактов еще придет. Пока разума мало.

* * *

Пробуждение было добрым и приятным. Не открывая глаз, понял, что солнцу еще только-только предстоит встать. Если пролежать еще минут десять, волосы станут мокрыми от росы. Потянувшись, расправил связки и охлажденные мышцы. Природный холодильник за несколько часов глубокого сна дал сил столько, что можно было несколько дней не спать. Холод продлевает жизнь и восстанавливает перегретое долгой работой тело. Природный анабиоз.

Не торопясь, приказал сердцу вернуться в нормальный, человеческий ритм, заставил легкие дышать чуть быстрее. В спокойном состоянии потребность в быстром снабжении тканей кислородом отпадает, сердцу нет необходимости работать в усиленном режиме, а легким прокачивать больше воздуха. В правильном холодном сне пульс замедляется до минимума, как у животного, что впадает в зимнюю спячку. Если бы ребята увидели его спящим в анабиозе, посчитали бы мертвым или уснувшим летаргическим сном.

Привстал, приходя в себя. Тело услужливо сообщило, что хочет размяться и согреться, позже желудок суетливо запросит пополнения ресурса для своей топки.

Немного разогрев тело, искупался в бодрящей воде, переплыл речку, собрав на другой стороне берега душистых полевых цветов. Обратно переплыл на спине, чтобы не замочить даров природы. Растершись полотенцем, направился к палатке.

Едва не пустил слезу от умиления: трое спали вразвалочку. Сема скрючился, лишенный одеяла, зато Машка с Леркой стащили на себя по две штуки и изнемогали от жары. Баланс нарушился и отображался на лицах во всей красе. Один стучал зубами, двое взопрели.

— Утро доброе, лесные жители. Кто пойдет со мной, увидит такую картину, что любой сон пропадет. Вставайте, не пожалеете.

Сема заворочался, разыскивая одеяло. Не найдя искомого, размежил веки, запричитал:

— Доброе, доброе, только холодное какое-то. Включите отопление. Подогрейте джакузи.

О, дитя города.

Машка с Лерой отбросили одеяла. Заплывшие, загорелые лица наполнили сердце нежностью. Так прекрасно и естественно выглядели без макияжа. Молодая красота была ключом, распускались, как нежные розы.

— Эй, эй, эй, не смотреть! Я еще не умылась, — запричитала Машка. — Это преступление — смотреть на девушку по утрам так пристально.

— Фу, ну что за жара-то, а? — Лера привстал, приходя в себя.

Обе улыбнулись, увидав цветы. Приятно. Сон медленно уходил.

Скорпион засуетился с костром и успел поставить чайник, пока девчонки приводили себя в порядок, а Сема разминался. Подозвал всех к берегу и показал, что, значит проснуться утром на заре.

Заводи с раскидистым, поваленным в речку деревом, коснулся первый луч солнца. Он выглянул из-за верхушек деревьев и робко осветил поднимающийся туман над речкой. Водяной пар осел на траве росой, а водная гладь залилась расплавленным золотом. Не темно-багровым, как на закате, а светлым и чистым, новосотворенным, заново рожденным. Светило выкатывалось из-за верхушек неспешно, чистое и доброе, радуя взгляд. Такое солнце восстанавливает зрение и наполняет энергией на весь день, правильно пробуждая организм, вызывая к биологическим часам человека.

Скорпион украдкой осмотрел лица всех троих: красные, загорелые, чумадые, но светятся таким настроением, таким здоровьем. Все былые муки позади. Растрепанные волосы придают всем троим звериный вид. Но это так естественно здесь, на лоне природы. Доброжелательными улыбками растянуты до предела, не скрывают. Сами не замечают, что улыбаются солнцу светло и жизнерадостно. Потом, конечно, будут отрицать. Но каждый вспомнит в трудный жизненный период именно этот момент.

— Ну что, ребята, пойдёте завтракать? — Первой подала голос Маша.

— Какой там завтракать, — возмутился Сема. — Кто-то нас со Скорпионом допытывал, что вас совсем не тренируем. Кто биться хотел научиться? А? Завтрак надо заработать тренировкой!

В подтверждении своих слов Сема обхватил Машу. Но, то ли еще не проснулся, то ли забыл, что Маша брала уроки у Леры, которую иногда тренировал Скорпион.

Машка ловко выскользнула, обхватила руку и потянула на себя, отталкиваясь прочь от берега. Сема, по законам гравитации и физике тела, улетел с обрыва в воду.

— Ха-ха, вот и заработала! — довольно сообщила Машка и вместе с подругой пошла хлопотать по хозяйству.

Сема вынырнул из охлажденной за ночь речки, крича:

— Скорп! Когда успел научить?

Брат подал руку, подмигнув:

— Они записи с наших тренировок смотрели. Быстро учатся. К тому же, вчера, когда ты жарил шашлыки, а я убежал подальше от вида мяса, кое-что успел им показать.

Сема оттолкнулся от берега, увлекая наставника девчонок за собой. Сергей не стал сопротивляться, рухнул в воду. Дружеские баталии в студеной, утешной воде прервал раздавшийся на грани слуха выстрел.

Скорпион посуровел, скинул Сему, прислушиваясь к звукам природы.

— Что это, Скорп? Здесь не должно быть охотников. Заповедная зона и не сезон.

Еще один выстрел, теперь совсем невдалеке, оборвал слова брата.

Скорпион припал на колени, погружаясь в чувственную сферу. Сфера восприятия расширилась, объела лес, уловил тревожный сигнал на другом берегу реки.

— Суки, — прошептали губы Скорпиона, и он помчался к палатке.

Джинсовые шорты с ножнами на ремне и кроссовки оказались на Сергее невероятно быстро. Не разуваясь, нырнул в речку, переплыл и бесшумно скрылся в дальних кустах.

— Сема, куда он? — Выросла рядом Лера.

— Надеюсь, на задание класса «воспитательное». Не хотелось бы крови. Хоть сегодня. Такой день чудесный. Хотя я его понимаю, он животных любит. Прожил в тайге четыре года. Братья меньшие, все такое...

— А ты его не прикроешь? — подошла Мария.

Сема покачал головой, прислушиваясь к себе, обронил:

— Там только трое. Нет необходимости.

— Трое здоровых мужиков с ружьями? Сема, сейчас сковородой по репе получишь! — Возмутилась Маша, но пыл быстро спал, вспомнила недавний сюжет с террористами в школе.

Сема обнял девчонок, повел к костру, на ходу успокаивая:

— Да все в порядке, сейчас вернется...

Громыхнул выстрел, тут же второй. Лес тревожно затих, прислушиваясь.

— ...отдых только раньше времени оборвался, — закончил Сема и пошел к палатке за рацией.

Лера тревожно вздрогнула, когда Скорпион возник у костра с другой стороны. Совсем не там ожидала его появления. Мокрый с ног до головы, с хлюпающими кроссовками, полными воды. Глаза горят огнем, губы сжаты в плотную линию. К груди прижат пушистый полосатый комочек, похожий на котенка.

Сема вернулся от палатки, привычно оглядел ауру Скорпиона. Спокойный ровный

синий цвет, со всполохами золотого и зеленого. Индиго с чистой душой и разумом. Красный или темные цвета отсутствовали — ножа сегодня Скорпион не доставал. И не ранен. Откуда выстрелы?

Комочек запищал, мокрый и замерзший после преодоления речки. Скорпион укутал в свою майку у костра, протянул Лере.

Зрачки рыжей расширились. Скорпион принес маленького... тигра. Уссурийский тигр. Ни больше, ни меньше.

Комочку было не больше нескольких дней, а может и вовсе часов.

— Сережа, что случилось? — Лера поймала его взгляд, читая ответ заранее.

Скорпион устало присел на край бревна, вздохнул:

— Тигрица котилась. Позднее потомство. Трое любителей нелегальной охоты набрели на нее в тот момент, когда она была наиболее уязвима. — Голос сорвался. — Экая удача, тигра подстрелить. Совсем не важно, что их едва ли сотня осталась по всему миру. Застрелили в упор. Не из-за шкуры, не из-за мяса. Просто ради самого выстрела. Ради того, чтобы спустить курок, сфотографироваться с мертвой тушей и уйти, оставив труп гнить. Это не охотники, это ублюдки. Рука не дрогнула, даже когда рядом ползал этот комочек шерсти. — Скорпион поднял глаза, полные слез. Запруда едва-едва держалась. — А второй так и не успел появиться на свет... Я не смог его спасти, родился мертвым — задохнулся.

Сема сел рядом, обнял:

— Но я не вижу красных всполохов в твоей ауре. Охотники живы?

— Какой там живы. Один, увидев меня, захотел подстрелить как свидетеля. Я уклонился, и он снес полчерепа своим винчестером другому охотнику. Третий возжелал мести, но снова промахнулся и застрелил первого. Сам умер от инфаркта. Понял, что придется отвечать.

— Сукам сучья смерть, — прошептал Сема. — Я бы на твоём месте убил всех троих. Я не такой добрый.

Лера протянула сверток Скорпиону:

— Он так жалобно пищит. Замерз?

Сергей взял в руки сверток, согрел своим телом, повышая температуру. Уверенно ответил:

— Ему тепло, есть просто хочет. А у нас молока нет. Сема, когда машина подъедет?

— Часа через пол.

Сема присел на корточки перед Скорпионом, снова заглянула в глаза, воскликнул:

— Ты это серьезно? Ты хочешь его забрать домой? Это же тигр! Он вырастает в здоровую такую кошку полосатую, в два-три центнера весом. С огромными клыками и когтями! Одумайся. Ты в квартире его держать будешь?

— Я? Нет. Он еще не размежил веки, не видел матери. Твой тотем ближе, даже ближе, чем у Рыси. Пусть увидит тебя. Вы быстро найдете общий язык, блондин. Я научу тебя общаться с животными и помогу ему выжить. За квартиру не беспокойся, я тебе уже говорил про дом. Просто ждать полгода не будем, Дмитрий запишет дом на себя, и все. Построим и переедем гораздо быстрее. Просто надо немного ускорить планы. Пусть пока поживет у Рыси, а потом заберем к себе в загородный поселок, который выстроим для своих. Никто из скорпионовцев слова не скажет. Ни одна администрация и близко не подойдет. Бумаги утрясет Антисистема. Что-нибудь придумаем. За инстинкты тоже не беспокойся, я помогу...

— Ты с ума сошел? — Подскочил Сема. — Как я могу воспитать тигра? Мне на себя времени не хватает! У тебя на словах все так гладко выходит. Как будто не знаешь, что за каждым сказанным словом столько дел, заботы и опасностей, что...

— Ха, как жениться, так ты первый, а как кису вырастить, так слабо? — Уперла руки в боки Мария. — Или ты забыл последние четыре года жизни?

— Сумасшедшие! Это не Живец! Это не кошка и не песик, не хомячок и не рыбка, — старался еще возмущаться Сема.

Скорпион молча протянул сверток. Тот тревожно запищал.

Сема еще что-то говорил по инерции, бубнил и ворчал, но как только сверток притих, ощущая новые руки и тепло, Сема понял, что сдался. Назад пути нет. Тяжко обронил:

— Что ж, безумству храбрых, поем мы песни. Тигр, так тигр.

* * *

Пару дней спустя.

Ее рука касалась ладони, мягкая и нежная. Теплый взгляд бегал то по золотой табличке скорпиона на входе в небольшой ресторанчик, то по лицу самого Сергея. Вряд ли кому из посетителей заведения в голову могло прийти, что татуировка на плече рослого парня и табличка на входе как-то могли быть взаимосвязаны. Новости о молодых бойцах, что лихорадили город несколько недель, притихли, заглохли под давлением центральных СМИ и нитей из-за океана. Усиленный поток другой информации захламил память. Так что Сергей без боязни оголял плечи, таская с собой кожанку больше для порядка, чтобы документы с сотовым телефоном было куда класть. В куртке карманов много.

Лерка и сама бы не поверила, если бы кто-то рассказал, что паренек за столом напротив организовал Антисистему, что ежедневно разрасталась и охватывала все большую сферу влияния во всех структурах, минуя разве что малый бизнес. Простой паренек в джинсах, майке, с длинной прической, взгляд зеленых глаз только не по возрасту цепкий, да скулы на лице заострились так, словно прошел и пески пустынь, и морозы полюсов.

— Сережа, а чей это ресторан? — заворковала она. — Такой уютный, опрятный и светлый. Много стекол. Хозяин совсем не боится, что побьют?

Скорпион оторвался от салатов, запил свежим соком, пожал плечами:

— Руслан. Не помню фамилии. Парень хороший, головастый. Что еще надо? Добился аудиенции, накормил роту фирменными блюдами и не постеснялся попросить денег и защиты. Начал с одного ресторанчика на окраине, а вчера открыл этот, седьмой. Продукты свежие, повара отличные, цены не завышает. Пусть развивается. Врагов, правда, много, но ничего. Скоро обанкротятся. Столько людей перетравилось, что жалеть не за что. Мы защищаем только тех, кто не подлит, наживаясь на чьих-то жизнях. Естественно, дело касается не только ресторанов. Везде по чуть-чуть.

Опрятный, добродушный официант принес десерт, в третий раз пожелал приятного аппетита. Лерка, как голодный хищник, накинулась на только что испеченные шоколадные пирожные. Горячий капучино и коктейли ожидали своей очереди.

— Кстати, а действительно, почему цены такие низкие? Центр же города, — спросила Лера, разглядывая в окно поток людей на центральной улице.

— Да, центр. Ну и что? Налоговая, санитарно эпидемическая станция, пожарная и чиновники отказались брать деньги с честных ресторанов сверх нормы, — улыбнулся Скорпион и показал взглядом куда-то вглубь ресторанчика. — Зато сами здесь часто завтракают, обедают и ужинают. Не бесплатно, а как все. В принципе, нормальные ребята, поняли, что халява кончилась. Некоторые стали дружить.

— Все так просто? — Лера облизнула шоколадные края на губах, скептический взгляд не скрыл мыслей, что понимает, как нелегко все это далось. Косность бюрократии переломить не просто.

— Лер... Главное, что сдвиги есть, — подмигнул Скорпион, — все остальное приложится, спать никто не будет... — Он оборвал себя на полуслове, прислушиваясь к чему-то и меняясь в лице. Улыбка похолодела, скулы заострились еще больше. Внешне оставался спокойным, но до Леры докатилась холодная волна. Протянул руку. — Кстати, сегодня, возможно цены снова упадут, пересядь ко мне поближе и ничего не бойся. Мне тут парень один волновые удары показал, мастер бесконтактного боя, я еще не пробовал на практике. А тут как раз случай. Я быстро, — загадочно обронил Скорпион и, не поворачиваясь лицом к входу, выдвинул стул.

Лера давно заметила, что парни любят садиться спиной к стене, как собака задом в

конуре, поймав в прицел взгляда вход. Это эволюция научила защищать территорию. Спина прикрыта, возможный враг строго перед глазами... Но Скорпион словно отпустил тайгу из души, сначала перестал носить нож, потом пистолет, теперь вот сидит за столом спиной к входу. В любом случае, один из трех стильных людей в строгом пиджаке, кавказской национальности, рухнул на стул. Двое бритых телохранителей за спиной, типичных качков, застыли, не ожидая подобного. Запоздало схватились за края пиджаков, пальцами касаясь кобуры, но промедлили. Босс уже говорил. А картина вокруг как будто и не изменилась. Лишь заинтересованный народ бросал косые взгляды.

— Привет, Мартын, — Скорпион положил руку на плечи босса бодигардов, — Поесть зашел? Повара Руслана неплохо готовят. Даже хорошо. Вкусно. Не собачье мясо и перемерзшие овощи по дешевке, как у тебя. Вот как надо ресторанный бизнес делать, — и чуть тише добавил. — Сучье время прошло. За тобой ни правды, ни здравого смысла. Приспосабливайся к новым условиям или уезжай из города. Брата просить бесполезно, он у тебя наркотиками занимается, замечен. Скоро займутся.

Тучный Мартын побагровел, но сдержался, ощущая крепкое присутствие двух бритых мужиков за плечами, недовольно прогрохотал:

— Я не Мартын! Я Марат! Ты сейчас кровью ответишь за свою забывчивость, засранец!

Лера вздрогнула, но надежная рука Сергея мягко сжала пальцы. Этот простой жест заставил сердце стучать ровнее.

— Да как угодно, — легко согласился Скорпион, подмигнув официанту. — Только пока ты не приказал своим качкам меня порезать или пристрелить при всем честном народе среди бела дня, можно вопрос задать?

Бывший хачик, ныне уважаемый двумя бодигардами, бизнесмен Марат, растерялся, как-то неуверенно кивнул, глаза забегали, по лицу гуляли злые пятна.

— Ты хорошо питаешься? — Спросил Скорпион.

Мыслительный процесс Марата прервался. Повернулся за помощью к телохранителям. Один из качков хмуро кивнул. Бизнесмен повернулся к странному собеседнику, так же кивнул.

— То есть, ты никогда не обедаешь в своих забегах?

Мартын прищурил глаз, несмело кивнул.

Скорпион резко схватил за отвисшую кожу чуть выше адова яблока, приблизил лицом к себе. Смотря глаза в глаза, зло зашептал:

— Так какого хрена ты травишь людей и еще жаждешь наживы? Руслан работает легально, открыто и с душой. Он в свой бизнес душу вкладывает, так что ловить тебе здесь нечего. Это больше не твоя территория. Решение сродняка о разделе города отменяется. Скоро займемся и теновыми боссами. А ты уходи, а лучше уезжай. В списках на тебя тоже ничего хорошего нет.

Левый бодигард наконец-то извлек пистолет из кобуры, грозно приставил к виску:

— Руки от шефа убрал, а то продырявлю так, что мама родная не узнает.

Умник.

Скорпион сдавил горло Марата, глаза загорелись, горячо прошептал:

— А ты знаешь, что мы в ответе за тех, кого приручили? Как ты еще жив с таким бизнесом, если твои обезьяны даже не знают, как снимать с предохранителя?

Бодигард на секунду приблизил пистолет к себе. Тут же Мартын от мощного толчка свалился со стула, освобождая путь к обоим телохранителям. Бодигард с пистолетом почувствовал сильнейшую слабость, обессиленный присел на колено, а второй ощутил падение потолка на голову. В глазах вдруг потемнело. Очнулся у самого окна на стуле. Безоружный и с жуткой головной болью. Рядом сидел друг по несчастью. Оба внешне выглядели как пьяные, шефа рядом не было, а со стороны входа к ним уже бодро шагали трое подтянутых мужиков в строгой черной форме с красными беретами и автоматами наперевес. Золотые скорпионы на плечах не сулили охранникам ничего хорошего.

Знали, кого защищали. Никто не принуждал.

* * *

Лерка первая вышла на яркое солнце заднего двора через черный ход, что вел с кухни. Скорпион чуть задержался, помогая Руслану связывать Марата до приезда скорпионовцев.

Запиликал телефон со знакомой мелодией, звонила Маша:

— Привет подруга, где пропадешь? В бассейн пойдем?

— Прости, не могу сегодня. Сережа с собой на задание взял. Семки нет, так что я его прикрываю всей грудью. Ну, большей частью. Тут только что такое было, я тебе потом все расскажу. А еще пирожные вкусные были, пальчики оближешь.

— Кстати, спасибо что напомнила. Ты блондина не видела? Что-то третий день ни слуху, ни духу. Вроде у Скорпиона живет, а как не приду, света нет, квартира пуста.

— Он в тайге у Рыси. Тигренка выращивает. Учится, по крайней мере. Сережа их на днях отвез. Появился повод поближе подружить сводного и кровного братьев, да и тигренок в хороших руках. С зоосадами что-то идея не понравилась...

— Да у Скорпиона этих братьев полгорода, — Маша сделала голос более загадочным, — странно другое: впервые вижу, что Сема о ком-то стал заботиться. А то все жениться, жениться, а опыта-то нет. А тут раз и на тебе...

— Да кто их поймет, этих пацанов. Ладно, мне пора, сейчас Сережа выйдет, — Лера положила трубку и повернулась лицом к двери.

Воздух разрезал колокольный звон. По городу звенели десятки церквей. Полнеба в куполах. Храмов больше, чем верующих. А как говорит Скорпион: «Ни одного бассейна вместо безликих, пустых зданий так и не построили».

Солнце скрыла чья-то тень, тяжелая рука зажала рот, сдавив голову тисками. Другая рука подхватила под пояс, оторвала от земли.

«Похищают!», — пронеслось в голове.

* * *

Сергей распахнул дверь и обомлел. Леру тащил к открытой двери автомобиля бородатый брат Марата, известный бандюган — Ашот. В последние пол года, устав от работа, братик решил заняться торговлей порошком, влекомый сверхприбылью.

«Вот так номер. Ну и наглость».

Спрятав моментально вспыхнувший гнев, Скорпион заставил себя спросить:

— Эй, господин авторитет, куда это вы собрались с моей девушкой? Еще и в такой грубой форме. Вам руку сломать? Или извинитесь?

Ашот застыл, раздумывая, успеет ли он до машины или сегодня не его день. В автомобиле сообщников не было, от клана откололись почти все люди. Нелегальный бизнес за последний месяц вылетел в трубу. Сначала стали уходить люди, испуганные возмездием, чередой убийств в городе с подробностями «за что» и «почему». Потом от «крыши» стали отказываться «крышуемые». Уважение пропало. Тех, кто остался, почти всех перестреляли. Без права срока в тюрьме.

Лера не вовремя дернулась, вырываясь, и бандит допустил грубейшую ошибку — дернул жертву к себе так, что вскрикнула.

Вскрик пробудил зверя. Время слов кончилось.

Еще одно испорченное свидание.

Воздух загустел. Скорпион рванул вперед, как будто вырвался из тягучего болота. Пальцы Ашота оказались в руке, завернул с огромной скоростью, освобождая Леру и захватывая самого Ашота. Не сбавляя скорости, проломил головой бандита дверь в дорогом автомобиле. Отчетливо послышался хруст позвонков, брызнула кровь...

Скорпион накинул на Лерку кожанку, подхватил на руки, прижал к себе, приговаривая:
— Не смотри туда, не смотри. На меня смотри. Все в порядке, все нормально. Мужики выйдут, зачистят. Не волнуйся. Время тюрем прошло. Сразу на переплавку.

— А ты? С тобой ничего не будет? — Леру трясло, как осиновый листок. Была бледная, как поганка, губы посинели.

Страх преобразует человека. Чуть было не похитили. И сделать ничего не смогла. Одно дело, когда Сережа сам тренирует, тогда понятно, что он ничего плохого не сделает и приемы — всего лишь приемы, и совсем другое, когда так... По-настоящему.

Скорпион вернулся в ресторан. На ходу отдал команду одному из бойцов, что разговаривали с Маратом. Спецназовец кивнул, захватил тряпку и поспешил на задний двор.

Лера смотрела в глаза, ожидая ответа. Зеленые зрачки ловили каждый нюанс в мимике лица. Соврать невозможно... Да и незачем.

— Да что со мной будет? Я слепо-глухо-немой Фемиде не подчиняюсь, меня на весах не взвесить. Я вес могу менять. У нас свой суд, с открытыми глазами и сердцем. — Подмигнул, кивая на повара. — Как насчет еще пары шоколадных пирожных? У тебя такой стресс был, надо закусить чем-нибудь сладким. Правда? На твоей фигуре это никак не отразится, ручаюсь. Ты у меня тоненькая, худенькая. Надо тебя подкормить.

Лера расплылась в смущенной улыбке:

— М-м, льстец.

* * *

— Лера... — Скорпион смотрел печальными глазами.

Тебе-то за что все эти страдания? Идти со мной рука об руку по пути воина сложно. Очень сложно. Как же сберечь тебя от всех этих трудностей?

Вдвоем сидели на набережной Амура, смотрели на отравленные воды могучей реки. Толпа народа принимала солнечные ванны без возможности зайти в реку. Китайцы очередной раз сбросили в воду ядовитые вещества. Мэр с губернатором печально вздыхали, но ничего, кроме запрета на купание, сделать не мог.

— Не говори ничего, давай просто помолчим. — Лера развалилась на расстеленной куртке Сергея, блаженно нежась под послеполуденным солнцем.

— Лер, это самое подлое... Когда вот так... отыгрываются на родных. До меня руки коротки дотянуться, Сема тоже все время ускользает, семья моя под охраной в деревне, вот на тебе и решили отыграться.

Лера привстала на локтях, рыжие локоны рассыпались по плечам, возразила:

— Но не отыгрались же! Мне просто надо быть с тобой. Ты защитишь, ты сильный. Временами даже очень. И антисистема твоя, если что...

— Лера, никаких «если что», это огромный риск, ты для меня самый дорогой человек.

— Дороже Семы? — Хитрые глаза поймали в прицел.

Сергей выдержал взгляд, обронил:

— Я тебя встретил раньше, но не заставляй выбирать между любовью и дружбой. Стоит ли вообще выбирать?

— А вот если пришлось бы?

— Что пришлось бы?

— Вот стоит перед нами бандит, направляя пистолет, и либо в меня, либо в Семена. А ты связан. В кого бы ты позволил выстрелить?

— Если бы все так просто...

Звоном гитары взорвался сотовый телефон Скорпиона, прерывая разговор. Не глядя, нажал красную кнопку отмены.

— Лера, просто понимаешь...

Телефон повторил попытку. Пальцы потянулись отключить, но Лера не позволила:

— Понимаю, только ответь на звонок. Может, кому-то очень надо.

Пальцы щелкнули по зеленой кнопке:

— Слушаю.

Динамик донес звуки отчаянного плача, рыданий. Казалось, слезами зальет весь телефон:

— Се...ре...жа...

Едва различил голос одноклассницы Катюхи. Та рыдала навзрыд. Никогда раньше не видел, чтобы школьная ведьмочка проронила хоть слезинку. Даже когда получала двойки или дралась со сверстницами или парнями, отстаивая свое честное имя и мнение.

— Катя, что случилось?

— Сережа, — голос срывался от истерики. — приди...п...прошу... приди...тут...такое...я не... не могу ничего... поделать...страшно...квартира сходит... с ума.

Скорпион подскочил:

— Ты дома? Твоя квартира?

— До...ма... а-а-а!..

Связь оборвалась. Попытался набрать домашний и сотовый номера одноклассницы, но оба направления не отвечали.

— Кто это рыдал?

— Катя.

— Что случилось?

— Не знаю, но стоит проверить. Поехали.

Он подхватил под руку. Обулись и поспешили по лестницам вверх, на стоянку. Там стоял мотоцикл.

Шлемы легли на головы. Лера обхватила Скорпиона за пояс, прижалась всем телом. Хотя и сдерживает скорость, когда едут вдвоем, но обычно гоняет так, что спидометр зашкаливает. А тут еще надо спешить. Хорошо хоть куртку свою отдал — ветром не заморозит.

Охранник взял плату, опустил цепочку. Черный зверь, модернизированный техниками базы, взревел, выкатился на трассу. Скорпион привстал, оттолкнулся назад. Кавасаки встал на заднее колесо, быстро набирая скорость.

— Эй, потише, потише, — Лера вжалась в спутника, руки под майкой ощутили каменные кубики пресса.

— Держись, рыжая. Там дальше пост ДПС. Всегда останавливают. Надо проскочить.

— Но как же камеры слежения? Мы же в центре! — Закричала сквозь ветер Лера.

— Есть свои люди, сотрут записи, — послал сообщение Сергей.

— Что это было? Это ты сказал? Ты же ничего не говорил. Или мне показалось?

— Лера, не бойся. Ты слышишь меня. Это невербальное средство общения. Думаю, чтобы не делать выбор между пулей в тебя и пулей Сему, познакомлю ка я тебя со скоростным средством общения. Как тогда, на речке. Помнишь?

— Мне показалось, что ты мне тогда вслух сказал. Нескучный сегодня день! А я тебе как буду отвечать? — кричала сквозь ветер Лера.

— Все со временем, все со временем. Просто слушай и все.

— Ха, так легко не отделаешься. Я тоже хочу говорить! Я тебе столько понаговорю. Ты только научи.

— Кто тебе мешает?

— Я не умею!

В мозг вошел образ улыбки, света, очи, пылающие синим цветом и одна фраза:

— Ты и не пыталась. Просто поверь, говорю же тебе.

— У тебя всегда все просто! Я даже Сему с тигром поняла теперь.

Мотоцикл, вихляя между машин, пробивался во все щели. На огромной скорости обгонял, догонял и перегонял. Скорпион не останавливался на светофоры, прорывался через проемы в стане пешеходов.

Сердце Леры вздрогнуло, когда вверх взметнулась палочка пухлого постового. Но

Сергей словно не отреагировал и на этот жест, промчался рядом. Милиционер ринулся в машину, но напарник на соседнем сиденье остановил:

— погоди, не пори горячку. Это Скорпион.

— И что с того? Ты видел, какая скорость? — постовой потянулся за ключами, уже понимая, что никогда не догонит. Мотоцикл скроется в частном секторе, и все. Поминай, как звали.

— Все в порядке, он никого никогда не собьет. Парень профессионал, — улыбнулся напарник, вспоминая черную униформу старшего брата с золотым скорпионом на плече.

— Знаем мы этих профессионалов. Все по кюветам, — постовой неуверенно отдернул руку от ключа зажигания, прищурился. — Друг что ли твой?

Напарник расплылся в улыбке:

— Отца моего от бандитов спас. Тому чуть пекарню посмертно не прикрыли. И брату старшему помог, когда никто не брал на работу профессионала с синдромом войны. Реабилитировал и пристроил. Возможно, и ты когда-нибудь с ним столкнешься. Хороший паренек.

— А, ну пусть катается. Только смотри мне. Если что, то все ты.

— Ага, как обычно...

Сергей свернул с трассы, сбавляя скорость. Частный сектор предстал танковой дорогой с клочками асфальта и ямами, каждая как место падения метеорита.

Мелькнул знакомый дворик. Скорпион бросил мотоцикл у самого подъезда, шлем повесил на ручку. Леркин на соседнюю.

— погоди, а если украдут? У тебя даже сигнализации нет.

— Лера, ты же знаешь, это мой район. Все знают, чей это мотоцикл.

— Но это не наш двор!

— Покатаются и вернут. Бежим.

— Ты теперь так и будешь молчать? Люди вокруг подумают, что я сумасшедшая, сама с собой разговариваю. Без ответов. Я тебе еще не жена, чтобы ты молчал!

О, снова постулаты. Жена через несколько лет — зверь, теща — зверь, зять — зверь. Все вокруг звери, и жизнь — серое облако. Со времен крещения все это, что ли?

Сергей коснулся домофона, приложил палец вместо ключа. К удивлению девушки, замок запищал, магнит отворил дверь.

— А позвонить слабо было? — Лера направилась к лифту. Но в пятиэтажном здании лифта не было. К счастью, Катя жила на втором этаже.

— Хватит бурчать.

— Ах, так? А вот не пойду пешком на второй этаж!

Скорпион подхватил рыжую лентяйку на плечо. Побежал по ступенькам вверх, переступая через одну. Старушка, которой довелось видеть, как снизу вверх бежит парень с человеком на плече, схватилась за сердце. Телевизор как раз с утра показывал порцию чернухи. Лера еще вдобавок распласталась на плече, не подавая признаков жизни. Самой идти не надо, устала гулять по городу, а тут несут, лепота!

Он остановился на этаже, опустил Лерку. Палец ткнулся в звонок. Но звонка не послышалось. Либо отключен, либо перегорел. Заколошматил в дверь, одновременно пытаясь дозвониться по сотовому на домашний в квартире. Звонка так же не было слышно.

Сергей посмотрел в щитовую — провода в порядке. В чем же дело?

— Может, нет никого? — подала голос Лера.

Он прикрыл глаза, сосредотачиваясь на чувственной сфере. Чувственное восприятие разрослось, охватило всю квартиру. Так, сосед Кати звонит в милицию, привлеченный стуком в дверь. А Катя лежит без сознания в зале на кресле.

Ну и дела.

Сергей выдохнул, собираясь с мыслями. Ничего другого не оставалось, как вскрывать дверь. Ждать ментов или упрашивать открыть соседа долго и бесполезно.

— Лера, есть заколка?

— О, ты заговорил! Хороший знак. — Лера провела рукой по локонам, выдернула пару невидимок. — Держи.

Сергей вставил обе в замок, завертел, закрутил. Зазубрины замка сдались, общая дверь отворилась. Подошел ко второй двери, постучал по обивке — хвала богам, деревянная. Слава Роду, открывается вовнутрь! — руки отодвинули Леру, приготовился...

— Погоди, погоди! Ты же не собираешься ее выламывать?

— Будет повод поставить стальную. Не бойсь, у Антисистемы есть свой небольшой магазинчик дверей, восстановят. Не первый случай...

Подошва кроссовка врезала чуть правее замка, но вместо сломанного язычка дверь слетела с ветхих петель целиком. Сергей ломанулся внутрь, исчезнув в соседней комнате. Лера боязливо перетупила порог, приговаривая:

— Ну вот, превышение скорости, кража со взломом, разбойное нападение. А обещал просто в ресторане посидеть. Хотя пирожные были ничего так. Бедный Сема, как еще жив с таким братом?

Лера прошла в комнату. Зрачки в который раз за день расширились, дыхание перехватило, из груди поднялся комок — Скорпион целовал Екатерину. Едва удержалась, перебарывая себя и сдерживая кучу слов на языке.

Сергей никого не целовал. Делал искусственное дыхание. Когда ворвался в зал, застал бывшую одноклассницу без сознания, бездыханную. Лицо было неестественно синее, словно покрытое холодом смерти, сердце не билось.

Сколько? Сколько времени прошло?

В этот холод словно была укрыта вся квартира. Темная атмосфера давила на плечи, на голову. Не было времени разбираться. Стоило запустить сердце, пока мозг не умер безвозвратно.

Сколько же все-таки времени без дыхания? Это не инфаркт и не инсульт, но почему сердце остановилось? Кто или что заставило?

— Сердце, сердце, бейся, бейся. — Шептали губы.

Пальцы делали массаж сердца, вминая грудную клетку. Делал искусственное дыхание, не обращая внимания на взгляды рыжей за спиной. Бил по щекам. — Дыши, дыши! Лера, вызывай скорую.

Энергия скопилась в пальцах. Импульс с установкой на жизнь вошел в сердце и солнечное сплетение, отдал часть своих резервов. Все равно, что несколько дней не сможет работать в ускоренном режиме, лишь бы Катюха жила.

— Давай чернявая, ты еще слишком молода, чтобы умереть.

Еще один импульс, более мощный и надежный, проник в сердце. Послышался неуверенный стук, за ним другой. Сердечная мышца заработала в нормальном режиме, отдохнув.

Катя открыла глаза. Грудь вздыбилась, как тонущий хватает воздуха, выныривая на поверхность. Глаза подернулись пеленой, заплакала, не в силах удержаться, обняла крепко-накрепко, дрожа всем телом.

— Скорая сейчас приедет, там вся посуда разбита, — появилась на пороге Лера и снова застала картину: она обнимала его слишком откровенно. Ревность вспыхнула пуще прежнего. — Ты... вы... — голос сорвался...

Скорпион повернул сонные глаза, выглядел пьяным, едва удерживался, чтобы не упасть в обморок. На второй импульс отдал все свои силы. Не мог даже говорить, прошептал:

— Лера... она... жи...я...

Тело обмякло, упал на спасенную. Катя ревела, не в силах остановиться. По рефлексу обхватила еще и ногами.

Терпение лопнуло. Не в силах совладать с собой, Лера, прикусив губу, бросилась прочь из квартиры. Глаза заполнились, но позволила себе разреветься только на улице, не замечая, как во двор въезжают машины милиции и скорой помощи.

— Так, проникновение на частную собственность, со взломом, разбойное нападение, изнасилование... хм...попытка изнасилования. — Привычно перечислил участковый, переступив через сломленную дверь и зайдя в зал.

— Так, маньяка в каталажку, бабу врачам. Хе, прямо средь бела дня. Совсем борзые стали. Что с народом творится?

Рослый парень лежал на рыдающей девушке, что в истерике не могла сказать и слова, лишь слезы градом лились по щекам и стекали на ковер. Картина выглядела вполне недвусмысленно. Что еще добавить? Факт преступления на лицо. Соседу благодарность за своевременное обращение к органам правопорядка.

Часть 2

Воспоминание

Он очнулся на холодном полу от удара по почкам. Рефлекторно перевернулся, спасая внутренние органы от повреждений, и отключился вновь, провалившись в ту же серую мглу, из которой выпал.

Следующее пробуждение было мокрым. Кто-то лил из металлической кружки на лицо. Разбитые губы обожгло. Поднял веки. В глаза, как песка насыпали. Тут же закрыл. Голова гудела. Не мог вспомнить кто он и где. Кто-то стер всю память. Весь мир состоял из холода и странной, дикой пустоты. Это было страшно и вселяло ужас. Вчера не существовало.

— Не хило они его отдубасили, — послышался голос.

— Просыпаться не хотел, — раздался другой.

— Сколько ж выжрал, что в отрубе второй день?

— Эй, фраер. Ты чьих будешь? По фене¹⁰ ботаешь?

— Да блатной походу, зырь какая наколка на руке. Не знаешь, че значит скорпион — не трогай, покалечу. А может, вообще беспредельщик.

Скорпион окончательно открыл глаза и понял, что мозг пуст. Из горла вырвался обреченный хрип. Не помнил даже своего имени. Рожденный пустотой в пустоту.

— Хача, отойди от него, вдруг, правда, покалечит. По какой он статье?

— Проникновение со взломом, разбойное нападение, изнасилование, групповое мочилово и еще по мелочи с десятков сюжетов, — перечислил Хача.

— В натуре злой тип. Давай его под нож, и дело с концом, — донесся до слуха едва различимый шепот.

— Я честный вор, мокрушником не был и не буду. Сам давай, — остепенил Хача.

Сергей привстал на локтях. Потер засохшую сукровицу на губах, криво усмехнулся. Получился кровавый волчий оскал. В голове сияла пустота, но глаз уловил заточку под рукавом. Зло обронил:

— Покалечу!

Парень рванул вперед, надеясь успеть, пока вихрастый на полу не пришел в себя. Заточка нацелилась в шею лежавшего...

Скорпион не понял, как оказался на ногах. Тело двигалось само. Заточка вдруг переключалась из рук бритого типа в правую ладонь. Не понимая, что делает, воткнул острие в колено недруга. Услышал свой собственный голос:

— Сказал же, сука, не лезь, покалечу.

Я могу драться. Эта уверенность... Откуда она? Кто я?

Хача оттащил соседа по камере, едва ли не кланяясь:

— Не обессудь, паря, не признали. Ошибся кореш мой. Мы ж не знаем, кто ты. Может, суч какой, может, падла ментовская. Малявы¹¹ о тебе ни какой. Да и какие малявы в

¹⁰ Феня — блатной разговорный жаргон.

¹¹ Малява — записка.

распределителе? Но парень ты, судя по всему, серьезный. Погоняло есть?

Скорпион присел на вмурованную в стену скамейку, рассматривая изодранные джинсы и безрукавку, попытался вспомнить хоть что-то. Только пустота. Ничего не вышло, обронил, глядя на татуировку на левом плече:

— Зови Скорпионом. Не прогадаешь.

— Не вопрос, паря, не вопрос. А ты не...

Вспышка. Злость. Скорпион сам не понял, как резко оказался подле Хачи, схватил за шею, злой шепот докатился до уха «честного вора»:

— Что-то ты вопросов много задаешь! За лоха меня держишь?

Так. Лох. Кто такой лох? Почему вылетело из головы? Сказал, не раздумывая? Да кто же я такой? Надо что-то делать. Где я? Распределитель? Холодно. Мозг, работай!

— Что ты, паря, что ты, — засипел придушенный Хача.

— Я ничего не помню. Твое дело восстановить мою память. Понял?

Хача, синевя, попытался кивнуть, но ничего не получилось. Моргнул в знак согласия. Скорпион ослабил хватку, снова сел на край скамейки.

— Папироску не желаешь? — подшестерил «честный вор», глядя на муки кореша, который извлекал заточку из колена и тихо материл весь белый свет.

Почему мне так все равно? Что было или не было? Как же сложно гадать.

Скорпион поднял мутные глаза, пытаясь вспомнить, курит он или нет. Обронил:

— Меня в данный момент интересуют другие вещи. Рассказывай. И про феню и про все это кругом. А вот спички можешь отдать, пригодятся. Кстати, где мы?

Какая феня? Зачем мне спички? Это я сказал или мозг? Что за напасть такая?

— В распределителе, — Хача рухнул на скамейку, из носка достал бычок и чиркач с тремя спичками, чиркнул, прикурил одной, две другие протянул неопознанному заключенному.

— А потом куда? — Не поворачивая головы, спросил Скорпион, пряча спички в носок.

— В следственный изолятор. СИЗО. — Выдохнул порцию дыма лысый сокамерник.

— Зачем?

— Как зачем? Суда ждать!

Суда? Я что, осужден? А за что? Неужели те слова пронзенного заточкой о групповом мочилове правда? Я убийца?

— И долго ждать?

— Некоторые по несколько лет ждут. Так до «взросляка»¹² и дотягивают. На «малолетке»¹³ круче нравы. Беспредела много. Тебе сколько лет?

Скорпион, не глядя и не поворачиваясь, ударил назад наотмашь. Хача выплюнул разбитыми губами бычок, сполз по стенке, причитая:

— Все, понял... понял... больше никаких вопросов... Все будет по понятиям, зуб даю!

— Вот с них и начни, — обронил Сергей и развалился на скамейке, оставив Хачу вприсядку у стенки. — Не с зубов, а с понятий. Откуда весь исход?

Исход? Интересное слово. Надо будет запомнить. Стоп. Это же я сказал. А-а-а, черт возьми, эта каша в голове бесит.

Хача смирился со своей участью. Лучше говорить все, что спросит, а то покалечит, как Косого или шею свернет невзначай. Отморозок, не иначе. Тихо начал свой рассказ:

— Старший¹⁴ говорил, что все после при Сталине пошло. В ГУЛАГах накопилось

¹² Взросляк — тюрьма для совершеннолетних.

¹³ Малолетка — тюрьма для несовершеннолетних.

¹⁴ Старший — человек, доводящий до стремящемуся к блатной жизни малолетки понятия, феню.

очень много политзаключенных. Лишних. Решили поэкспериментировать. Слишком мягкие порядки были среди самих заключенных, примитивные. НКВД, КГБ или другая какая контора решили поэкспериментировать и запустили в зоны что-то вроде книги особых понятий, где каждое слово имело свое прямое обозначение. Зекам эксперимент понравился. Короче, кто приспособился, тот пошел в паханы, а кто-то упал ниже плинтуса, тот... В общем, кому-то же нужно было толчки мыть. Все как в армии, только в армии не запахло, а здесь...

Хача посмотрел на Косого у толчка, вздохнул и продолжил:

— И пошло-поехало. Слово стало играть большую роль. Феню выучил — молодец, хвала тебе и почет. Накосычил — ответь. И потирали руки выдумщики. Зона стала порядками жить, своими. И все бы хорошо, но понятия шагнули и за пределы зоны. Многие в ГУЛАГах перебивались. И прижилось. Комсомольцев стали чмырить, воровать стало в почете. Выросли малолетние хулиганы в преступников, со своими понятиями жизни и потянулись вереницы нового поколения по этапам. Современные отморозки, которые отрунули старых авторитетов в законе. И пошел гулять беспредел по стране, — Хача все говорил, говорил. Время текло незаметно.

Скорпион притих, слушая. В пустой голове что-то звякнуло, смешалось с какими-то воспоминаниями или подсознанием. Додумал по-другому.

«Вот и развал СССР без новой идеологии, болезненная история девяностых России и сюжет наших новых дней. Вот так из-за экспериментаторов и совершаются революции в сознании. В процессе чьей-то шутки, игры. Революция совершается в первую очередь в умах. Если бы не вся смута и анархия 1914–1917 годов, то население одной лишь России составляло бы к пятидесятым годам около трехсот миллионов человек. А промышленность и прочее улетели бы и вовсе в... светлое будущее».

Скорпион тряхнул головой.

«Стоп! Вообще какая-то муть. Откуда такие мысли и знания? Что-то до этого знал? Всплыл обрывок памяти? Зачем убийце такая память? Я же убийца? Или разговоры про групповое мочилово — пустой звук? Тогда почему так просто воткнул в колено заточку? Потому что меня хотели убить, или есть еще причины?»

От ответа самому себе спас человек в синей форме, появившийся с другой стороны решетки.

— Эй, вихрастый, на выход. Следователь ждет, — надзиратель перевел взгляд на корчащегося в агонии. — Косой, ты че там воешь? Порезался что ли? Экий ты шутник, никак на больничку захотел? Хрен тебе, а не больничка. Опять косишь!

Сергей хмуро усмехнулся.

* * *

— Фамилия, имя, отчество? Где проживаешь? — Следователь, хмурый молодой мужик, пронзил взглядом.

Сергей пожал плечами:

— Ты пургу не гони, я даже не помню, почему я здесь.

«Пургу не гони? У Хачи что ли нахватался? Или всегда так разговаривал?»

— Не помнишь? — Следователь прищурился.

Парня привезли без единого документа, сведений никаких, жертва в больнице. Сложно, ох сложно. Но ничего, еще и не таких кололи. Заодно и пару висяков¹⁵ можно навесить, раз без памяти-то. Свидетели найдутся. А премия за успешное раскрытие дел, когда еще такая подвернется?

¹⁵ Висяк — дело, не поддающееся раскрытию в связи с нехваткой улик, свидетелей или еще по каким-либо причинам.

— Не помню, — твердо ответил Сергей.

— Иванов Федор Сергеевич тебя зовут, — следователь попытался поймать момент, когда лицо парня мимолетно изменится, отрицая, но тот не сделал ничего. Либо великолепный актер, либо действительно ничего не помнит. Продолжил. — Сидишь здесь за тройное убийство, изнасилование, кражу в особо крупных размерах, разбойное нападение на органы власти, моральный и физический ущерб группе лиц, еще одно тройное изнасилование и...

Федор? Тройное изнасилование? Бред какой-то...

— Че-то ты гонишь, начальник, — прищурился подследственный.

Следователь подскочил:

— Поговори мне еще! — и чуть тише добавил, присаживаясь — Какой резон мне гнать? Ты натворил, я говорю, как есть. Вот твоё дело, твои показания. Ты же сам писал.

Сергей взял протянутый листок из папки с громким названием: «Дело? Х»

Я, Иванов Федор Сергеевич, полностью признаю свою вину и участие в...

Далее следовал исписанный мелким почерком перечень преступлений на весь лист и на всей его обратной стороне.

Тут и десяток людей на весь перечень не справятся. Мне что так много лет? Левый ты следак, левый.

Сергей почесал нос, крикнул:

— Гражданин начальник, так вы ещё один сюжет забыли. Дайте ручку, я допишу.

Следователь, сияя, как новогодняя елка, протянул ручку, приговаривая:

— О, вспомнил? Чистосердечное признание? Это тебе скосит половину срока, я похлопачу за тебя...

Сергей взял ручку, рефлекторно написал пару букв.

Почерк-то не мой. Вот ты и прокололся.

Обронил:

— Вот я сейчас дописываю ко всем сюжетам ещё и нападение на служебное лицо при исполнении служебных обязанностей.

— Да? У тебя и такое есть? — Поцокал языком следователь.

— Нет... но сейчас будет! — Скорпион перемахнул через стол и с криком. — Врешь ты все! — обрушил серию ударов на следователя.

Бил коротко. Профессионально. В мгновение ока превратил холеное лицо в кровавое месиво. По удару за каждого невинно осужденного. Наверняка не первая жертва. В живых следователь вряд ли останется...

В кабинет ворвались двое, в ход пошли дубинки. Скорпион оглушил обоих короткими, быстрыми ударами в висок и солнечное сплетение, недоумевая, как это все легко и рефлекторно выходит. Вроде и не дрался, противники, словно сами попадали. Только сбившееся дыхание подсказало, что бил действительно он. Не понимая, что делает, забрал ключи у охранников. Пистолет брать не стал, что-то внутри рассказало про отпечатки пальцев. Подхватил свое «дело Х», достал из носка спички — как знал, что пригодятся — чиркнул о стол. Первая не зажглась, чиркнул вторую. Огонек вспыхнул, пополз вверх. Быстро подставил дело под огонек.

Бумага поддалась инородному вторжению, огонь быстро завоевал новые позиции. Дым взвился под потолок, под датчик дыма. Но, из-за постоянного курения в кабинете, пожарная сигнализация была отключена разумными людьми ещё со времен постройки здания.

Не останавливаясь, вырвался в коридор, пробежал возле клетки, где только что сидел.

Челюсть Хачи отпала:

— Ты че, на побег срываешься?

— Да, ты со мной?

— Мне два года светит, а за побег пятерку добавят. Не, не побегу. Косой бы побежал, но подранен, не убежит.

— Кому воля, кому доля, — подмигнул Сергей. — Сиди за решеткой, пассажир, Косого

лечи.

Пассажир? Да что я вообще говорю?

Помчался дальше, остановившись возле решетки. Отворил ключом и помчался дальше. Короткий коридор сделал изгиб. Еще один человек в синей форме сидел за окошечком — дежурный. В памяти словно всплыл старый сюжет. Было стойкое ощущение, что когда-то отсюда уже сбегал. Словно повторял все действия из прошлого.

Прошелся гусиным шагом, в присядку под окном. Резко распрямился перед окошечком, почти подпрыгнул и лишил дежурного передних зубов и сознания.

Путь к свободе был открыт. Пинком распахнул дверь и вырвался на волю, в город, хватая вольный воздух полной грудью.

Но Провидение так просто не хотело выпускать из-за решетки. Еще не все уроки понял. Должен был увидеть этот мир изнутри.

* * *

Лера в панике металась по квартире. Нелепость происходящего давила на сознание. Бормотала бессмысленные слова, прокручивая в голове сотни вопросов и не получая ни одного ответа.

Тревожный взгляд то и дело останавливался на куртке Сергея со всеми документами. Ситуация вышла из-под контроля. Разрыдавшись всласть на скамейке, обратила внимание, как Скорпиона без сознания пихают в синий УАЗик, а Катю уносят на носилках в машину скорой помощи. Одноклассница так и не смогла ничего объяснить милиции, потеряв сознание, когда оперативники избивали Скорпиона, заподозрив в нем маньяка.

Подбежавшую Леру никто не слушал — Катя подтвердить ничего не могла. Родители как в пропасть провалились. Интересные показания дал сосед, описывая, как слышал крики, звуки борьбы, звон бьющейся посуды. Факт преступления налицо.

Лера понятия не имела, где искать Сергея. С милицией иметь дел не приходилось, а если рассказать родителям, посыплется столько вопросов, что лучше тихо сходить с ума одной, ожидая, пока милый сам выберется из изолятора или просто позвонит.

Провидение обучало обоих. Одной следовало понять, что даже самый крепкий человек иногда нуждается в поддержке, а другому стоило немного пересмотреть отношение к жизни. Не зря память потерял и очутился на самом дне. Но оба не хотели замечать уроков жизни, каждый видел лишь свой осколок из общей картины.

Лера в панике металась всю ночь. Уснула лишь под утро. Пробудилась, когда солнце перевалило через полдень. Но он не появился и к полудню.

Почему сидит там так долго? У него же друг работает опером. Должен же вытащить, понять всю нелепость ситуации. Чем дольше будет сидеть, тем больше повесят преступлений. И Катины показания уже никакой роли не сыграют, когда очнется. Почему Скорпион молчит?

До блондина было не дозвониться, в тайге отключил связь. Даниил с Андреем на Кавказе, вся семья Сергея в деревне. Телефонов Антисистемы за все время знакомства так и не взяла, как и номера Саныча или Никитина. Даже Васька как в воду канул...

Паника нарастала. Что делать? Что делать?! Из головы вылетели все нормальные, здравые мысли. Накинув на плечи куртку Сергея, ринулась на улицу. Настало время самой браться за поиски.

В душу забрались сомнения, разъедаая ядом настрой — не поздно ли начала?

* * *

Беглец выскочил на улицу и столкнулся нос к носу с Владимиром. Рослый оперуполномоченный в чине старшего лейтенанта ничего не сказал памяти Скорпиона, рука взметнулась для оглушающего удара.

— Скорп! Ты чего? — Владимир отскочил, рука метнулась к кобуре, но придержал.

Этот жест не ушел от глаз Сергея, вихрастый обронил:

— Ты меня знаешь?

— Что с тобой, Сергей? — Владимир округлил глаза.

Все-таки не Федор!

— Поехали, по пути все расскажешь!

Сергей подбежал к ближайшему припаркованному автомобилю — тонированному джипу с синими номерами — ребром ладони выбил стекло, отмечая для себя, что удар прошел легко — даже не порезался. И откуда только знал, что нет сигнализации? Резво открыл дверь и шлепнулся на водительское сиденье, опуская разбитое стекло, чтобы не заметили. Прокричал. — Садись, опер, а то подумаю, что ты меня обманул. Бед не оберешься.

Владимир мигом запрыгнул на соседнее сиденье, доводя до сведения:

— У тебя должны быть веские причины очередного задания, если собрался угонять джип нашего начальника. Братве стуканет, разбор территорий пересмотреть придется.

— А они и так веские, — хмуро обронил Скорпион, выезжая на дорогу, — я не помню своей жизни до того момента, как очнулся в распределителе. Я в непонятках, про какой ты разбор плетешь и что за задания? Знаю только, что следак у вас ссученный, хотел прицепить к моему паровозу несколько своих вагонов. Тут я и понял, что драться умею.

Владимир повернул голову, разглядывая, словно видел в первый раз:

— Да я бы и сам рад ему голову свернуть, сколько душ невинных по зонам сгноил, выполняя план. Но с тобой-то что творится? Ты никогда так не говорил. Головой, что ли, сильно ударился?

Точно. Феня — не мое. Опер прав.

— Не знаю. Совесть чиста — следак мертв. Дело сжег. Они все равно моих данных не знали. Смирятся.

— Ну, ты даешь, — протянул Владимир. — Грубо. Правда, что ли, ничего не помнишь?

Скорпион щелкнул себя по зубам:

— Зуб даю, век воли не видать, начальник.

ТЬФУ, ЧЕРТ. ПРИВЯЗАЛОСЬ ЖЕ.

Владимир хлопнул себя по лбу, причитая:

— Е-мое, сколько тебя в распределителе-то продержали? Когда успел наблатыкаться?

Скорпион молча сбавил скорость. Раздумывая, свернул в жилой сектор. Черная тонированная легковушка, «Нисан», подрезала, нарушая правила. Пришлось развернуть машину, уходя от аварии. Притормозил невдалеке.

— Сколько мне лет, если меня на зону хотели отправить? Я, правда, такой дикий мокрушник?

— Да какая зона? — взмолился Владимир. — Тебе семнадцать лет, «малолетка» только если, но убивал ты не по этому поводу, ты зачищал...

Автоматная очередь прошила стекло и дверь со стороны Владимира. Изрешетило десятком пуль. Умер почти сразу.

Скорпион, получив два сквозных ранения в бок, потерял сознание. Но перед тем, как отключиться, краем глаза отметил три толстых рожи, что запрыгивали обратно в черный тонированный Нисан.

Джип начальника.

Сознание отключилось.

* * *

Некоторое время спустя.

Сырой коридор с единственной, тусклой лампочкой под потолком шагал под ногами. Конвой из двух человек вел вдоль длинного коридора с рядами дверей-решеток. Лязг

затворов и скрежет петель акустическим эхом били по ушам.

Запястья стянуты стальными браслетами, что в народе зовутся наручниками. Надзиратели ведут быстро и грубо. Стоит сбавить скорость, тут же получишь тычок дубинкой между лопаток.

Ну, здравствуй, малолетка. Угораздило же угнать автомобиль верховного мента в тот момент, когда братва собиралась сделать предьяву по всем понятиям. Кто же лучше, братва или менты? Или разницы нет?

Владимира только жалко, так и не сказал, кто он и при каких обстоятельствах познакомились. Только это имя всплыло — Владимир. И чувство, что человек был неплохой.

Верховный начальник пришел на больничку, похвалил за своевременный угон, обещал дать в поощрение «пожизненно», невзирая на отсутствие документов. Следователь был сыном начальника «малолетки». А он хороший знакомый начальника распределителя. Взамен сожженного дела нового заводить не стали. Скорпиону грозило сидеть без суда и следствия по личной просьбе вышестоящих лиц, пока, вдоволь поглумившись, не прирежут втихую. Одно дело убить, но если еще и сломать...

В колонию после больнички привезли глубокой ночью. Полночи над боевой раскраской лица работал местный следователь с помощниками, доступно изъясняя, кто есть кто, а кто совсем никто. Простое крещение, простые законы. Крепкий не сломается, другому хватит пары ударов. Крестили за сына начальника малолетки, за разбитую машину начальника распределителя. Отдыхали и снова крестили.

На днях снова задержали зарплату, солнечная активность... Мстили за гадскую жизнь, за неудавшуюся стезю, за печальные судьбы. Просто мстили, вкладывая в удары всю горечь, что скопилась внутри, создавая из людей зверей.

Скорпион вяло перебирал ногами по сумрачному коридору. С разбитых губ падали тяжелые красные капли, заплывший правый глаз как раз и выдавал сумрачную картину коридора. От ранений еще не отошел, и снова здоровье подпортили.

Что за жизнь? Почему ничего не помню? Или раньше было так же?

Тяжелая дубинка прошла по бедру, упал, сжимая зубы от резкой боли. Тяжелый ботинок помог встать. Крепкие руки подхватили и поставили у стены. Послышалось бряканье ключей.

— Да погоди ты браслеты снимать, пусть освоится. Смотри, какие патлы отрастил, может гопникам как девушка приглянется. Пусть народ порадуются. — Конвоир заржал и открыл камеру, пинком затолкнул внутрь, в спину добавляя. — Пресс-хата¹⁶, получай мясо.

За спиной захлопнулась дверь. Скорпион остановился, не поднимая головы. Кровь с разбитых губ стекала, склеивала пряди волос, попадала в рот, но сплевывать было нельзя, это считалось прямым оскорблением хаты. Хотя, если взять в толк последние слова конвоира, то пресс хата — это не хата по понятиям зоны или СИЗО. Это место, где здоровые быки по наводке начальства ломают или опускают отрицающих возможность сотрудничества с правоохранительными органами. Попросту не желают быть стукачами, «красными» или отказываются от навешанных дополнительно преступлений.

Едва переступил порог камеры, забыл обо всем человеческом, краешек которого разбудил Владимир перед смертью. Сейчас либо драка до смерти, либо снимут штаны, навсегда смешав жизнь с грязью, от которой невозможно отмыться.

Их было трое: рослый бородатый кавказец, совсем не похожий на человека, которому нет восемнадцати лет, здоровый лысый качок с тупой ухмылкой и отсутствующим взглядом и низкорослый хилычок-подстрекатель.

— Ой, какая к нам девочка пришла, — первым начал игру подстрекатель. — Тебя как зовут? Люся? Будешь Люсей? Братва, я уверен, он хочет быть Люсей.

¹⁶ Пресс-хата — Особая камера с осужденными, добровольно сотрудничающими с «нечистым на руку начальством тюрьмы».

Бык и бородач заржали, кивая. Бородач зачесал пах, приговаривая:
— Гоба прав. Люся хочет ласки. Сегодня моя очередь быть первым.
Скорпион — значит злой. Злой, так злой. Я не против.

Мироздание поставило перед выбором.

Скорпион хмуро улыбнулся, сплюнул кровавым сгустком под ноги подстрекателю и упал на спину, стараясь не кривиться от боли в ребрах. Вдел ноги в руки и перекинул руки в наручники вперед.

Вот теперь волчий бой.

Ногой подсек хилняка, вскочил, сдвоенными ребрами ладоней припечатал в горло быка, ткнул пальцами в глаза кавказца, не придерживая руки. Пальцы вошли в глазные впадины, втыкаясь давно не стриженными ногтями в оба глазных яблока. Постарался, чтобы бородач любитель мальчиков навсегда потерял зрение.

Бык посинел, не в силах вдохнуть воздуха, упал и закатался по полу. Скорпион подошел ближе, наклонился над задыхающимся, обхватил шею, сдавил горло наручниками.

Жора Сидельный, излюбленный «опускатель», не видел картинок всей жизни перед глазами, просто смерть с длинными черными волосами и холодный взгляд зеленых глаз перечеркнули сучью жизнь.

Кавказец был, как прирезанная собака. Кроссовок надавил на горло, придержал. Через тридцать секунд посиневшее лицо бородача затихло. Душа тяжелее наковальни провалилась в ад. Тело затихло.

Подстрекатель забился в угол, причитая:

— Не надо, арестант! Не стоит! Не признал! Прости суку. Не убивай! — Застучал в стену, крича. — Начальник!!! Спасай!!! Режут!!!

Скорпион повернулся, сухо обронил:

— Нырнешь головой в парашу — подумаю.

— Нет! Никогда! Прошу тебя! — Взмолился подстрекатель.

Скорпион приблизился на пару шагов. Глаза ничего не выражали — глаза убийцы, что узрел другую грань жизни.

Наверное, до распределителя таким и был. Кто знает?

Подстрекатель заскулил:

— Все сделаю, все! — Нырнул за занавеску, застыл перед очком, роняя слезы. Руки задрожали, губы задергались, снова запричитал, завыл. — Не могу... не могу.

Скорпион приблизился вплотную, голос без эмоций хмуро объяснил:

— Ты пацанчиков не спрашивал, могут они или нет. Считаю до трех...

Подстрекатель, набрав в грудь побольше воздуха, нырнул лицом до половины. Скорпион тут же подхватил под ноги, опуская в очко всей головой, так же хмуро добавил:

— Я подумал, мой ответ — нет!

Подстрекателю досталась самая ужасная смерть, которая хоть раз случалась в пресс-хате. Перед смертью он пытался кричать.

Скорпион отпустил ноги, смердящее тело рухнуло на пол. Голова так и осталась торчать в очке.

Отошел к окну, прислушиваясь к себе. Внутри стояла пустота. Дикая, пронзительная пустота, словно не было вообще ничего. Присев на скатку одного из убиенных, включил телевизор, обедая тем, чем был завален стол. Начальство обеспечивало «своих» достатком. Бык, кавказец и подстрекатель имели уютную камеру, телевизор и хорошие пайки. Прямо на столе в открытую лежали початые пачки папирос, стояли две банки пива. По тарелкам лежала совсем неплохая еда. Странно, аппетит ничуть не пропал, наоборот, тело молило о пополнении ресурсов.

Скорее всего, до распределителя и был убийцей. Владимир ошибся? Что он говорил про зачистки?

Конвоир явился через десять минут. Зашел в камеру и застыл перед тремя трупами, один из которых головой прозябал в параше. Несостоявшаяся жертва валялась на нарах,

закусывая колбасой — Скорпион не помнил, что он вегетарианец — и щелкала пультом, переключая каналы. Черноволосый вяло повернул головой, подмигнул надзирателю:

— Привет начальник. Хреновые у тебя дела. Захожу в камеру, а тут трупы кругом. И ни души. Это антураж такой или пугать вздумал? Учти, я жмуриков не боюсь. — И тише добавил, пронзая холодным взглядом насквозь. — Живых надо бояться, начальник. Захочешь мести, я знаю с кого спросить...

Конвоир, не поворачиваясь спиной, бочком-бочком выполз обратно.

Крик разорвал коридор.

* * *

Потом был пресс...

Ногами и дубинками били впятером, за каждым ударом пряча страх перед несломленным заключенным. Человек удивительно живучее существо. Скорпион не задумывался над тем, выживет или нет, просто забыл себя в океане боли, перестав воспринимать реальность. Было ли это расплатой за грехи или прошлую жизнь, не думал, просто пытался выжить во что бы то ни стало. Знал, что должен. Ради чего или кого не знал. Но поставил себе целью выжить... И выжил!

Когда через полчаса все пятеро устали, на теле почти не осталось живого места. Сплошные синяки и кровоподтеки. Лицо превратилось в месиво, шрамы обеспечены. Нашел в себе силы плюнуть одному из бивших в лицо. Последний удар снова отбросил в темный омут.

Дальше была неделя в карцере без еды, лишь несколько кружек воды в день, чтобы не сдох слишком быстро. Первые три дня держали в покое, ожидая, когда подопытный ослабнет или сам издохнет от побоев. На четвертый день посадили мастера волчьего боя, что пытался прикинуться другом, а ночью пришлось перехватить руку с заточкой и навсегда утихомирить подсадную утку.

Толстый надзиратель, отворяя дверь, вновь видя перед собой тело и человека, сидящего в позе лотоса и без эмоций смотрящего на него в упор холодными, пронзительно ледяными глазами, потерял аппетит и перестал спать. Через два дня его найдут исхудавшим и спятившим. «Дурка» до конца дней стала надзирателю приятом. Еще у двоих избивавших позже случаться сердечные приступы. Последние двое уволятся без объяснения причины. Провидение знало, что делало. Каждый играл в жизни свою роль.

Кум¹⁷, в связи с нехваткой персонала, принял решение перевести Скорпиона в камеру к блатным. Пусть сами разбираются...

Сергей, прихрамывая, переступил порог. Надзиратель за спиной толкать больше не решался. Наслышан. Наручники оставил на руках спереди.

Пахло спертым воздухом, кислым и запахом немытых тел, стояла неприятная духота. Народ в камере подскочил, хотя время за решеткой было позднее, перевалило за полночь и все должны были спать. Скорпион окинул камеру одним быстрым движением. Ничего лишнего. Мусора держат блатных малолеток под прессом: четверо трехъярусных нар вдоль стен, два матраса у параша и большой стол посередине — «дубок». Пустой, как пустота в душе

Разговоры стихли. Четырнадцать пар глаз оглядывали с нескрываемым интересом, ощупывая по клеточкам.

Скорпион заговорил первым, низким басом обронил:

— Смотрящий, чифирни.

— Че?! Ты че сказал?! — Послышалось с дальних нар с занавесочкой.

Скорпион сложил пальцы, напряг руки. Мышцы вздулись, лицо налилось краской,

¹⁷ Кум — один из начальников тюрьмы.

глаза кровью, наручники лопнули. Прошептал зло:

— Я никогда не повторяю дважды.

Смотрящий, парень со шрамом на щеке, в голубой мастерке, лет семнадцати, подскочил как ужаленный. На него тут же перевелись все взгляды и он, чтобы не терять авторитет, стал медленно приближаться, сжимая в руке старые самодельные макли из плексигласа.

— Че за фраер подставной с подпиленными железяками и мордой цвета сучьей душонки. С красными заодно?

Без ответа весь остальной разговор был бы бессмысленным. Но сразу ломать не стоило. Хата восстанет. Всех бить не хотел. Осталось что-то в душе и от прошлого. Слова Владимира вновь и вновь возвращались в сознание: «Не убийства — зачистка». Это значило что-то совсем другое.

Обронил смотрящему:

— Не порядок мочить блатных на глазах шестерок, но за свои слова ты ответишь по полной...

— Слышь, чмо!? — Бычок с заточкой подкрался с боку. Скорпиону пришлось молодецким ударом с правой отправить в нокаут.

Бык описал плавную дугу и врезался в стенку. Двое других сами не поняли, что раскидало их в разные стороны, очнулись на полу.

Скорпион быстро подошел к авторитету, схватил за плечо так, что тот поневоле присел на кровать. Низким глухим голосом продолжил:

— Быков не воспитывал, гостей принимать разучился. Пообщаемся, и если ты мне не понравишься, я отменяю решение о твоём авторитете. Кто бы тебя им не ставил. Усек?

Авторитет кивнул.

Дальнейший разговор был сплошь нелитературным, каждое слово требовало отдельного словарика. Для понимания проще заменить слова авторитета речью русского языка девятнадцатого века, а ответы Скорпиона старорусскими словами.

— Ну-с, и кто же вы будете, сударь? — Авторитет судорожно крутил макли, скрывая волнение, руки мелко дрожали.

— Добрый молодец. — Не замораживаясь, ответил Скорпион. — Силушки набираюсь.

— Извольте-с чайку. Погодка за окном нынче нелетная, хищники в небе кружат, знаете ли.

— Лишь бы в хате все было спокойно. Плох тот хозяин, что забор гниющий не заменяет. — Исподлобья глянул Скорпион.

— Что-то государев указ на ваше имя затерялся в необъятных просторах нашей империи. Небось, ямщик сдох.

— Челобитную на меня я и сам сложить сумею. Никакой Мефодий лучше не скажет.

В углу очнулся один из бычков, что улетел в нокаут. Потрогал челюсть, пересчитал зубы — вроде все на месте — осторожно подошел.

Авторитет махнул, развел руками:

— Макар, этот богатырь-с не твоего ранга. Придется спину розгам подставлять за оплошности.

— Зачем же кару холопу, авось исправится? Пуцай на посту зрит, кабы вражина врасплах не застала. А как появиться кто на виднокрае, руби! — Скорпион оскалился волчьей ухмылкой.

— Извольте сударь, все будет. Чаю! Сию минуту! — Авторитет пинком подогнал одного из стремил¹⁸ выполнять команду. А Скорпион вел разъяснительную беседу с паханом. Несколько вопросов возникли так же по части татуировки на плече Скорпиона. Ибо каждая татуировка несла на зоне свое толкование.

¹⁸ Стремил — стремящийся к блатной жизни малолетка.

Смотрящий ввел в курс дела. Колония была в основном под красными, девять из десяти пацанов работали на охранников. Черная кость¹⁹, оплот порядочности и законности, к коим и причислял Роман себя и свою камеру, терпела крах, за крахом. В последние три месяца тюремщики начали беспределить, подминать под себя стойких. Избивали так, что отправляли и на тот свет. А потом и вовсе под нож пускать стали.

Вернем Скорпиона и Романа к обычной речи.

— А начальник? Причастен? Или зам его? — Скорпион, кривясь, хлебал заварку. Разбитые губы покрылись темной коркой, отек под глазом медленно проходил, оставляя синюшный оттенок.

— Заместитель, Глухарь, редко из кабинета появляется. Я за полтора года его ни разу и не видел. Тут всем Мясник заправляет. Сам начальник. Верховный волчара. Команды от него обычно две: избить или опустить. Столько пацанов с собой покончили, не стерпев позора пресс-хаты. Но ты ее прикрыл.

Скорпион посмотрел на двух угрюмых, убитых жизнью пацанов в углу возле параша. Опущенные по велению начальника малолетки, те не имели право голоса, не могли касаться кого-либо из блатных или простых пацанов, опущенные имели свою утварь из тарелки и ложки и были обречены на вечное избивание и самую грязную работу.

— Рома, они же по ментовскому беспределу.

— Скорп, это не имеет значение. Устой.

— Тебя тоже могут в любой момент. Сам знаешь.

— Все отрицальщики под этим ходят, — вздохнул Роман.

— За что чалишься, Рома?

— Затупил по малолетству. Не тому в пятак заехал. Крутяк при деньгах оказался, вот родители его и поспособствовали, что я здесь.

— А пацаны? Рецидивисты есть?

— У Сани человек неаккуратный двадцать семь раз на нож упал — взгляд перешел на Саню, угрюмого крепышу со шрамом на лбу. — Макар — соня, уснул, проснулся с руками в чужих карманах. — Макар хмуро кивнул. — А Нерп у нас плохой футболист, перепутал пацана с мячиком, запинал. — Нерпа улыбнулся.

В челюстях не хватало половины зубов.

Сергей кивнул.

— Ну, а остальные ребята просто так. Не в то время, не в то место попали. — Роман не стал представлять остальных.

— Система. — Вздохнул Скорпион, смакуя слово.

Система? Антисистема? Что-то знакомое.

В памяти стали всплывать отдельные жизненные эпизоды, отрывки. Кусочки мозаики стали складываться в единое целое. Память понемногу возвращалась.

— Ты про что? — Рома вздернул бровь.

— Да так, зарисовки на будущее. — Скорпион подошел к двери, прислушался.

— Ты что задумал? — Вскочил Роман.

— Нет смысла разбираться в самой тюрьме. Ну, помогу тысяче, хотя могу помочь миллионам. Надо просто метить выше. Я передумал, я выхожу, но я еще вернусь, чтобы закрыть это место.

— То есть? Как так? В смысле? — Половина камеры прищурились, как от яркого солнца.

— Сейчас объяснить не смогу. Прощай, Ромка, прощайте, пацаны. Запомните, вы не знаете, как я выгляжу. Убийств больше не будет. И не вздумайте бежать за мной. Я пошел на побег, с Мясником поговорю на днях лично.

¹⁹ Черная кость — черные в противовес красным — злостные отрицальщики сотрудничества с начальством, блатные со своими понятиями.

Пацаны застыли. Новенький вел себя странно, хотя на стукача не походил. Что же он задумал?

Дверь камеры со скрипом распахнулась.

Скорпион нырнул в проем, хватая надзирателя за шею. Солнечная артерия легла под палец. Тело рухнуло в руки, с разворота кинул в камеру, устремляясь на второго охранника. Тот не только успел сделать квадратные глаза, но и схватился за дубинку. К несчастью для него, она была прикреплена сбоку на петельке. На манипуляции с извлечением ушли драгоценные секунды. Если бы не растерялся, то закричал бы. А так ребро ладони отправило в длительный сон.

Из камеры высунулось лицо Романа, бросил:

— Мне полгода осталось, не побегу.

— Где-то я это уже слышал. Тогда вытащите охранника в коридор и закройте двери. Меня здесь не было. Им все приснилось. Напились, и приснилось. Понял? Выполняй! — Скорпион забрал ключи у второго охранника, кивнул на прощание ошалевшему Роману и бесшумно побежал вдоль сумрачного коридора.

Первая решетка оказалась закрыта лишь на щеколду, как старые калитки в деревнях. Вторая и вовсе не закрыта. Безалаберность витала везде и повсюду. На глаза попался третий надзиратель. Этот оказался поопытнее, закричал, хватаясь за кобуру пистолета. Пришлось нанести два удара вместо одного: по руке, чтобы бросил пистолет, и под «солнышко», чтобы попал в объятия Морфея.

Массивная дверь распахнулась, выпуская свежую полоску света. Показалось заспанное лицо следователя, того самого, кто работал над макияжем лица, что уже перерос в традицию.

А детей ломать нехорошо. Не все могут противиться судьбе.

Скорпион пнул в мениск, сломал по два пальца на каждой руке. Бить больше не сможет. Пальцы доктора, конечно, вправят, но зарастут они таким образом, что про карьеру боксера придется забыть. Навсегда.

Следователь вопил, орал. Уже не тот герой, что избивает беспомощных малолеток. А кто злее? Надзиратель или надзираемый? Клетка делает человека зверем, любая. Но тот, кто владеет этой клеткой, роднится со зверем. Отпечаток профессии накладывает с годами чувство привыкания. Патологоанатомы на трупах завтракают, обедают и ужинают, и ничего, привыкли. Человек ко всему привыкает. Военные на войне ежедневно зрят и кровь, и кишки на земле. Так и крепчает человек на своей профессии, роднится, свыкается. Хомо Сапиенс — тварь приспособляемая, живучая. Все становится нормой, сначала планка, потом у черты границы. А потом не заметил, как планка преодолена и сама становится нормой.

Зоны должны быть закрыты. Смерть лучше несвободы. Расстрел или воля.

— Эх, система, система. — Скорпион треснул следователя лбом о стену — час крепких сновидений обеспечен — и помчался дальше, к последней двери. За ней выход из барака на территорию зоны.

На улице стояли предрассветные сумерки. Часа четыре ночи — темно. Часовые на вышках еще спят.

Скорпион мчался как тень, на ходу соображая зайти ли к Мяснику лично или сигануть через забор сразу.

Законы этикета? Ладно, потом.

Беглец подбежал к двухметровому забору с колючей проволокой по периметру. С разбега оттолкнулся от бетонки и схватился за колючую проволоку. Одна ладонь попала удачно, между зубьев, а во вторую впились стальные ежи. Стиснул зубы от боли, едва начал подтягиваться, как послышался лай собак. Почуяли. Людей обмануть можно, а вот собачий нюх, чующий злоумышленника за версту, никогда.

Пока разрывал руки, ноги и пузо в кровь, рвал одежду, балансируя на колючей преграде, на вышке зажегся огонек. В спину ударил луч прожектора. Последний раз разорвав шорты, рухнул за забор. Над головой просвистела пуля, прожектор подвинулся.

Скорпион перекатился через плечо, вскочил и дал такой старт, что любой заяц удавился

бы от зависти. Под ноги легла еще одна пуля, в кровь шибанула такая порция адреналина, что никаким наркоманам и не снилась. Помчался, по кривой траектории, качая маятник, не забывая резко менять направления и бегать всякий раз по-новому, чтобы стрелок на башне не вычислил очередного рывка.

На зоне слышались звуки сирены...

* * *

На зоне слышались звуки сирены.

Мясник, хмыкая, отошел от окна. Пробурчал под нос:

— Поубивать вас всех что ли? Что за шум?

Дверь кабинета резко распахнулась, вбежал запыхавшийся лейтенантик:

— Валерий Иванович, у нас побег!

Начальник зоны окинул его недолгим взглядом, обронил:

— Да? И кто бежал?

Лейтенант выдохнул, выпалил:

— Так этот... неизвестный.

Валерий Иванович усмехнулся, сел в кресло:

— Как это неизвестный?

Лейтенантик замер, подумал:

— Без документов. Ну... который без «дела».

— Что ты мне мозги пудришь? Как без дела? Не положено! Инструкция есть! — Начальник повысил голос.

Лейтенантик уменьшился в размерах, поник, оправдываясь:

— Так это... вы же сами говорили, что...гм... разберетесь...

Валерий Иванович вскочил, затрубил, как труба Иерихона:

— Кому это я говорил? Не положено! Инструкция есть! Где бумаги?! А нет бумаг! А нет бумаг, так и проблем нет! Тебе проблемы с проверками нужны? Ты с работы вылететь захотел? Быстро успокоил зону! Ничего не было! Нет бумаг, нет и человека! Не поступал к нам никакой неизвестный! Понял?! Один хрен Палыча вчера братва завалила, не нужен нам больше его подопытный. Усек?

— Так точно, Валерий Иванович, а как же трое надзирателей и следователь?

— Ты что первый год служишь? Ветром надуло! Шли и споткнулись!

— У следователя множественные переломы...

Глаза начальника метнули молнии:

— Значит, падал неоднократно!!!

Лейтенантик совсем поник, съежился, сдулся, как старый шарик:

— Так погоню отзывать?

— Да. Скажи, что это была учебная тревога. За оперативность всем благодарности и тринадцатая зарплата... Года этак через... два.

— Есть! — Лейтенантик козырнул, по коридору слышались торопливые шаги.

Мясник дождался, пока шаги стихнут, вздохнул. Рука потянулась к сейфу, тяжелая дверка со скрипом отворилась. На кипе бумаг, рядом со старым номерным Макаровым стояли граненный стакан и початая бутылка водки. Валерий Иванович достал бутылку, стакан, подумал и поставил стакан обратно. В два захода допил половину бутылки, занюхал рукавом, печально вздохнул:

— Что ж, настает новый день.

* * *

Скорпион продирался сквозь дебри. Ненадолго останавливался, чтобы убрать свой биологический след, что тянулся как шлейф. От людей убежать не проблема, а от собак

сложнее. Идут по следу, не сворачивая, на усталость не жалуются. Узнают больше даже не по запаху, а по биополю. Оно затухает медленнее. Почувать его могут не только собаки, но и люди с высокой способностью к восприятию биополей, ауры, потоков энергии.

В голову возвращалась забытая информация, вспоминалось прошлое.

Погоня была какая-то хиленькая. Ожидал совсем другой. Вскоре сбавил бег, перешел на шаг, любясь сквозь листву леса на восходящее светило. Скоро начнет припекать. Накатила усталость. Не спал больше суток. Организм на пределе, изломан бесконечными побоями.

«Спать надо, спать».

Эта мысль становилась все настойчивее. Тело ныло от порезов. Проткнутая проволокой ладонь зудела, хоть и запеклась коркой. Тело само повысило температуру, это забирало ресурсы организма. С каждым шагом глаза слипались все настойчивее. Наконец, когда врезался лбом в здоровый дуб, уснув на ходу, решил немного передохнуть.

Для места сна как раз и подошел этот здоровый дуб. Ветки раскидывались вширь на многие метры, за густой кроной не видно неба. Здесь и рота солдат могла улечься, не то, что один человек.

Скорпион прислонился щекой к коре. Хорошо еще, что тюремный наряд не успел получить, а то щеголял бы в робе. А так похож на обычного таежного Маугли, в изодранных шортах и едва живых кроссовках. От майки не осталось ничего.

Распластался на ветке, укрылся солнечной погодой и погрузился в сон. Дрема спеленала тело, каждая деталька тела стала тяжелой, неподвижной, налитой свинцом.

В голову постепенно возвращались сюжеты прошлой жизни, мелькали лица, события. Что-то подсказывало, что провел неделю в малолетке неспроста, совсем не зря.

Все увидел изнутри. Теперь мог судить не вслепую.

* * *

Скорпионовцы окружили колонию, взяв в кольцо.

Пятьдесят два мастера войны, усиленные пятью тройками ликвидаторов, без особого труда захватили колонию для малолетних преступников. Профессионализма никто из охраны тюрьмы не выказал. Тем более, что Совет дал приказ стрелять первыми.

Слишком много накопилось негативных данных по этому объекту. Лимит превысил допустимый предел...или беспредел. Большинство дел заключенных не разбирались вовсе, или были сфабриковано так бездарно, что просто бросалось в глаза. Эта зона была вызовом Антисистеме. Произвол лепил из несформированных личностей, что попали не в то время и не в то место, моральных уродов. Ломал на всю оставшуюся жизнь. Разгребая клубок, аналитики выдали четкий совет: «Невиновных нет».

Оставшихся в живых надзирателей и начальство выстроили в линию. Сема перезарядил рожок, обвел всех хмурым взглядом. Кинул себя в чувственную сферу. Перед глазами вспыхнули темные мрачные ауры.

О, Творец, сколько зла в этом мире? Аналитики правы — невиновных нет. Но слишком рано заниматься проблемой зон, если бы не Скорпион, не скоро бы еще допозли... Брат, что ты там удумал, пока я занимался тигром в тайге?

Нашарил глазами начальника зоны. Неприятный человек с заплывшим лицом скалил зубы, уверенный, что его происходящее не коснется.

— Вы, суцье племя, за все ответите. Через полчаса проверка из Хабаровска.

Сема подошел вплотную, врезал коленом. Начальник согнулся. Сильная рука уронила голову мордой в грязь.

— Мясник, как я понимаю? — Сема поставил ногу на спину начальника зоны. — Так вот слушай меня, Мясник. Во-первых, проверка не приедет. Как объекта этой тюрьмы больше не существует. Бумаги подготовлены, прокуратура кивнула. Во-вторых, крыша твоя из братков, что спихивали сюда пареньков, вымогая деньги из родителей, во сырой земле

лежит. Нет больше этой ниши беспредела на всем Дальнем Востоке. В-третьих, конторе сейчас тоже не до тебя, она теряет человека за человеком, залатывая дыры, позволившие террористам захватить школу. Ты подал сигнал о захвате, поднял тревогу, но твоих больше в милиции нет. А армия давно с нами. Все перевели в учебную тревогу... Ты один, Мясник. — Сема наклонился чуть поближе. Прошептал. — И знаешь, что тебя ждет?

— Ты хочешь предложить мне сотрудничать? — пропыхтел Мясник.

— В аду с демонами будешь сотрудничать! — Обронил Сема, спуская курок.

Короткая очередь прошла затылок начальника. Не стал даже переворачивать, оставив лицом в грязи.

Блондин выдохнул и пошел вдоль ряда с охранниками и надзирателями, снова и снова проверяя чувственную сферу, боясь допустить хоть одну ошибку.

Сколько же грязи на их душах, сколько невинной крови? НКВД стоило бы уничтожить только за создание этой системы.

Среди черных, рваных пятен мелькнули светлые тона. Остановился перед невысоким человеком с грустными глазами.

— Ты либо недавно здесь работаешь, либо просто хороший человек. Ты свободен. — Повысил голос. — Остальным копать яму перед главным выходом! Выживет самый активный копальщик. Конкурс большой — сорок человек на место, но шанс есть у каждого. Вы таких шансов детям не давали. — Повернулся к скорпионовцам. — Мужики, раздайте им лопаты.

Сема с двумя помощниками пошел к центральному входу, где трое ребят выносили пачки дел и деловито разводили костры. Еще трое соорудили стол со всем необходимым и готовились выписывать бумаги о досрочном освобождении.

Клетки внутри здания были распахнуты. У каждой камеры стояло по скорпионовцу с автоматом наперевес, в ожидании приказаний. Сема подошел к первой решетке.

Скорпиновец быстро отчитался:

— Девять человек. Работники зоны. На усиленном пайке. Есть неплохой механик и электрик.

Сема прошел в камеру, привычно включая чувственное восприятие. Семь пацанов, действительно работяги — сотрудничество или просто на волю. Один мелкий карманник, жизнь заставила доставать пропитание — простимо, на волю. Последний оказался сплошным черным пятном. Посадили по мелочи, а на душе грехи потяжелее. Намного тяжелее...

— Маньяка под нож, карманника пинком под зад, парнишек отпустить, механика и электрика на сотрудничество, если согласятся.

Сема повернулся спиной к маньяку, нарочно перекинув автомат через плечо. Едва не улыбнулся, когда почувствовал резкое движение. Резко развернулся, ломая маньяку шею.

Камера застыла. Сема повысил голос:

— Я надеюсь, никто не сомневается в правильности моих действий? Я не претендую на роль верховного судьи, но делаю то, на что способен.

— Гнилой он какой-то был, — послышалось от одного из парней.

Молча прошел с помощниками ко второй камере.

Скорпиновец отчитался:

— Красные. Пресс-хата. Пустая. По непроверенным данным, здесь мог находиться Скорпион.

Ну, раз брат, то понятно, почему пустая. И зачем тебе понадобилась эта экскурсия? Адреналина, что ли, мало? Или изнутри захотел посмотреть?

Сема улыбнулся. Если бы брат все еще был на зоне, то поднял бы тюрьму при первых выстрелах штурма. Он сбежал. Знакомый шлейф еще витает в воздухе. Где-то недалеко, пробирается к трассе.

В третьей камере сидели блатные рецидивисты. Из девяти человек невиновных было двое, но на свободу смог выпустить только одного. Психика другого требовала длительной реабилитации, на которую ни времени, ни средств...

По камере прокатились выстрелы.

Я действительно выполняю роль мусорщика? А кто я такой, чтобы судить? Все-таки есть от людей небольшое отличие — вижу дела каждого насквозь. Но разве это повод? А где эти сомнения в душе? Прокачался и понял столько, что больше не могу сомневаться? А что если Гитлер думал то же самое?

Четвертая камера являлась инфекционным карцером. ВИЧ-инфицированные, туберкулезники и болеющие гепатитом сидели вместе. Стадии болезней лечению не поддавались. Это понимали и сами заключенные, молча выстроившись возле стенки в ожидании расстрела.

Сема попал каждому аккурат в лоб, вышел, опустошенный и сухо обронил помощникам:

— Я говорил, что самые активные копальщики останутся в живых? Отменить приказ!

К черту Гитлера, я вижу все изнутри. Я не вправе сомневаться. Если сомневаются зрячие, то дела в свои руки берут слепые.

Камеры. Снова камеры. Лишь к концу дня прошелся по всем вдоль и поперек. Понятие добра и зла размылись. Грань истончилась и стерлась. Внутренне опустел. На голову давило так, словно весь небесный свод решил вдавить в землю по самую макушку. Светлые лица освобожденных, хмурые рожи поработанных... Были и те, кто просто не дождался, сломался чуть ранее. Зона протащила через себя каждого в отдельности, провела по всем темным уголками и поставила перед выбором: сломаться или выжить? Только это «выжить» не всегда сочеталось с вольной жизнью на свободе...

Таких мест быть не должно. Свобода или смерть. Крупное преступление — расстрел, мелкое — предупреждение, второе мелкое — расстрел. Все, брат, я понял, о чем ты.

Вышел на улицу, вдыхая свежего вечернего, вольного воздуха. Бритые пацанчики курили, редко перекидывались парой слов, но в основном молча закапывали последних надзирателей и не прощенных.

Да, судья! Если никто не может, только советы дают, бразды правления должен брать самый пассионарный, самый действенный и разумный. К черту разговоры и дебаты. Лица умирающих от туберкулеза стоят пули в затылке начальника. Сверкающие глаза освобожденного стоят... много стоят! Особенно, если он ни в чем не виноват... Судья система. Смерть тебе! Пусть жизнь положу, но другие будут жить как люди, а не как звери... Никто из ныне живущих не может правильно оценить происходящее. Это работа для будущих беспристрастных историков. Или пристрастных. А еще история многогранна, и у истины семь лиц.

Мысли, мысли, мысли. А палец давит на курок.

Брат, у тебя бы лучше получилось, я уверен. Где ты? Куда мне теперь деть пару сотен нормальных ребят? За едой и транспортом дело не станет, кашей предусмотрительно запаслись, если у кого-то вообще есть желание принимать пищу, автобусы тоже подъедут, даже времени до утра. Но, брат, что дальше? Где ты вообще?

Я просто один из Совета, — вспомнились Семе слова Скорпиона.

* * *

С удивлением выбрался к дороге. Вышел на дорогу слух, а с удивлением, потому что вдоль дороги стояли десятки машин от легковушек и мотоциклов до джипов и автобусов. На многих видах транспорта сияла желтой краской лейбл скорпиона. Вдоль техники то и дело проходили мужики с автоматами в черной спецовке и такими же лейблами на левом плече.

Удивился, разглядывая схожесть своей татуировки с тем знаком. Всплывающая память ничего путного пока не дала. Может, он тоже состоит в этой организации? Странно, что-то знакомое, но что?

Медленно прошелся несколько раз вдоль рядов машин, присмотрел джип — Ниссан Тирано. Если память что-то и дала, то это образ какой-то странной квартиры и имя — Катя.

А кто эта Катя и что за квартира предстояло узнать в самое ближайшее время. Или не узнать никогда. Кто ответит?

Интуитивно прошмыгнул под машину, вылез на другой стороне, зыркнул в стекло — ключи в замке зажигания.

Эти балбесы совсем, что ли, ничего не боятся? Мафия, наверное, какая-нибудь... Надо было на зоне у Ромы спросить.

Что-то внутри снова подсказывало, что с зоной связывает не так уж и много — лишь пенка.

Фуфло какое-то, как же сложно собирать себя по осколкам.

Педаль провалилась в пол. Джип взревел, рванул по трассе.

— Эй, полоумный, останови машину, накажем, — предупредил динамик откуда-то из прикуривателя.

— Черта с два! Сначала обгоните! — Обрубил Скорпион.

Динамик затих, затем недоверчиво спросил:

— Босс? Вы в машине?

Босс? Хе. Обознались.

Скорпион нахмурился, хмыкнул:

— Ага.

— Простите, босс, ошиблись.

Динамик затих. Скорпион перевел дыхание, следя за дорогой.

Вот лохи, за босса приняли. Арестант в драных шортах — самый что ни на есть босс. Всем боссам босс.

Наугад щелкнул пальцем в магнитофон. Дисковод зажужжал, по салону из четырех динамиков покатился динамичный рок. Акустика была великолепной. Сабвуфер не отставал. Стрелка бензобака показывала почти полный уровень бензина в баке.

— Вот так и бывает, просыпаешься на дереве, слезаешь и в путь, в цивилизацию, — прошептал, подмигивая зеркалу. — А ты, случаем, не знаешь, откуда умеешь водить машину? Эй, вихрастый, у тебя и водительские права, наверное, на воле были? А сколько тебе лет тогда?

Улыбнулся, веря и не веря в происходящее. Автомобиль, как под него. Только вот сейчас ущипнет себя, проснется в камере, и все лопнет, как мыльный пузырь... Но понимал, что это не сон — желудок требовательно урчал, прося еды.

Во сне есть вроде неохота.

Искоса оглядел салон.

Может, где пакетик чипсов заваялся?

Рука потянулась к бардачку. Открыл, не сбавляя скорости. Все так легко получалось, машина даже не вихляла. Умудрился в это время обогнать спортивку, словно когда-то проходил уроки экстремального вождения.

Все-таки, наверное, есть права. Но тогда больше восемнадцати лет? А почему в малолетке? Или машины угонял?

Бардачок радостно выкинул цветастую шоколадку, следом на свет появилась тугая барсетка. Краем глаза следя за дорогой, зашелестел оберткой, впился зубами в блаженную еду. Каким же райским казался шоколад после эковской баланды. Ничего вкуснее в жизни не ел.

В мозгу всплыли фрагменты детства: больница, скитания по большому городу.

Еще! Давай еще! Мало информации!

Шоколадка немного приглушила аппетит, не успел даже вымазать руки, только пить захотелось. Но можно и потерпеть. Открыл первый отдел барсетки, выпали водительские права — Даниил Харламов. На Скорпиона глядело смутно-знакомое лицо. Блок в голове мешал вспомнить. Открыл второй отдел, и на сиденье приземлились две тугие пачки — евро и рубли. Присвистнул, бросая взгляд в зеркало и ловя отражение.

— О, как! А по этой роже о везении вроде бы и не скажешь!

Последним, что предложила барсетка, был пистолет.

— Вот блин, точно на каких-то блатных наткнулся. Везде эти пукалки!

Взгляд снова сполз к отражению, зашептал:

— А ты случаем не блатной? А, фраер? Козырной может какой?

Отражение расплылось в улыбке. А дорога привела в пригород, что вскоре сменился городом. Наплевав на все, проехал патрульно-постовую службу. Сквозь затемненные окна даже показалось, что кивнули.

Наверное, воображение разыгралось.

Выехал на площадь, свернул, и автомобиль помчал по центральной улице города. Слева и справа призывно висели вывески магазинов, банков, офисов, ресторанов и всего, чего душа желает. Интуитивно припарковал машину возле магазина модной одежды, как гласило название, взял обе пачки денег, барсетку, ключи и, выдохнув, вышел из машины. Пальцы щелкнули сигнализацию. Улыбнулся.

Сигнализация, поди, от воров и угонщиков.

Быстрым шагом поспешил к магазину, ловля на себе немногочисленные взгляды. Еще бы, парень в рваных шортах и кроссовках вышел из джипа. Ну и мода у этих новых русских. Совсем очумели! Еще и с татуировкой на плече.

Седой охранник забраковал сразу:

— Стой, в таком виде нельзя!

— Че ты мне паришь, старый? Я для этого и зашел, чтобы вид сменить! Да ты не тушуйся, с баблом проблем нет. На, пересчитай. — Скорпион протянул охраннику рублевую пачку.

Охранник опешил, вернул обратно, поперхнулся:

— Проходите.

Сразу двое продавщиц вступили в бой, намереваясь советами забросать с ног до головы.

— Спокуха, крали, мне бы лепень по теме.

Первая переглянулась со второй, прошептала:

— «Лепень» — это пиджак вроде. У меня дядя с зоны недавно вернулся. У них там все вот так...

Скорпион нахмурился.

Надо с этой блатной феней заканчивать. Еще что-то в голову постоянно трезвонит: не твое, не твое! Все, я среди людей, по-людски общаться и буду.

— Девушки, — заставил себя произнести давно забытое слово, — мне бы костюм-тройку — всплыло в голове название. — И туфли по... погоде. — Сам себе удивился, но добавил. — На ваш вкус, конечно же.

Продавщицы заулыбались, исчезли и вернулись с нагромождением тряпья. Скорпион смутно помнил, что каждой за проданную вещь полагается несколько процентов с продажи. Если это действительно фирменный магазин. Так что понимал все старания.

Из магазина вышел преображенный, с кучей пакетов. Быстро покидал все в машину и собрался было уехать, но взгляд зацепился за взлохмаченную шевелюру в отражении блестящей машины. Эти волосы прической назвать вряд ли кто мог. А парикмахерская находилась через дорогу. Судьба?

— Была не была. Хоть человеком себя почувствовать.

Через час стараний миловидной парикмахерши при взгляде в зеркало чувствовал себя аристократом. Зубы в тюрьме сохранил, внешность нормальная.

Точно, аристократ. Манеры эти зонавские еще бы на свалку.

До джипа не дошел — наткнулся на ресторан. В этот раз проблем с охраной не было, пропустили, как родного. Мучения официанта не выдержал, заказал мясо, рыбу, салаты, вина... Понатыкал пальцем в каждый листик, понимая, что до аристократа еще как до вершины Эвереста. В голове пока не всплыло, что ни мяса, ни алкоголя не употреблял.

Мир после второго фужера дорогого вина показался не таким уж и плохим, лучше, чем

утром. Как-то сам не заметил, как уничтожил запеченную телятину, карпа, котлеты, несколько видов салатов. Ел так, словно не ел всю жизнь. Наедался на будущее, впрок. Официант округлял глаза, но продолжал таскать блюдо за блюдом — клиент положил на стол рядом с барсеткой толстую пачку денег. Платежеспособен.

Распластался на мягком стуле, потяжелев как минимум на четверть. Пришлось даже ослабить ремень на брюках. Подняться получилось только с третьего раза. Довольной и качающейся походкой направился к выходу, оставив плату по счету и официанту чаевых на месячную зарплату.

Улица встретила радостным солнечным днем. Само светило перевалило за полдень. Душа пела в согласии с телом, а само тело наполнялось могучей энергией. Эффект мяса и алкоголя сказался почти сразу. Хотелось подраться и разбить кому-нибудь нос. Так, по-свойски.

— Эй, парень, закурить не найдется? — Донеслось чуть сбоку.

Скорпион улыбнулся полупьяной улыбкой:

— Не курю, бродяги, — достал тысячную купюру. — На, иди, купи в ларьке.

— Слышь, паря, у тебя че денег много? — расширил зрачки курильщик.

— А может, ты еще поделишься? А? — тут же подал мысль друг курильщика.

Скорпион снова улыбнулся, заплетающимся языком довольно обронил:

— Кто выдержит мой удар, получит еще столько же. Рисковальцы... тьфу... рисканутые есть?

Парни переглянулись и... зашагали прочь, не связываясь с всякими непонятными личностями. У богатых свои причуды. Мало ли кто за ним?

Скорпион чуть не захныкал:

— Ну, куда же вы, парни? А по сопатке?

Парни ускорили шаг, скрываясь за поворотом.

— Эх, драки не получилось. Нет драки — нужна девушка... прелестная, чтобы аж жуть, — забормотал Скорпион, переходя дорогу к джипу.

Отрывки воспоминаний не давали представления о прошлой жизни. Вел себя тем, кем жизнь научила быть с момента карцера и до побега. Подсознание вмешиваться не спешило. Но алкоголь и мясо дали странный эффект, пробив заслонку.

Едва подошел к автомобилю, в сознание проникло понимание четырнадцатой ступени развития — травы и деревья. То, во что возрастают семена. Зародыши новой жизни, другой жизни. Не живой плод, но живая плодovitость...

Это было странное понимание. В голове потяжелело, затем резко полегчало. Действие вина оборвалось. Организм и подсознание подкинули порцию воспоминаний, в частности, ступени. Вспомнил часть сил, дрожащими руками отключил сигнализацию, еле залез на заднее сидение машины. Скрючило и покорежило. Организм избавлялся от токсинов, нейтрализовывал действие алкоголя.

Сергей лишь после понял, что это его родовой тотем скорпион включился самовольно. Тотем скорпиона позволял хозяину уничтожать в себе почти любой яд. Вместе с ядом потревоженный тотем разбил в пух и прах в мозгу стену забытья.

Все стихло в один момент, вернув воспоминания и силы. Заново родился, разглядывая себя, как инопланетное существо.

Обронил отражению в зеркале:

— Ты в кого нарядился, чудик?

Перелез в кресло водителя, завел машину и неторопливо покатыл по улицам города. Разгребая кашу в голове, расставлял все по местам.

Вот так провел экскурсию. Катя, полтергейст, милиция, распределитель, побег, смерть Владимира, малолетка, снова побег. Тьфу, черт, как мрачный сон. Угораздило же эту колдунью с гаданиями на демонический эгрегор нарваться. Тоже мне, ведьма. По ушам надо надавать. А Лера... хуже малолетки себя повела. Какая вообще ревность? Я когда-то повод давал? Или это все ноги в обхват? Ммм... бред. А блондин так и сидит в тайге что

ли? Подсобил бы. Как я спасать, так всех, а как меня, так... Какое сегодня число-то? Антисистема еще не развалилась? Ммм... Я в машине Харламова. Заднее сиденье заблевано — придется либо оправдываться, либо покупать новую. Сам он на Кавказе. И какой из всего происходящего ты, Сергей, можешь сделать вывод? Защищать зоны? Стучать всем по репе? Может быть, но тянет-то к Лерке, не к глобальным проблемам и не проблемам внутри страны. Владимир, кажется, я начинаю тебя понимать. Черт, тебя так нелепо пустили в расход. Я найду. Найду их всех.

Она выплыла из-за дома легкая, изящная. Лодочка, что плывет по течению. Рыжие волосы играли на солнце, сползали по плечам. Только в зеленых глазах стояла неземная тоска, по щеке текла одинокая слеза, играя на солнце, словно сама и есть капля света. Так плачут ангелы. Тихо и грустно.

Да, все ради них.

В сердце вонзилось занозой, ударил по тормозам, едва не врезав в себя автомобиль, шедший сзади. Припарковался и помчался догонять. На бегу подхватил на руки, завертел, закружил. Простил все и сразу.

— Рыжая, ты куда собралась? Чего слезы льешь? В глаз что-то попало?

Она верила и не верила, в глазах играли десятки вопросов. Мимика менялась стремительно. Губа вздрогнула, голос истончился:

— Сережа... Ты...

Она прижалась всем телом, боясь отпустить даже на мгновение. То, что потеряла на неделю, никогда больше не выпустит. Столько всего понадумала, столько представила.

— Лера, представь, мне кармические структуры такую прогулку устроили, еле отвертелся.

— Ты... Я...

— Я тебя не виню, я бы сам, наверное, психанул и ушел, если бы увидел тебя, как ты меня тогда... Дурак я, хоть и спас Катюку. Но как мог позволить отключиться? Умнее надо быть. Если человек хочет быть поработанным демоном — его воля. В следующий раз спасать от злых духов не буду. Не зря, наверное, ведьмочкой назвали.

От нее пахло полевыми цветами и домашним уютом. Жадно вдыхал этот запах и не мог насытиться всласть. Что-то говорил, бубнил, а сам подмечал краем сознания, что так никогда бы с рук и не отпустил.

— Ты... — который раз попробовала что-то сказать Лера.

— Я память потерял. Пока вспоминал, через многое прошел. Надо будет как-нибудь написать диссертацию на тему «человек, память и обстоятельства».

— Люблю, — смогла выдавить Лера и чуть отстранилась, разглядывая два новых шрама на скулах и запрятанную лютость волка в глазах.

Он понес ее к машине, не замечая ничего вокруг. Весь мир в ее глазах, все вокруг пусто и нелепо. Усадив на переднее сиденье, буквально заставил себя разжать руки. Так не хотел отпускать даже на миг. А что было бы, если не вернулся? Если бы не вспомнил? Отогнал эти мысли прочь, вглубь. Пусть сидят под одним замком со зверем.

— Сережа, чья это машина? И чем так жутко пахнет?

— Лера, я мало того, что Данькину машину угнал и большую часть командировочных потратил, так еще и целую шоколадку сожрыкал, тебе ни кусочка не оставил. Представь?

Она улыбнулась, вытирая слезы, спросила:

— С этим запахом нет аппетита. Открой все форточки... Куда едем?

Сергей выдохнул, расставляя мысли по полкам, щелкнул пальцами:

— Туда, где вся эта бурда началась. К Катюхе домой.

— Она в больнице. В реанимации. Где ее родители, понятия не имею. Сережа, я много раз пыталась...

— Да не волнуйся, все позади. — Прервал Скорпион. — Катюху мы сейчас выпишем, квартиру ее от энергосущностей почистим, соседу зубы выбьем и делов-то, как говорит наш блондинистый друг. А потом отмечать освобождение, устраивать разбор полетов и извлекать

из всего уроки. Жизнь такая прикольная штука.

— Энергосущностей?

— Да, я сразу не заметил. Завелся у нашей ведьмочки полтергейст дома. Либо она что-то в детстве с гаданиями переборщила, либо сосед ее шаман какой-нибудь... Не бойсь, на месте разберемся. Ты мне только куртку отдай, а то что-то в пиджаке непривычно, солидным себя чувствую. Мне бы что попроще, ты же знаешь. Я ж простой, патроны есть — стреляю, нет — перезаряжаю, вообще нет — достаю.

Лера выдохнула, окончательно приходя в себя:

— Сема твою куртку забрал с документами. Он вчера с тайги вернулся. Не знаешь, где он сейчас?

Скорпион хмыкнул, посмотрел куда-то в сторону, рука потянулась ниже проигрывателя, нажал какую-то кнопку.

— Центр слушает, — донеслось из динамика.

— Индиго-1 на связи. Найдите мне блондина или кого-нибудь поумней из совета. В общем, хоть кого-нибудь мне найдите.

— Босс, вы сегодня...

— Никаких «босс» и никаких «сегодня». Есть только Скорпион. Здесь и сейчас! Где блондин? Где Василий?

Щелкнул переключатель. Голос сменился, появился Василий.

— Скорп, до ужаса рад тебя слышать. Не поверишь. Вся боевая часть Антисистемы как раз работает по плану «клеть».

— Ты поумничай мне еще, поумничай. Очки снял, так что говори, как есть. Или прослушки боишься? Не бойсь, контора в этой части страны работает с нами. Мудрая ее часть, по крайней мере. А обычную перехватывают в аэропорту.

— Леопард, основная группа и все тройки ликвидаторов штурмуют малолетку. По нашим данным, ты находился именно там...

— Находился, — буркнул Скорпион. — Ладно, Вася, не бери в голову.

— Совет до конца не врубается, что делать с освобожденными. Ты намекал на проблему зон слишком поверхностно. А тут блондин с тайги приехал, всех на уши поднял. В общем, докладывают, что там что-то около двухсот пареньков. Куда деть?

Скорпион повернулся к Лерке, улыбнулся:

— Знаешь, иногда память терять полезно. Честное пионерское.

— Скорп, куда деть две сотни парней? — взревел динамик.

— Это из тех, что не собираются домой?

— Именно. Всех, кого могли разогнать, разогнали. Эти хотят работать с нами.

— Энтузиазм надо поощрять. Рассели по гостиницам, я пока несколько дел доделаю.

— Да каким гостиницам? У нас же не съезд пионеров, засекут сразу. Вопросы пойдут.

— Вася, что ты как маленький? Возьми и купи пару гостиниц. Там и рассели. На днях в Москву за оставшимися деньгами съездим, заодно планы строительства домов привезем, скоро всех расселим. Да и секции пора открывать. Школу построим для своих, институт какой-нибудь маленький. Человеку не так уж и много надо, поверь мне на слово.

— Школа? Институт? Ты в своем уме?

— Вася, я, когда после карцера с пацанами общался, слышал все их желания. Не так уж много и надо: кушать, одеваться, учиться. У них стремления есть. Это пассионарии, Васяка. Их энергию надо направить в правильное русло. Забери половину моего счета, если не хватит, да хоть весь забери. Думай над схемой, гений. Парни не должны пропадать. Приютишь сейчас, потом во сто крат отдадут. Понял?

— Понял, Скорп. Но ресурсов...

— К черту ресурсы, человеком надо оставаться, Вася. Отбой.

— Отбой.

Лера посмотрела вопросительно.

— Двести человек?

— Двести ровесников. Это мои одноклассники. Сема наверняка какой-нибудь дуршлаг придумал. Кровавый ариец. Оставил лучших из лучших. Нельзя таким пропадать... Придумаем что-нибудь.

— Ты всегда так говоришь!

— Я когда-то обманывал тебя?

Лера замолчала. Автомобиль свернул к серому шестиэтажному зданию. Сергей припарковался, на всякий случай спросил:

— В этой больнице?

Лера скривила губки:

— Если раньше не спросил, то знал. А раз знал, то зачем спрашиваешь?

— Да хватит бубнить. Пойдем, заберем твою подругу.

— Она мне не подруга! — вспыхнула Лерка.

— И не надо вспоминать ее ноги на моей пояснице!

— Хватит читать мои мысли!

— Они у тебя на лице написаны!

— Ах, так! А у тебя машина ворованная, вот как пойду, скажу охраннику.

— Иди, в бардачке доверенность на любого из Совета, — улыбнулся Скорпион.

Лера сложила руки на груди, вспоминая, чем бы еще задеть. Как назло, на ум ничего не приходило. Сдалась, показывая язык и хватая Сергея под руку.

Главврач категорически отказывался пускать в реанимацию, мотивируя тем, что пациентка в тяжелом состоянии. Скорпион с горечью вспомнил об удостоверениях в куртке, но куртка далеко, а врач вот он, перед глазами.

— Хорошо доктор, давайте я покажу вам одну вещь, а вы сами решите пускать или не пускать.

— Что вы имеете в виду, молодой человек? — Нахмурился профессор.

— Нож есть?

— Нож? Вы хотите кого-нибудь порезать? Может, санитаров позвать?

— Не порите ерунды, доктор. Просто дайте что-нибудь острое. Я тут же верну, обещаю.

— Вы же не хотите порезать себе вены? Вы не похожи на безумца, — подметил доктор, осторожно протягивая скальпель — рабочий инструмент. Всегда в кармане.

Скорпион взял скальпель, полоснул по левой ладони.

— Я так и знал! — вспыхнул доктор, меняясь в лице.

— Прошу вас, не спешите с выводами, — взмолилась Лера, — просто смотрите.

Доктор нахмурился, разглядывая багровый поток, что стекал по руке вихрастого безумца. Парень сконцентрировался, прикрыл глаза. Поток резко иссяк, капли остановились. Края раны стянулись невероятно быстро. Доктор снял очки, протер, приблизил лицо к раненой ладони — если бы не свежие следы крови, никогда бы не поверил, что рука мгновение назад была порезана.

Скорпион сполоснул руку в умывальнике, показывая доктору здоровую ладонь, где не осталось даже шрама.

— Это что, был гипноз? — опешил доктор.

— Нет, регенерация. Воздействие энергетикой и все такое. Не замораживайтесь, доктор. Просто пропустите к Кате, я постараюсь помочь ей тем же способом. Ей не нужно лечение, просто разум помутился из-за негативного воздействия. Это можно убрать.

— Пустите его, доктор, он знает, что говорит, — добавила Лера.

Доктор повертел в руках вернувшийся скальпель, кивнул. Непросто, совсем не просто переступить через то, что учил и практиковал тридцать лет подряд.

Катя лежала на кровати бледная, почти белая. Под глазами выделялись темно-синие круги, кожа истончилась, как пергамент, а губы высохли и потрескались, как от сильного жара. Пищали приборы, провода стелились по всей кровати.

Скорпион медленно приблизился, накрыл широкой ладонью ее ладонь. Другую руку

положил на белый лоб.

Давай, маленькая, уходи из этого страха, этой пустой темноты. Сколько раз я сам стоял на ее гранях? И тебе не позволю остаться. Иди, иди ко мне, на свет. Здесь тепло, здесь очаг и огонь. Это огонь твоей души, это твое стремление к жизни, живи во имя света, во имя любви и свободы... Творец наделил человека свободой выбора и не ограничивает его в поступках. Ты можешь остаться там, среди холодной темноты, а можешь вернуться к огню... Выбирай.

Катя медленно подняла веки. Глаза наткнулись на знакомую фигуру, губы расплылись в полуулыбке — дальше растянуть не могла, грозились лопнуть — прошептала:

— Спасибо, Сережа... Я... больше не буду

Лера стояла у входа в палату и...улыбалась.

Как перевоспитать вихрастого? Такой уж он человек. Любит помогать. И ничего с этим не поделаться.

* * *

Неделю спустя.

— Самолет заходит на посадку, — сообщил динамик голос стюардессы. — Займите свои места и пристегните ремни безопасности.

Сема погладил Машу по щеке, мягко встряхнул, шепча на ухо:

— Эй, соня, прилетели. Вставай и сияй. Как у тебя так получается? До первой кормежки спала, после нее спала, и после второй тоже спала. Сколько в тебя сна влезает?

Маша сладко потянулась, заслоня зевком ладошкой. На плече блондина было удобно и тепло. Просторные кожаные кресла бизнес-класса, стоящие строго по двое, не больше, позволяли лететь с полным комфортом. Модернизированный Ил-96 с четырьмя двигателями оставил под крылом около семи тысяч километров и семь часовых поясов. Удобный, надежный самолет. Запчасти не отваливаются, двигатели не глохнут.

— Ты же меня оберегаешь от всяких террористов, поэтому мой сон спокоен и безмятежен, — обронила Маша, протирая глаза вместе с тушью. Забылась.

Сема не стал напоминать. Пусть москвичей немного попугает. Повернул голову в сторону Скорпиона и Лерки. Те сидят в том же ряду, с другого края. Какие тут террористы, когда брат все восемь часов провел в кресле в позе лотоса? И Лерку научил. Все тренирует, обучает. А та после череды последних событий делает все, чтобы быть рядом. Вот и напросились вместе с Машкой в командировку за ресурсами структуры.

И как Серега собирается оставить их одних в Москве, когда рванем через Чечню к Горэ отдавать должок вместе с Даней и Андреем? — подумал Сема.

Сема прислушался к себе, усилил кровоток, разгоняя застывшие связки без движения. Раздвинул восприятие за пределы тела, ощутил всех пассажиров, весь самолет целиком и полностью до последней детали и багажа в грузовом отделе. Все функционирует нормально, пилот опытный, посадка будет успешной.

Лера силилась постичь вторую ступень развития. Едва-едва остановила внутренний диалог, как Сережа снова дал неплохую пищу для ума в аэропорту перед самым вылетом, оградив себя на восемь часов полета от болтовни.

Надо будет как-нибудь и подруге шепнуть про ступени... По секрету, — подумала Лера.

Сам Скорпион разбирался в себе, вспоминая весь пройденный путь от рождения и до сего момента. Раньше все времени не было оглянуться назад. Но карцер научил ценить воспоминания, натолкнул на многие мысли. Нелепая ситуация заставила многое в жизни пересмотреть. Даже из потери памяти извлек для себя важные жизненные уроки.

Тело звучало в унисон с разумом. Каждый орган работал в четком ритме, энергетические потоки гуляли по телу свободно, без блоков. Одиннадцать лет тяжелых тренировок и кропотливой работы над собой раздвинули обыденные человеческие

возможности сначала до рамок физического, потом вырвавшись за эти рамки. Чем дальше постигал непознанное, тем более крепчал в уверенности, что границ не существует вовсе. Можно идти и идти, все выше и выше, главное не сбиваться, не останавливаться. Идти, пока в один прекрасный день не дойдешь до самой Обители Творца. Но вряд ли Творец сидит на месте, ограничив себя рамками собственных законов... Какова же дорога самого Абсолюта?

Чем больше рылся в себе, запасаясь резервами и вскрывая тайны подсознания, тем ближе подходил к пятнадцатой ступени. Предыдущую проскочил как-то совсем нелепо, вспомогательными средствами. Три года, с самой Японии, не позволял себе мяса и алкоголя, и когда отведал того и другого, попросту забыв про это, подсознание смело все барьеры, что росли внутри с грузом и ответственностью. Ее брал давно не только за себя и близких, но и за часть окружающего мира...

Но память вернулась, и осознал, что пора работать не только на износ, вскрывая все новые и новые резервы, пока те не иссякнут вовсе, но можно и наполнить старые, закрепитесь на позициях. Иногда надо остановиться, чтобы с новыми силами двинуться в путь.

Пятнадцатая ступень — «плоды овощных культур» — подобралась неспешно, плавно, но так же неотвратимо, как наступает зрелость, наполняя тело внутренней силой, расставляя все по своим местам, открывая новые горизонты. Словно в такт пятнадцатым вратам силы, колеса мягко коснулись земли. Самолет даже не подбросило, не спружинило от первого толчка. Скорость замедлилась, и по салону прокатилась волна аплодисментов мастерству пилота.

Скорпион медленно открыл глаза, настраиваясь на рабочий лад.

— Дамы и господа, самолет произвел посадку в аэропорту Шереметьево-2, за бортом стоит солнечная погода, температура воздуха двадцать три градуса выше нуля, экипаж прощается с вами и желает приятного дня, — снова заботливо сообщил динамик...

— Ну что ж, вот и Москва, — обронил Сема, первым ступая с трапа на землю. — Посмотрим, что ты нам принесешь.

* * *

Спектакль прошел как по нотам.

Скорпион по поддельному паспорту, переодетый и загримированный под молодого, богатого шейха — гостя Эмиратов, не иначе — снял со счета первый миллион евро. Благополучно сложив пачки купюр в большую спортивную сумку, под зорким оком охраны вышел из банка и направился к взятому напрокат автомобилю класса «люкс». Нанятый водитель вышел навстречу, распахнул дверцу и... длинноволосый рыжий парень на роликах пихнул шейха плечом, опрокидывая на асфальт, вырвал сумку и помчался прочь от машины и банка.

Камеры зафиксировали все.

Сема взял на себя роль бандита, что вырвал нехилые сбережения из цепких лап нефтяного шейха. Сквозь толпу покатился прочь, скрываясь по заранее запланированному маршруту через дворы, и отвлекая на себя погоню, что выслали опешившие охранники банка.

Скорпион, яростно бранясь по-арабски, поднялся с асфальта и вновь направился в банк.

— Что за день такой? Придется снимать еще один миллион.

Менеджер банка выслушал сбивчивый рассказ охранников, просмотрел запись у входа в банк. Утешая богатого клиента, вручил ко второму снятому миллиону в подарок фирменный кейс. Скорпион, под целым кордоном охраны был лично выведен им из банка и сопровожден до автомобиля.

Третий миллион, несколькими улицами далее, в схожем банке, разодетая под топ-модель Мария и молодая бизнес-вуменша Валерия переводили на подставные благотворительные счета, так или иначе перекидывая их через себя в Хабаровск на счета

Антисистемы. Выполнив все, что требовалось, девчонки вернулись в люкс гостиницы «Космос».

Скорпион, закинув кейс в ячейку на Ярославский вокзал — его заберут двумя днями позже ребята из группы сопровождения — так же направился в гостиницу.

Блондин, уйдя от погони и закинув сумку в ячейку Казанского вокзала — Даня с Андреем после операции на Кавказе заберут — взял автомобиль напрокат. В поддельных паспортах и правах возраст исчислялся в количестве девятнадцати лет.

* * *

— Броня крепка! И танки наши быстры! — Кричал Сема, перестраиваясь в левый крайний ряд и доводя на спидометре скорость до двухсот десяти километров в час.

Какой индиго не любит быстрой езды?

Музыка редела в салоне драйвовая, ритмичная, разгоняя по телу адреналин и вызывая жажду скорости.

Москва в выходные немного разгрузилась от трафика, народ рванул за город, на свежий воздух, позволяя столице хоть немного остыть и освежиться. Но прикинул, что стоит переносить столицу из Москвы в другой город. Город-государство даже в день относительно свободных трасс был забит под завязку. И не сложно было понять, что такие дни скоро исчезнут. Но и в Санкт-Петербурге столица быть не могла. Такой большой стране стоило иметь три столицы: культурную, старую и новую. Новая должна была быть возведена на свободном пространстве, где-нибудь в Поволжье. По новому, просторному плану. И цены бы на недвижимость обваливаются, Москва перестает быть самым дорогим городом мира, а новое правительство живет в отдельном городе, не тревожа жителей. Вдобавок, туда бы сместились все финансовые операции. Город, выполненный по новейшим технологиям. Город будущего.

Да разрази меня гром, если я не подам эту идею Василию.

Черная GT Карерра держала дорогу превосходно, мотор под капотом рычал яростно, мощно, бросая вызов всему окружающему миру. Вибрации скорости проходили по телу, стопа сама вдавливалась газ в пол. Лишь краем глаза смотрел на светящуюся точку на жк-мониторе. Спутниковая система GPS любезно выводила быстрейший маршрут до гостиницы.

На светофоре пришлось остановиться. Параллельный поток не дал возможности проскочить на красный цвет. Сема открыл окно, вдыхая горячего воздуха. Глаза сквозь стеклянные очки зорко рассматривали высотки столицы. Не сразу услышал голос из соседнего ряда:

— Эй, парень. Крутая тачка. Как насчет, погоняться?

Сема опустил очки, приглядываясь к водиле Порше последней модели. Черный кудрявый тип с иероглифом на виске нарывался на гонку, уверенный в победе на все сто, а то и двести процентов.

Сема пожал плечами. Почему бы и не сбить спесь с этой ухмылки? Задание выполнил, народ в гостинице пробудет еще два дня, время есть.

— Места у вас мало. Вот у нас на Колыме места через край, есть, где развернуться.

Парень с иероглифом заржал, сверкнув бриллиантом в верхнем правом резце. На солнце так же ярко блестела платиновая сережка с синим камнем.

— Хорошая шутка, деревня. Расскажешь пацанам, когда я тебя сделаю. За место я ручаюсь, все будет окей. Усек?

Сема сделал небрежный жест царской длани:

— Веди, фримэн. Показывай свою пустыню.

Водила Порше действительно был похож на свободного человека. Даже с избытком. Свободный от общественных норм, морали, забот, мозгов. Такие не покорят космос, но первые купят космический корабль.

Уже через час Каррера передними колесами встала на линию на одной прямой с Порше

и Ауди ТТ, водитель которой решил составить двум соперникам компанию. Не мудрствую лукаво, все трое поспорили на сами автомобили. Победителю достаются все три аппарата. Двое других довозят машины до гаража владельца.

Сема выключил музыку, сосредотачиваясь на своем автомобиле и машинах противника. Взятый напрокат автомобиль внутренних поломок не имел, но и не мог выжать все, на что способен. Требовалось сменить кучу деталей, прежде чем эта красавица могла достигнуть максимума. А вот Порш и Ауди подготовились. Под капотом стоят много полезных примочек.

Решили взять на «понт», развести, как лоха? Не в этот раз, парни. Как раз хочу подарить девчонкам пару классных машин. Надо же с чего-то начинать. Так когда-нибудь и права получают.

Трое сторонних наблюдателей одновременно махнули сиреневыми тряпками. Машины со скрежетом шин рванули с места. Следы от покрышек отметили первые мгновения гонки.

Ауди вырвалась вперед, настроенная на быстрый старт, но Порше быстро нагнал, набирая обороты с каждым мгновением. Каррера отстала, все более отдаляясь.

Сема сосредоточился на ступенях, прокачал тело до последней подвластной, расширил чувственную сферу за пределы тела, окружил своим биополем весь автомобиль. Но задатками техномага если обладал, то только чтобы разрушать, а не усиливать.

Впрочем, чего автомобиль мучить, не проще ли воздействовать на другие?

Ауди соперника резко сбросила скорость, остановилась на дороге — топливный фильтр перестал перекачивать бензин. Порше же просто потерял мощность, стал сбрасывать скорость — начались проблемы с двигателем.

Сема, улыбаясь, пересек финишную черту.

— Пацаны, сегодня не ваш день!

* * *

— Ну и где эти орки? — протянула Лера, смотря в окно с верхнего этажа гостиницы «Космос».

Маша усиленно поглощала клубнику со сливками, свесившись с роскошной кровати, целого аэродромного ложа, головой вниз.

— В делах пацаны, — ответила «ниндзя». — Как всегда. Не привыкла что ли еще?

— Мы почему-то раньше их справились...

— Ни и что? Лерка, на лучше клубники поешь. — Маша протянула клубнику, но забыла, что лежит вверх ногами, и блюдо расплзлось по ковру. — А хочешь, я тебе шоколадного мусса закажу?

В дверь постучали.

— погоди, не открывай, тут клубнику надо убрать. — Машка исчезла в ванне.

— Да ладно, — усмехнулась Лера. — Пацаны пришли. Сема тебе все простит.

Лера подбежала к двери, распахнула во всю ширь и... обомлела.

На входе застыла пара жутко айрон-бишного вида парней, помесь рэпера, нового русского и татуированного индейца с ирокезом. У одного была рыжая стоячая прическа, ошетилившаяся ежиком, как иголками, второй носил почти женскую прическу кремового цвета. Оба в странных длинных кофтах поверх маек, цепях, пирсинге и татуировках во всех отрытых местах.

— Эй, чикса, зависнем? Мы из соседнего номера, — начал «ежик».

— Мы парни хоть куда, ты узнаешь, — подмигнул жено-мальчик. — Скучно, наверное, вдвоем в четырехместном люксе? Шампусиком не угостишь?

Лера открыла рот, но забыла все слова. За плечами с тряпкой в руке выросла Мария, опешив не меньше:

— Это что еще за чудо природы? Я думала, зоопарк на ремонте.

— Поосторожнее со словами, — сделал грозное лицо жено-мальчик.

— А то что? Ты меня поцарапаешь? — Хмыкнула Машка. — А ноготок не боишься сломать?

Рыжий рванул вперед. Лера выставила руку, преграждая вход:

— Спокойно, спокойно, зверюшки, подруга пошутила. Дело в том, что мы не одни. У нас есть свои мальчишки и в вашей компании мы не нуждаемся. Я выражаюсь правильно?

— Ха, таких парней пропускаете. Пойдем, Фред, причалим в другом порту, — рыжий подтолкнул кореша, зашагали прочь по коридору.

Маша, сдерживая смех, повернулась к подруге:

— Слушай, Лерка, а может, парней наших разыграем?

— Ты о чем?

— Ну, они же совсем от рук отбились, шляются где-то, а мы и не знаем где. А так малость поревнуют, глядишь, в следующий раз порасторопнее будут. Давай этих енотов подговорим сыграть нам на руку...

— Слушай, Машка, а это идея.

— Ну а то, — важно кивнула подруга, с тряпкой в руках догоняя повернутых на стиле айрон би.

* * *

Скорпион вышел из метро недалеко от гостиницы, зашагал по улице, вырисовывая в голове заученные карты-схемы. После вокзала в нанятом автомобиле переоделся в обычную одежду, расплатился с водителем и до гостиницы добирался на метро, на ходу изучая план метрополитена.

Жаркий, душный день разморил людей. Вдобавок небо нахмурилось серыми плотными тучами. Неплохо бы дождь, а еще лучше снег или град. Для раскаленной столицы самое то.

Операция прошла успешно. Последний миллион заберут после Кавказа, с ним и поедут в далекий Дальневосточный край на скоростном экспрессе. Но о поезде потом, сейчас стоило думать, как уговорить остаться девчонок одних на тройку-другую дней, а возможно и всю неделю. Они про Кавказ не знают. Зачем пугать? Меньше знают — крепче спят.

Настроение упало. Наверное, подлю не говорить все, только часть. Да, все для их безопасности, но почему надо что-то скрывать? В конце концов, это нечестно, надо быть ближе друг к другу. У каждого могут быть секреты, но когда они перерастают некую грань, это начинает грузить.

Скорпион улыбнулся. Все-таки девчонки заслужили пару роскошных букетов свежих душистых цветов. К кому еще возвращаться после тяжелой работы, как не к ним?

Все ради них, любимых.

У продавщицы цветов округлились глаза, когда получила пачку денег, на которые можно было месяц покупать все цветы, что у нее были. Парень забрал только два здоровых букета смешанных алых, розовых и белых роз. Успела только позавидовать этому любящему блеску в глазах вихрастого парня.

* * *

Сема припарковал Карреру недалеко от гостиницы. Рядом примостились Ауди и Порше. Угрюмые водители нехотя вылезли из бывших автомобилей, протянули ключи и молча засеменили к метро.

— Привыкайте к подземелью, парни, — махнул на прощание Сема и поспешил ко входу.

Швейцар приветливо распахнул дверь. Холл встретил ярким светом. Перед лифтами с двумя огромными букетами стоял Скорпион, терпеливо дожидаясь кабинки. Наверняка рад бы и пешком, но букеты закрывают весь обзор. Собьет еще кого, не заметив. Потом еще и затопчет, как бульдозер.

— Привет, брат. Цветов купил? Это ты молодец. Мы что-то совсем о девчонках не думаем, надо исправляться.

— Держи, Сема. Сам подаришь. — Скорпион протянул один из букетов.

— М-м-м, хороший вкус, сладкий запах. — Сема внюхался в букет, — хорошие задания, хорошие вознаграждения. День практически удался. Столицу родины через десяток лет будем переносить? Душновато.

— Ага, сразу после марсианских колоний.

— Но...

— Будем, конечно, только без изысков выдумщика Петра.

Приехавший лифт распахнул объятия. Вошли. Сергей щелкнул верхнюю кнопку.

Сема в свою очередь протянул ключи от Ауди, хмыкнул:

— На, тоже сам подаришь. На стоянке стоит. Документы в бардачке.

Скорпион осмотрел фирменный брелок на ключах, перевел взгляд на букет, пробубнил:

— Опа-на, так это я сегодня лох? А ты на коне?

— Ты ж от чистого сердца, а мне все равно делать не фиг было. Разводилам рога пообломал. Ауди — это, конечно, не Порше, но тоже ничего. Кстати, можешь взять мою Карреру. Знакомые проигравших перебили номера. Неплохо в этой столице можно развернуться, пока еще столица. Народ сговорчивый. Понимаю, я вижу себя, как эmissар, все для себя, но что-то настроение сегодня такое, своеволия хочется...

— Ты же не знаешь московских дорог, когда успел в гонках поучаствовать?

— Я просто ехал прямо, а гонки сами ко мне приехали. Вопросы?

— Да нет, все нормально. Погода, наверное, давит. Нервничаю что-то, — зевнул Скорпион.

— Да ладно, сейчас шампанского в номер возьмем, фруктов, шоколада, в джакузи погреемся, как нормальные люди. Я же не совсем ты, перед Кавказом могу и шампанского выпить. Пацаны скоро подъедут.

— Делай, что хочешь, брат. Я не знаю, что меня тревожит. Что-то... Нет, не могу понять... Я что-то упустил из виду. Важное.

Лифт распахнул двери. Вдвоем зашагали по коридору.

— Ну что ты нервничаешь? ФБР далеко, МОССАДу ты на фиг не нужен, до Интерпола не дорос. Драками сегодня вроде бы не пахнет, — Сказал Сема и замолчал, открыв дверь своим ключом.

Четверо сидели за столом, пили шампанское. Последние двое были далеко не подружками, даже не Даней с Андрюхой.

Букеты полетели на пол, ключи легли рядом.

Скорпион застыл. В сердце воткнули гвоздь. Грудную клетку кто-то сжал стальными когтями, не позволяя дышать. Молча смотрел в глаза Лере. Воздух вокруг уплотнился, поплыл зримым маревом, тая в себя невероятное количество заряженных частиц, чистой энергии. Одно действие и все в пределах номера можно разнести на атомы... Такой энергии в себе никогда не ощущал... Но она другого типа, далеко не созидательного.

Сема раздумывал о плотности окон и о том, как быстро милиция найдет окна, из которых выбросит двух крашенных горилл... Или они не при чем?

— Зачем вы так? Все же ради вас.

Лера молчала, позволяя высказаться. Сто раз пожалела о затеянном плане, но что-то подсказывало, что сейчас все чувства пройдут последнюю стадию проверки. Все будет зависеть от первых произнесенных слов... Или не будет? План трещал по швам. Хотела совсем не того.

Глаза Скорпиона покрылись холодной дымкой льда, молча повернулся, вышел.

Сема постоял еще мгновение, вздохнул:

— Дуры, — и вышел следом.

Сема любил не потому, что должен был любить, как любит брат. Это была не показуха «любви за компанию», как многие делают. Но разбираться — означало ненужные нервы и

чью-то кровь. Зачем это все сегодня? Зачем разносить гостиницу, положить полк ФСБ, погони, перестрелки, больницы. Достало. Просто хотелось посидеть рядом с любимой, поддержать за руку и выпить на брудершафт, посмотреть в добрые глаза, снова найти ответ, почему рискует жизнью и ради кого. Просто хотелось.

А, к черту все!

— А че так стремно-то все? — подал голос «женообразный», переводя дыхание. Чувствовал себя меньше таракана. Только что было мгновение, когда могли раздавить одним пальцем. По телу бегали неприятные мурашки, липкий пот струился по лбу.

Лера прикрыла веки, по щекам побежали слезы. Маша выронила бокал, уткнула лицо в ладони.

— Савва, гон какой-то, валим отсюда, — поддержал «ежик» и на негнущихся ногах засеменил к выходу.

Двое быстро скрылись в коридоре, хлопнув дверью. На прощание ненароком помяв цветы. Розы смялись, букет распался, потеряв красу и привлекательность.

* * *

— Красивая гостиница, неплохо устроились, — протянул Медведь, поправляя десантный берет.

— Мне сейчас все равно, лишь бы помыться, отъесться, отоспаться и довести дело командировки до конца, — сухо обрезал Кот, перекидывая походную сумку на другое плечо.

Вдвоем в повседневных военных комбезах добрались до входа. Швейцар преградил дорогу:

— В такой одежде нельзя. Вояки, найдите себе гостиницу попроще.

Андрей поднял бровь:

— Я не буду сравнивать себя и тебя. Я устал и не в настроении спорить, просто сломаю руку. Уйди!

Швейцар отпрянул от мощного толчка плечом.

— Да он шутит, — похлопал по плечу швейцара Даниил, и чуть тише добавил, — не будет он руки ломать. В такую погоду он обычно... зубы выбивает. Сделай одолжение, сменись, не умеешь ты с людьми разговаривать.

Швейцар побагровел, убежал к менеджеру. Через сорок секунд двух военных окружило кольцо охраны. Бритые парни в стильных пиджаках с одинаковыми лицами хмуро смотрели на нежеланных посетителей. На их фоне выделялся менеджер, сложивший руки на груди.

Андрей неторопливо потянулся к сумке, не обращая внимания на предостерегающие позиции охраны — все потянулись к пистолетам под пиджаками — и расстегнул молнию. Тугая зеленая пачка разрежала воздух и с хлестком врезалась менеджеру в лицо. Стодолларовые банкноты рассыпались по пиджаку. Незнакомое прежде чувство стыда отразилось на физиономии. Побагровел. Так на место еще никто не ставил.

Кот молча протиснулся сквозь кольцо опешившей охраны, неторопливо двинулся к лифтам. Даня широкими плечами просто разорвал всю цепь секьюрити, двинулся следом.

Охрана молча проводила странных гостей до лифта. После желание двигаться пропало. Было стойкое ощущение, что те двое могут расправиться как с малолетними детьми. Уровень мастеров боя отражался в походке, осанке, но больше всего в глазах.

Менеджер сухо обронил, уходя:

— Собрать деньги. Гостям любой номер. По пустякам не беспокоить.

Даня первым открыл дверь номера, сразу отметив странный привкус воздуха. Словно кто-то насытил его переизбытком ионов или что-то вроде того. У порога валялись роскошные цветы, ключи с блестящими, начищенными брелками совсем неплохих фирм. За столиком в мягких креслах сидели две неподвижные фигуры. На щеках обеих двумя дорожками застыли солевые потоки. На самом столике давно растаяло мороженое, валялись сотовые, фужеры и ведро с двумя бутылками шампанского.

Даня вздохнул:
— Вот и отдохнули.

* * *

Скорпион не помнил, как сел в машину рядом с Семой. Мир вокруг странно опустел и потерял все краски. Не мог даже понять, о чем думает. Странная пустота завладела сознанием. Из тела словно вытащили стержень, сам смысл жизни существования. Не мог себя назвать даже медузой, просто какое-то невесомое облачко, не более.

Сема не торопился заводить мотор. Молчал. Ее глаза ничего не сказали, но зачем такие глупые шутки? Вздрогнул от зазвонившего сотового брата. Сергей, ничего не видя перед собой, на ощупь достал пластиковую коробочку и... сжал ладонь.

Сема бы никогда не подумал, что пластик, микросхемы и даже прорезиненные кнопки, все, может осыпаться под ноги подобием песка.

Ну почему в голове даже не возникают вопросы: «зачем?» и «за что?». Все погрузилось в какую-то странную депрессию. Лучшие бы взрывы, война, бои... так хоть выпустить пар, а тут велика вероятность, что брат станет тем, с кем три года назад боролся в Японии. И что тогда станет с миром? Хотя кому нужен этот мир, если он теряет смысл существования?

Зазвонил свой телефон. Мазнул взглядом по дисплею — Даня. Щелкнул кнопкой приема.

— Так, ничего мне не говори. Просто открой дверцу и посмотри на последний этаж. И Скорпиону скажи.

Сема приоткрыл дверь, поднимая взгляд к небу — девчонки стояли на подоконниках.

— Скорп, они хотят выпрыгнуть в окно.

Сергей вздрогнул, импульс прошиб все тело, но успокоил себя, вяло ответил:

— Не сделают они этого, успокойся. — А в душу уже закрались какие-то сомнения, заерзал, сдерживая себя, чтобы стремглав не помчаться обратно. И вряд что-то внутри подсказывало, что вряд ли дождется лифта...

— Прыгнут, прыгнут, — донеслось от Даниила через динамик. — Если не прыгнут, я сам их сброшу, потом Андрея. Ему это все тоже надоело. Потом спущусь за вами. Сначала сломаю все ребра, потом скину вдогонку, потом прыгну сам, на груди предварительно ножом выцарапаю: «Я свободен!». — Даня сменил тон голоса. — Так, вы, балбесы, мне надоел этот детский сад. Ничего лучше не придумали, как надуть щеки и свалить. Мир у них видите ли перед глазами рухнул... Черт, прозябая на Кавказе несколько лет, я научился у горцев одной истине — за женщин надо бороться. Усекли? Эй, Скорп, ты размазня, и ты Сема, тоже. Не обязательно проливать кровь, но... — Даня куда-то отдалился, словно прикрыл динамик ладонкой, послышалось далекое. — Что, девчонки, вы уже прыгаете?

Связь оборвалась.

Взгляды ревнивцев скрестились.

Такой скорости гостиница «Космос» не наблюдала никогда. Входные стеклянные двери, как ураганом смело. Две смазанные тени за доли секунды миновали холл, помчались к лестницам — швейцар и менеджер, позже просматривая запись видеокамер, напьются как никогда в жизни.

Сквозь тугий, плотный воздух прорвались на верхний этаж, миновали коридор и ворвались в номер, тугий волной сопротивления воздуха напрочь вынося дверь.

— Любовь это — все... И это все, что мы о ней знаем, — заключил Андрей, подняв фужер и подмигивая девчонкам.

Даня притащил две вазы, собрал цветы, поставил на стол вместо бутылок шампанского, взял ключи. Одну связку бросил Андрею.

— Пойдем, брат, покатаемся. Успеешь еще помыться. Два сантиметра — не грязь, три — сама отвалится. Все равно твоей чумазой рожи любой микроб испугается.

— Ага, твоей уже испугались. Пусть короче дальше сами разбираются. Им все равно не до машин. Лера, я, кстати, потом скажу, есть ли в Порше кондиционер или это просто бесполезная машина... Маша, то же касается и тебя...

Парни, смеясь, перешагнули сломанную дверь и исчезли в коридоре.

Взрослые. Понимают больше.

Две пары остались одни... В тишине растворились все проблемы.

Через несколько минут мир был восстановлен и тучи над столицей разгладились подозрительно быстро. Солнце вновь засияло в полную силу, унося прочь все темные мысли.

Менеджер так и не рискнул прислать человека со счетом за выбитую дверь.

Через два часа странные гости съехали.

Сергей все рассказал про операцию на Кавказе. Девчонки согласились ждать возвращения... сколько потребуется. Две путевки на двухнедельный круиз по Средиземному морю обозначал временные рамки — в те самые две недели. Не больше, а то: «Достанем и с того конца света».

* * *

Родослав искренне рассмеялся, наблюдая за приглянувшейся компанией. Эмиссар Слабо, конечно, мастер подстав. Не использовал ни силовиков, ни давления, ни генерации случайности. От всего этого боевые индиго отобьются, как от мух. Но просто послал двух придурков, создавая прецедент.

И вирус любви дал яд.

Неплохое испытание. И как блестяще помогла дружба. Надо будет поближе присмотреться к этой компании. Уходить пора. Замены нет. Справитесь ли с новым испытанием? Сила не по вам.

* * *

Четыре дня спустя. Кавказ.

Берцы сминали сочную траву, принимая на себя очередную порцию зеленой липкой жидкости, что вместе с пылью гор прочно въедалась в обувь, меняя ее цвет в сторону серого. Четверо брели молча. После ночевки на камнях с самого первого луча солнца прошагали не один десяток километров, спускаясь с гор все ниже и ниже.

Голод давал о себе знать. Последний сухой паек закончился три дня назад, и даже тренированный организм требовал восполнения необходимых ему веществ. Война не то место, где садятся на диету. Стресс и постоянные физические насилия над организмом на пределе сил и возможностей приведут к голодному обмороку. Травы, кора деревьев и мелкая живность не давали всего необходимого организму, не помогали даже ступени. Чужая местность выматывала силы. Чувствовалось давление Горэ. Эмиссар плотно окутал горы аурой войны.

Неужели так велико влияние Горэ на эти места? Но ему же только двести лет. Хотя, как раз двести с лишним лет на Кавказе и не затухает война. Кавказ добровольно вошел в состав Российской Империи. Очередной князь горцев понял, что с проблемами объединения ему не разобраться, и добровольно отрекся от престола в пользу российской короны, разумно решив сложить на царский род Романовых все бремя ответственности. Так можно было спираться на чужие плечи тотальный отказ от мирной жизни народов гор и заставлять разбираться с внутренними проблемами кого-то со стороны.

Парни брели голодные, немывые и заросшие щетиной так, что ни один нож не в силах оскоблить. Не до внешности. Была бы энергия на что-то постороннее, просто остановили бы рост щетины. Но нужен резерв, чтобы добраться до базы Горе и остановить кровопролитие. Единственный способ подобраться незамеченными — пройти весь путь пешком, преодолев три границы.

Солнце поднималось в зенит, когда уставшие от долгой войны бойцы увидели небольшое селение на склоне гор. Еще ниже глаз зацепился за небольшой город.

— Наконец-то! — Сема сам не заметил, как перешел на бег.

— Эй, блондин, ты южноосетинский язык-то знаешь? — охладил его пыл Андрей.

— Какой-какой? — бросил Сема, не разворачиваясь. — Там все на русском разговаривают. Девяносто процентов населения — русскоязычное население, насколько мне известно. Почему — не знаю. Смотри лучше, как каждое село зенитками, пушками и артиллерийскими установками обустроили. Ежели Грузия не согласится с референдумом и документами о вхождении этой области в состав России, то будут отстаивать свое мнение с оружием в руках.

Даня широко зевнул, не сбавляя шага, добавил:

— Это пока российские миротворцы здесь, но стоит им уйти, как гроыхнет так, что слышно будет везде. В 1989 году грузины стерли с лица земли около 180 осетинских сел, сожгли, уничтожили, в пух и прах, воспользовавшись моментом, когда СССР рвало на части, и стране было не до Кавказа, свое рушили, как могли. Тогда какой-то крупный националистический дядя наверху в Грузии решил, что осетины это грязь из-под его ногтей и их надо уничтожить. Война длилась до 1992 года, пока сюда не забрели российские миротворцы, положив мир на десяток лет. Вот поэтому и русский язык. Учи историю, балбес. А то два высших образования не гарантируют бронезилет от пули меж лопаток, когда буркнешь что-нибудь на фоне межнациональной розни. А лучше вообще молчи. Мы с Андрюхой здесь больше знаем. За провиантом в деревню часто спускаемся.

Скорпион пригляделся и то, что поначалу принял за камни, оказалось лишь камуфляжем для десятков замаскированных орудий. Значит и в городе каждый танк, БТР и, конечно же, солдат, готов к войне. Еще один локальный конфликт на планете, каких не мало.

Сема прицокнул, погружаясь в мысли.

Такое ощущение, что люди без войны не могут и дня. За всю историю официального письменного человечества — неполные семь тысяч лет — люди не воевали всего около двухсот лет. Вот и говори после этого о встрече с космическим разумом, богом или самим Творцом. Человек далек от понимания мира. Планете и цивилизации не нужны семь миллиардов потребителей. И даже богоподобный вряд ли сумеет спасти всех. Только разумных. Ну а поскольку в Хомо Сapiеnсе — Человеке Разумном, самого разума не больше чем в говорящем тапочке, напрягаться особо не стоит.

Андрей положил руку на плечо Скорпиона, обронил:

— Мы с Даней за провиантом спустимся, подкрепиться не помешает, и схрон один расконсервируем. Оружия тоже немало понадобится. Вы на выходе из деревни ждите. Просто шагайте прямо по дороге. Никто не тронет. Тут все в камуфляжной одежде ходят. Все равно, как раньше у нас в спортивном ходили. Помнишь времечко?

— Школьные бои. Как забыть? — Расплылся в улыбке Скорпион, вспоминая сломанные ребра на стадионе у школы после тренировки. Потянуло тогда чью-то честь отстоять. Всех четверых с поля уносили...

Даниил с Андреем ускорили шаг, скрылись из виду. Скорпион с Семой вошли в населенный пункт чуть позднее. Показывать, что идет все вместе, не стоило.

В селе на двух бойцов в спецназовской форме не обратили ни малейшего внимания. Здесь, как и говорил Андрей, почти каждый житель носил камуфляж или военную форму, что-то вроде повседневной одежды. В ней служили, в ней гуляли по городу на гражданке, в ней работали и назначали свидания. Городишко в любое время готов броситься к оружию, отразить натиск Грузии, если до того дойдет, и политики на словах ни о чем не договорятся, что случается чаще всего.

— Война или отмежевание, третьего не дано, — заключил Сема. — Грузия жалуется на имперские амбиции России, сама чистит автоматы, а Россия ждет референдума, советуется с мировой общественностью. И только Южной Осетии с Абхазией как-то не по себе. Обстановка накаляется с каждым днем, промедление смерти подобно. Еще Приднестровье...

— Сема пойми, у нас система устроена так, что если ты говоришь про присоединение каких-то территорий, то ты нацист, а значит автоматически ультра-националист, шовинист и как минимум антисемит. Без этих никак. Это клише.

— Как думаешь? — Сема тяжело вздохнул. — Человечество изначально агрессивно?

— Необходимая эволюционная ступенька, — устало ответил Скорпион, в который раз вспоминая об оставленных в Москве девчонках. Жизнь. Сердцем всегда где-то там далеко, разум судачит про нужды вселенной, а ноги снова топчут не ту землю.

— Но она же не бесконечна. Эта ступенька. Когда уже на другую перейдем? Дело же не только в перенаселении. Войны — не только стабилизатор численности. Да я и не думаю, что раньше народу было на Земле так же много. Конечно, понятно, что бились сначала с мамонтами, медведями, неандертальцами, это я тебе как кроманьонец говорю, бились люто. Но то другой вид был, отсталый вроде бы даже, хоть и мозг был больше, и сильнее были. Но почему мы де гении, вершина человеческой эволюции, Хомо Сапиенс, разумные мать их, бьемся друг с другом так же, как с неандертальцами когда-то?

— Своя родня понятнее, уязвимее. С ними есть что делить. — Скорпион присел на лавочку, поправляя черную бандану на голове, под ней просаленные волосы не так молили о пощаде и шампуне, как под порывами ветра, — с ней есть за что биться, она знакома во всех своих слабых местах.

Скорпион замолчал, прислушиваясь к местной речи. Леопард оказался прав, чаще всего звучал русский язык, но и про местный не забывали... И это был не грузинский. Значит, точно не зря в Южной Осетии стоят русские миротворческие силы.

Наверное, оба выглядели порядком измученными долгим непривычным переходом через горы, перед Семой вдруг остановился старичок с белой, как снег бородой и спросил:

— Устали, сынки? Пойдемте ко мне в дом, поедите. Моя жена хорошо готовит, это каждый в городе подтвердить может. Отдохнете.

Сема посмотрел в старые добрые глаза, вздохнул:

— Прости старец, у нас совсем нет денег. Мы не можем заплатить тебе, — Сема невольно вспомнил о кредитной карточке во внутреннем кармане под обложкой пистолета, усмехнулся — куда ни глянь, везде одни банкоматы.

Старик всплеснул руками, замахал головой:

— Да кто говорит о деньгах? Какие деньги? Вы только что вернулись с какого-то очень важного задания, а я, как старый шайтан, должен брать у вас деньги? Старый Ясах еще не выжил из ума, совесть не потерял. Пойдемте, пойдемте. — Старик подхватил под руки обоих и поволок с улицы во внутренние дворики.

Оба были слишком измотаны, чтобы сопротивляться. Сергей лишь добавил:

— Ясах, твое гостеприимство великодушно, — и добавил на местном наречии, включая в мозг японский подарок Тосики. Универсальный переводчик работал безотказно. — Но вдруг мы террористы или бандиты? Ты же не можешь знать.

Ясах, не останавливаясь, ответил на своем языке, то ли догадываясь, то ли зная, что Сема на нем мог только кивать. Или выразительно молчать.

— Какие террористы? Какие бандиты? Что я бандитов от честных людей не отличу? — и уже совсем другим голосом, серьезным и многоопытным добавил. — У них глаза совсем другие. Не соврут. А по тебе могу сказать, что совсем другая судьба уготована. Зомби из тебя не сделать. К тому же, друг твой блондинистый устал от войны. Вы уходите с гор. Значит, долго воевали. Такие солдаты быстро не устают. Я слышал про зачистки в горах. Я также слышал про то, что ни одна группа бандитов не вернулась с мест зимовок. В Панкийском ущелье большой переполюх. Иностранцы отказываются финансировать безрезультатные теракты. В Москве разорилась половина наркобаронов. Поток наркотика неожиданно сократился втрое. А тот, что поступает с западных границ, слишком дорог, так что наркотики большинству теперь просто не по карману. Наркоманы вымирают. И понимающие люди заинтересовались, кому же они должны медальки на грудь вешать. Не класть, как на стол, но вешать.

Скорпион усмехнулся, ответил по-русски:

— Слушай Ясах, если это твое настоящее имя. Твоя жена должна действительно хорошо готовить, потому что в противном случае совместного чаепития с фээсбешником я могу и не перетерпеть. У меня ваша манера вмешиваться вот уже где, — Скорпион показал на горло, — а Сема тот вообще зверь. Леопард при этих словах вобрал в грудь побольше воздуха, подтянулся и собрался. — Так что, Ясах, нам обоим интересно для какой цели нас пасли со спутника, ничего не предпринимая в случае нашего незаконного возмездия и не помогая.

Сема добавил:

— Ага. Хотя бы тушенки пацанам разок с вертолета сбросили. А то они как разбойники — что отберут у бандитов, тем и живы. И это притом, что все деньги, которые находили, в штаб отправляли. И фальшивых там было меньше трети. Фальшивые они вместо туалетной бумаги использовали. На них же и спали. — Сема задумался, — или наоборот?

Ясах рассмеялся:

— Не в деньгах счастье — в их количестве. На квартире вас ждет не только горячий обед, чистая одежда и теплая кровать, но и...

— Аллах Акбар! — раздалось за спиной. Автоматная очередь прошла Ясаха прежде, чем успел договорить.

Смута, мне тебя не понять. Наклепал верных воинов, но с кем борешься? Почему под пули одинаково ложатся все?

Вихрастый и блондин не успели подготовиться к бою, отвыкли от города — в горах в лесу не нападают из-за каждого угла, хотя растяжек хватает. Ускорились только в тот момент, когда пули прошли сердце агента ФСБ.

— Да откуда беретесь?! — Семин смазанный выкрик расплылся в пространстве. Мигом оказался ближе к бандиту или террористу-смертнику, что оказалось вернее. Ногой вышиб автомат из рук, оказался за спиной и свернул шею. Постоял, придерживая труп и...

И тут Индиго-2 прорвало. Сказалось напряжение последних лет бесконечных заданий:

— Я ухожу от войны! Ухожу! Прочь! Не приближайтесь ко мне, гады, с автоматами, убийствами, насилием и жестокостью! Сколько можно? Хватит!

Фундаменталист лежал под ногами, все еще сжимая автомат. Но на Сему влиял сам его вид, зеленая повязка на лбу, осточертевшая борода. Смертник бесил своим существованием.

Скорпион приблизился вплотную, резко ткнул пальцем в сонную артерию брата.

— Отдохни, Семка, силы еще понадобятся.

Блондин осел на землю, отключаясь от реалий жесткого мира. Скорпион устало взвалил его на плечо, зашагал дальше по двору, прочь от убитого бандита, агента, конспиративной квартиры, денег, призов и медалек, которые ни живым, ни мертвым по большому счету ни к чему. Контора не умеет сотрудничать по-человечески.

— Пошли, Семка, — прошептали губы, — не судьба нам здесь отдохнуть. Система снова хочет сделать из нас зверей... А мы ж мирные. Нам бы только Горэ завалить, и по домам.

Ноги сами понесли в сторону гор, где за перевалами и дорогами лежало Панкийское ущелье. Приют всех бандформирований, что после вооружения бегают по Кавказу и жаждут славы, крови и страха.

Настало время прекратить его существование.

Придется поговорить по душам с Горэ. Правительства прилегающих стран лишь марионетки в его руках. Хватит ли совместных ступеней силы четверых, чтобы Горэ отказался от своих намерений?

Никто не ответил. Как всегда.

* * *

36 часов спустя.

Сема валялся в траве, то и дело, проваливаясь в забытие. В последние часы перед штурмом стоило набраться сил. Скоро стемнеет, и ночь опустится на горы. Суровый Кавказ погрузится во мрак, и на несколько часов прекратит проливаться кровь. Но на рассвете снова послышатся выстрелы, взрывы, и небо разрежет людской плач по погибшим. Снова потянутся скорбные процессии по селам и городам, предавая останки погибших земле.

Но может, если сложить сумму всех ночей, то человечество не воевало больше, чем двести с лишним лет? Или ночь в одной области Земли прикрывает кровавые деяния дня на другой части земного шара?

С начала времен горит Ближний Восток, благодатная земля превращается в руины и вновь воскресает из пепла, чтобы завтра снова сгореть, как мифический феникс. Лихорадит правительства Африки, режимы меняются, как перчатки у добропорядочных врачей. Кавказ силится доказать жителям равнин свое превосходство с оружием в руках, вместо того, чтобы побеждать в спорте, науке, искусстве.

Да, люди любят войну, не иначе. Регулируют численность населения. А природа помогает, посылая на страны ураганы, наводнения, засухи, землетрясения, смерчи и цунами. Идут глобальные зачистки человечества. Только гибнут все, и те, кто даром не нужен эволюции завтрашнего дня и те, кто смог бы обеспечить эту эволюцию или хотя бы участвовать в рывке вперед, люди мыслящие и подающие идеи, развивающиеся. Почему все идет к тому, что останется не больше десятой части человечества? Чтобы таких развивающихся было больше? Отпадет желание воевать? Все силы пойдут на совершенствование или просто станут выживать, так же, как предки десятки тысяч лет назад?

В голове еще крутились мысли, а тренированное тело погрузило в сон, подчиняясь подсознанию — лучше выпавший боец, чем мертвый мудрец.

Солнце закатилось за горы, погружая мир в сумрак. Чуть позже превратится в непроглядный мрак. Сегодня новолуние. Не видно ни зги.

Скорпион даст команду к атаке лишь час спустя, когда окончательно стемнеет, и у охранников будет время, чтобы оказаться в объятиях Морфия. Мифического или натурального — бандиты любят баловаться наркотиками, потребляя часть перевозимого. Боссы стараются окурить их дешевым видом дурмана. Так расходов меньше, и боец неистовей, не задает вопросов. Послушно жмет на курок и идет на смерть. Зомби.

* * *

Сема ощутил себя в пустоте. Как учил Скорпион, быстро осознал себя во сне, концентрируясь на движении вперед. Просто понял, что это сон. Теперь из него можно лепить все, что угодно. Сон становится не просто управляемым, но может вынести в низшие слои астрала, энергоинформационное поле Земли... И не только Земли.

— Что ты хочешь узнать? — раздался голос сразу со всех сторон, тело, скорее разум, словно попал в четырехмерное пространство. Низший астрал.

— А что ты можешь предложить? — сразу же сориентировался Сема.

— Я могу... кхе... жжж... — сбился голос.

— Пошел отсюда! — послышался посторонний голос.

Сема моментально ощутил чье-то присутствие. Огромная аура мощи и силы, вековая мудрость, страдания, боль, любовь. Все разноцветным калейдоскопом предстало перед ощущениями Семы. Большую часть смыслового пакета информации Сема понять не мог...

— Привет, блондин, — продолжил голос.

Сема немного растерялся, теряя грань между астралом и сном. Концентрация внесознания нарушилась. Картинка видения поплыла, понял, что просыпается, изо всех сил постарался уцепиться за грань пробуждения. Удалось. Фигура неизвестного светловолосого человека, обладающего огромной мощью, предстала перед глазами.

— Не пугайся, Сема, я всего лишь выгнал твоего внутреннего стража.

— Внутреннего стража?

— Да, он словно препятствие между тобой и твоими возможностями. Это контроль твоего подсознания. Заслонка силы, чтобы ты не добился того, на что реально способен, раньше ли времени или точнее — никогда. Барьер или рамки, которые стоит сломать хотя бы затем, чтобы узнать о себе больше...

— Любопытная информация, — только и нашел, что ответить Сема, балансируя в четырехмерном пространстве, как будто завис в невесомости в космосе. — Но кто ты?

— Можешь звать меня Родослав. Но слушай и не перебивай. Времени мало. Ты еще слишком слаб и мал, чтобы долго контролировать свое нынешнее состояние. Вы с братом задумали невозможное. Горэ не победить вашими силами. Пусть он и самый слабый из Эмиссаров, но вам не по зубам. Ваших совместных ступеней всей четверки не хватит. Поверь мне... Слон и мыши.

— А откуда ты знаешь про ступени?

— Я все знаю и про Скорпиона, и про тебя, и про ваших друзей. Но вы слишком рано ринулись в бой...

— Родослав, ничего другого не остается. Когда все добрые силы бездействуют, мир превращается в прах... Кстати, а ты кто?... Кто? Кто???

* * *

— ...Сема вставай! Ты мало того, что не услышал моего зова, еще и храпишь на всю округу.

Скорпион навис над ним грозной горою, облаченной во мрак безлунной ночи. Волосы распустил, похож на огромного оборотня, если таковые водятся в горах Кавказа.

— Скорп! — Подскочил Сема, сверкая горящими ликованием глазами, чуть ли не закричал. — Слоны боятся мышей!

Даня хрустнул костяшками пальцем, приподнял бровь:

— Это еще что за новости? Не знал, что ты во сне вспоминаешь детские сказки. Впрочем, ладно, с этой войной каждому свое... Сходи с ума, как считаешь нужным. Только после боя, хорошо?

Сема чуть не замахал руками, теряя самообладание:

— Нет, нет, нет. Это мы мыши и идем охотиться на слона!

Ну вот. Теперь ищи психоаналитика.

— М-да, был Леопардом, стал мышью. Мельчаешь, блондинчик, — добавил Андрей.

— Ладно, сам пойму. Потом скажу. А то что-то то ли было, то ли не было, — лихо завернул Сема, прекращая разговор ввиду его бесперспективности.

Скорпион осмотрел брата сверху донизу, что-то для себя решил, усмехнулся, почесал нос и тяжело вздохнул. Затем громким шепотом произнес:

— Авитаминоз.

Даня с Андреем притворно вздохнули.

— Я-то думал, резать придется.

— А потом вскрытие. На всякий случай.

Сема показал обоим руку у горла, пообещал за подобные шутки на днях отвести к ветеринару.

Ну вот, немного разгрузился народ, теперь можно и в атаку, — подумал Сергей и сухо обронил:

— Приготовились! До того, как проникнем в ущелье, никаких ступеней.

Отряд собрался, подтянулся.

— Использовать только то, что заработали годами тренировок, — протянул Кот. — Жаль, снайперку выкинул. Погорячился.

— Возьми мой автомат. Да и зубы тебе на что? — Медведь снял АКМ с

предохранителя, готовый к бою.

— Кстати, а это идея, — Сема вышел вперед.

— Тотем? — в спину прошептал Скорпион.

— Расчищу проход. Быстро и надежно. А там будь что будь.

— Ладно, тогда Сема первый, Даня с Андреем на пять секунд отставание. Расчищайте дорогу к Горэ, а потом в дело вступаю я. Вперед! — Бросил командир.

Сема умчался вперед, перейдя на бесшумный бег.

Едва завидит первого сторожевого бандита, разбудит в себе тотем леопарда. Следом во мгле скрылись Кот и Медведь. Их дело растормошить муравейник, расчистить дальнейшие проходы, позволяя главному в команде дойти до Горэ полным сил.

Скорпион подождал тридцать секунд и помчался вслед, спускаясь в ночное ущелье там, где не рискнул бы спускаться нормальный человек и в дневное время. Руки-ноги работали автономно от мозга, на памяти мышц. Можно было думать о своем, отдаленном, пока спинной мозг выполняет все необходимые движения до того, как их передаст импульс.

Скоро научу тело биться и в бессознательном состоянии, а потом и вовсе жить отдельно от меня. Так и приду к выводу — что я вообще здесь делаю?

— Бр-р, опять мысли ботов просыпаются, — прошептал сам себе Скорпион. — Если свихнуться, природа плакать не будет. Просто не заметит. Так что стоит держать себя в руках.

Скорпион внутренне собрался, спустившись в ущелье. Сейчас начнется бой. Не на жизнь, а на смерть. Мысли стоило выкинуть из мозга. Внутренний диалог должен прекратиться или его остановит первая же пуля. Тело должно погрузиться в состояние вне-мысли, транс боя. Взять темп, разбудить рефлексy. Они не позволят допустить ошибку, не позволят оступиться...

Но куда ушла вся ярость? Где тот холодный расчетливый гнев, что всегда профессионально спускает курок и не придерживает острие ножа? Потеря памяти сместила мировосприятие? Почему перед глазами лицо Леры? Стоп! Надо брать себя в руки. Сломаться сейчас, и никогда больше ее не увижу. Сомнения — первый признак провала. Горэ, я иду.

— Это нормально, Скорпион... Нормально перед боем.

— Кто залез в мой мозг? Горэ? Ты нас засек?

— Нет, ты ошибся. Но твои эмоциональные страдания слышны за версту. Если бы темные Эмиссары хоть на каплю оставались людьми, тебя бы и не теряли из виду...

— Кто ты?

— Это твой самый важный вопрос?

— Если бы я знал свой самый важный вопрос, вряд ли шел бы в логово зверя.

— А чего ты хочешь, Скорпион? Что даст тебе драка с Горэ?

— Кавказ успокоится, кровь остановится...

— Успокоится Кавказ, взорвется Дальний Восток, Ближний Восток, Индия, Африка, Южная Америка, Европа... Вариантов много. Смотря кто займет место Горэ... Неразумно заменять пешку ферзем... Этот баланс придуман сотни тысяч лет назад. Думаешь, ты первый, кто хочет что-то изменить?

— Я это уже слышал от Рыси. Тогда он то же самое говорил и о Китае, но в итоге мы переиграли Духа...

— Никого вы не переиграли, вы только отсрочили неизбежное...

— Я не отдам Дальний Восток Духу!

— Каждый пятый житель земли думает иначе...

— Жить на острие не впервой...

— Гиперборейцы тоже так говорили. И Лемурийцы, и Титаны, и Старые Боги, и...

— Сколько тебе лет?

— Летоисчисление менялось десятки раз. Если быть точным, тридцать восемь раз. Каждый новый правитель жаждет начать историю заново. В пропасть летят тысячи лет.

Последним таким выдумщиком был Петр Первый, обрезал русичам шесть с лишним тысяч лет истории. Как будто их и не было.

— Так все же?

— По современному летоисчислению, я родился сорок две тысячи лет назад. Плюс-минус тысячу лет. Кто их считает? Дни были похожи один на другой.

— Ты бессмертен?

— Я проклятый сын Световита.

— Гиперборейский бог света? Ты сын бога, проклятый на поиск счастья для всего человечества?

— Волхв неплохо натаскал тебя. Названный Скорпионом, а ты не боишься правды? Устоишь, если я открою тебе глаза? Готов к тому, что все, что ты знал — ложь, все, во что верил, было иначе, или не было вовсе.

— Лживая эпоха Рыб подошла к концу. То и дело в сознание людей будут врываться крупницы знаний. Как иначе? Глядишь, и счастье найдем. Только для всего ли человечества? Придется немало измениться. Времени мало...

— Деятели пришли к выводу, что девяносто процентов населения должно быть уничтожено. Они не примут изменения. Слишком много было опытов. Думай. Возможно, шестнадцатая ступень тебе сегодня поможет.

— Истоки низших форм жизни? Неплохой подарочек перед боем. Благодарствую.

— Не останавливайся, Скорпион. Времени действительно мало...

Мир вокруг расцвел новыми красками. Время уплотнилось. Возможности возросли. Тело переполнила новая сила.

Вот теперь в бой. Вот теперь море по колено.

Скорпион открыл глаза. И застыл, пораженный.

Поймал себя на том, что тяжело дышит и сердце бьется с максимальной скоростью. Как будто целый час бежал в крутую гору. На плече ощутил тяжесть Семиного тела. Даня рядом придерживал хромающего Андрея. Рука сжимала любимый бронебойный пистолет, что дырявит любой бронежилет последних поколений. Глаза выловили просторное помещение с чередой ламп, без окон. Словно где-то под землей. В голове комом покатались вопросы. Как здесь очутился?

— Эй, ты силен! — послышался голос от дальней стены.

Там, на бетонном полу, лежал бородатый мужик с разбитой физиономией. Он плевался кровью и бережно баюкал правую руку. Сломанная кость торчала наружу, кровь стекала по телу и скапливалась лужей.

Скорпион только сейчас понял, что дуло его пистолета смотрит на того самого бородатого в углу. А вокруг по всему помещению в беспорядке валяются переломанные, простреленные тела. Большая часть которых отказывалась подавать признаков жизни.

— Эй, голос в мозгу! Как твое имя?

— Родослав.

— Это все сделал ты?

— Нет, ты. Я просто немного перемотал время. Жаль терять такой экземпляр...

Голос исчез. Сергей понял, что в ближайшее время он вряд ли появится.

Родослав. Да, дед говорил про него. Синеокий полубог, проклятый на поиски счастья для всего человечества. Значит, это был не морок, наведенный Горэ. Родослав действительно существует, рожденный на восходе современной человеческой расы и прошагавший с ней нога в ногу с самых Начал. Но почему помог мне? Кто я для него?

А тем временем, бородатый в углу ожидал продолжения диалога. Скорпион медленно опустил Сему, положил пистолет. Затем загнал всю неуверенность и вопросы далеко вглубь, набрался наглости и заговорил:

— Горэ, я полагаю?

Бородатый кивнул.

— Я пришел только поговорить. Мстить за твоих «засланцев» не буду. Я не

злопамятный.

Бородатый недоверчиво обвел взглядом разрушенный бункер. Неизвестно какие мысли вертелись у него в голове о подобной дипломатической миссии. Они уничтожили двести девятнадцать наемников и бойцов личной охраны, лучших бойцов эмиссара, взорвали ущелье вкупе с тремя схронами оружия, уничтожили все подземные ходы, денежные станки, обесточили и ликвидировали все системы коммуникации и связи. Затем добрались до последнего бункера, прошли сквозь левую и правую «руку» ставленников, как будто и не заметили их. Ворвались в последнюю потайную дверь, словно знали, что находится чуть выше последнего бункера. Вдобавок, сам вихрастый дал в морду, сломал руку и взял на прицел раньше, чем он, один из Пятнадцати, успел что либо сказать. Хорош дипломат. Если это новый вид человечества, потомков индиго, то никакие ступени не помогут властвовать над такой расой людей. И боль в руке подсказывала, что это... правда.

Скорпион проследил за растерянным взглядом Горэ, безразлично пожал плечами, обронил:

— Ну, это все, чтобы ты лучше слушал. Кавказ умеет слушать только сильных. Советы мудрых вам ни к чему. Так ведь?

Горэ попытался потерять сознание от такой наглости, но монстр-разрушитель приблизился на пару шагов ближе, бросая в дрожь.

— Нет! Не подходи ко мне! Я слышу тебя и так! Я понятия не имею, как ты заблокировал все мои ступени и силы. Но я уже понял, что ты сильнее меня... Я слушаю, слушаю...

— Значит, так... — начал Скорпион.

— Что ты с ним нюни разводишь? — брякнул Даня, — кокнем его и все. Мало ли таких как орешки щелкали. Вдобавок Андрюхе ногу подранили, да и блондин все силы потратил. Стреляй, Скорп, потом поговорим.

Андрей хмыкнул, отключая боль в простреленной голени.

Горэ крупно задрожал, не в силах совладать с собой, завыл как раненый пес, заскулил. Нестандартность ситуации не позволяла ему разглядеть, что все бойцы были на пределе сил, а слова — лишь бравадой.

— Да не ной ты, — рявкнул Скорпион на Эмиссара, пытаясь разобраться в происходящем.

Как-то не очень борьба со злом получилась. Одно дело, если бы прошел весь бой от начала до конца, глядя, как отключился после тотема обессиленный Семен, как Андрей получил ранение, как едва не убили Даниила. А это вмешательство полубога и перемотка времени... Ярости не было. Мог думать, как перед началом боя. Эмиссар принимал это состояние как огромное превосходство вихрастого перед одним из Пятнадцати. Никто и никогда прежде так не разговаривал со ставленником Владыки.

Горэ побелел. Даже в плохом освещении было отчетливо видно, как вся краска покинула лицо, и нижняя губа зажила отдельной жизнью, вибрируя быстрее тела.

— Ты хотел свободную Ичкерия? Объединить весь Кавказ и отделиться от всех?

Горэ замахал головой и руками разом, голос сбился, пропал. Горячо зашептал:

— Я? Я?! Никогда! Какой Кавказ? Мне ничего не надо! Не убивай! — Горэ горячо зарыдал, громко и неумело, как никогда в жизни. Больше привык людей резать как баранов, смеяться над страданиями. Совсем не походил на двухсотлетнего сильного мира сего.

— Убивать не буду. Ты ничего из себя не представляешь, только под Золой да Мертво ходишь. Тебе сказали с Россией воевать, ты и воюешь, не вдаваясь в подробности и не задаваясь вопросами. Забудь о войне хотя бы на десяток лет, попробуй жить мирно, народы свои научи. Научись думать, наконец. Если сделаешь, как я тебе сказал, получишь свою свободную Ичкерия.

Горэ недоверчиво поднял глаза, поймал взгляд Скорпиона. Тот не шутил.

— Ты не лжешь...

— Не приучен.

— Что ты задумал?

— Ты хотел свободную Ичкерия, ты ее получишь. Я свое слово сдержу. А теперь выбрось нас отсюда. Не хочу снова все ломать.

— Ты решишь этот двухсотлетний клубок? — Недоверчиво приподнялся Горэ, собирая шар силы для телепорта.

— Иначе нельзя. У моего народа других проблем хватает. Пора выходить из тисков.

Горэ твердо встал. Сломанная рука за несколько мгновений срослась. Разбитая скула затянулась. Ручейки крови засохли, и глаза загорелись силой. Он снова ощутил свои силы, блок пропал. Но все так же недоверчиво глядел на Скорпиона, ожидая каждую минуту подвоха или удара в спину.

Странный дипломат стоял неподвижно. Лишь светловолосого поднял на плечо и улыбался такой странной улыбкой, какая Эмиссару будет сниться во всех кошмарах.

Горэ обронил:

— Куда вас?

— К кому-нибудь из Аватар.

Яркая вспышка резанула по глазам.

* * *

Мягкий зеленый ковер стелился под пальцами. Теплая земля согревала. До слуха докатился птичий переполох. Свежий ветерок доносил свежий воздух. Знакомая, родная земля, свой климат. Ощущение единого биополя. На Россию только не похоже. Украина? Беларусь? Страны Восточной Европы?

Скорпион прищурился от яркого солнца, сделал попытку встать, но силы словно оставили его. Мышцы выдали почти все, что могли. Перемотал время таинственный Родослав или нет, а сил не осталось. Значит, бился сам. Только ран нет, и подземная база в Панкийском ущелье зачищена. Это стоит того, чтобы устать.

Некоторое время лежал, прислушиваясь к себе, пока не донесся рассерженный голос Даниила:

— Скорп, какая еще в баню Ичкерия? Ты совсем сбрендил? Какого лешего мы с Андреем тут как горные козлы бродили? Почему ты не шлепнул эмиссара? Сил не хватило?

Скорпион продышался, перевернулся на живот, медленно поднимаясь и заряжаясь светлой энергией Матери-Земли. Определенно, родная земля. Свой, природный эгрегор.

До Харламова докатился неторопливый ответ:

— Обычная Ичкерия. Это же их мечта. Они уже давно не помнят ее смысла, но продолжают мечтать. Сам представь: детей с первого класса трехклассной школы учат собирать автомат, повязывать зеленые повязки, громче кричать «Аллах-Акбар», слушать Аятоллу, убивать и быстрее стремиться в джанну. Ну, это пацанов, а девушки дома сидят. Им вроде бы в джанну и не особо надо, просто должны побольше рожать и выучить формулу химической реакции на поясе шахида. Вся учеба и «мирная» жизнь сводится к войне, к подготовке послушных воинов. Ни учебы, ни работы, ни торговли, ни спорта, ни развития. Все для войны, все для борьбы с неверными. Седые старцы ткнут пальцем в строчку в Коране, истолкуют по-своему: «Аллах сказал убивать». И Горэ радостно заметит блеск в глазах своего народа, который вновь изведет войной.

— Хорош заливать! Я не пойму! — Ярился Даня.

— Поэтому и не маршал, — вздохнул Скорпион, теребя за щеки истощенного Сему.

— Объясни, или сломаю палец, — пообещал собрат, доставая из походного мешка аптечку и разрывая на Андрее окровавленную штанину.

— Современная мировая система общественности... — начал было Скорпион.

Даня схватился за голову:

— Стоп! Стоп! Стоп! Попроще!

Сергей выдохнул, отобрал аптечку, завозился с раной. Даня нависал над ним морским

утесом, требуя ответов, мешая концентрации.

Ладно, края раны затянулись, кровоток не сильный. Время есть.

— Хорошо, хорошо, — сдался Скорпион. — Если совсем просто, то Ичкерия проще накрыть ядерным грибом. К моменту ее объединения там соберется основной костяк терроризма, и нажатие красной кнопки никто не сможет перекричать доводами о гуманизме. Понял?

— Нет.

— Тогда иди в отпуск, — легко отмахнулся Сергей. — Мы с этими войнушками совсем мозги растеряли. Возвращаемся домой — создаем свои школы и институты. Будем восстанавливать интеллект. Даня, ты не серчай, я понимаю, тебе на уроках истории и географии было скучно, да и училка, наверняка, какая-нибудь злобная старушенция, а тебе так хотелось весны...

— У-у-у, все, с меня хватит. Черта с два меня теперь кто-нибудь увидит на Кавказе. Мы с этим корейчиком подлечимся в больничке какой-нибудь местной, доберемся до Москвы, заберем содержимое ячейки на Казанском вокзале и домой, домой, домой... Нервы лечить. От твоих умностей голова кругом.

Сергей, улыбаясь, выдохнул — рана Андрея не тяжелая. Волевой импульс залечит за несколько дней. Корейчик упрямый, настойчивый. В кровати лежать не будет.

— Это не мои. Это решение мозговой группы Совета. К моменту формирования Антисистемы мир окончательно разделится на пять лагерей. Ичкерия — оплот воинственного терроризма. Глобальный лагерь-джихад перед броском на север. В этот момент и стоит выпустить весь устаревший ядерный боекомплект. Страны, ответившие на этот залп своим оружием — поддерживают терроризм. Так легко будет разделить мусульманство на две группы: мирное и воинственное.

— Это Василий просчитал? И как ты ответишь на встречный залп?

— Ядерное оружие есть только у Пакистана и Ирана.

— И?

— Индия ударит по Пакистану, а Израиль по Ирану чуть ранее. Или наоборот. Как фишка ляжет...

— Китай?

— Будет в это время отбивать атаку Юсы.

— Ты точно не сам это все придумал?

— Нет. Это всего лишь замысел демонических начал нашего мира. Если хочешь спасти оставшийся мир, сыграй свою роль в его исполнении. Отдыхай, Данька, нам еще много придется попутешествовать. И сотрудничать в какой-то степени придется не только с Аватарами и Серыми, но и с Эмиссарами. Горэ — самый слабый из них. Убьем его — придет другой. Возможно, намного сильнее. Так какой смысл? Пусть уж этот. Тем более на какое-то время засядет в норке, притихнет. Даст нам время. А чтобы ты окончательно расслабился, пусть тебя успокоит тот факт, что наш Гений начал работу над Щитом.

Даня сплюнул, подхватил Андрея. Тот от толчка проснулся, залепетал: «Женщину, женщину, женщину!».

— Я даже не буду спрашивать, что такое Щит, — через спину бросил Даня, уходя прочь с другом на плече куда глаза глядят.

— А я все равно пока не знаю! Время покажет! — Прокричал вслед Скорпион, припадая к траве.

Отдых, отдых, отдых. И зачем наплел Дане больше, чем сознание способно выдержать? Добрый богатырь, за своих горой. А вот в глобальную политику ему лесть рановато. Лучшие дозами.

Сема открыл глаза, повернулся на бок:

— Слышь, хитрец, а как ты юсу заставишь на Китай напасть? Китай сам уже почти юса, только жутко красного цвета. Или ты Духа собрался на пенсию отправить?

— Надо задействовать Ино. Япония будет плацдармом. А в Китае можно придумать

новый вид религии или... новое оружие.

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы юса бросилась его искать, конечно. Проверенная схема. Слабо куда Золе кость кинет, тот туда и бежит. На этом надо играть. Вообще, если тщательно отработать эту схему и задействовать все в нужный момент, Земля освободится от половины человечества и времени на доразвитие будет чуть больше.

— Расист!

Страшных слов-клише с каждым днем становилось все больше и больше. Человеческое сознание в противовес этой тенденции ослабляло значение каждого из них. Новое время — новые тенденции. Старый мир медленно, но верно давал трещину.

— Включи мозг, блондин! Глобализация уничтожит людей гораздо быстрее. И не факт, что эволюция не скатится до Начал гораздо быстрее, чем вследствие войны. Кибермир и тотальная свобода убирают рамки, но неподготовленный человек без рамок — зверь. Не стоит обманывать самого себя. Ты прекрасно знаешь, что в этом Чистилище значат лишние люди. Все признают мировые проблемы, но никто не берет на себя ответственность признать тот факт, что решить их законами старого мира бессильны.

— Опасные разговоры ведешь...

— Так и на улицу выходить опасно, но приходится... И просыпаться иногда надо, как бы ни хотелось жить в забытии... Хотя возможен и другой вариант.

— Какой?

— Просто вытащим наверх всех постиндиго. Подготовим плацдарм для прорыва. Сверху сами все сделают. Только придется обламывать всеобщее мнение о глобальном равенстве.

— Бррр... это еще сложнее, чем...

— Сложно будет вытаскивать каждого по одиночке, нужна...

— ... Антисистема?

— Вот с каких бы сторон мы не заходили, а приходим к одному выводу.

— Значит то, что создаем, имеет право на существование.

— История покажет.

— Как запишем, так и покажет.

— Ты вообще-то спать собирался.

— Ты тоже...

* * *

В то же время в Хабаровске.

Василий с огромной скоростью стучал по клавишам ноутбука. Мозг горел, мысли носились быстрее разогретых атомов, все записывать не успевал, вздыхал, забывая и придумывая новое. Всегда незаписанное забывается, а когда садишься работать — голова пустая, идей ноль, приходится придумывать заново.

Гений возвращался с подгорной базы домой. Ехал в средней машине, зажатый охраной. Мысли, пометки, заметки, как занозы сидели под черепной коробкой, мешали расслабиться, отстраниться. И в салоне автомобиля приходилось работать. Дмитрий в соседнем автомобиле тоже без дела не сидел. Только пометки делал на бумажках, карандашом. По старинке.

Три черных, тонированных джипа с особой фишкой — знаком скорпиона вместо букв и цифр на месте номера, мчались по темнеющей трассе. Дорожные посты и не думали останавливать. Почти все сменены своими людьми.

Главы совета впервые за неделю возвращались с «Тени» домой. Последняя операция, намеченная на месяц — зачистка витка бюрократической системы, ответственного за «добро» на захоронение разного рода отходов в зоне тайги и деревень — прошла успешно.

Дальний Восток и Восточная Сибирь перестали быть бездонным местом хранения

химических и радиационных отходов со всей страны и зарубежья. Люди перестанут умирать от лучевых болезней и раннего рака, и природа вздохнет спокойно, перестав производить мутантов. Антисистема вразумила госаппарат отказаться от жалких доходов за счет хранения на неопределенный срок отходов прочих стран, а свои посоветовала и впредь отправлять в подземные хранилища на крайнем севере, сколько бы это ни стоило. Здоровье нации дороже.

Дальнейшие намеченные планы требовали созыва Большого Совета и одобрения Скорпиона. Он часто говорил, что он — всего лишь один из Совета, но если дело касалось большой ответственности — всегда все брал на себя. Никому и в голову не приходило считать Координатором кого-то другого.

Слишком много нитей вариантов скопилось в руках Василия, он боялся отступить, сделать ошибку. Одна единственная ошибка могла повлечь за собой череду роковых событий. Сергей словно ускорил мозг или замедлил время, позволяя успеть больше и качественнее. Вместе со зрением восстановил что-то еще, но, по-своему обыкновению, не сказал.

Гений на секунду оторвался от мира планов и мыслей. Вспомнил, где же он есть. Оказалось, на заднем сидении джипа, что из трехместного лихие умельцы переоборудовали в одноместное. Повышенной комфортности. Практически это было регулируемое кресло, со всем необходимым для работы от спутникового Интернета и запаса электричества на несколько дней, до кровати с функцией массажа. Офис на колесах. Приходилось часто бывать в дороге. Терять же драгоценные часы не следовало.

За рулем ехал проверенный водитель Седой, рядом сидел Лютый. Оба получили клички при Первой Чеченской. Фактически считались телохранителями, хоть на бодигардов и не походили. Никаких лишних мышц, «округлости», кирпичных непроницаемых лиц и пары извилин, напоминающих о двух вещах: «шеф — царь и бог» и «шефа надо слушать даже когда молчит». Даже одежда не соответствовала престижу автомобиля — светлые джинсы и темные длинные майки, скрывающие кобуру на поясе. Бравые парни, прошедшие грязь Первой и Второй Чеченских Кампаний. Были сухощавы, поджары, в цепких глазах профессионалов играл огонь жизни, переговаривались в пол голоса, шутили, что-то обсуждали, сразу и не скажешь, что каждый готов к бою в любой момент. Реабилитация и закрытые тренировки с боссом Антисистемы делали свое дело. Парни просто любили свою жизнь, работу и окружающий мир. Хотя годами ранее, лежа на улицах Грозного, никогда бы не подумали, что смогут когда-либо улыбнуться вновь.

Запищал телефон. Седой в зеркало заднего вида поймал взгляд Гения, повел бровью: «Сам возьмешь или снова в мыслях?»

Васька улыбнулся, вспоминая сюжет из «Матрицы»:

— Седой, ты бы какую таблетку выбрал, красную или синюю?

— Я бы сначала проверил рецепт. — Хмыкнул Седой.

— А я вообще не доверяю людям, предлагающим всякие таблетки. И не важно, в халате они или нет, — добавил Лютый, протягивая подопечному телефон.

Васька нажал кнопку приема. Молча дождался голоса позвонившего. Первым определяешь, кто и зачем тебе звонит, подчеркивая для себя, стоит ли начинать разговор. Поток провокаторов в последнее время увеличился.

В трубке слышалось нетерпеливое сопение, кряхтение. Даже по дыханию можно было определить, что человек страдает одышкой или лишним весом. Звонил кто-то из братвы или чиновников.

— Эй, але! Че за мля? Меня кто-нибудь слышит?

Вася подобрал в голове подходящую схему разговора, ответил, сдерживая смех:

— С какой целью интересуешься?

— Да мне чисто конкретно Вася Ботаник нужен.

Василий протянул трубку Лютому:

— Некультурный субъект.

Лютый оскалился, подхватил трубку:

— Слышь ты, крест. Ты людей тревожишь, а не со швалью своей разговариваешь. Никакого Васи нет. Есть Василий Васильевич, и если ты, падла, не усек этого момента, больше не звони, накажу.

Трубка отключилась. Васька улыбнулся. Нет, манией величия он не страдал, но предпочитал общаться с людьми такими, какие поймут его слова ввиду нормального интеллекта. А тратить время на феню с гоблинами не стоило. Хватит. Наобщался. Чего только разборка с переделом сфер влияния в городе стоила.

Скорпион умудрился подмять под себя наиболее мыслящих воров в законе, не связанных с наркотой и беспределом. Те честнее милиции, работать с ними легче. Пока Антисистеме не хватает авторитетных людей. Работать приходится с разными. Прочих отправил на тот свет. Тихо, без шума, всем скопом. Странная рокировка принесла первые плоды — бывшие авторитеты начали занимать руководящие посты во многих сферах деятельности, снабжая информацией, ресурсами. Пресекая коррупцию и воровство в своих кругах по «понятиям». Крысятниками не были и другим не давали. А голова у них варила на зависть многим. Ставили не тех шакалов, что мать родную продадут, а людей со смыслом.

Скорп не ошибся. В новую идеологию втянутся. Система трещит по швам. Новые люди перехватывают власть. Но уже не ту, старую, другую, на других принципах.

За окном в цвете багрового солнца плавилась пейзажи засеянных полей. Совет решился на эксперимент и проспонсировал засев всех брошенных, бесхозных полей злаковыми и кормовыми культурами. Техники много не потребовалось — специальные самоходные посевные комплексы, собранные по простецкому эскизу, заменили бригады тракторов — люди подобрались из энтузиастов, не пришлось даже выставлять охрану.

Оголодавшие люди, что якобы способны уничтожить все плоды долгих работ, вредители и злоумышленники, не появлялись. У народа своих дел хватало, чтобы еще и шутки ради сжигать посевы.

Несколькими неделями ранее пустил по городу слух, что прозябающие поля в этом году засеяны. Если никто не додумается подлить, дешевой мукой и крупой будут завалены многие прилавки, кормовые пойдут на рынок. Это была своего рода акция. Василий хотел посмотреть, как на это откликнется народ. Хоть чем-то помочь людям.

Первым откликнулось правительство, объявив о захвате земель. Система сделала ход. На что Гений ответил, что их благотворительный фонд не забирает никаких земель, а просто засеял бесхозные, запущенные земли хотя бы для разнообразия... А может и не засеивал. Кто знает? Чиновники собрали референдум и долго принимали решение в какой форме и кому подать протест. Виновных не нашли, не хватило доказательств по факту изъятия земли, так как земля оставалась на месте и документов, что она принадлежит кому-то кроме государства, не было. Вызывали следственную бригаду. Те приехали на место, долго бродили по полям, прикидывая каким силам приписать появление среди заросших полей окультуренных злаков. Энтузиасты при поле долго смеялись над подобными группами, после чего те уехали, заключив, что засев посевных площадей произошел в самопроизвольном порядке.

Система показала себя во всей красе.

В отдельную бригаду Василий сколотил бывших заключенных «малолетки». По какому принципу их отбирал Сема, не знал, но решил проверить работой. Охранники, техники и строители Антисистемы разобрали к себе всех желающих, но вышла всего треть, еще сто с лишним человек организовались в сельхоз бригаду. Арендоров немного земли на окраинах, собрал организаторов, облагородил бывший пионерлагерь. Освобожденные парни, живя на природе в лесу в нормальных условиях, обутое и одетые, с усиленными порциями питания, резво взялись за разведения пробного огорода, отдыхая и работая себе во благо. На полях выросли парники, вытянулись аккуратные грядки. Организаторы, подмечая активное стремление к работе пацанов, ждали добротного урожая к концу года от картошки и свеклы до арбузов и кукурузы. Рынки могли пополниться и овощами. В качестве поощрения, Вася увеличил оклады пацанам. После первой полочки по городу разлетелся слух, и в подобные

трудовые лагеря потекли толпы желающих подзаработать. Так, ненароком, организовал что-то вроде молодежного движения. Арендованных полей скоро стало не хватать.

Свои люди из областного правительства сообщили, что способны поднять в думе вопрос о передачи этих земель Антисистеме. Дырок в законах хватало. К тому же можно было договориться с силовиками о фиктивном запуске чего-нибудь радиоактивного, чтобы свои экологи, прибыв на поля, зафиксировали чудовищный урановый фон и цены на земли упали в десятки раз. Земли должны быть дешевые, только тогда люди смогут использовать их для себя и для других.

А Василий уже понимал, что к осени по всему краю на хлеб и овощи катастрофически упадут цены. Вся сфера разорится и Антисистема скупит все по дешевке, вместе с землями. А на следующий год эта ниша рынка будет в нормальных руках, обеспечивая своих сограждан дешевыми овощами и хлебом, экспортируя излишки в другие регионы России. Китайская монополия на дешевые, химически-обработанные овощи рухнет. Также можно будет взять под свое крыло всех более-менее сведущих в фермерстве, оградив от тотальных налогов правительства и притеснений братвы. Рынки страны больше не будут нуждаться в зарубежном мясе. Рост цен на продукты первой необходимости остановятся, а затем упадут. Прибыль покроет расходы в течение нескольких лет. Все было просто как дважды два, когда были силы, разум и финансы.

— Все начинается с малого, но через пять лет этот рынок монополизировать Антисистема, — обронил вслух Василий.

— Да мне то что? — Хмыкнул Лютый. — Если хлеб дешевый, качественный и свой, то зачем мне брать чужой? То же и с мясом, то же и... Кстати, если хочешь скинуть цены еще, продумай «бензиновый вариант».

— Скорп приедет, денег подбросит, и приобретем земли с нефтью, и что-нибудь из начальных приисков. Уровень их доступности — хоть у черта на куличках. Это гораздо дешевле, струнному транспорту без разницы, куда тянуться. Можно и по горам. На севере земли дешевые.

Седой спросил:

— А когда начнется строительство?

— Первую пробную ветку «Хабаровск-Владивосток» начнем строить через четыре месяца, а «Хабаровск-Южно-Сахалинск-Курилы-Токио» в конце года, если одна леди из Японии даст «добро». Но по-настоящему грузопассажирский поток и товарооборот будут приносить тысячи процентов прибыли, когда дотянем эти ветки: к югу хотя бы до Корей. К северу с ответвлением на Камчатку с перебросом в Аляску-Канаду-Соединенные Штаты, если даст «добро» еще один человек. На запад по Транссибу и... В общем, лет за пять-семь, можно связать системой транспортной связи земли от Европы до Штатов и от Колымы до Индии. В процессе скупим все самые труднодоступные ресурсные зоны. До строительства. Они вскоре станут очень даже доступными. А кроме услуг транспорта, торговать можно чем угодно, даже водой. У России семьдесят процентов территорий под снегом. А в этом снеге, чистойшей воде, нуждается знойный юг. Перспектив валом. Никто ничего не делает. Ухватились за нефть с газом, и чахни прочий мир.

— Полям нужен снег, — буркнул Седой.

— Много ты видишь не севере полей? Там где трогать нельзя, устраивать «водный прииск» никто не собирается, — ответил Василий.

— Скорость струнного транспорта четыреста километров в час? — вставил Лютый.

— Это пробники, — отмахнулся Василий. — Дмитрий в той машине сейчас прикидывает возможные варианты от тысячи до полутора тысяч километров в час. Почти ракета.

— Ничего себе! Я вот думаю, с какой скоростью обанкротятся РЖД и аэропорты.

— Девятнадцатый век пусть там и останется, — важно заключил Василий. — Железные дороги действительно исчезнут, доставляя нам немало хлопот своим сопротивлением со стороны госаппарата, а аэропорты еще понадобятся. Пусть соединяют

континенты. Да и поток поначалу будет слишком большой. Впрочем, самолеты переживут поезда не намного, я уже немного представил себе проект «космическая карусель». Прыг в космос и через несколько минут ты уже в любой точке Земли... Не загадывайте, парни, давайте лучше начнем с жилья и хлеба. Там видно будет. Наша деятельность не замкнется в пределах одной страны. В принципе, новыми технологиями можно объединить несколько десятков народов. Самых мирных и трудолюбивых, тех, что смогут жить в далеком светлом будущем... А прочих, как говорит Скорп: «Халявщиков под нож!». Он любит говорить, как есть. Если мы что-то разумеем, мы должны вести за собой народ, а то его ведут те, кто ничего не понимает.

— Один хрен, народу все равно за кем вестись, — хмыкнул Седой.

— Электорат глуп, — важно добавил Лютый. — А вот каждый человек сам по себе, это уже не так уж и плохо. Не безнадежно. Но ты красиво говоришь, а я пока ничего путного не вижу.

— Время покажет, — улыбнулся Василий. — Месяц назад нас было чуть менее трех сотен, сегодня — пять с половиной тысяч.

* * *

Прокуратура города Хабаровска.

Следователь Грязнов широко зевнул. До ломоты в челюстях. Глаза намокли, смачивая красные зрачки. Защищали. Чертыхнулся, отодвигая стул.

От резкого толчка баланс на столе нарушился, сотни увесистых папок, которыми был завален весь рабочий стол, засыпали с головой, разлетелись по всему кабинету.

Дверь отворилась от пинка, на пороге застыл помощник следователя — Шырцев. Шырцев не видел ни кабинета, ни папок, так как сам нес едва ли не сотню подобных в руках, загрузившись выше головы. Первая же стопка, попавшаяся под ноги, помогла потерять равновесие. Еще одна горка дел перемахнула стол, треснув следователя Грязнова по макушке.

— К черту! Я увольняюсь! — послышалось из-за кучи дел.

Шырцев, извиняясь, осмотрел кабинет, нашел источник голоса, раскопал шефа среди папок.

— Это невозможно! — Рывкнул следователь. — За полгода убийств больше, чем за все пятнадцать лет моей работы! Вырезают целые мафиозные семьи, целые группы, кланы, поставщиков, заказчиков, лживых свидетелей, подстрекателей... всех причастных. — Грязнов поймал за шиворот помощника, притянул к себе, на Шырцева глянули безумные глаза. — И ни одной улики! Понимаешь? НИ ОДНОЙ! Эта проклятая Антисистема работает идеально, без проколов, ловятся только те, кто пытаются под нее косить, взяв на себя вспомогательную роль. Профессионалы, мать их. Даже эти хваленые детективы из столицы не смогли ничего раскопать. А группа чекистов, усиленная спецназом, пропала бесследно. Как в воду канули. И снова ни одной улики!

Шырцев улучшил момент, выскользнул из цепких лап шефа, отскочил, причитая:

— Зачем эти все дела? При каждом трупе всегда записка с подробным отчетом «почему «и «за что». Следственная группа проверила сотни. Ни разу информация не оказалась фальшивой. Так зачем эти дела, шеф? Антисистема просто чистит генофонд. Преступность снизилась на семьдесят семь процентов, воровство на восемьдесят два, все прочее так или иначе на две трети. Чекисты, я полагаю, перешли к ним полным составом.

— Ты что? Ты что? Ты... ты поощряешь их? — залепетал следователь.

— Я им завидую, шеф. Просто завидую. Они делают нашу работу, ту, о которой мы сами втайне мечтаем. Шеф, я и в милицию пошел только потому, что хотел посадить преступников за решетку. Чтобы их расстреливали. Скольких мы пересажали? И сколько из них через жалкие месяцы освобождались по амнистии, вновь и вновь возвращаясь к своей деятельности? А вы... Вот вы шеф. Сколько раз получали впоследствии угрозы, записки?

Каждый из осужденных в обязательном порядке считает своим делом отомстить... Так убили мою мать. — Шырцев затих.

Грязнов схватился за голову, завалился на дела, как на пляже. Глядя в потолок, замолк. Самого давно достала эта старая система правосудия. Слепая Фемида. Подгребает всех, кто не вовремя попался под руку.

Тоже мне придумали знак правосудия. В самую точку. С повязкой на глазах и сломанными весами.

Запищал телефон. Грязнов, не вставая, ногой сбил аппарат к себе, подхватил на лету трубку, замолк, выслушивая упреки начальства. Грязи лилось столько, что казалось, отмыться больше не представится возможным. Трубка в руке раскалилась, что-то в голове лопнуло:

— Да пошли вы, уроды! Я увольняюсь! — Швырнул аппарат через всю комнату об стену. Трубка разлетелась вдребезги.

Шырцев снова затих, поглядывая то на шефа, то на разбитый телефон, наконец, решился. Молча достал из кармана брюк визитку, подошел к шефу, протянул со словами:

— Леонид Григорьевич, меня неоднократно приглашали сотрудничать. Вот. Может, вместе пойдем?

Грязнов улыбнулся, доставая такую же:

— Вместе, так вместе. Я даже знаю, с чего начать...

* * *

Белоруссия.

Поляна.

Час спустя.

Среди солнечной поляны повеяло приятным ветерком. Тело охватил волнующий трепет, в воздухе словно запахло озоном. На душе стало легко и приятно.

Сема приподнял веки, в ярком солнечном свете рассматривая широкую фигуру богатыря с пронзительно-голубыми глазами и длинными волосами цвета меда. Лицо было словно высечено в граните скалы. Жесткое и волевое. Одет незнакомец был в просторную белую рубашку и белые холщовые штаны, стоял босиком.

Скорпион прокашлялся, поднял голову:

— Сем, это Бодро. Аватар. Один из Пяти.

— Исполать вам, добры молодцы.

— Кого прополоть? — переспросил Сема, но получил тычок от брата, замолк.

Бодро залиvisto рассмеялся, чистым, звенящим голосом:

— Хорошая шутка всегда к месту. Особенно после Кавказа. — Склонился к Скорпиону. — Только непонятно мне твое намерение, гармонизатор. Ты странный носитель баланса. Никто из бывших, черных или серых не может причислить тебя к своим. Твои методы непонятны. Объяснись, иначе Сход решит...

Скорпион прервал:

— Бодро, ты Аватар, даже светлый. Но сам понимаешь, что Сход давно ничего не решает. Я не потерял бы деда, если бы вы чего-то решали. Вы все спите, спихивая друг на друга возможности и обязанности. Так что не надо меня допрашивать, я отвечу только перед Творцом, самим Прародителем.

Бодро медленно покачал головой:

— Вы устали. Встреча с Горэ далась нелегко. Но ты не стал делать поспешных изменений, это радует. Пойдемте, отдохнете. Законов гостеприимства никто не отменял.

Скорпион поднял руку:

— Прости, Бодро, мы спешим.

— Да, — добавил Сема. — У меня дома тигр некормленный, да и к девчонкам как-то хочется... Ты скажи только, где мы, и кто такой Родослав? Мы и пойдем себе подобра,

поздорову. Как белорус с корейчиком.

Богатырь повел плечами:

— Харламов и Ан переправлены в Минск, в пансионат. Вы на землях, где когда-то стоял рубленый град Искоростень, племени древлян. А про Родослава мне ведомо лишь то, что он есть. Хранитель человечества, прошедший с ним от самого начала. Раз спешите, не буду вас задерживать. Еще свидимся. Такие люди не теряются. — Казак, улыбаясь, кивнул Сергею.

Глаза Скорпиона запылали синим огнем. Внутренняя энергия, на Востоке ее называют — Ки, проявила свою суть в физическом плане. Внутренний резерв восстановился подозрительно быстро. Тело пронзило горячей стрелой, именно таким ощущением обрушилось понимание семнадцатой ступени, на физическом языке называемой — «насекомые и рептилии».

Сергей поднялся, поклонился, как старшему:

— Благодарствую, светлый Аватар.

Сема так же поклонился Бодро:

— Простите за грубость. Молодой я, неопытный. Биться мне еще лбом о стены и биться.

Казак рассматривал обоих какое-то время, смотрел то сквозь них, то в глаза каждому, то словно куда-то вдаль, в сторону. Наконец обронил, отвечая на незадаанные вопросы:

— Хм... Последние из рода... Не ищите своих родителей, родственников, все ушли в Навь. Вы одни. У вас нет поддержки клана. Но руки развязаны, и вы вольны создать свой семейный эгрегор, свой клан. Я зрю, как он набирает силу. Вашим детям и потомкам будет многое дано.

Парни снова молча поклонились до самой земли.

Вспышка.

Сергей первым разогнул спину, ощущая едва заметную качку плавучего дворца. Ветер донес солоноватый привкус воздуха, глаза уставились в синеву за кормой. Очутились на лайнере, на верхней палубе.

Если Бодро забросил правильно, то должны быть где-то в Средиземном море.

Солнце приятно жгло кожу, вместо опостылевших комбезов ощущали на себе чистую, светлую одежду.

Сема искренне радовался, как ребенок:

— Вот это я понимаю, современный Аватар. Угадал все по нашим белым лицам.

Сергей улыбнулся, ощущая, как уходит посторонний взгляд — Бодро словно подмигнул — пальцы нащупали появившуюся поясную сумку. Не стал даже открывать, просто знал, что там документы и купюры, купюры, купюры...

— Да какие деньги, какие документы? Ты туда посмотри! — махнул рукой Сема.

Сергей проследовал взглядом по направлению, и сердце радостно стукнуло, когда увидел на пляжном лежаке до боли знакомую рыжую шевелюру. Рядом лежала Мария. Девчонки загорали впрок, давно похожие на две шоколадки.

— Я люблю Бодро, люблю Аватар, люблю светлых, люблю родину, природу, всех люблю, — залепетал Сема, стремительно удаляясь к ступенькам, чтобы побыстрее обнять родную душу.

— Не тормози, Скорп, нам еще потомков клепать!

Сергей расплылся в улыбке. С плеч упала незримая тяжесть, целая гора. Вдохнул по-новому, принимая реальность бытия, как есть, губы сами прошептали:

— Благодарю тебя, Творец. — Ноги понесли вслед за Семой.

* * *

Неделю спустя.

Столица.

Москва встретила пассажиров хмурым ненастным днем. Накапывал мелкий, нудный дождик. Воздух под плотными облаками взопрел, стояла жуткая духота. Рейс из солнечной Испании привел в какое-то болото, парник.

Четверка загорелых, как самый сладкий шоколад юношей и девушек походила на знойных испанцев. В особенности Скорпион и Мария, с длинными черными прическами. Немного выбивались из общего фона рыжая и блондин, но разве испанцы никогда не красятся? Вся группа на отдыхе разомлела, забыв про работу и отпустив ощущение времени. Свежий морской ветер и избыток солнечных дней поправили здоровье. В здоровой, вкусной пище, состоящей в основном из свежих морепродуктов, овощей и фруктов, недостатка также не было. Бассейны, сауны, массажи... Сергей с Семой рады были видеть теплый, мягкий блеск в очах вторых половин. За это стоило перенести все трудности, рисковать жизнью, пройти десятки дорог.

Отдохнули на год вперед почти без происшествий...

...Лишь Сема как-то раз, заказывая фруктовые напитки в одном из баров, споткнулся о чью-то подставленную ногу, и, падая, сбил прицел киллера. Блондин умудрился спасти жизнь сибирскому нефтянику, за что вернулся из его номера с двумя большими сумками, полными купюр. Нефтяник Потапыч хотел приобрести родовое поместье герцога в Германии — он слышал, что там пиво хорошее варят — с тремя телохранителями вез наличку, но поскольку мертвым деньги ни к чему, Потапыч тут же изменил планы и всучил все выходные деньги новому корешу.

Так Сема стал обладателем еще пяти миллионов евро, что едва помещались в двух огромных сумках. В аэропорту Мадрида блондин долго смотрел в глаза таможенникам, но те привыкли к выкрутасам новых русских и допустили на борт. Однако Сему чуть не поставил в тупик вопрос — сдавать ли сумки в багаж или брать ручной кладью? Не выдержав улыбок друзей, одну сдал в багаж, вторую забрал с собой. Каково же было удивление, когда получил багаж в целости и сохранности. В тот момент Леопард почти поверил в людей...

На платной стоянке аэропорта разделились на две группы, возвращаясь к работе. Скорпион подхватил Леру на руки, понес к янтарно-желтому Порше, что безропотно ожидал хозяев целых две недели. Им предстояло забрать в банке последний миллион.

А Сема, на плече вместе с сумками дотащив веселую Марию до изумрудной Ауди ТТ, повел автомобиль к центру столицы. Предстояло купить что-нибудь из недвижимости: квартиры, офисы, обязательно с несколькими подземными гаражами, чтобы не раскидывать автомобили по всей столице. Сколько еще таких будет? Совсем скоро — два-три года, и Антисистема дотянется до златоглавой, перевалив через Урал. Помещения не будут лишними. И не вести же все эти сумки на поезде домой? Лучше вложить в недвижимость, цены растут как на места в последний спасательный челнок человечества. Третий Рим вырвался по расценкам за квадратный метр, на первое место в мире, обогнав Нью-Йорк и Токио.

Билли, скажи честно, куда ты умудряешься девать свои миллиарды? — подумал Семен и закинул обе сумки на заднее сидение.

* * *

Сергей вышел из банка с большой спортивной сумке на плече. Меньше, чем у брата, но тоже ничего. Гримироваться особо не пришлось, хватило черных очков и знойной улыбки. Роберто Де Ла Вега, как гласил паспорт, не смутил работников банка. А вот сумки с деньгами начали приедаться. Таскать с собой целый банкомат неудобно. То и дело ловил взгляды окружающих. Скорее даже не потому, что они так пристально смотрели, просто внутренний сторож подозревал в каждом окружающем врага, человека, что норовит отобрать капитал.

Все, болезнь капиталиста. Вася, открывай филиал, или деньги сведут с ума.

Порше покатил пассажиров дальше, немилосердно увязая в дорожном трафике. Лерка

надула губки, перелезла на заднее сиденье и, подложив под голову мягкую сумку, полную купюр, задремала, изнуренная перелетом в самолете.

Зазвонил сотовый. Сергей подхватил трубку.

— Скорп, я купил недвижимости на полтора миллиона в разных концах столицы на имя нашей структуры. Теперь конспиративных квартир хватает. Можно играть в шпионов. Маша в одной из квартир и задремала, намаялась. Куда еще три с половиной ляма деть? Мне же с ними башню снесет.

Сергей откинул сиденье, разглядывая проплывающие облака, задумался. Одно дело, когда денег нет, а много хочется, и другое, когда они есть, а куда девать? Вроде бы и не знаешь...

— Позвони Ваське, узнай адрес строительной фирмы по домам, про которые я тебе говорил. Выкупи контрольный пакет акций и переправляй составами к нам. Скажи, будем строить новый завод. В ресурсах и технологиях проблем нет. Леса валом, чертежи изучены, научат наших строителей опыту и пойдет-поедет...

— Хорошо, брат. Но думаю, еще останется.

— Машке что-нибудь купи.

— Я пытался поводить ее по магазинам, но откровенно зевает. Говорит, после всех приключений к роскоши не тянет. Домой просто хочет. К маме.

Скорпион посмотрел в зеркало заднего вида на мирно сопящую Леру, улыбнулся:

— Да, напутешествовались, приелось. Вот что. Ты с собой чего-нибудь купи, камушков, одежды. В поезде протрясутся, желания проснутся.

— Хорошо, но я действительно немного растерялся, когда она отказалась от платинового кольца, инкрустированного бриллиантами и изумрудом. Честное слово, чуть магазин весь не скупил. В следующий раз приеду, куплю. Тут хозяин просто в трафике застрял, лень было ждать. Хотя на кой мне этот магазин? Лучше прииск на севере? Так? Больше алмазов будет.

— Сема, это еще один жизненный урок. Денежный, хрустящий, шелестящий, приятный, но всего лишь урок. Голову не потеряй. Резко переходить с черного хлеба на черную икру и обратно не стоит — голова закружится. Да и карму подпортишь. Хе-хе.

— Лады, брат, отбой. Поеду покупать эту фирму.

Сергей отключил телефон, вырвался в крайний левый ряд, добавляя скорости. Давно перестал задаваться вопросами, откуда что в жизни берется. Ради чего и кому все это надо? Просто одно время загибался в больнице, потом жил и лечился в тайге, вышел в свет, попал в это стремительное движение, называемое жизнью, и понесло с такой скоростью, словно и не река жизни вовсе, а водопад.

Пальцы забегали по кнопкам.

— Вася, спишь?

— Сплю. — Послышался сонный голос. — У нас полночь. А ты с блондином еще живой? Тут Даня с Андреем прикатили, говорят, что был живой, дальше не знают.

— Не будешь бубнить, я тебе бонус подарю. Хочешь?

— Бонус? Хм... дай-ка подумать. Предыдущий твой бонус в количестве двухсот экзов работает на полях, на строительстве, в мастерских, в офисах... В принципе неплохо. Мне только сначала было сложно поворачиваться спиной, а потом ничего, привык. Только сначала накормил хорошо.

— Вась, я серьезно. Я сейчас на Дмитриевском шоссе застрял, какие из необходимых тебе ученых живут поблизости? Могу заскочить. Лерка все равно спит.

Послышался грохот, словно кто-то рухнул с кровати. Вася засуетился в поиске адресов, залепетал:

— Кренделева возьми, Бахмутова и Колдобина. Отказались от зарубежных наград и остались на родине, выживают. Кренделев — единственный в России кибернетик, Бахмутов — микробиолог, а Колдобин — специалист в семи областях, замечательный техник и инженер. Записывай адреса. Все неподалеку.

— Запомню. Диктуй.

Василий дважды отчетливо продиктовал каждую букву, цифру.

Сергей отключил телефон, склонился над жк-дисплеем, вводя данные. Схема дорог поменялась. Стрелочка указала искомое, поползли цифры и путь, отмеченный километрами.

GPS — хорошая штука. Со спутником стоит поторопиться.

Припарковал машину в соседнем с домом дворе. Лера так и не проснулась, оставил работающий не на полную мощность кондиционер, чуть приоткрыл окна и бодрой походкой направился к дому «специалиста в семи областях».

Пятиэтажный понурый и серый дом наверняка не раз отмечался столичными службами под снос. Рядом давно высились элитные новостройки, каждая строго выше двадцати этажей. Домофон не работал. Дверь едва висела на единственной петле. По узким ступенькам поднялся на четвертый этаж, вдавил кнопку звонка.

Никто не отвечал. Прислушался к двери, но шагов не услышал. Странно. Что-то внутри говорило, что хозяин квартиры дома. Проверки ради расширил чувственное восприятие. Проник за дверь, по коридору, дальше, первая комната пуста — однокомнатная квартирка — туалет и ванная пусты... Ага! Хозяин на кухне, за столом, среди чертежей. Работает.

Скорпион снова вдавил в звонок, но оказалось бесполезным. Ученый и не собирался отрываться от работы. Вернулся в тело и оперся спиной о дверь. Под рукой ничего подходящего, что могло бы послужить инструментом. Помимо замка дверь заперта на мощный засов, закрытый с внутренней стороны. Сама дверь стальная, наверное, еще со времен Союза. Добротнo прошита по периметру кусками железа. Выбить без шума невозможно, а при себе нет даже удостоверения

Дилемма. Но Васька так надеялся на человека под этой фамилией. Отступить? Сам же Горэ говорил, что это не в нашей крови!

Прислонил ладони к двери, уходя в себя и вспоминая ступени. Все физическое состоит из атомов. Между самими атомами большое расстояние — пустота. Практически все физическое состоит из этой пустоты, более девяноста девяти процентов. Теоретически, если взять контроль над атомами, можно пролезть сквозь пустоту между ними.

О, Творец, ну почему я раньше не практиковал подобное?

Ладони обожгло, как огнем, отдернул. Вспомнил, что атомы делятся на положительно и отрицательно заряженные частицы. Баланс равновесия удерживает те и другие на своих местах. Вторгаясь на неположенную территорию, резко повышается температура и давление растет. Непривычно. Так сразу пройти сквозь дверь не получится. Надо много времени на обучение. Оставил это дело и поднялся на пятый этаж, пролез по лестнице под крышу, плечом вышиб китайский замочек и оказался наверху.

Долго искал, чем привязать себя, подстраховать. Более-менее под роль веревки подходили телевизионные провода. Во имя науки пришлось совершить небольшую диверсию, лишив кого-то сотни-другой спутниковых каналов. По стенке, придерживаясь за кабеля и карабкаясь, как кот, спустился на четвертый этаж прямо под кухонными окнами. Без зазрения совести пинком кроссовки разнес старые двойные окна и, разрезав в двух местах шорты, проник внутрь.

Хвала Творцу, не стеклопакеты!

Колдобин поднял осоловелые глаза на отряхивающегося от мелких стеклышек вихрастого парня с широкой улыбкой. Хмуро обронил:

— Я же сказал, я не поеду в Израиль! То, что моя покойная мать была еврейкой, не дает вам право приписывать меня в иудаизм. Я вырос под знаменем пятиконечной, а не шестиконечной звезды. Вообще я атеист! И фамилия у меня не еврейская! Я так просто прошу оставить меня в покое! Мне ни к чему ваш бизнес. И терроризировать меня не получится! Я один, у меня нет семьи! Убейте, но никуда не поеду!

Скорпион отряхнул с плеча последние осколки, оглядел маленькую пыльную кухню, грязную посуду, россыпи пустых кружек и десятки, сотни чертежей, бумажек, скомканных листиков. Хмурый и тощий мужичок метал карими глазами молнии, ждал ответов.

Скорпион стряхнул пыль с табуретки, сел напротив. Молча смотря глаза в глаза.

— Вы таки что-то еще мне хотите сказать? Если нет, уходите. Или может быть вы не масон?

Сергей осторожно взял один из чертежей, присмотрелся — двигатель в разрезе. Какая-то новая технология.

Что, Васька, хочешь совместить с твердым топливом?

— Да что вы все время молчите? Уберите руки от чертежа и уходите. Я вас не боюсь... Или вы таки глухонемой?

— Скажите, Самсон Андреевич, — осторожно начал Сергей. — Вы любите свою работу?

— К чему этот бессмысленный вопрос? Или это прямая угроза? Учтите, я припомню ваш вопрос в суде.

Нет, гениям определенно стоит общаться между собой на своем языке.

Достал сотовый, набрал номер Васи.

— Убью звонящего, — быстро отреагировал Вася. В его часовом поясе ночь давно вступила в свои права.

— В следующий раз Вася. Я у Колдобина дома... Да, ворвался... Я не знаю, что ему говорить... Да, нервный... Всю семью?... Чего ж ты раньше не сказал?... Нет, это меняет дело... Сам поговори... Хорошо...

Скорпион протянул трубку Самсону Андреевичу, кивнул.

Через пятнадцать минут оба спускались по лестнице с охапкой чертежей и схем. Ими пришлось загрузить весь багажник. Из вещей Самсон Андреевич не взял ничего.

— Лера, пересядь на переднее сидение. Нам еще двоих субъектов стоит забрать и в гостиницу. А завтра на поезд.

Лера потянулась к сумке забрать с собой на переднее, но Скорпион оборвал взглядом. Недоверчиво отстранилась, молча села рядом с водителем.

Через семнадцать минут припарковались в другом дворе. Сергей не стал глушить мотор, оставил ключи в замке зажигания.

— Нам здесь подождать? — подала голос Лера, косясь в зеркало на странного, дерганного дядьку.

— Нет, ты пойдешь со мной.

Самсон Андреевич всплеснул руками:

— Подождите! Вы уходите вдвоем, оставляя меня в машине с ключами и сумкой. Странной-странный сумкой. Это таки подозрительно. Я бы даже сказал похоже на...

— Спокойно, Колдобин. Мне достаточно вашего слова, что вы дождетесь нас, не тронув сумки с миллионом евро и не уехав на машине с генеральной доверенностью на любое имя в бардачке, — улыбнулся Сергей, подавая Лере руку.

— Хорошо, даю слово, — сказал Самсон и затих, погружаясь в раздумья. Уплыл в страну схем и чертежей.

Лера дождалась, пока войдут в подъезд, обрушилась с вопросами:

— Почему ты все это ему сказал и оставил одного?

— Все просто. Для иудеев, нарекших себя богоизбранным народом, клятвы или слова, данные гоим или акумам, в общем, всех не иудеев, неверных, не имеют силы. Они могут клясться только друг перед другом, так завещали их священные писания — Талмуд и Тора.

— Тогда почему? Он же просто пересядет на водительское сидение и уедет. Поминай, как звали.

Сергей подмигнул:

— Самсон не иудей, хотя может стать им в любой момент. Дети, чьи матери еврейки, могут принять иудаизм в любой момент, так же и перейти в другую веру, снова вернуться обратно, если так нужно делам паствы. Такая система выживания, позволяющая выжить при любой оккупации и в любых условиях. Но, помимо религиозных догм, есть в человеке, хоть инее в каждом, понятия совести. И Самсон Андреевич в автомобиле заерзал на сидении,

размышляя, покуситься ли на запретный плод или выдержать испытание. Прочий бы не ерзал, хватаясь за возможность. Так дело не в религии, дело в человеке. В каждой религии есть люди, а есть толпа.

— Слушай, Скорп, а ты жестокий.

— Ну, нам же с ним работать. Для хорошей работы мы должны полностью доверять друг другу. А потерять миллион не жалко, при хорошей работе в нормальной компании заработать его можно запросто. Главное люди и идеи, атмосфера. А ресурсы приложатся после. Вася видит в нем преданного ученого-патриота. МОССАД попеременно, то предателя, то агента, а я просто хочу разглядеть человека. Без рамок системы и религиозных рамок. Люди есть везде, даже там, где людьми быть не положено и... опасно.

С Бахмутовым проблем не возникло. Заросший недельной щетиной рыжий, длинноволосый микробиолог ухватился за предложение, как за спасительный плот. Дочке, лежащей в больнице, требовалась срочная операция, и он со дня на день готов был согласиться на любую работу для любой страны или группы заинтересованных лиц. Когда дело касается близких, человек готов делать и бомбы для террористов. Родные ближе общепризнанных человеческих ценностей.

Скорпион первым вернулся к Порше, открыл дверь. Самсон сидел улыбающийся:

— Не плохо, молодой человек, не плохо. Только работа для меня значит немного больше, чем условия. И для кого и ради чего работать, тоже имеет значение.

Кренделева дома не оказалось, соседи сообщили, что лежит в больнице с истощением. За компьютером заработался так, что забыл про время, еду и потребности организма. Пришлось час к ряду накачивать энергией, мобилизуя резервы и перенастраивая психику.

Суматошный день на этом не завершился. Поместив всех троих ученых в гостиницу рядом с вокзалом, Сергей, сложив миллион в ячейку и купив билеты на следующее утро, почувствовал непонятный импульс прогуляться. Наняв у гостиницы водителя, чтобы тот доставил автомобиль в подземку приобретенной неподалеку Семей квартиры, побрели с Лерой под руку по вечерней Москве.

— И куда ты меня ведешь? — ворковала под ухом рыжая половина.

— Сам не знаю, но полезно иногда и себя слушать.

— И что говорит внутренний голос?

Скорпион остановился, прикрыв глаза. Где-то на грани сознания пищал тоненьким голоском зов, молящий о помощи. Чья-то душа вопила о пощаде, лила слезы и всеми силами стремилась к свободе от каких-то сетей. Сергей не знал, что одиннадцать лет назад так же молила о пощаде и его душа, когда старый волхв откликнулся на зов.

— Туда! — Уверенно обронил Сергей и потащил девушку за руку.

— Ого, темные подворотни, подъезды... На тебя, Сережа, не похоже... Или решил сменить антураж?... Как романтично. — Изредка подкидывала Лера слово за словом.

Ноги принесли к темному подъезду полузаброшенного здания. Непонятно как вообще оно еще стояло в довольно приличном районе столицы. Зов исходил с уровня второго-третьего этажа.

— В таких местах только гопники и сатанисты тусуются. — Зябко передернула плечиками Лера и добавила. — Или наркоманы с алкоголиками... Выбериай.

Скорпион пропустил сказанное мимо ушей, раздумывая, что именно привело его сюда. Странное внутреннее ощущение. В слух обронил:

— Ты тут подождешь или со мной пойдешь?

Лера скорчила гримасу, почесала нос:

— Дай-ка подумать. Внутри меня ждет вирус СПИДа, а снаружи маньяки и насильники. Ты знаешь, мне сложно выбрать. Можно взять звонок другу или подсказку зала?

Сергей тряхнул головой, возвращаясь в реальный мир:

— Прости, Лер, конечно, жуткое место. Ты непривычна к таким, но мне надо туда попасть...

— Это я-то непривычна? Ха, пойдем! Ты меня многому научил! И преодоление страха

— первый урок. Я помню.

Лера пнула ветхую дверь, та не выдержала испытания, со скрипом рухнула на спящего в пьяном бреду бомжа. Тот хрюкнул, заворочался, но выпитое взяло свое, снова уснул.

— Пожалуй, я лучше здесь постою, — отступила на пять шагов Лера.

Сергей кивнул, остро сожалея, что с собой нет даже пистолета. Так бы вооружил. Хотя, разве выстрелит? Это он с десяти лет привык помогать черным душам растворяться за чертой, а она не сможет... Скорее всего, не сможет...

Снова ушел в себя, раздвигая чувственную сферу и окутывая золотым коконом ее сияющую светлыми тонами ауру. Укутал как одеялом, словно в защитный скафандр. На некоторое время у любого с недобрым намерением подсознательно пропадет желание действовать ей во вред.

— Тебя никто не тронет. Я быстро.

Сергей перескочил бомжа, помчался по ступенькам. В подъезде находилась «яма». Притон торговцев наркотиками. Скорее всего, вымирающий. В связи с резким ростом цен на порошок. Кавказский спецназ немало сил потратил на прекращение поставок.

Весь второй этаж был завален бледными парнями и девицами, тощими, как тросточки. Все в состоянии «ломки», на измене. Слышались молящие голоса. Один парень в приступе разбивал голову о стену. Кровь стекала по лицу, по синим запавшим векам, и капала на пол, где во множестве своем валялись старые шприцы, упаковки от таблеток, бутылки от пива и водки. Пахло гадостно: смесь кислоты и затхлости, немытых тел, блевотины. Зимой запах должен был быть менее заметен, но летом, в духоте вонь расплзалась удушливо. Пока поднимался на третий этаж, переступил два трупа. Наркоманы просто высохли, иссыкли под воздействием наркотиков.

Стоит дожать поставки порошка, и сдохнут все. Такие места исчезнут с лица городов. Останутся лишь торчки в деревьях с обожествляемым семицветиком.

На третьем этаже проходила вакханалия. Наркоманы, те, кто побогаче или просто при деньгах, приняли дозы и устроили групповую оргию. Шприцы гуляли по рукам, почти не прерывая телодвижений. Нарки кололись, звучал неестественный смех, кто-то «зависал», забывая о проблемах и выпадая из мира. Не стоило даже расширять чувственную сферу, чтобы видеть, что все давно мертвы. Сами ауры съжились до горошин, высохли, воспламеняясь неестественным огнем лишь на период новой дозы.

Чего, лечить наркоманов? Физические признаки проявляются потом, сначала умирают душа и дух. Тогда уже тело лечить бесполезно.

Пинком отбросил совокупающуюся у очередной двери пару, переступил через целый океан блевотины. Рядом тощий мужик мочился на стену, на себя, на совокупающуюся пару, не поднимаясь с пола. Никто не делал попыток отстраниться. На лице всех обоссавшего гуляла неестественная улыбка — победитель.

Во имя жизни других!

Скорпион пнул в шею, ломая высохшие позвонки, как тростинки. Тело завалилось в лужу. Рядом вскрикнула девушка — та, что когда-то была ей — верхом на парне, но тут же забыла о происходящем — по коридору протянули шприц с остатками наркотика и большими пустотами воздуха. Если кто из последних поядничает — воздух попадет в кровь. Пузырек достигнет сердца, и смерть заберет к себе.

Сергей прошелся по телу, как по мостику, остановился перед разрисованной дверью. На двери изображалась перевернутая звезда Сатаны, череп и вязь матов.

Земля — Чистилище, где возможен рай, но большинство выбирает ад.

Толкнул дверь. В комнате находились трое. У окна в свете тусклых лампад, заправленных керосином, стоял сутулый бритый парень в майке с черепами. Взвешивал на электронных весах с точностью до миллиграмма россыпи белого порошка. Еще один у старой, зачуханной плиты держал над конфоркой алюминиевую ложку с булькающей жидкостью. Его напарник тут же заряжал эту жидкость по шприцам, аккуратно складывал рядом на чистые тряпочки. Чуть поодаль возвышались горки наличности: доллары, евро,

рубли.

Плата за проданные души.

Скорпион без эмоций лишил жизни всех троих, разбивая прямым ударом ладони грудные клетки, «закрывая» солнечные сплетения. Ребра хрустнули, кости прорвали легкие, волна удара разорвала сердце.

Сергей присмотрелся к газовому баллону, что был подведен к печке, к керосиновой лампе и десятилитровой канистре...

Что ж, если здесь остались люди, Творец меня остановит. Но почему потянуло в это притон? Что в нем такого, чего не видел в других? Сколько таких закрыл?

Разлил керосин у баллона, повел, петляя тоненькой струйкой по комнате, к окну. Единственный способ быстро свалить до взрыва — выпрыгнуть в окно, и то ударной волной пошкрябает спину. Но может повести и баллон окажется надежным — сразу не шарахнет.

Из раздумий вывел едва слышимый плач. Замер с канистрой, прислушиваясь. Звук доносился из-за стены.

Дверь, дверь, а где дверь-то?

На противоположной от плиты стене висело старое грязное покрывало. Подошел, сдернул. Завешанная дверь с жутким скрипом распахнулась. В маленькой комнатухе без окон горели две свечи на полу, все прочее помещение занимала собой огромная кровать.

У кровати лежало недвижимое тело — мертвая женщина с исколотыми венами. На самой кровати, свернувшись клубком, дрожала девчушка лет тринадцати, с длинной черной прической. Глаза девчушки в тусклом свете свечей горели искрами, слезы двумя дорожками давно застыли на щеках, а губы едва заметно дергались, бормоча едва слышно:

— Сатана, заberi меня отсюда. Возьми душу, только дай силу. Заberi. Заberi...

В руках девочка теребила кусочек мелка. Это ее зов настиг на вокзале.

А со стен комнаты на Скорпиона смотрели дьявольские знаки и лики бородатого, рогатого демона. Правдоподобные, словно выполненные красками. В свете огней они казались рисованными самими демонами. Но чувствовалась в рисунках какая-то детскость.

Неужели девочка нарисовала?

— Сатана, ты пришел за мной? — девочка подскочила с кровати, переступила труп женщины и застыла перед Сергеем.

Голубые глаза, полные мольбы застыли в ожидании. Руки теребили медальончик с перевернутой звездой. Девчушка залепетала, словно самой себе:

— Они посадили на наркотики папу, забрали все деньги семьи. Папа умер, оставив нам с мамой большие долги, и тогда они забрали нас... Мама умерла вчера... Ее насиловали... а потом дядя что-то вколол... и мама умерла... А мне сказали готовиться и ждать гостей, сегодня меня должны принести в жертву Сатане... Это ты Сатана?... Ты пришел за мной?

— Нет, я не Сатана. — Опешил Сергей, растерявшись. Сколько прошел по жизни — такого не видел никогда.

Что за мир? Такой не жалко и ядерным грибом.

Девочка отстранилась, вздыхая. Присела на край кровати:

— Тогда уходи... Я жду Сатану... — девочка поцеловала перевернутую звезду и сложила голову в ладони. — Утром на меня уже нанесли пентакль. Видишь? — Девочка спокойно подняла майку, оголяя спину.

В свете свечей с левой лопатки на Скорпиона смотрела перевернутая звезда в кружочке. Вырезана она была... ножом. Сукровица кровоточила до сих пор.

Захотелось воскресить убитых наркобаронов, долго пытаться и убить снова. И тут же резко пришла полная апатия.

Сергей склонился над девочкой, умиряя дыхание. Первый раз в жизни хотелось потерять сознание и умереть тут же, никуда больше не стремясь, ничего больше не желая.

Как такое может быть?

Девочка опустила слабую ручку на плечо, горячо прошептала:

— Уходи, мальчик, а то Сатана и тебя заберет.

Глаза загорелись таким огнем, что позавидовал бы и Сатана. Ущипнул себя, тяжело дыша и возвращаясь к этому проклятому миру. Прошел взглядом по руке девочки — следов от уколов не было. На изнасилованную тоже не походила.

Жертва сатанизма? Почему постоянно твердит про демонов? Надоумили? Сколько дней сатанисты промывали мозги? Сколько дней видела насилия над матерью? И целые сутки провела с трупом в комнате? И живая, не свихнулась и не сломалась. Сильная... Таким стоит жить... Хотя бы давать шанс.

— Сатана не придет, — твердо пообещал Сергей, снимая с запястья девочки цепочку с пентаклем. — Никогда больше не придет.

Девочка вздрогнула, когда металлический пентакль сплюснулся в кулаке вихрастого парня. Погнулся, став обычным куском железа. Брякнулся на пол с металлическим звоном.

— Почему не придет? Правда? — Глаза девочки полыхнули огнем надежды.

— Правда, — пообещал Сергей, прислоняя ладонь к лопатке девочке. — Замри.

Через минуту окровавленные рубцы разгладились, слились с кожей и исчезли.

— Ты хочешь никогда больше не думать о нем и уйти отсюда?

— Уйти? Куда? Он все равно...

— Нет, — твердо прервал Сергей.

— Почему? — Девочка невольно оглянулась на труп мамы.

— Потому что ты со мной, — Сергей подхватил на руки и понес прочь из комнаты.

— Ты ангел? — шепнула на ухо девочка.

— Нет.

— Тогда демон?

— Я выше, — Сергей подхватил канистру, вышел в коридор, плеская из канистры, в том числе и на всю ту чернь, что лежала вдоль коридоров. Люди здесь отсутствовали.

— Кто? — требовательно спросила девочка.

— Человек, — обронил Сергей, дойдя до окна второго этажа.

Керосин кончился. Открыл раму, вылезая на козырек.

— Человек выше ангелов и демонов?

— Человек выше всех, кроме Творца. Мы его дети. — Сергей подхватил девочку на плечо, вытянул руку, направляя на керосин.

— Кто такой Творец?

— Я сам задаюсь этим вопросом. Давай найдем ответ вместе.

— Давай. — Улыбнулась девочка. — А меня Владленой зовут. А тебя?

— Сергей. Но ты можешь звать меня Скорпионом.

С пальцев слетели искры, очередная воспламенила керосин. Огненная змея покатила по коридору, без разбора хватая пол, стены, нарков. Стремительно поднялась по лестнице на третий этаж.

Сергей шагнул с козырька.

Падение словно замедлилось.

Владе показалось, что Сергей расправил крылья, как ангел.

Он действительно ангел, только скрывает, — подумала девочка.

Лера опешила. Скорпион появился на козырьке с чем-то на плече, шагнул на встречу, но законы гравитации, словно кто-то отменил. Опустился плавне, чем должен был, плывя по воздуху, и едва коснулся земли, как по зданию прокатилась волна взрыва. Огонь объел здание чуть позднее.

Скорпион, не оглядываясь, поставил ребенка на асфальт, представил:

— Лера, это Владлена. Несостоявшаяся жертва сатанизма. Владлена, это Лера.

— Она тоже ангел? — Тут же сориентировалась Влада.

Лера потеряла дар речи.

— Еще какой, — улыбнулся Скорпион, уводя обоих прочь. — Только рыжий и крылья запылились в запаснике.

Лишь на секунду Лере показалось, что из горящего здания слышались чьи-то крики... Пожала плечами. Слышалось?

Сергею виднее. В конце концов, он старше на полтора года.

* * *

Три дня спустя.

Поезд Москва-Владивосток.

— Чучух-чучух, чучух-чучух, — развлекал детей Сема, бродя по вагонам.

Что заставило его забрать с вокзала пятьдесят два бездомных беспризорника, понять не мог. Просто шел на вокзал, держа Машу под руку, тащил миллионы в сумках. Душа пела, хотелось сделать мир чище и лучше, а на встречу попадались стайки ободранных, чумазных детей. В голове всплыли яхты, море, номера «люкс», красивые автомобили. А глаза видели изодранные, поношенные одежды, чумазные лица, копейки в руках и синяки вдоль всего тела. Импульс внутри сжал грудную клетку и дал хорошего, добротного пинка. Не особо раздумывая над тем, что делает, скупил в ближайшем ларьке все съестное, что было, раздал детям. Завязался разговор. Цыганята нажрались от пуза и слиняли первыми, старшие отошли и затаились неподалеку. Вдруг странный парень еще что-то подаст? Можно будет потом отобрать.

Как-то само собой получилось, что вокруг него остались младшие дети: большинство пацанов, но были и девчонки.

Какой дальнейший импульс сподвиг скупить все билеты на поезд? Сказать не мог. Скорпион, появившийся в компании Леры, трех ученых и маленькой бледной девочки, не обронил ни слова. В глазах брата читалось такое, что все прочие неприятности мира отодвинулись на задний план. Аура пылала пурпурным.

Быстро сдружились с машинистом, проводницами и работниками ресторана. На их памяти такого не было. Деньги сделали свое дело. В милицию не сообщали. Поговорили по душам, разъяснив, что детям положена другая судьба, чем слоняться по вокзалам. Согласились.

На первой же остановке Лерка, Машка и пара проводниц бросились скупать вдоль платформы весь возможный провиант и одежду, игрушки, книжки-раскраски. Расселенные по СВ, купе и плацкартам дети в возрасте от пяти до двенадцати радостно разобрали одежду, еду, принялись рисовать, играть... Снова само собой получилось, что к поезду прибились еще восемь беспризорников.

Поезд покатил дальше без необходимых остановок. Мало забрать каждого, надо еще и обеспечить потом. Если шестидесяти детям еще можно было как-то обеспечить жизнь в новом городе, то за превышенный лимит Вася мог подвесить высоко и надолго.

Вспомнился первый разговор...

— Что там у нас со школами? Я детей везу, — дозвонился до Геня Скорпион. — Шестьдесят душ.

— Каких еще детей? Ты совсем сбрендил?

— Дети — цветы жизни и наше будущее, — обронил Скорпион, вспоминая заблеваные наркоманами коридоры и пентакль на лопатке Влады.

— Я не знаю, какое у тебя будущее, но это пока неразумно.

— Никаких «но», — обрубил Скорпион и, успокаиваясь, добавил. — Будто ты так просто сдашься? Ты же любишь задачи с множеством неизвестных.

— Ну, я думал над этим немного ранее... Мало ли тебе взбредет...

— И?

— А ты честно не знал, что три группы рыщут по России в поисках учителей нового типа?

— Нет.

— Дай трубку Лере.

Скорпион протянул трубку рыжей.

— Лера, у него пальцы не скрещены? — слышалось из трубки.

— Нет, — ответила Лера, вспоминая парение с козырька.

— Ну, тогда ладно. Мне что зэки, что дети, лишь бы в космос. Ты ученых, ученых довези!

— Я и везу тебе ученых... Правда, немного будущих, но все же... Лет через двадцать будут учеными.

— Ладно, мы вас встретим. Гостиница от зэков... ммм... ребят... пока свободна, так что места найдутся. Строители едут?

— Через пару дней после нашего прибытия придет первый состав.

— Это уже лучше. Первый городок в двести-триста домов нужен уже в этом году.

— Нужен — сделаем, — ответил Скорпион и отключил связь.

Сема вздохнул, шагая по тамбуру, заглядывая в каждый уголок. Такого порядка не ожидал. Как расселил пацанов с пацанами по возрасту, а девчонок с девчонками, так и сидели, играя. Старших нет, вели себя вполне тихо.

Как мало детям надо.

— Сема, вас машинист зовет, — показалась миловидная проводница Натали с кудрявыми русыми локонами ниже плеч.

Леопард дошагал до первого вагона, перешел к машинисту.

— Слышь, друг, поездом милиция интересуется, — с места в карьер бросил усатый машинист. — Интересуются, почему не останавливаемся на остановках.

— А ты чего сказал?

— Билетов нет, ближайшие пассажиры сходят в Хабаровске.

— Ну, правильно. Зачем останавливаться?

— Так положено же. Сем, может, ты сам поговоришь? Я сказал, что капитан Корпионов приказал, но все же...

— Хорошо, связывайся.

Через две минуты говорил с ближайшей станцией.

— Говорит младший лейтенант Приходько. Почему поезд следует без остановок?

Сема подумал, что бы ответил Сергей, усмехнулся:

— Отвечает капитан спецназа «Альфа» Корпионов. Поезд движется без остановок, принимая участие в операции. Вопросы?

— До меня дошла информация, что из поезда были выкинуты двое пассажиров.

— Информацию подтверждаю. Карманники. Грабить оказалось некого, споткнулись, вылетели.

— Но они говорят, что в поезде одни дети.

Сема посуровел. Лейтенант проговорился.

— Младший лейтенант Приходько, я лично попрошу соответствующие органы выяснить вашу причастность к карманникам, а пока ответь мне на один вопрос.

— Причастность? Какая причастность? — Голос задрожал.

— Отвечать! Быстро!

— Да, слушаю.

— Сколько у тебя детей, Приходько?

— Двое.

— А у меня шестьдесят. Понял?

— Д-да...

— Вот и... — Сема разразился отборной полковой бранью.

— Есть! — Ответил Приходько, и связь отключилась.

Сема улыбнулся машинисту.

— Больше беспокоить не будут.

— Ловко вы их, — протянул машинист. — А вы точно из спецназа? Что-то молодые слишком, да и звания...

Сема молча протянул удостоверение.

Машинист кивнул, больше не став задавать вопросы.

Блондин вернулся в купе Скорпиона.

Брат проводил медосмотр среди детей. Как раз концентрировался на белобрысом пацанчике лет девяти.

— М-да, генофонд... больная нация. Снова легкие. — Сергей открыл глаза, — парень, отдышка есть?

— Есть, дядя Сережа, — честно ответил пацанчик.

Скорпион тяжело выдохнул, закрывая глаза. По пальцам побежало тепло, импульс пробежался по спине, исчез меж ребер. Пацанчик закашлялся.

— Ступай, сплевывай мокроту. Больше отдышки не будет. И не кури больше никогда. Хорошо?

Парень кивнул и побежал в туалет.

Сема сел рядом с братом, обнял за плечи, отдавая часть внутренней энергии — ки, как называли ее на Востоке.

— Ну, как они?

— Кто-то лучше, кто-то хуже. Мертвых нет. — Зевнул Сергей и тут же пообещал. — Месяц нормального сна, питания, движения, и ты увидишь другие лица. Ты нарочно, что ли, не брал проблемных?

— Ничего я не нарочно. Взял всех, кто попросился. — Блондин поймал взгляд брата, уловил недосказанную искорку. — Ты вот что, зубы мне не заговаривай. Пороки сердца, первые стадии рака, кисты... А ты только что разве не астму вылечил? А? Или это была уже пневмония?

— Что могу, то делаю. Не я обрек их на подобные болезни. То, что в моих силах, я исправлю.

— Скорп, осторожней, прошу, просто не изведи себя снова до дна. Да и...

— Ты еще про карму расскажи. Мол, бог наслал эти болезни этим детям в назидание. К черту такого бога, тот же Сатана.

Сема покачал головой.

— Не хочешь про карму? — Вскинул брови Сергей. — Тогда расскажи про их величайшую греховность или что-нибудь в духе христианства. Все должны мучиться и страдать. Что, так нужно Абсолюту? Самому не смешно?

— Что ты мне сам про баланс пару месяцев назад говорил?

— Да к черту этот баланс. Сатане стоит рога отпилить!

— То-то, я смотрю, аура до сих пор пылает. Насмотрелся?

Скорпион чуть помедлил с ответом:

— Да... Теперь проблемы буду жестче решать. Этот сатанизм стоит искоренить.

— Ничего и до него доберемся. Я тут с милицией проблему решил.

— Когда успел? Я надеюсь, нам пути не перекроют теперь? — Скорпион поймал взгляд блондина. — Что, даже вертолетной погони не будет?

В купе заглянула Наталья. Сияя, как радужная елка, спросила:

— Что-нибудь принести? Сережа, дети после твоего осмотра долго сидят в туалете, потом спят, но после словно преображенные. Что ты делаешь?

Скорпион отвернул лицо к окну, не отвечая.

Сема усмехнулся:

— Целитель он время от времени. Детей любит, потому лечит.

— Да вы бы так же поступили на моем месте, — повернулся Сергей.

Наталья присела рядом.

— Не знаю. Всегда хотела поселиться где-нибудь в лесу, подальше от этого странного мира, обучиться чему-нибудь и жить в мире с собой и природой.

Скорпион чуть головой о потолок не ударился.

Творец, что ты задумал? Это что, знамение? Подарок для Рыси?

Сема перехватил инициативу:

— Наталья, а вы смогли бы полюбить таежного отшельника? Доброго и заботливого, как... как... эй, а почему у человечества так мало выражений на тему доброты и заботы? Помимо религиозных?

Наталья ушла куда-то в свои мысли, чуть позже вынырнула:

— Нет таких, наверное. Да еще и в здравом уме...

Сергей и Сема подскочили одновременно:

— Есть, есть! Честно говорим, есть!

Наталья мягко улыбнулась, поправляя прическу и убегая, на ходу бросила:

— Ну, тогда знакомьте.

Взгляды братьев встретились.

— Помнишь, я Рыси обещал?

— И я обещал.

— И чего, это получается как бы само собой?

— Да кто ее поймет... эту жизнь... эту Волю Творца. Он такие фишки над нами срывает. Тот еще шутник.

Хлопок света резанул по глазам. Напротив образовался белокудрый, плечистый мужик с синими, как самый чистый лед, глазами.

— Человек — не то, что он ест, думает или, о чем мечтает. А только то, что он делает. Я как-то обронил: «По делам его узнаете его». И тут же мои слова подхватили пророки.

— Родослав? — Осторожно спросил Скорпион.

— Возможно. — Ответил синеокий. — А возможно и нет. Ты же хотел узнать совсем другое, так зачем спрашиваешь постороннее? Понимаешь, Серега, пока ясно не поставишь вопрос, вряд ли поймешь ответ. А когда получаешь ответ уже не помнишь цену вопроса.

Сема осторожно вздохнул, боясь лишнего звука.

Сергей, сглотнув ком, спросил:

— Творец... Расскажи мне про Творца. Почему он допускает зло?

Родослав откинулся на лежанку:

— Тысячи лет, а ничего не меняется. Все вам интересно одно и то же. Значит так, по моим последним данным, дело обстоит вот так. Во-первых, Бог, который сотворил мир, — личность, но отнюдь не Абсолют, только часть. Во-вторых, этот Бог, создав пространство вне себя, ограничил себя, ибо Сам находится вне созданного Им пространства. Следовательно, Бог не всемогущ. В-третьих, создав время, явление самостоятельное, Бог ограничил себя, ибо Он не может сделать бывшее не бывшим. Следовательно, он не всемогущ. В-четвертых, создав души, наделенные свободной волей, Бог не может предугадывать их поступки, иначе воля была бы несвободной. Следовательно, он не всеведущ. Это так, потому что Он добр, ибо если Он был вездесущ, то Он был бы и во зле, и в грехе, а этого нет. Это так, потому что Он милостив, ибо если бы Он был всемогущ и не исправил бы зла мира сего, то это было бы не сострадание, а лицемерие. И это так, потому что если бы Он был вездесущ, то знал бы злые помыслы людей, готовых сознательно совершить грех, а люди не могли бы избежать греха и поступить иначе, дабы не нарушать волю Его. Но тогда за все деяния должен отвечать Он, а не люди, которые всего лишь исполнители. Творец добр, а значит мир, Им сотворенный, благ. И чередование рождение и смерти — не зло, а благо. Вечная душа перерождается, забыв обиды и горе, перенесенные ей в предшествующей жизни. Цепь перерождений непрерывна. Вот. Вопросы?

— Но тогда откуда возникает зло? — Выдавил из себя Сема.

— К этому я тоже пришел. Не сразу, правда. Потребовалось что-то около пяти тысяч лет, пока я понял весь процесс. Раньше время текло медленнее, событий было меньше, и думали не торопясь. И вот что я понял. Если Бог неповинен в зле мира сего, то источник зла — Сатана. Но если Сатана сотворен Богом, то вина за дела его на Боге. Так как это не может быть — противоречит первому принципу — то, значит, Сатана — порождения небытия и сам небытие. Вдобавок Сатана действует, значит, небытие может быть активным. Небытие

облекает частицы света, фотоны, и влияет на свободную волю людей через ложь, через необратимость времени через разрывы в пространстве. Зло приходит в мир из небытия, и горе тем, через кого оно проходит. Эмиссары и есть проводники этого зла. Те люди, животные, демоны, которые свободным волеизъявлением приняли обольщения Сатаны, превращаются в нежить и теряют высшие блага: смерть и воскресение; ибо тот, кто не живет, не может ни умереть, ни воскреснуть. Такая неплохая система. Но как же за пару-тройку тысяч лет ее умудрились исказить до неузнаваемости... — белокудрый поднялся, обвел пристальным взором притихших «стабилизатора» и «проводника», улыбнулся. — Ладно, парни, пора мне, комета к нам одна нехорошая летит. А сил на ее уничтожение у человечества нет. Есть только я со своим интересом. А вот по воле Творца или нет, это уже вам решать. Одно могу сказать точно, делайте добро активным и мир расцветет, а небытие отступит. — Синеглазый исчез.

Скорпион и Семен еще долго сидели, боясь пошевелиться.

— Это что, был Родослав? — Первым подал голос Сема.

— Вроде, — икнул Скорпион, прикидывая до каких высот можно добраться за сотню тысяч лет истории человечества.

— А почему он с нами разговаривал? Ну, вот так, по-простецки. Сам пришел, сам рассказал...

— А почему бы и нет? — Пожал плечами Скорпион.

— Ха, действительно... А почему бы и нет? Если ученики готовы, учитель объявится... Только не такой же сразу... Это же, это же...

— Может да, а может и нет, — ответил Сергей словами синеглазого.

Сема еще долго смотрел в окно поезда, прикидывая, куда в следующий раз занесет жизнь.

Часть 3 Влияние

Солнечный луч поднялся из-за крыш ближних домов, пополз по столу. Лада подставила ладонки, ловя зайчика в руки.

Владлена улыбнулась, глядя на сосредоточенное лицо младшей... сестры.

Сестры. Немного непривычно.

Но Скорпиона не переубедить. Вытащил из жертвоприношения, провез через всю страну, привел в семью, и назвал младшей сестрой.

Все так сложно и... просто.

Дмитрий не особо удивился — сын и раньше не давал скучать. Елена же просто посетовала на маленькую кухню и стол. Семья в последнее время разрослась — семь человек. Живца давно принимали за человека. Лабрадор по уровню интеллекта вполне мог править демократическим государством.

Дмитрий поставил на стол большую кружку, полную парящего кофе, обвел взглядом все семейство, кося на бумаги на краю стола — как же быстро все делается без бюрократии — повторил вслух, словно для себя самого:

— Значит, семья Семеновых. Семь человек. Я, вроде бы еще глава семьи, Елена, жена моя — хозяйка. — Ткнул пальцем в Сергея. — Ты, вихрастый, мой старший сын. Так?

— Угу, — кивнул Сергей, уничтожая глазунью, салаты и тосты с апельсиновым соком.

— А ты, блондин, — ткнул в Сему. — Младший сын?

— Ага, только я до восемнадцати фамилию менять не буду. А потом возьму «Корпионов». Но это не важно. По бумагам, Дмитрий Александрович, вы мой отец. Да и были, наверное, все это время им. — Сема повернулся к Елене Анатольевне. — Теть Лен...мм...мама. Можно еще салата?

— Конечно, конечно, — Елена завозилась с салатницей.

— Значит продолжим. — Дмитрий важно перенес палец на тринадцатилетнюю

Владлену. — А ты моя старшая голубоглазая, темноволосая дочь?

Владлена пожала плечиками:

— Так сказал братик, п...папа...

— Хм, — Дмитрий пошкрябал подбородок, медленно перевел палец на Ладу. — А ты кто такая?

— Младшая доча! — Радостно заявила пятилетняя Ладушка. — Самая любимая.

— Логично, — притворно нахмурился Дмитрий и перевел палец на Живца. — А ты кто?

Живец рухнул на пузо, перевернулся на спину, виляя хвостом, гавкнул: «Да я вообще Нечто! Это ты кто?»

— Логично, — снова заключил Дмитрий и обнял Елену. — Смотри-ка мать, шесть лет назад никого не было, а потом как поехало. Молодцы мы с тобой? — Чмокнул жену в щеку. — За шесть лет четверых. Не всякие так могут. Нам не только квартиру правительство должно выдать, а целый дом. Правда, фамилии у всех разные. Но разве это проблема? Предлагаю всем взять одну — Корпионовы. Кто «за»? — И первым поднял руку.

Все подняли руки. Живец заелозил по полу хвостом, сметая все, как щеткой. Он практически поднял все четыре лапы.

— Вот видишь мать? Народ требует, значит, будем менять, — по-хозяйски заключил глава семейства.

Сергей чуть не подавился.

Так вот что Бодро про клан говорил. Этих высших сразу не поймешь, лишь потом все доходит.

— Батя, — откашлялся Скорпион. — По части дома не переживай. Будет дом. На следующей неделе достроят. Мы сейчас с Семой как раз с проверкой на стройку едем. Наш дом, правда, с запасом, на десять человек, но мало ли вы с мамой еще удумаете?

Дмитрий подавился кофе, снова обвел долгим взглядом всю семью. Только пальцем тыкать больше не стал. Не смешно уже, стоит придумать что-нибудь новое, как развеселить всех и каждого перед тяжелым рабочим днем. Тут же начал, подбирая слова:

— Вот у Скорпиона черные волосы, и зеленые глаза, Владлена в него пошла, хотя глазами в Сему и Ладу — голубоглазые. А в нас мать, только Ладушка — русоволосая, а глазами никто не вышел, мы с тобой, мать, кареглазые. Вывод: все пошли в Скорпиона, а мы с тобой, мать, побочное явление, как светлые волосы Семы.

За столом засмеялись. Даже Владлена неловко улыбнулась. Прошрое пока мертвым грузом давило на психику. Но Сережа помогал справляться. Все постепенно оставалось за плечами, позади. Эти страшные сны и более страшная явь таяли, как прошлогодний снег.

Сема расплылся в улыбке: «Вот оно что — быть в семье. Уют, покой, теплая атмосфера. Никаких равнодушных взглядов, бесцветных вопросов. Все естественно и... по живому. Все по-настоящему. Да, брат, ты подарил мне новую семью».

Сергей прикрыл глаза, открыл, меняя спектр зрения. Фигуры за столом преобразовались. Аура отца сияла зеленым и голубым — над чем-то напряженно думает, скорее всего, по работе. Сема как всегда сияет ровным небесно-синим цветом с вкраплениями оранжевого и красного — боец. Черные провалы Владлены пропали, дыры сплелись, посветлели. Еще вчера было больше фиолетового и коричневого — депрессия и психические расстройства, но сегодня утром появились золотые пятна, светло-зеленые полосы, и над головой расползалась голубая корона — признак творческой гениальности. Если будет работать и впредь над собой, многого добьется.

Все в ее руках. Сатана обломался.

Аура младшей Ладушки пульсировала темно-синим бутоном, норовя взорваться и расцвести огромным цветком. Очень скоро раскроет свой потенциал. Пока только не понятно, как себя проявит.

Это ж надо, четверо из семи человек в семье — индиго нового поколения, а Живец выдает мыслительные способности на уровне юсовского президента. Вот уж клан, так

клан. И как же удивиться Василий, когда на следующем заседании Совета выяснит, что трое из девяти представителей Совета — в одной семье. Семейное дело практически. Мафия. Хе-хе.

Елена пошла к холодильнику в коридор — на кухне места было мало, больше не помещался в связи с новым столом. Пришлось перенести в коридор. Забывая, за чем пошла, свернула в детскую — теперь здесь жили Лада и Владлена. Вся комната была завалена рисунками. Сережа лечил внутренние раны младшей сестры, часами к ряду заставляя рисовать картины в голове карандашами, красками, акварелью, мелками, всем, чем рисовалось. Поначалу это был жуткий мрак: демоны, распятыя, кровь, чернота. Елена не удержалась, расспросила сына обо всем. Он поведал. Наверное, впервые в жизни все без утайки. С тех минут полюбила Владлену всем сердцем. А картины постепенно приобрели светлые тона. Вчера Дмитрий притащил обойные краски и акварель и, позвав Владлену, попросил украсить комнату по новой. Девочка рисовала всю ночь в свете свечей и луны. Утром, вся семья стояла несколько минут безмолвно — с обоев на мир смотрели ангелы. На фоне природы и солнца, каждый, как живой. Небывалый эффект объемности придавал картинам ощущение наполненности. Дмитрий поцеловал девочку в лоб, назвав дочерью.

Елена прошла дальше, притворила дверь, шагая по коридору в зал и приоткрывая массивную дверь. Здесь обосновались спортсмены, превратив зал в тренажерно-компьютеризированный комплекс. Спят на полу, на скатках, по-японски. Все стены увешаны настенными подушками и мишенями, шторы плотно завешаны, люстры нет, свет бьет из-под потолка от плоских ламп. Техникой и оружием завален каждый квадратный метр. Но скоро все равно переезжать, пусть будет так. Хозяйка смирилась. Не так уж и мешают эти ноутбуки, компьютеры, связки проводов, коробки с пистолетами, автоматами и пластиковой взрывчаткой, россыпи мечей, ножей, ружей, кастетов, сейфы с патронами, детонаторами и документами... Лада уже не маленькая, с двух лет поняла, что игрушки брата, только для брата, да и открыта дверь в зал лишь когда Сергей дома. Влада же привыкает удивительно быстро, воспринимая все, как есть. А Живец приучен искать мячик, а не покушаться на гранаты в качестве игрушек.

Когда-нибудь все это кончится, надо просто дождаться. Все-таки участковый — свой человек, родственники не часто навещают — последние остались в деревне, все чаще к себе зовут, чем по гостям ездят — а то, что самих гостей позвать нельзя, так это... временно, наверное, — Елена, вздыхая, вышла из зала.

Все-таки до этих последних шести-семи лет словно и не жила. Какой-то смутный сон: детство, школа, институт, первая любовь, серые подружки, первый развод. Потом в жизни появилась нормальная работа, повстречался Дмитрий, взял в оборот. Детей только не было. Но потом появился странный таежный мальчик и показал обратную сторону жизни.

Главам семейства осталась спальня, Живцу — летний, прохладный балкон. Никто не жаловался.

Елена вернулась на кухню, на ходу захватив из холодильника новые порции снеди.

За столом Дмитрий вел оживленную беседу:

— Влада, почему бы тебе не записаться в художественную школу?

— Потому что Сережа уже записал меня в первую Антисистемную школу. Там хорошие учителя. Я разговаривала с ними.

— Лучшие методы преподавания в России, — гордо выпятил грудь Сема и добавил. — Это наш Гений так сказал. Там видно будет. Главное, чтобы детям скучно не было. Все будет в игровой форме, без зубрежки и тупизма официального образования. И секция при школе. Девчонкам — обязательные навыки самозащиты, парням — основной и углубленный курс молодого бойца. Я о такой школе мечтал, честное пионерское.

— Когда это ты в пионеры записался?

— Мне значок с Лениным достался от бабушки! Хочешь, покажу?

— Бабушку лучше покажи!

— Хе, с нло на контакт выйдем, договорюсь. Может и вернут.

— Каждый будет развивать только то, что хочет, — Продолжил Сергей, возвращаясь к вербальному диалогу. — К чему лежит душа и талант. Кстати, я говорил, что Лада тоже пойдет? Там с четырех лет обучение и до четырнадцати. А с четырнадцати мы через месяц открываем первый институт. В обоих случаях действует пятидневная система обучения и есть возможность жить при школе и институте. Получилось что-то вроде пансионата: классная столовая, поваров Руслан лично отбирал. Спортзал с тренажеркой, места валом. Стадион на улице, площадки. Отдельно стоит сказать про библиотеку с книгами от самых древних до самых последних, что только-только выходят в продажу, есть, конечно, и компьютерные версии всех книг и компы там стоят. Бассейн, души, бани... Во дворе огромный сад на огражденной территории. В школе особняком спальный корпус, комнаты отдыха. Классы оборудованы по высшему разряду, компьютерная техника есть почти в каждом, приборов валом, эксперименты можно ставить только так. Я бы сам там жил, честное слово, но на первый год пробная группа в двести человек укомплектована. Шестьдесят детей-сирот и сто сорок детей сотрудников Антисистемы. А эков мы в институт определим, почти каждый хочет получить высшее образование. Почему бы и нет? Сема нашел совсем не плохое применение последним двум миллионам евро. Я честно скажу, впервые видел, чтобы столько рабочих работало на одном объекте и с такой поразительной скоростью в три смены. С сентября начинается полный учебный цикл. Там такая элита для страны вырастет, что в космос одной левой переправит. Мы уж проследим с Луны за корабликом.

Живец зевнул, намекая, что тоже не прочь пойти получить диплом, да и вообще в космос.

— Что тоже хочешь? — Погладил за ушами Сема. — Подожди еще недельку, на природе будешь носиться... вместе с тигром.

Дмитрий снова закашлялся, округлив глаза.

— Что, я тоже забыл сказать, да? — поднял бровь Скорпион. — Странно, наверное, меня блондин с мысли сбил. Сема, признавайся.

— Это где было, на Кавказе или на лайнере в средиземке?

Дмитрий снова закашлялся. Никогда бы не подумал, что под старость лет станет главой Т-А-К-О-Г-О семейства.

* * *

Две недели спустя.

База «Тень».

Сема, зевая, отклонился от дисплея с 3D-чертежом нового поселка «Эдем-1».

Неплохо, совсем неплохо. Есть где душе разгуляться.

Поселок был возведен почти на семьдесят восемь процентов, можно заезжать. Василий проявил недюжую смекалку. Скупить десять квадратных километров вблизи базы почти за бесценок не каждому под силу. Бумажная «утка» с повышенным радиационным фоном удалась на славу. Приписали и воздействие ветров Чернобыля, и последствия падения Тунгусского метеорита, и частое похищение людей и зверей инопланетянами, даже подземные микро-извержения вулканов. Система проглотила все. Сгнившая напрочь, доверяющая бумагам и дырявым законам, ничего не смогла противопоставить мудрым людям.

Леопард размял шею, помассировал виски, разглядывая помещение.

Строители молодцы, расширили базу, отвели места под свободные помещения-офисы. Тишина, покой, хорошо работает. Можно было небоскреб в центре города возвести, но он слишком приметен. А тот же небоскреб, только под землей, на пятнадцать этажей вниз... и опускается все ниже и ниже — растем. И за землю платить не надо.

Вернулся к схеме.

Триста пятьдесят двух-, трех- и четырехэтажных домов на девяти улицах. Поселок на

шесть тысяч людей. Рядом стройка школы, института, детсада, здравницы, есть своя почта, развлекательные клубы, продуктовые и вещевые магазины, спортзалы. Все, для нормальной жизни, в город особо и не надо, хотя для порядку пустили автобусный маршрут. Пока не проведена ветка «струнника», как в последнее время называли струнный транспорт.

Сема расплылся в кресле, с улыбкой вспоминая, какая шумиха поднялась в городе из-за дешевых, рентабельных домов многометровой внутренней площади. Стоило построить первый цех, потом мини заводик и с десятков домов на пробу, на продажу, как ажиотаж поднялся невероятной волною. Заказы посыпались на двадцать семь лет вперед. Люди не особо доверяли ипотеке, а тут как манна небесная — обширные утепленные дома европейского типа по цене однокомнатных квартир. Цены на квадратный метр упали в два, три, семь и, наконец, в пятнадцать раз. Семь крупных строительных компаний разорились моментально, все мощности и люди достались структуре, что позволило возводить не только домики, но и крупные здания по всему городу.

Запиликал сотовый телефон.

Семка, раздумывая, как строители провели усилители сигнала под гору, что он ловился даже на минус тринадцатом этаже, нажал кнопку приема.

— Сема! Сема! — Радостно вопил голос депутата Арсеньева. — Получилось! Получилось! Мы сделали это!

Сема кашлянул:

— Что именно из семи пунктов?

— Все семь. Я сам не понимаю, как прошло так гладко.

— А чего удивляться, если две трети областной думы переползло к нам.

— Как, уже две трети?

— Оглянитесь, Арсеньев. Много вы возле себя видите толстых пиджаков? Основное отличие — три подбородка обладателя.

Трубка молчала, молодой депутат Арсеньев рассматривал свое новое окружение. Послышалось:

— В последнее время много новых лиц.

— Старые мигрировали на юга или перебежали через Урал. Отбой, Арсеньев, хорошая работа. Все по плану.

Сема отключил связь, в голове подчеркивая, что отменен закон, запрещающий вывешивать и носить в непраздничные дни флаг и символику Российской Федерации

Какая крыса придумала этот бред, понятия не имею. Как после этого можно гордиться страной?

Вторым пунктом был отменен Единый Государственный Экзамен.

Хватит уже деградировать Золе на потеху.

Третьим пунктом отменили рост цен на энергоносители.

Ежегодные отмазки — все стареет, все нужно менять, не прошли. То, что никакая часть взимаемых средств не идет на разработку новых технологий, в расчет не брали. Жаль, что эти три пункта отменили пока только на территории Хабаровского края. Но с чего-то же надо начинать.

В противовес разрешен пункт, позволяющий носить огнестрельное оружие всем работникам, числящимся в Антисистеме, разрешен план перераспределения земли и снижение ее стоимости, введена расстрельная статья по семи пунктам законов Российской Федерации.

Скорее всего, в регион введут войска. Запаникует общественность, она всегда паникует по любому поводу, кричит о гуманизме, краем сознания понимая, что во всех развитых странах существует высшая мера наказания, и мир не иссяк, наоборот, порядок. А с войсками как-нибудь разберемся.

Сема защелкал кнопками на телефоне:

— Скорп, что там с Альфой?

— Ничего. Расформирована.

— То есть?

— То есть официально расформирована, а фактически в полном составе перешла к нам. Создана единая боевая ячейка антисистемы. Со временем раскидаем по группам.

— А прочие силовики?

— Юридически подчиняются государству. Фактически работают на нас. Агентов много правда, надо быть осторожными. Каждый третий шлет данные конторе.

— И что с ними делать?

— Ничего, пусть шлют.

— Чего опять задумал?

— Чем больше поймут, тем большее их число задумается...

— Логично, а что по расстрельным статьям?

Скорпион замолк, сверяясь с последними данными, чуть позже ответил:

— Арабы выслали послов в наш край. Полагаю, будут неплохие инвестиции. Они любят жесткую власть. Но денег маловато, надо Ино заинтересовать со струнником. Она же понимает, что Японии всегда найдется место в глобальном будущем человечества. Мне их манера мысли нравится. Это пригодится.

— Про седьмой пункт слышал?

— Седьмой? Я вроде только шесть говорил. Вася дописал? О чем пункт?

— Принято постановление о перераспределении доходов края, в частности, о снижении отдачи ресурсов столице с шестидесяти процентов до пятидесяти. Край оставляет половину себе, на саморазвитие, половину отдает столице, на тотальные планы. Так честнее. Богатые регионы не должны тянуть бедные, забирая на себя их лямку. Отдаешь Москве мешок, возвращает кулек, мило улыбаясь, сообщая, что прочее раздала детям. Стоит либо укрупнять регионы, либо спрашивать с каждого в равной степени.

— Вася поторопился. Контора не простит. Турели с орудийными расчетами установили на местах? Раз уж базу официально открыли, не мешает поплотнее вооружить.

— Саныч на прошлой неделе артиллерию класса «Берег» перегнал. С побережья прикрыты. Топит корабли на десяток километров.

— Сема, ты от кого атаки с моря ждешь? Может лучше авиацию приподнять? А?

— Все пригодится. Ты схему поселка смотрел?

— Мне больше всего в нем нравится, что через пару лет введем последние технологии, и он будет полностью автономен. От электричества и воды до спутниковых коммуникаций.

— Ветряки и солнечные батареи и сейчас стоят.

— Ничего, новое не помешает.

Послышался отдаленный гул. Связь оборвалась.

— Скорп, что там? — перешел на невербальный разговор Сема.

— Кто-то атакует наш оплот разумности. Тревога. Первая проверка.

— Контора, что ли?

— Не смей меня, голем системы неповоротлив. Месяца если через два только подадут первый протест.

— Тогда кто?

— А кто у нас под боком?

— Дух бунтует?

— Похоже на то. Но скорее разведка боем. Границу переходить не будет — война начнется. Если захватит половину Дальнего Востока — Золо ядерным грибом выжжет все и начнет масштабный десант. Дух ему глаза мозолит и на пятки наступает. Скорее всего, перекинёт бойцов телепортом.

— А технику?

— Слабоват старичок. Не до техники. Будут только люди. Несколько тысяч, не больше. Все в пределах нашей базы. Тут глухие места.

— Е-мое, а поселок?

— Там еще нет людей, его целью наверняка будет «Тень».
— Откуда ты все знаешь?
— Родослав подсказал.
— Почему он нам помогает?
— Не знаю, достало, наверное, все. Ты бы смог сорок тысяч лет счастье искать? Не для себя, а для всех?

— М-да, сочувствую полубогу.

По базе покатила волна тревоги. Народ выполз из офисов, лабораторий, служебных помещений, сгрудился возле мониторов и лифтов.

Сема выбежал из офиса, на мониторах уже вспыхнул тревожный лик Геня. Василий передавал для всех работников последние сообщения:

— Во-первых, без паники. Я еще настучу по репе умникам, что повесили на динамики звуки времен бомбежек Второй Мировой. Все военные на территории базы или охранники-силовики, те, кого тревога застала на территории базы, вооружайтесь в арсеналах, облачайтесь по полному боевому раскладу и выдвигайтесь на верхние этажи, к поверхности. Бой надо принять за территорией базы. Артиллерия, конечно, предварительно обработает противника, но встречать придется лоб в лоб. Окопайтесь на территории, отрежьте дорогу к поселку. Там много рабочих, надо защитить. После выхода военных база консервируется. Каждый этаж блокируется. Во избежание повреждений или пожара. Ученым, инженерам, техникам и прочим рабочим просто сидеть по своим местам и продолжать работу. Минут через сорок с города прибудет подкрепление, разметаем всех в пух и прах. Так что суету убрали, и все по местам. Помните, что Антисистема не может позволить себе терять людей, так что все останутся живы.

Сема поспешил к арсеналу, отмечая встревоженные лица людей. Первая атака. Все на нервах.

Что ж, неплохая закалка. Только что-то в плане Геня не до конца учтено... Так, военные вооружаются и дуют наверх, к трем выходам: парадному, черному и подземному. Тут вроде бы все логично. «Ослов и ученых в круг», как говорил Наполеон, воюя в песках Египта. При любой атаке ставил провиант и гениев за спиной воинов, с воинами же успешно отбивался лицом к лицу к неприятелю. Но что же тревожит внутри? Все пятнадцать этажей базы заблокируются из центра на последнем, пятнадцатом. Под землей никто не пройдет, попасть под гору можно только сверху, вскрывая базу, как консервную коробку, этаж за этажом... Вот здесь как раз что-то не то. Центр управления на самом нижнем этаже, там сидит Геня со всеми умниками и тыкает в кнопки. Он управляет всей базой... База закроется. Это же лучшее время для диверсий изнутри. Возможно, атака сверху и продумана с этой целью. За все время существования Антисистемы не произошло ни одной зачистки: сколько из людей тайно или явно могут работать на контуре, эмиссаров, да на кого угодно? Практически любой. Привыкли доверять людям. Ну и ладно, если свои же начнут стрелять в спину, смысла в Антисистеме все равно не будет. Вот и первая идеологическая проверка... Ладно, посмотрим, как работают самые корни структуры. Нет, в умниках Геня или кого-то из руководящего состава сомневаться не приходится, низ базы закрыт. В аналитическом центре минус четырнадцатого этажа тоже не до предателей, давно бы сдали. Тринадцатый, информационный уровень в порядке, все свои, с самого начала в одном строю. Лаборатории с двенадцатого до девятого уровней — тут народ вообще помешанный, не до диверсий. Так, с восьмого по пятый, технические уровни в работе. Возможно, что-то начнется с военно-формировочного. Здесь первые арсеналы, ниже нет ничего, что могло бы послужить оружием, кроме мозгов. И выше, все три этажа так или иначе принадлежат бойцам. Совет неплохо спроектировал новый вид базы. Не зря перестроили каждый квадратный метр. Умно. Значит, умники пусть сидят на «дне» базы, наблюдают за всем со стороны, через камеры, которыми усеяны ближайшие километров десять от базы. Дух на дно не полезет. А так вряд ли кто сможет проникнуть — вентиляции узкие, с «сюрпризами» для

шпионов, что насмотрелись фильмов. Вообще большая часть базы с сюрпризами, претендентов пока только не было. Короче, хватит думать. Вася пусть думает. А верхние четыре этажа в бой!

— Семка, не торопись, — послышался в ухе голос Василия. — Ты останешься на закрытой базе. Первые четыре этажа остаются открытыми, только вход заблокирую.

— Создаешь прецедент?

Василий не ответил.

Сема, улучшив момент, скрылся в ближайшем помещении.

* * *

Скорпион дожидался построения отрядов перед центральным выходом базы. Глаза бежали по плану местности, что выдавал дисплей ноутбука.

К базе ведет одна дорога, с ответвлением на лесозаготовительную базу, где есть черный ход, ведущий к Тени. Несколько вертолетов МИ-8 при желании можно использовать в качестве десантных. Группа охраны быстро переквалифицируется, натасканные. Техника противника может проехать только по этой дороге, все остальное вокруг — сплошная тайга, где волен продраться лишь спецназ. Значит, вероятным ударом будет дорога и лесозаготовительная база. Первый заградительный отряд нужен там. Северная батарея базы, состоящая из ракетной и пулеметной турели, простреливает всю дорогу вдоль и поперек. Но на всякий случай не помешает подстраховаться, оставим бойцов и там. Центральная батарея из ракетной и двух пулеметных висит прямо над главным входом, в случае чего добьет дорогу и часть леса. Последняя, южная батарея изрежет лес к юго-востоку.

Дернул усик наушника:

— Андрюха, как нога?

— Да в порядке, братан, жаль, что из-за гипса не могу с вами побегать. Устал я что-то сидеть.

— Набегался уже. Сиди, отдыхай. За народом смотри, чтобы каждый залп турели — в цель. Ракеты дорогие.

— Слушаюсь, товарищ... Как вас там? Маршал? Или фельдмаршал? Я что-то после расформирования Альфы не особо в звания секу.

— Слушай, на базу бросят что-то около тысячи человек. Отборных, собранных со всех концов Китая. У тебя есть время разговаривать?

— Прости.

— Что с побережьем?

— Орудийные расчеты готовы к отражению флота. Только кто нас с моря будет атаковать без объявления войны?

— Ты не с детьми воюешь, Дух на многое способен. Подстраховаться не мешает. Что с вертолетами? Самолетом?

— Готовы к взлету.

— Понятно, до связи.

Скорпион отдал ноутбук связисту. Распорядился раскидать скорпионовцев — двести семьдесят три человека, все, что были на базе — на три группы. Первую отправил вдоль дороги, усиленную РПГ, вторую «смежную» отправил на пяточек в горы, где стояли орудийные расчеты, с третьей «облегченной» группой приготовился к марш-броску на юго-запад.

Первая группа растворилась вдоль дороги. Вторая группа ушла по протоптанной дороге на юг. Там дальше поднимутся в горы к «Берегу». Капитаны не стали задавать лишних вопросов. Задачи ясны. Скорпион с третьей группой замер перед входом, ожидая первых действий Духа.

— Скорп, у нас проблемы. — Связался Василий.

— Говори.

— По морю вдоль берега плывут с десяток кораблей разной степени опасности. Они просто появились из воздуха. Это не эсминцы, но...

— Это не Дух.

— А кто?

— Золо.

— Золо? Зачем?

— Хотел бы я знать... — пощелкал по усикам. — Андрей, ты меня слышишь?

— Да.

— Топи корабли, чем меньше высадят десанта, тем лучше. И Як-141 в бой, пусть мешает сконцентрироваться на ответном огне. Южные батареи направь вдоль берега.

— Вот и я говорю, не фиг нашу акваторию бороздить без просьбы.

Эхом докатились отдаленные залпы.

— Первый идет ко дну, меняем позицию. Тут особо на пяточке не разгуляешься, надо бы подумать потом над расширением дороги вдоль хребта.

Связь перехватил Василий:

— Скорп, у нас снова проблемы. С северо-востока летят вертолеты. Я если бы своими глазами на экранах со спутников не видел, решил бы, что наваждение. Вертолеты с Сахалина! Юсовские.

Сергей помассировал виски:

— М-да, Золо давно на Сахалине обосновался. Эти транскорпорации со своими армиями... Как наши зенитные и противоракетные комплексы?

— Еще не пробовали. Вчера только с поездов сняли.

— Вот и попробуй.

Северная батарея находилась намного дальше южной, до слуха ничего не донеслось.

Связь перехватил капитан первого отряда.

— Скорп, БТРы на трассе!

— Что?

— БТРы по трассе на всем ходу мчатся.

— С гранатометов в упор! Из кустов!

— Так это ж конторские!

— На нас нападают, мы защищаемся!

— Приказ понял! Выполняю!

Скорп щелкнул по наушнику:

— Вася?!

— Да.

— Ка-50 и Ка-52 к взлету. В бой вдоль дороги. Пока летят, прополи дорогу ракетной турелью.

— Хорошо...Скорп! Скорп! Тут с юго-запада три-четыре сотни спецназа в лесу материализовались. Как грибы после дождя.

— А это уже мои проблемы. Дай квадрат.

— 8.3 и 8.4.

— Принято.

Сергей повернулся к выходу:

— Выводи!

На свет из недр базы показалась тяжелая огнеметная система «Буратино», неторопливо выехала на дорогу, развернула в сторону леса тридцатиствольную огнеметную установку залпового огня.

— Скорп, — слышалось от Василия. — А может ядерку? В шахтах еще восемь штук стоит.

— Что за чушь? По ушам захотел!?

— Я ж на всякий случай... Вдруг согласишься...

— Не поддавайся провокации! Так отобьемся.

Наводчик комплекса «Буратино» наметил квадрат, нажал кнопку.

Отряд в девяносто человек резко прикрыл уши, наблюдая, как из пусковых ракетниц огненным смерчем в сторону леса летят посланники смерти. Неуправляемые реактивные снаряды быстро доставят к цели начинку из зажигательной смеси и термобарических снарядов.

— Отряд! — Заорал Скорпион. — Смотрим, как горит противник! Гордимся мощью отечественной оборонки, а позже зачистим то, что осталось.

* * *

Лицо Василия казалось мертвенно-бледным в свете десятков мониторов. Глаза бегали с одной картинке на другую со скоростью света. Привык работать в полумраке, мягком свете не обременяющих ламп.

На северо-восточном направлении над морем один за одни в холодной море Татарского пролива падали, вспыхивая факелами, вертолеты — «Апачи» — Золы. «Берег» показал себя на «отлично». Из двадцати до берега добралось только двое. Но это можно было легко исправить.

Вася надавил на кнопку связи с северной батареей.

— Комплекс С-400.

— На связи.

— Квадрат 10.2. Залп.

— Прошу подтверждение Скорпиона.

— Залп я сказал!

— Непрактично, Василий Васильевич. Такую дорогую вещь по мелочам. Там же живая сила, а не...

— Это для устрашения, балбес! Еще пять секунд промедления и снарядом будешь ты.

— Есть залп.

У нас не армия, но с обсуждением приказов стоит провести профилактическую беседу. Ребята в армии такого бреда от высшего начальства наслушались, то здесь без присяги смело подвергают приказы критике. Мне хороший урок. Стоит продумать в дальнейшем.

Через минуту выживший звездно-полосатый десант накроет ракета. Не ядерная, но даже воспоминаний не оставит.

Перевел взгляд на экран северо-западного направления. Вражеский спутник, используемый в своих целях, показывал искореженную взрывами змейку дороги. Контора как-то странно повела себя, решив захватить в первую очередь базу, а не все объекты в городе.

Мало ли было вариантов? Захватить семьи с целью шантажа, например. Или вы хотели прорваться к поселку? В любом случае, единственная попытка оказалась последней. Дальневосточный округ больше не под вашей юрисдикцией. Зря только последних верных системе положили. Ладно, гоблины, я до вас доберусь.

БТРы застряли посреди трассы, скидывая десант в сторону леса. Передние ряды бронемашин уничтожило ракетами, что отрезали дальнейший проезд, центр подвергся яростному обстрелу с воздуха вертолетами и практически в упор с ручных гранатометов вдоль дороги. Выживших быстро и умело брали в плен. Оставались лишь последние машины, те еще могли отступить, развернувшись.

— Хрена с два вы у меня сбежите! — Пообещал Вася, включая связь. — Саныч, ты далеко?

— Две минуты и подожму последних.

Танк Т-95 был неожиданным сюрпризом для БТРов. Почти сорокотонная машина «Черного Орла» ловко вырулила из-за поворота, поймав в прицел ближний

бронетранспортер. Впечатление от махины так повлияло на бегущих с поля боя, что стрелять не пришлось — руки взметнулись в небо.

Василий улыбнулся, переводя внимание на юго-западное направление. Тут посложнее, тут корабли.

Надо купить второй артиллерийской комплекс, первый успел потопить только семь из десяти кораблей. Ему маневр нужен, на пяточке особо не поуклоняешься от встречного залпа.

ЯК- 141, издеваясь над корабельными зенитками, резко зависал в воздухе, взмывал в небо, ускорялся, замедлялся, поливал палубы крупнокалиберными пулеметами. Удачный трюк позволил сбросить одну из бомб прямо на капитанский мостик. Восьмой корабль вспыхнул.

Все, им не до десанта. Последние два, конечно, высадят десант на шлюпках, но южные батареи спокойно спать не дадут, а то, что останется, дожмет вторая группа Скорпиона, скинут в море остатки. Кстати, где сам Скорп?

Четвертый экран сконцентрировался на юго-западном направлении.

Лес полыхал огнем преисподней. Залп «Буратино» с ракетами, начиненными напалмом, выжжен практически весь отряд Духа. Полыхало так, что Сергей со своим отрядом не мог зайти в пораженную зону, бегал вокруг.

— Серега, не суетись, со стороны магистрали через леса с отрядом расформированной Альфы спешит Никитин, дожмет, если... кого-то вообще придется дожимать. Атака захлебнулась. Жертв нет, с десятков раненных. Не плохое все-таки вооружение у российской армии. Я горжусь своей страной. Записывай в патриоты.

— Это точно, — послышалось из динамиков. — К тому же мы помогли Духу списать со счетов пару сотен лишнего населения.

— Как думаешь, Отшельник обрадуется?

— В такой жаре невозможно что-то думать. Ветер изменится — вся база в дыму задохнется.

— Хорошо, хорошо, я что-нибудь придумаю.

Кнопка связи переключилась на лесозаготовительную базу.

— Лесники, вертолеты готовы?

— Да, высылать десант?

— Нет, цепляйте «тазики» и дуйте к морю. Чтобы к вечеру квадраты восемь три, восемь четыре и округа были свободны от огня.

— Приказ поняли, выполняем.

Василий расплылся в кресле, выдыхая.

Ну, вот и хорошо, отбились. Не зря мама с детства учила всегда быть на два шага впереди всех. Как знала.

Дверь разнесло, как от мощного взрыва. Василий почувствовал волну даже спинкой кресла, повернулся, улыбаясь:

— О, господин Дух. Все-таки решились нарушить баланс.

Маленький лысый человек с карими злыми глазами в кожаном, длинном плаще прошел в комнату центра управления. Повел головой, словно разглядывая, откуда звук:

— Кто-то что-то сказал?

Василий, борясь с дрожью в коленках, встал с кресла, сглотнул ком в горле, повышая голос, ответил:

— Нехорошо ломать двери! Некультурно, знаете ли без приглашения. Не похоже на человека востока.

Гость прошел через всю комнату. «Мозговики» замерли, рассыпавшись в стороны. Он подошел к Василию, кладя руку на голову.

— Скажешь, где Скорпион — умрешь быстро.

— Спецназ твой дожаривает, — обронил Василий, отмечая, как быстро из тела уходит вся энергия.

Периферийное зрение отметило неясное движение уголком глаз.

— Да как ты... — Не званный гость прервался, ощущая на горле лезвие ножа.

Блондин схватил лысого за лоб, оттянул голову назад, поворачивая чуть в сторону. На самое ухо прошептал, пылая огненными глазами:

— Кто не умеет проигрывать — лох. Кто проигрывает — лох. Но кто-то же должен быть лохом? В этот раз лох — именно ты. Уйди с достоинством или я расскажу тебе подробно, как переводится с русского на китайский слово «лох».

— Как ты...

Сема оскалился:

— Разговор, что все этажи блокируются, был лишь для тебя. Твои шпионы убиты. И Золо тебя подставил — вертолеты и корабли были довольно старого образца. Но это нам только на руку, не до конца еще укомплектовались. А контору кто надоумил? Знаю, сама бы так быстро не смогла...

Отшельник поднял бровь:

— Здесь определенно стоит убить всех.

Даня молча вылез из-под дальнего стола. Так же молча и враждебно на лысого уставилось дуло АКМ. Подошел поближе, тыкая меж ребер, хмыкнул:

— Я знаю, кого на базе стоит оберегать больше всего. Ради поражения, что читаю в твоих глазах, готов сидеть под столом несколько дней кряду.

По лбу гостя потекла капля пота. У шеи нож, в живот уперся АКМ. Неуютно. Миг, и он исчез.

Сема завалился вперед, Даня тоже.

Василий облегченно выдохнул, стряхивая пот со лба:

— Все-таки определенно люблю маму. Устроим новый красный день в календаре?

— Стоп, стоп. Не обольщайтесь, это был не дух, — прервал Сема.

— А кто?

— Ну, мы же живы, значит не Отшельник. Могу предположить, что вторая рука Духа. Первую мы со Скорпом положили в Китае три года назад... Стоп, не положили... Это уже другая реальность бытия получается. Ладно, проехали. Не обращайтесь внимания.

Василий и Даня молча переглянулись.

«Блондин», — мелькнула одна и та же мысль в головах.

* * *

Офис Главного Разведывательного Управления.

Разбор полетов некоторое время спустя.

За окном сияло солнце. Август жарил столицу, как на раскаленной сковородке. Но в одном из кабинетов нововозведенного здания ГРУ было довольно прохладно, кондиционеры работали бесперебойно, вентиляция справлялась со своей задачей неплохо.

Начальник Трубан метал глазами молнии не хуже олимпийского авторитета — Зевса. Зубы скрипели, костяшки пальцев побелели, сдерживая неимоверный гнев.

Подчиненные сидели тише воды, ниже травы, боясь издать лишний звук. Первый, кто обратит на себя внимание начальства, будет разжалован в рядовые и уволен без права на пенсию. Никакие оправдания или прошлые заслуги в расчет не возьмут. Их никогда не берут. Начальство интересуется только сегодняшний день.

— Какого хрена молчите, а? — Шеф подскочил, не выдержав напора туч над головой.

Отборная брань, наследство казарменного быта, покатила по кабинету, гулко отражаясь от стен. Глаза Трубана выкатились из орбит, лицо пошло багровыми пятнами, рот метал капли слюны.

Тучи над шефом сгустились после самовольного введения некоторых законов на территории одного из субъектов Российской Федерации. Все началось довольно резко. Сначала поступили данные о катастрофическом снижении преступности в крае, в результате

тотального отстреле криминалитета и всех лиц, кто в той или иной мере был с ним связан. Поскольку связаны были многие, разведывательному управлению поручили разобраться. Агенты на местах бесследно исчезли, перестав выходить на связь, потом как в воду канули посланные группы разведчиков, исчез отборный спецназ. То ли кто-то сдал, то ли... Нет, об этом лучше не думать... Одно дело — информатор среди своих, другое — разведчик докапывается до такого, что желание вернуться пропадает или, становится двойным агентом.

— Поликарп Федорович, — рискнул прервать поток брани капитан Дубровский, бывший заместитель, смещенный по причине чрезмерного своеволия. — Почему бы нам не объединить усилия с контрразведчиками, ФСБ, МВД и налоговой? Они тоже в той или иной степени заинтересованы в решении данной проблемы. У ФСБ, правда, с последним захватом проблема приключилась, но...

— Что «но» Дубровский? — сузил глаза Трубан. — Ты в своем уме? Почему я должен делить полномочия?

Дубровский выдержал взгляд начальника, бывшего друга, соратника. Вместе Афганистан прошли. Отрезал:

— Какой же ты сволотой после получения власти стал... Когда с одной ложки жрали, проще был...

— Чего? Чего ты сказал, Дубровский? — Пятна на лице начальника проявились более отчетливо.

— Не хрен на меня орать! — Подскочил Дубровский. — В Антисистеме толстолобиков не держат, поэтому и не можешь подкопаться.

— А ну-ка повтори! Повтори!!!

— Да пошел ты, Федорович, я увольняюсь!

— Не увольняешься. Я! Я увольняю тебя! Проваливай к чертовой матери! Сам же потом приползешь на карачках! Умолять станешь! А мать? Мать без лекарств оставишь?

Дубровский молча отодвинул стул, зашагал прочь из кабинета под сочувствующим взглядом десятков работников. Скоро многие уходить начнут. Вакханалия начальства достигла апогея.

Перед самой дверью Дубровский обронил:

— Несколько лет, и они придут за тобой...

— Так может, и ты с ними работаешь? — догнали слова бывшего начальника уже в коридоре.

Дубровский ухмыльнулся. До сегодняшнего дня такая мысль не приходила в голову. Неужели на прощание совет?

* * *

Хабаровск.

— Ты уверена, что хочешь отправиться со мной в Аркаим? До института остались неполные три недели. Я не знаю, сколько там придется искать...гм... искомое. — Обронил Скорпион, вспоминая подсказку Родослава.

Мало того, что на базу напал не Дух, а всего лишь очередная «рука», так и то еле отбились. Сам Дух хитрее, мощнее, возможно, и Эмиссарам не уступит. Сема, Даня, Василий. Как же я рад, что это оказался не Дух.

— Успеем. Я хочу увидеть все собственными глазами и помочь тебе. Ты же не отступишься от желания стать сильнее, так? — Лера пронзила изумрудными глазами, поворачивая голову в сторону водителя.

Сергей повернул голову, управляя внедорожником и следя за дорогой краем глаза.

— А как мне еще быть? Без помощи братьев я вряд ли отбил бы нападки помощника Серого нейтралитета. Рысь сказал, чтобы стать сильнее, мне необходим второй тотем — высший. Хоть что-то. — Сергей чуть понизил голос. — Я довольно слаб на любом уровне боевого контакта, кроме физического. А это только проба сил, мелкий ее, пугающий

краешек. Что мешает Духу в другой раз появиться на дне базы и прирезать весь мозг антисистемы? Не хочу оказаться бессильным. В конце концов, он может снова прийти. За тобой, за семьей, за близкими. Я не так силен, как мои враги. У них совсем другие уровни.

Лера возразила:

— Для неполных восемнадцати лет ты добился не так уж и мало, не прибедняйся.

— Да я не прибедняюсь, просто я со своих ступеней не могу зреть, какие дела делаются наверху. Дух нарушил границу, а я понятия не имею, как на это отреагировал баланс...

Рыжая погладила по плечу:

— Сережа, ну ты же не всемогущ, почему все должно висеть на тебе одном?

— Потому что Слава усыплен, а я его оруженосец. — Перед глазами встал образ меча в ножнах под диваном. Терпит последние неудобства перед переездом.

— Ну, так разбуди, — как ни в чем не бывало, ответил Лера.

— Насколько я помню слова деда, тут уже одним высшим тотемом не обойдешься, мне нужен обряд, посвящение, получение имени. Но я понятия не имею, кто может мне в этом помочь. Слабенький из меня какой-то радетьель Руси. Не знаю практически ничего и никого. И времени нет, и столько всего надо переделать... Клонироваться, что ли?

— О, Господи, да когда было иначе? — Всплеснула руками Лера. — Ты мне лучше расскажи, что ты имел виду, когда говорил, что Дух снова придет за мной? Он что, уже приходил?

— Да.

— Когда?!

— Время — странная вещь. Если ты хочешь ответ на вопрос «когда», то «никогда». Для этого витка времени ничего не было. Мы повлияли на «поток». Это случилось как бы в другом времени. Мы тогда с Семой сумели его вывернуть наизнанку, применив гиперборейский камень. Как я понял, это был магический преобразователь, сильный артефакт. Возможно, он и поныне лежит под землей. Только эти шутки с временем до добра не доводят. Пускай себе лежит.

— И ты говоришь, что ничего не умеешь? Вот так просто взяли и вытряхнули время, как половичок? — Брови взлетели к небу.

— Не просто. Я тогда чуть не умер. — Тут же «успокоил» Сергей. — «Правая рука» Духа сломал мне позвоночник, отказали ноги. Если бы не Сема... А впрочем, может, о чем-нибудь другом поговорим?

— Нет уж, скажи, с чего все началось.

— С погоды. — Припомнил Сергей.

— Погоды? Как романтично.

— Я хотел убрать духоту над городом, вызвал дождик...

— Наверняка была какая-то буря.

Сергей пропустил последнее мимо ушей, продолжил:

— Так вот, мое мелкое воздействие дало Духу право пересечь границу, послать спецназ для твоей с Машкой поимки. Еле обратно отбили, честное слово...

— Слушай, ты прав. Беда с вашим балансом. Ты, значит, погоду изменил — спецназ прибыл, а как Дух целую армию на порог перекинул, так ничего, да? — Очи пронзили вопрошающе.

Сергей вздохнул:

— Вот и я ничего не понимаю. Это игры дядей постарше. Впрочем, если Творец не всемогущ, как сказал Родослав...

— Да кто такой этот Родослав? — Возмутилась рыжая.

— Один из первых людей... А может, и первый, — пожал плечами Сергей. — По крайней мере, он может быть кем угодно.

— И часто он с тобой разговаривает?

— В последнее время часто, — припомнил Сергей.

— Вот у него про обряды свои и спроси.

— Как-то слишком просто. В жизни так не бывает. А вдруг за знания придется платить?

— С каких это пор ты стал таким сомневающимся? А где фанатичный блеск героя в глазах? Заболел?

— Грядет что-то... Я чувствую.

— Эх, не к добру, — протянула Лера и, глядя в окно, добавила. — Может, нас все-таки ДПС остановит? У тебя вот прав до сих пор нет.

— Не волнуйся, когда-нибудь обязательно получу.

— Ты то же самое и про мотоцикл говорил, — улыбнулась Лера.

Сергей вовремя повернулся, поймав улыбку.

На душе полегчало.

* * *

Белые фарфоровые кружки источали в воздух пар. Токаява неторопливо добавлял кипятка, мало обращая внимания на окружающий мир. У японцев при встрече не принято смотреть друг другу в глаза. Даже около тридцати лет прожив в России, сенсей Токаява Кебоши продолжал считать себя японцем.

Каждый человек, уезжая на чужбину, забирает с собой частицу старой родины. Как из русского нельзя выгнать Россию, так и японец останется японцем в любых ситуациях.

Старое поколение вряд ли примет процесс интеграции. Возможно, в чем-то они правы.

Скорпион сделал глоток зеленого чая, неторопливо поставил кружку на низкий столик — сидели, подогнув ноги под себя, на мягких бамбуковых циновках — поднял взгляд на новосотворенную икебану бывшего тренера.

— Красиво, — донеслось невербальное от Семы. — Вроде пучок веток и сухих цветов, а присутствует какая-то внутренняя гармония. Умиротворенность.

Сергей видел глубже. Четырнадцатая ступень «травы и деревьев» позволяла видеть внутренние потоки энергии растений. Икебана мертва, но само ее угасание запечатлело весь внутренний мир седого японца напротив.

Островной народ. История и недостаток территорий научили использовать во благо любой клочок земли. Любую деталь интерьера. Мастер рукопашного боя больше походил на умелого садовода, выращивая карликовые деревья «бонсай» на подоконнике кухни однокомнатной квартиры, чем на непобедимого в прошлом учителя.

Сема вывел из размышлений, напоминая, что пришли все-таки поговорить и помочь, а не только чай пить.

— Сенсей, вы отказались переезжать в другую квартиру, возглавлять новые антисистемные секции, принять активное участие в Совете, практически вы отрезали себя от этого мира.

Сенсей, не поднимая глаз, неторопливо ответил:

— К чему мне настоящее, если я сам давно принадлежу прошлому?

— Скорп, я тебе говорю, бесполезно. Только Ино. Только в Японию.

— И что мы ей скажем? Привет, возьмите, пожалуйста, сенсея обратно. 60 лет — это для России возраст достаточный для запасаания белыми тапочками, а в Японии это едва ли выход на пенсию.

— Что ты со своей статистикой? Его жизненный тонус продлить можно и до ста двадцати, а что толку? С таким жизненным настроем это будет больше походить на ад. Зови Тосику.

Вернулись к вербальному разговору.

Сема брякнул кружкой о стол, привлекая внимание сенсея.

— Токаява, как мы можем снова увидеть улыбку на вашем лице?

Сенсей не ответил, витая внутри себя, как в бесконечном вакууме космоса.

— ТОСИКА!!! — Закричал Скорпион во всех доступных диапазонах общения, от вербального до энергетического.

Кружки на столе рассыпались на осколки, но Сема и сенсей едва ощутили давление на уши. Вроде бы Сергей кричал довольно мощно, но звук поплыл по кухне какой-то странный, словно живой.

Четвертое место за столом заняла молодая черноволосая женщина с заплетенными в клубки волосами по японскому стилю. Она была в черном обтягивающем одеянии, с черными длинными ногтями. Плотные губы были в черной помаде, за плечами в широких ножнах висел самурайский меч. Едва ли он требовался для защиты...

Новая гостья неторопливо протянула руку к разбитым кружкам. Те снова воссияли первозданной целостностью, и даже чай в них все так же подкидывал в воздух горячий пар. Тосика подержала одну из кружек в руках, сделала небольшой глоток, после чего молвила, разглядывая икебану чуть сбоку.

— Кебоши-сан, ваш чай великолепен и тридцать лет спустя.

Токаява сложил руки лодочкой, поклонился лбом до самого стола. Не поднимая головы, обронил трепещущим голосом:

— Тосика-сан, ваша похвала не достойна меня.

— Скорп, почему она вся в черном? — Не вербально спросил Сема.

— Потому, что в Корее белый считается цветом траура. — Ответила за Сергея Тосика, перехватив смысловый пакет.

— Но ты же живешь не в Корее, — не растерялся Сема. — А в Японии, как и в России, цвет траура — черный. Или ты как сенсей скучаешь по родине?

— Сема, не дерзи. Тосика, простите его. — В слух ответил Сергей, кланяясь, как сенсей.

Воевать с Серой из-за каких-то слов не входило в планы.

— Ой, да хватит вам. — Всплеснул руками Сема. — Токаява скучает по Японии, но гордость самурая не даст напрямую спросить разрешения вернуться, а самой наставнице Японии бегать по подданным не с руки. Так и тянут. Тосика, как разрулить эту проблему? Давайте вы попросите Ино забрать старичка на родину, а мы для вас сделаем все, что в наших силах. Идет?

Кореянка улыбнулась краешком губ. Карие глаза блеснули.

Токаява налился пунцовым цветом. Только отсутствие меча и статус Семы в качестве гостя не позволял разругать того пополам за «старичка».

Скорпион вздохнул. У брата слишком западный подход к разговору. Хотя, вроде бы и не восточные люди.

Кто мы? И запад, и восток? Или не те, не другие? Третья сторона? Что-то из разряда опытов над человечеством.

— Вообще-то, вы можете мне помочь, — глаза Тосики поймали собеседника в прицел — не японка, кореянка. — Есть у меня одна проблема в Корее, и у Ино в Японии не все в порядке. Так что за возвращением сенсея и финансовыми вливаниями в струнные проекты дело не станет... Договорились?

— Откуда вы знаете про струнные проекты? — Сморозил очередную глупость Сема.

Скорпион отвесил брату подзатыльник — точно, не восток и не запад — поймал взгляд Серой, вопрошая:

— В чем заключаются проблемы в Корее и Японии? Мы вдвоем справимся или нужна группа?

Тосика поднесла кружку ко рту, пригубила, раздумывая. Помада при всем желании не желала оставаться на белом фарфоре. Пауза затянулась. Наконец, решилась:

— Двое не привлекут особого внимания, а группы бесполезны. В моей стране триада²⁰ Духа постепенно вытесняет влияние якудзы²¹. Наших с Ино ставленников

²⁰ Триада — китайская организованная преступность.

вышибают, как кегли. Если так дело пойдет и дальше, наш контроль ослабнет. Инициатива по Дальнему Востоку перейдет в руки Духу. Это никому не надо, даже вам.

Сема расплылся в улыбке. Только что со своими бандитами разобрались — Рашн мафия — тут еще другие мафиозные структуры.

В каждой стране одно и то же, только в разных обертках, — подумал Сема.

— Не поделили сферы влияния?

Тосика кивнула.

— Кай Чи — тот человек, что напал на вашу базу. Ставленник Духа. Он тревожит мою страну, подчиняя себе все, до чего может добраться. Если доберется до арсеналов Северной Кореи, будет фейерверк... ядерный.

— А Золо что? — Осторожно спросил Сема.

— Если до этого дойдет, Эмиссар просто зачистит обе мои разделенные страны, устроив выжженную пустыню, и все.

— Значит, мы должны нейтрализовать Кай Чи? — Вздохнул Сергей, разглядывая икебану.

Опять драки. А так в Аркаим хотелось пораньше слетать, — подумал Сергей.

— Но как мы это сделаем, если едва-едва заставили его покинуть базу?

— Ты получишь мою помощь... вы оба... — Тосика протянула через стол обе руки, ладонями вниз.

Скорпион пригнул голову, подставляясь под ладонь. Сема последовал его примеру. Приятное тепло коснулось макушки, потекло по телу. Сергей ощутил раскрытие новых, восемнадцатых врат силы — «рыбы, позвоночная жизнь в воде» — и мир вокруг стал немного проще и доступнее. Силы и уверенность возросли.

Да, теперь можно и в Южную Корею на беседу к Кай Чи. Нечего чужие территории захватывать. Да и финансовые вливания не помешают. Гений один не справится.

Сема почти услышал щелчок в голове. Новых ступеней не ощутил, но что-то новое корейка в нем открыла.

— Теперь вы готовы, — сказала Тосика по-корейски.

Токаява промолчал, а Сема едва не всплеснул руками — он понимает! Она открыла «транслейтор», уникальный переводчик. Теперь никакого языкового барьера.

— Да, да, да, мы готовы! — подтвердил Сема. — А с японской дилеммой что?

— Всему свое время, — прошептали черные губы, и стол напротив опустел.

В воздухе остался едва уловимый запах цветущей сакуры.

Сема почесал подбородок, прокручивая в голове сотни вариантов.

Вроде бы никакой подставы. Выгоняем Кай Чи, хотя бы в качестве мести за нападение на базу — Тосика дает средства на струнники и допускает до миссии в Японию, где — сенсей, не надо так смотреть, будет тебе Япония, будет! — есть еще какая-то проблема. У Великих свои игры. До них еще как до Луны пешком.

Скорпион не особо удивился, услышав дверной звонок, что в квартире сенсея редкость — друзьями не обзавелся, вел замкнутый образ жизни.

Токаява поднялся, исчез. В коридоре послышался торопливый разговор. Хлопнула дверь. Вернулся Кебоши с толстым чемоданом и двумя билетами на рейс до Сеула, выполняющийся через два часа.

Сема взял чемодан, колдуя над замком, задумчиво спросил:

— Скорп, а Великие заранее знают, как поступят люди? Откуда она знала, что мы ее позовем. Курьер и билеты — не пятиминутное дело.

— Мы для них просто очередная шахматная партия, — ответил Скорпион и рубанул по замку ребром ладони.

Железячка отлетела. Блондин поднял крышку и присвистнул над урожаем

пятисотенных купюр евро.

— Я не знаю, сколько здесь миллионов, это всего лишь аванс, но с Кай Чи нам придется повозиться. Маше можно позвонить?

— С Кореи позвонишь, у тебя же роуминг, — подмигнул Скорпион, поворачиваясь к сенсею. — Токаява, мы сделаем все возможное, чтобы к осени ты жил там, где живет твоя душа.

Токаява склонил голову.

— Ага, и чемоданчик Ваське не забудь отдать, — хихикнул Сема, скрываясь в коридоре. На карманные расходы много не возьмешь — за рубеж с большими суммами наличности не пускают, а аэропорт Антисистема пока не выкупила.

Двое заспешили по лестнице.

— Скорп, а в Корею виза нужна?

— Не помню, чего ж сам не спросил?

— Так нас пустят?

— Полагаешь, Тосика не учла подобные мелочи?

— Скорп, напомни выкупить аэропорт, когда прилетим. Ты же меня знаешь, такая мелочь, а в голове занозой будет сидеть.

— А почему ты не говоришь, «если прилетим»? Ты раньше всегда так говорил, — напомнил Сергей.

— Потому, что ты маме не позвонил, — неожиданно для себя ответил Сема, вспоминая тетю Лену, которая фактически стала матерью.

— Еще не вечер.

Солнце яростно набросилось на двух вышедших из подъезда, словно стараясь испепелить.

Темно-зеленый джип «Гранд Чероки» с красной лейблой скорпиона на двери приветливо пикнул сигнализацией и, взяв пассажиров, помчал в аэропорт на пределе своих возможностей.

На середине пути запищал телефон.

— Ало, — активировал голосом телефон Сергей.

— За чемоданчик, конечно, спасибо, — слышался торопливый шепот Василия. — Но почему я снова должен разрабатывать план отвлечения девушек?

— Тяжела судьба гениев, — вздохнул по-стариковски Сема, загибая пальцы. — Одному скажи чемодан забрать, второму девчонок отвлечь, третьему акции авиационного завода Сухого поручи выкупить, четвертому аэропорт, пятому начать копать под космодром Свободный, шестому построить новую ракету на твердом топливе. Беда прямо-таки, беда. Клонировать себя, Васька. С реинкарнацией мы как-нибудь разберемся. Ты прагматики побольше, прагматики...

— Блондин, не прагматики, а прагматичности. Вы надолго в командировку? — прервал Гений.

Сема со Скорпионом переглянулись.

— Да я уже знаю. — Ответил на незаданный вопрос Василий. — Раз в аэропорт, значит, в командировку. Спорим, Дмитрий Александрович в этот раз даже кружку с кофе не уронит, когда я скажу, что вы где-то в другой стране. Так, когда вернетесь?

— Не знаю, Васька. — Ответил Скорпион. — Но если вернемся...

— Когда вернемся! — Поправил Сема.

— Когда вернемся, — поправился Сергей, — начнем строить первую ветку струнника. Готовься, Вася. Мы за ресурсами. По самой кровавой стезе. Других нет.

— Всегда готов! — ответил по-пионерски вдохновленный Гений.

Связь отключилась.

* * *

Южная Корея. Сеул.

Четыре часа спустя.

— Слушай, а почему страна утренней свежести? Жара еще та. — Сема поднял голову к палящему солнцу, пытаясь ощутить свежесть, но огненные лучи разбивали в пух и прах все надежды.

— А почему люди не летают? — В такт ему ответил Сергей, глядя по сторонам.

Предстояло отличить среди тысяч корейцев хотя бы пару японцев или китайцев. Хотя как-то зацепиться за след Кай Чи. Выделить кого-то в суетящейся толпе не представлялось возможным, все равно, что восточного человека заставлять искать различия между поляком и украинцем или белорусом и русским.

— А отвечать вопросом на вопрос не хорошо. Где-то даже не культурно.

— Это ты как наемный убийца говоришь, или как блондин спрашиваешь?

— Хм... я за «наших». — Вырулил Сема.

— Не отмазывайся. Практически нас наняли, чтобы устранить определенную фигуру. Киллеры мы. Причем заметные. Признай для себя — будет легче.

— Не наняли, а мстим мы. За базу мстим. Ответный гостевой визит. А наняли — это побочный эффект. Что-то вроде хобби, разминки, тренировки. Не зря же каждый день проливаем реки пота в тренировках, как проклятые. Статус полководцев нелегко. Тем более, когда то и дело, подменяешь кого-нибудь из подопечных бойцов, а не просто командуешь из бункера. — Сема поправил резинку, что держала волосы за плечами в пучке, и остановился перед торговым лотком, выбирая солнцезащитные очки.

Странные разговоры двух парней европейского вида глушились в гомонящей толпе. Шли, поддаваясь потоку, не выбирая направления.

Тосика в аэропорту не встретила, значит, полный карт-бланш. Только времени как всегда не особо. Дали бы хоть какие-то зацепки.

— Скорп, а если мы на арамейском будем разговаривать или на древнегреческом, все равно будем друг друга понимать? — Сема, не торгуясь, сунул в руки продавцу десятикратную стоимость очков в национальной валюте, которую разменял чуть ранее в аэропорту.

— Сема, тебе не пять лет, учись думать сам. Хотя иногда. — Обронил Сергей, пытаясь распланировать, как завершить корейскую и японскую миссию, и успеть в Аркаим до начала учебного года.

Для Леры важно успеть на первый день занятий. И диплом важно получить настоящий, своими силами, ощутить всю прелесть студенческой жизни.

— А с инопланетянами универсальный переводчик тоже действует? — Сыпал, как из ящика Пандоры вопросами Сема.

— Встретишься — разберешься. Чувствую, тебе недолго осталось.

Сергей выловил в толпе японца, что под полой пиджака нес оружие: пистолет или УЗИ, как минимум. Тренированный глаз сразу выловил неестественную походку.

— Пойдем, есть зацепка.

— Она как-то связана с пятью китайцами в машине на улице напротив?

Сергей повернул голову и действительно увидел через дорогу потрепанную машину с пятью пассажирами. Стекла были опущены. В любой момент кто-нибудь из пассажиров мог воспользоваться оружием. В его наличии сомневаться не приходилось. Лица у китайцев сияли божественным светом милости богов — обкурились травки.

Ну вот, теперь сам черт триаде не страшен.

— Я за китайцами, ты за японцем. Встретимся где-нибудь. Время то же.

— Договорились, Сема.

* * *

Харуко Иригати нависал над Сергеем мощной горой. Бывший чемпион сумо,

представитель якудзы в Южной Корее, он двадцать третью минуту пытался расколоть Скорпиона на принадлежность того к работе на корейскую полицию или Интерпол.

— То, что ты спас нашего парня, еще не говорит в твою пользу. Это могла быть чистая случайность, — вновь прокатился тяжелый бас босса.

Сергей пожал плечами, раздумывая, как ускорить процесс. Без применения устрашения снова не получалось.

Ну не слушают люди слова. Это что-то заложенное на генном уровне. Это у людей в крови.

— Слушай, Харуко, у меня нет времени. Я заскочил в твою страну на сутки, не более. Ночью я должен лететь в Токио. А тридцать восемь вооруженных до зубов китайцев в погоне за твоим человеком — это совсем не случайность. Как сказал бы мой брат «фигово у него с харизмой». Так что есть случайности, а есть закономерности. Первого со мной не случается. Спроси у своего парня, тридцать восемь — страшная цифра? Если он скажет «нет», я встану и уйду. Только вам больше не понадобится больше размышлять. Никогда. Итак, это была закономерность?

Спасенный представитель якудзы в соседнем кресле, баюкая загипсованную руку, усиленно закивал, не дожидаясь вопроса.

— И чего ты хочешь? Благодарности? Денег? — Сумоист плюхнулся в кожаное кресло напротив. То едва выдержало двухсоткилограммовую тушу борца.

— Ни того, ни другого. Я пришел, чтобы оказать вам услугу, так как меня попросил кое-кто из вашего начальства. Дай мне оружие, людей и расскажи, где основное лежбище этого тюленя — Кай Чи. Я просто избавлю тебя от хлопот и исчезну с горизонта. Он сам мне на мозоль наступил. Иногда бываю злопамятным, как все люди.

Сумоист заржал. Четверо охранников по углам кабинета заржали в поддержку босса.

Сергей молча наклонился над столом, взяв пачку зубочисток. Пальцы метнули их как иглы и четверо охранников взвыли, держась за пронзенные острыми палочками зрачки.

Сергей, как ни в чем не бывало, мастерски отправил пятую зубочистку в рот, говоря теперь медленно, с расстановкой, вертя оставшимися снарядами, как факир дудочкой.

— Харуко, твой смех я прощаю. Убивать босса не в моих планах. Но если ты не воспринимаешь меня всерьез, будешь командовать армией слепцов. Боги дали людям по два глаза, но это легко можно исправить. Пусть кто-нибудь рассмеется еще.

Сумоист неестественно побледнел, ворочая толстой, как столб шеей от одного охранника к другому. Глазки забегали. Уверенность испарилась, как дым под порывом ветра. В зал вломилась еще охрана, услышав крики потерпевших. Введенным оружием покрылся каждый квадратный метр обширного кабинета. Злой металл и лица нацелились на странного гостя.

Сергей молча смотрел в глаза сумоисту, периферийным зрением насчитав восемнадцать человек. Скорее друг друга постреляют, чем попадут в диван, где он сидит.

Харуко замахал руками, выгоняя охрану вон. Черные пиджаки скрылись за бамбуковыми раздвижными дверьми, уводя с собой причитающих циклопов.

— Ты серьезный человек, вихрастый. Я дам тебе людей и оружие. Сколько тебе надо времени на подготовку?

— Нет у меня времени. Выдвигаемся сейчас же. Просто ткни пальцем в базу, где он находится.

* * *

Солнце зашло за горизонт, погрузив Сеул в сумерки.

Едва темнота сгустилась, как город украсился вакханалией огней и рекламы. Семь тонированных машин со скрипом шин перекрыли вход в небоскреб. Еще с десятков не приметных машин устроили аварии вдоль улицы, перекрыв все подъезды.

Черные пиджаки высыпали из автомобилей, как гроздь спелого винограда. Багажники

поднялись, полные оружия. В руках замелькали пистолеты, автоматы, тяжелое оружие, гранаты. Якудза организованно вооружились и выстроились в линию, ожидая приказов молодого вихрастого парня.

Скорпион неторопливо вылез из машины, разглядывая небоскреб. Пришлось задрать голову. Капитализм давно шагает по стране. Южная Корея гораздо раньше Японии окунулась в демократию, попав под влияние запада, сменив традиционные рельсы развития на капиталистическую магистраль. Страна торговли и услуг. В работе каждый клочок земли, как в Японии. Обе страны, какими их сейчас знает весь мир, начали преуспевать с того момента, когда японцы и корейцы поменяли кимоно на европейский костюм.

Верхние семь этажей неожиданно объяло пламенем. Чуть позже до слуха донеслись звуки взрывов. Осколки стекла посыпались на землю градом еще несколько секунд спустя. Взрывы не были направленными, и уничтожить здание как карточный домик не могли. Не были на это рассчитаны. Только пожар и выбитые стекла.

Скорпион, раздумывая, вытащил небольшой осколок из ладони, коротко крикнул растерявшейся банде, где одному особенно большим осколком отрезало ухо и пропоролло плечо.

На плечи прочих бойцов взметнулись гранатометы. Автомобили отпрянули от выхода на другую сторону улицы. Снаряды с небольшой вспышкой огня вырвались из дул, полетели сквозь стекло и металл первого этажа. Взрывы раздались практически одновременно, огнем объяло и весь первый этаж.

Один из якудз подбежал к Сергею, торопливо заговорил:

— Что дальше? Штурмовать?

— Нет, — коротко бросил Сергей.

— Почему? Мы не боимся умереть в огне, кодекс...

— Отступайте, — прервал Сергей. — Вам же не нужны проблемы с полицией?

— Но как же...

— Просто прикажи своим людям скрыться. А сам останься. Все увидишь собственными глазами.

Якудза не стал спорить. Воздух разорвали сирены сеульской полиции. По перекрытой улице им не добраться. Но через десяток минут проберутся пешком, следом спецназ, пожарные, медицинская помощь.

Машины японской мафии скрылись за поворотом. Себе место для отхода оставили, несмотря ни на какую честь.

Все слова, слова, но на деле — пиджаки вместо кимоно. Не тот уже дух преданности, сглажен демократическими принципами жизни.

Посланный Харуко человек заметно нервничал, оставшись со странным парнем перед входом в горящее здание.

Стекло третьего этажа разлетелось от мощного пинка. Стремительная фигура, прикрывая глаза, ринулась вниз вместе с остатками осколков.

Сема приземлился с перекатом, дыша, как рыба, выброшенная на берег. По чумазому лицу вместе с потом струились багровые ручейки, половина из которых успела засохнуть. Растрепанные волосы слиплись, походил на неистового ярого воина — берсерка. За плечами блондина висел ранец, дно которого промокло так, что каплями крови заляпало весь зад джинсовых шорт.

Сергей на глазах изумленного якудзы приподнял брата, отчитывая, как нашкодившего школьника:

— Ну, куда ты все время спешишь? Я хотел снизу вверх пробежаться по этажам и улететь на вертолетах, а ты сверху вниз промчался. Опять все переиначил.

— А что я мог поделать? Он мне очки сломал! И ни шиша он не крутой. — Сема по-арийски вытер кровавые сопли, усмехнулся, замечая постороннюю фигуру, переспросил. — Рюкзак японцу отдать?

— Я даже не буду спрашивать что там, — вздохнул Сергей, забирая рюкзак и вручая

якудзе.

Якудза открыл замок, заглянул внутрь, закрыл и, коротко кивнув, побежал прочь, скрывая дрожь в коленях.

— Ну, должен же я был принести какие-то доказательства, — глядя убегающему японцу в след, обронил Сема. — А голову ему дверью лифта оторвало. Честное пионерское. У них лифты — жуть! Чуть не успел, раз и все. Самому страшно. К тому же он Васю тогда напугал, этот ставленник Духа. Эти гении, они же такие ранимые. А тут захожу в гости к этой руке Отшельника с ножичком в голенище сапога, а он как раз героинчик пробует, расслабился. Мне так подфартило, так подфартило...

— Врешь, кшатрий, ты не в сапогах. Ты в кроссовках.

— А, так это уже совсем другая история, — пожал плечом Сема. Второе было вывихнуто. — Она связана с теми пятью китайцами в старой Хонде. Честное пионерское.

Двое неторопливо зашагали по улице, для приличия споря о деталях разработанного в самолете плана.

Пламя от пылающего небоскреба еще долго реяло над Сеулом, как факел.

Зримая, выполненная цель для Тосики.

* * *

Япония. Токио.

Семь часов спустя.

Боинг 767, выпустив закрылки, коснулся асфальтированного полотна взлетно-посадочной полосы ночного мегаполиса. Подпрыгнул и вцепился в землю всеми шасси, резко сбрасывая скорость. По салонам прокатился облегченный вздох. Люди до ужаса боятся летать — телевизоры не перестают показывать ежедневные трагедии катастроф в разных концах мира. Черный пресс СМИ работал великолепно.

Сергей протяжно зевнул, забирая окружающую энергию, что в биосфере есть практически везде, кроме геопатогенных зон, которые, наоборот, энергию отбирают.

Сема боязливо поводит раненым плечом, ощущая последствия лечения, расплылся в улыбке:

— Благодарю, брат. Как всегда высший класс. Мне надо тоже пару ступеней подучить, авось пригодится.

— Ты свои командировочные отвоевал. Сейчас пойдем, что нужно Ино и я все доделаю сам.

— Да я что, «против», что ли? Воюй.

Скорпион помрачнел, прислушиваясь к себе. Лоб нахмурился, глаза забегали, словно где-то глубоко в себе таил сонмы нервов, но ходу им не давал.

— Не в этом дело, сегодня мы должны вылететь домой. Я что-то чувствую... Что-то совсем близко. Рядом... Надо успеть.

Сема сжал за плечо:

— Не, брат, с таким настроением ты не боец. Какое тебе состояние боя, когда ты всеми мыслями остался в Хабаровске? Сегодня пусть пули ловит кто-нибудь другой. Расслабься.

— Мы не браманы²², чтобы расслабляться. Воины всегда на стороже.

Воздух сгустился. Обстановка изменилась. Кожаные кресла перед глазами резко сменились на стены, увешанные разукрашенными бамбуковыми циновками, полотнами иероглифов: земля, жизнь, сила, заботливо перевел для мозга переводчик.

В воздухе носилась музыка странного струнного инструмента, то ли из одной, то ли из двух струн. Слух воспринимал его именно таким. Витал едва уловимый запах корицы и соевого соуса.

²² Браманы — высшая каста мудрецов в ведизме.

Сема проморгался, говоря в пустоту первое, что пришло в голову:

— Политикам только кажется, что они обладают властью. Реальная власть у тех, в чьих руках оружие, кто профессионально организован и подготовлен к решению боевых задач. Не так ли, Ино?

— Ты во многом прав, белобрысый, — слышалось со всех сторон.

Даже тренированное ухо не могло определить источник звука.

Скорпион снова зевнул:

— Ты вытащила нас из самолета, для того, чтобы посадить в пустую комнату или эти запахи — признак того, что ты хочешь нас накормить перед миссией? Я бы предпочел твоим суши пару часов сна. Или баньку с кваском.

На полу образовался низкий столик, уставленный национальной снедью. Прямо напротив за столом сидела невозмутимая Тосика.

— К сожалению, хозяйка не в настроении.

— Это ее золотой запас царской России жмет. И судьба Курил беспокоит. — Не упустил случая подложить шпильку Сема, вытирая руки мокрым полотенцем и хватаясь за палочки. — Пусть не боится, запас к нам за транзит по струннику за пару лет перетечет, а на островах турели с ядерными ракетами уже стоят.

Тосика никак не выразила эмоций, по каменному лицу вообще было сложно догадаться о настроении Серой.

— Тосика, вам бы в картишки. Все прикупы ваши. — Снова подмигнул Сема.

Сергей помассировал виски, не притрагиваясь к еде. Внутреннее беспокойство не покидало. Сухо обронил:

— Тосика, давайте о деле. Какова цель второй миссии?

— Набутаро, — тут же ответила Тосика. — Ставленник Ино взбунтовался, подмяв под себя большую часть семей якудзы.

Сема присмотрелся к зеленому квадратику васаби — острейшей приправы в мире — прошептал, хватая на палочки:

— Моей стойкости хватит, чтобы преодолеть тебя. Я уже не тот, что три года назад! — И отправил весь кусок в рот, прислушиваясь к ощущениям.

— Тосика, вам не кажется слишком странным, что Ино не может справиться со своим ставленником? — Говорил Сергей, краем глаза поглядывая на огнедышащего Семена. Тот сметал со стола все, что было, лишь бы перебить поток горечи во рту и перестать лить слезы.

— Это ее условия, — беспристрастно ответила Тосика. — В случае успеха местечко для сенсея уже подыскано, финансы готовы к отправке в ваш банк.

— Наш банк? — Поднял бровь Сергей.

Тосика кивнула, не вдаваясь в подробности.

Сергей вспомнил голодные годы больницы, уличные скитания, обреченные взгляды беспризорников. Решительно поднялся, загоня сон и усталость далеко внутрь.

«Нет уж, пора поднимать страну из этого экономического бреда реформ. Ради всех ее жителей, вперед, Сергей. Прочь тоску».

— Сема, пойдем, родина-мать зовет.

Сема перестал кривляться, изображая попытки избавиться от васаби. Посуровел, скулы заострились. Но на прощание не удержался, добавил:

— Вот если бы еще разум-отец позвал...

Японской мафии в эту ночь не спалось. Набутаро ощутил на себе гнев русских ниндзя и еще один небоскреб запыхал горящим факелом в ночи на потеху случайным очевидцам и работу пожарникам, полиции и государственным конторам.

Двое же спокойно сели в самолет, и железная птица понесла домой.

Командировка не затянулась.

* * *

Хабаровск.

Девять часов спустя.

Солнце довольно уверенно висело на небосводе, силясь дотянуть до полудня. Жители города забились по квартиркам под кондиционеры, не желая выходить на раскаленную улицу без крайней необходимости. Город замер и опустел, утомленный августом.

Джип домчал от аэропорта до квартиры быстро. Трассы города были подозрительно пусты, и блондин гнал, по спецназовской привычке забыв правила дорожного движения, но ДТП не устраивал. Внедорожник вцепился в трассу, как танк в землю, в повороты вписывался так, словно законы тяготения кто-то вовремя отменял. Вряд ли у случайных свидетелей возникал вопрос «есть ли у водителя водительские права?»

От самого аэропорта зеленый свет был на каждом светофоре. Сема не задумывался, стечение ли это обстоятельств, или напряженное лицо Скорпиона что-то значит. Отвлекал от подобных мыслей Василий, бормоча из динамика:

— Свой банк в центре города. В этом году. Признаюсь честно, не ожидал.

Скорпион помассировал растянутый голеностоп, криво усмехнулся:

— Ты только новости не смотри. Особенно международные каналы.

Сема невольно улыбнулся и скривился от боли в ребрах. Кости целы, но все тело сплошной синяк. Помяли здорово, живого места не осталось. Не герои, что отправляют на тот свет сотни злодеев, и даже пылью не покрываются. Охота была за одним человеком, но до него еще стоило добраться...

Придется все-таки пару суток поспать. Не воинское это дело, лазить по небоскрегам без страховки. Да и с этажа на этаж, пробиваясь сквозь орды пиджаков... Надоело. Выспаться надо, — подумал Сема.

— Молодцы, парни. Кстати, девушки ваши к вечеру с экскурсии на Сикачи-Алян приезжают. Насмотрелись на каменные изваяния прошлого с головой. Признаюсь, мне пришлось долго уламывать деканов институтов собрать группы первокурсников на экскурсии раньше начала учебного года. Пришлось институтам обновить компы.

— Благодарю, Василий, до скорого.

— Отдыхайте, парни.

Сема въехал во двор, безуспешно выглядывая места для парковки. Какой-то «крутяк» поставил свой Лэнд Крузер прямо поперек, загородив одновременно целых три места для стоянки.

— Не оскудеет земля талантами! — буркнул Сема, вылезая из машины. Подошел к сияющему автомобилю, но вовремя вспомнил о вывихе. — Скорп, у меня плечо с прошлого раза не заросло. Подтолкни дяде машинку. Тети ездят на автомобилях поминиатюрнее.

Сергей, хромая, вылез из салона, подошел к стеклу, причитая:

— Достал меня этот таможенник. В прошлый раз толкали, дважды не повторяем.

Ребро ладони выбило стекло. Воздух разрезали жалобные визги всех кошек мира. Автомобиль усиленно звал хозяина.

Сема, вздохнув, поспешил к своей машине, предчувствуя развязку и отгоняя автомобиль подальше за дом.

Из окна пятого этажа вылезла толстая репа начальника таможи.

— Ты че, урод, жить надоело?

Сергей молча показал таможеннику захваченную в салоне Чероки гранату, выдернул чеку, бросил в разбитое окно и отошел, на ходу крича:

— Елисеев, последнее предупреждение! Одумайся!

Взрывом выбило стекла и покорежило корпус. Пламя лизнуло салон и подорвало неполный бензобак. Но, ни одна из рядом стоящих машин не пострадала, джип стоял удобно. А людей на улице и так не наблюдалось.

Сергей постоял у подъезда, разглядывая повылазивших в окна очевидцев. Мелькнули фотоаппараты, сотовые. Сердобольные хватались за лекарства, причитали. Кто-то, как и Елисеев, набирали милицию, кто-то с жаром развел дискуссию, восхищался и спешил

скинуть эм эм эс другу или подруге с пометкой: «Смотри, у нас тут тачку взорвали. Так клево горит». Обладатели стоящих недалеко автомобилей отключали вопящие сигнализации.

Сергей дождался брата, но не дождался мести таможенника. Сема появился довольно скоро, а нечистый на руку предпочел отсидеться дома, звоня милиции, но попадая на людей Антисистемы. Конечно приедет патруль, составят акт, опросят свидетелей, но вихрастый из всех показаний исчезнет и дело закроют за недостатком улик — взорвалась от сильной жары, чего уж там.

Молча зашли в темный, исписанный подъезд. Не привычна была вся эта грязь после вылизанной Японии, Южной Кореи и навевала тоску. Повышенной солнечной активностью напекло голову и настроение было под стать командировке — мрачной и бессмысленной. Просто одни люди убили других с выгодой для себя, а по сути ничего не изменилось.

Сема, вздыхая, надавил кнопку лифта — по лестнице после командировки идти сил не осталось, встречаться взглядом с трясущимся таможенником тоже. Еще пришедшие в себя автовладельцы, улизнувшие из дома дети и прочие сознательные граждане начинают стекаться посмотреть на ЧП.

Таможенник пусть сидит себе за дверью, но зачем торчать у дверного глазка, шипя на бедную жену, чтобы заткнулась и сидела тихо? Все это не сложно представить. Сколько раз с подобным сталкивались за три года работы. Неужели прошло всего три года? Такие насыщенные. Творец, как же я устал от этого бремени, — подумал блондин.

Сергей обнял за плечи, лбы встретились.

— Брат, сегодня отоспимся, завтра переезд. Меня самого уже эти каменные курятники напрягают. Я уже даже думать без матов не могу. А ты ведь помнишь, каким я чистым пришел из тайги?

— «Исполать», «мир вам, люди», «вразумляйте», «добро здравствовать». Да помню, как не помнить. Только жизненные условия меняют человека, приспосабливаемся под эту чернь окружающего пространства. А многие из нее и не выходят, рождаясь и умирая в ней же, не видя других граней одного алмаза.

Сергей устало хохотнул:

— Суфий, может в пустыню?

Блондин зевнул, первым выходя из мрачного лифта, где лампочка под потолком горела едва-едва. От обширной экономии ЖКХ заменила стандартные лампочки Ильича лампочками от мини-фонарика или вовсе ручных часов. Про энергосберегающие, что долговечнее в десяток раз и экономят четыре пятых электричества, а света дают как стандартные, никто и не помышлял.

Сема прошлепал по коридору, нарочито топая, как дивизия солдат, ткнул пальцем в кнопку звонка. Немного подождали, но открывать никто не думал.

Странно, Елена почти всегда дома. Может, с девчонками ушла в парк гулять? В такую жару? Вряд ли.

Сергей, разгребая все внутренние противоречия, что терзали всю дорогу, быстро открыл дверь своим ключом. Пальцы странно трясло, на голову давило пудовой гирей. Внутренний страж говорил, что корень всех неприятностей и волнений за дверью.

Сема отпихнул брата, первым вломился в проход, готовый к бою. Тело услужливо забыло про синяки и перенапряжение, вскрыло очередной резерв, позволяя хозяину двигаться в темпе, без боли в натруженных мышцах.

Сергей, поджав левую ногу с проблемным голеностопом, попрыгал на правой в детскую. Блондин носился из зала на кухню, с кухни в спальную и дальше на балкон, снова по коридору.

Елена металась по полу, хватаясь за голову, словно от жуткой, нестерпимой боли. Носом шла кровь. Владлена сидя оперлась спиной о кровать, пряча голову меж коленей, веки и губы были плотно зажмурены, испытывала то же, что и Елена, только как-то справлялась с дикой болью и не позволяла давлению выкидывать из носа багровые потоки.

Ладушка молча сидела на кровати. По щекам большими ручьями текли крупные слезы. Неестественно-синие губы были плотно сомкнуты в линию, за голову не хваталась, но лучше бы просто болела голова — веки были широко раскрыты, а глаза запали зрачками вниз. На мир смотрели только белки, словно была в каком-то трансе.

Сергей, забыв про ногу, метнулся к кровати. По голове тут же здорово треснули битой, старым чугунным утюгом, массивным бревном. Тяжелое и массивное все падало и падало, выбивая землю из-под ног и всячески стараясь отключить сознание. В голове взрывались молнии, гремел гром, перед глазами искрило, яростно носились черные мухи.

Мощное пси-поле не подпускало к себе никого. На периферии оставшегося разума пополз по полу к Ладе — способности индиго-паранорма у сестры раскрылись резко и самым неожиданным образом.

О, боги, слишком много времени отдавал командировкам. Надо было сестрой плотнее заниматься, да все откладывал, откладывал... дурак.

Сема вырос за спиной, согнулся пополам, сдерживая крик — виски взяли в тиски, макушка грозила взорваться, забрызгав весь потолок содержимым черепа. Морщась, пополз к Елене, потянул за ногу на себя, стараясь вытащить из комнаты, как можно дальше от источника подавления психических волн.

Скорпион помнил, что каждый человек звучит в своем диапазоне, но если на мозг воздействует другой источник, происходит «разлад». И стоит по возможности дальше отвести либо сам источник, либо тех, кто под влиянием. Поэтому Сергей добрался до кровати, обнял Владлену, приподнял и, что есть мочи, толкнул к выходу.

Голову от рывка почти сорвало, едва пересилил новый приступ «мух» и, балансируя чудовищно тяжелой головой, поднялся на руках по кровати. Опрокинул разлаженную Ладу-источник на бок. Пальцы коснулись ее висков, в мозг проник такой импульс, что показалось — кожа на руках объята пламенем, плавится, словно сунул руки в раскаленную лаву действующего вулкана. Но глаза ясно видели, что с пальцами все в порядке, просто обман мозга. Было необходимо перетерпеть эту жуткую, невыносимую боль. Сознание боролось с чувствами, разум паниковал.

Все обман. Обман.

Лада закричала. Дико, истерично, как раненый, обреченный зверь, как человек, что увидел и пережил слишком много, не в силах выдержать и совладать с полученными знаниями. Худенькое тело выгнулось дугой.

Сергей обхватил сестру замком, прижал к себе, не позволяя сломать ей в приступе позвоночник или свернуть шею.

Пятилетняя Лада кричала нестерпимо, на разный манер, то фальцетом, то басом, меняя интонацию произвольно. Хрипела, сипела, носом пошла кровь, кровь пошла и из ушей от чудовищного давления под черепной коробкой. Это было похоже на ломку наркомана, избавление от бесов и истерику заостренного психически ненормального человека разом. Но это не было ни первым, ни вторым, ни третьим. Наверняка это было большее родов, большее переломов и костра инквизиций. Боль за гранью.

Сергей не смог сдержать слез, когда длинные русые локоны маленького ангела на глазах обретали стальную краску. Белели и сидели. Это было страшно и невыносимо. В груди все сжалось, плотнее обхватил сестру, стараясь забрать хотя бы часть боли себе, хоть каплю.

Обоих подбросило на несколько метров под потолок. Скорпион перехватил дыхание, едва успел повернуться в воздухе, приняв неожиданный удар своей спиной, но не какой-то частью младшей сестренки. Снова упали на кровать.

Скорпион придавил извивающееся тело всем весом, вдавил в кровать. Силы, что пробуждались в сестренке, превосходили всю его физическую мощь, и он подозревал, что если бы Лада не боролась с собой, давно бы распластала его о стену, стряхнув, как пушинку. От этой силы по спине бежали мурашки, впервые в жизни боялся, что не сможет совладать...

Какие Серые, какие Эмиссары? Это гораздо... страшнее.

Сема, тяжело дыша, стоял на коленях. Наблюдал как всей силы брата, и восемнадцати пройденных божественных ступеней едва ли хватает, чтобы маленькая девочка не разрушила всю квартиру, не сложила весь панельный дом, как карточный домик. Скорпион прокусил губу от перенапряжения. Тренированное тело перевилося канатами мышц, волосы растрепались. Держал ее на пределе сил. А локоны Лады засеребрились, обретя платиновый цвет. Закатившиеся белки глаз покрылись сеточкой лопнувших капилляров. Это все казалось сном. Страшным, неестественным сном.

Такого не может быть. Какую силу старается подчинить себе Лада? Что проснулось внутри ее? — с ужасом думал Сема, не в силах ничем помочь.

От очередной психической волны сознание вырубилось, как будто кто-то выдернул телевизор из розетки. Перед глазами вдруг все потухло, отбрасывая блондина в аут.

Сергей держал неистовую сестренку из последних сил, перенапряженные жилы свело судорогой, перестал их ощущать, удерживая лишь силой воли. Ныло и болело все. Тело просило пощады, мозг отказывался воспринимать действительность, подвергаясь посторонним нападкам, постороннему программированию, сбою. Психические импульсы Лады сбивали нормальную работу разума. Как радиация уничтожает тело, Лада неподконтрольными силами разрушала и глушила все живое, расширяя радиус и не в силах остановиться.

Перед глазами Скорпиона плавали галлюцинации, стены двоились, мириады фигур, красок, ощущений, странные запахи, которых в принципе не могло быть в комнате, заполнили сознание. Этот бред был страшен тем, что не мог оставить для разума ни одного ориентира. Все пять органов чувств взбунтовались, обрабатывая неверную информацию. Информационный канал переполнился, и «фильтры» больше не функционировали. Временами казалось, что висит в невесомости, временами давило к земле так, словно находился в гравитационной комнате при всех пяти g. Слепой, немой, глухой, потерявший способность чувствовать и воспринимать мир, боялся сдавить сестру так, что задушит до смерти, но отпустить — и все вокруг рухнет.

Не мог себе позволить упустить момент, когда она перестанет сопротивляться. Когда силы иссякнут — станет безвольной тряпичной куклой. В этот момент никак нельзя давить так, как держит сейчас. В нормальном состоянии сестренка не выдержит этих тисков. Но между тем разум почти уничтожен, еще одно усилие и вся суть самого Я уйдет куда-то вглубь, уйдет информацией в высшие миры, оставив в мире физическом лишь оболочку, зомби, «овощ» без памяти и осмысленных действий. Прошлого Я не останется.

Разум выкидывает из тела. О, боги, это похоже на смерть... Нет... это хуже смерти.

— Давай, давай, борись! Ты можешь! Ты должен! — Раздался смутно знакомый голос, но доносился он во много динамичном звуке. Повышался до уровня писка, понижался до баса, пропадал и вновь резал черепушку, так похожий на галлюцинации. Бред или явь? Границы стерлись, все залилось сначала белым, потом черным.

Время пропало. Возможно, в том, реальном мире оно все еще шло, а здесь, за гранями разума свернулось в нулевую точку. Течение реки времени прекратилось, иссякло, обесточенное или промерзшее. Это невозможно было описать физическим языком, все чувства и эмоции отключились. Сергей словно ощутил момент смерти. Все замерло, освободив от боли за гранью. Затем чудовищный вихрь, водоворот, смерч и торнадо разом, подхватили и с огромной скоростью, завертели и, неумолимо, со всей возможной болью, вернули в тело...

Да. Это была адская боль. Тело трясло, белки покраснели. Не видел ничего вокруг, все слилось в черноту одной сплошной боли. Разум разворачивался из точки в пространство и, как самый жестокий садист, позволял насладиться всеми чувствами сразу.

Но боль... Значит жив... Тело болит, значит жив... Самый лучший индикатор... Жив! Жив!!! А! Этот физический мир... А... Это неудобное, мелкое тело... какие малые возможности... столько рамок... столько барьеров.

Очнулся здесь же, на кровати, подмяв притихшую Ладу под себя. Мышцы стянуло так, что не мог пошевелить ни одним пальцем. Смертельная хватка. Теперь предстояло бороться со своими собственными мышцами, чтобы ослабить хватку. Не сразу ощутил на висках ладони Рыси. Лицо брата было мертвенно-бледным, губы полопались как от сухого жара, под глазами висели синие мешки, словно не спал очень долгое время. Совсем не похож на молодого, пышущего здоровьем отшельника с молодой женой Натальей.

Пять чувств возвращались постепенно, боль, достигнув пика, ушла и голова поплыла в непонятной неге, блаженстве — давление пропало. Тело ощутило вибрацию — Ладу трясло. Но уже не новый приступ — тихо бесшумно плакала, потеряв все возможные силы.

Борясь с собой, словно сдвигал гору, невероятным усилием разжал белые пальцы, что впились в кожу Лады, как клешни, оставив синяки почти по всему телу.

Но какие же это мелочи после пережитого.

Легкие с сипом схватили воздух. Ощутил свое дыхание, рядом с дыханием сестры.

Неужели оба все время битвы не дышали? А сколько шло сражение? Где время?

Рысь бил по щекам, привлекая внимание и возвращая в реальный мир. Какой из миров реальный, Сергей сомневался. Побывал на грани. На настоящей грани, у самой черты. Все драки и сражения, попытки умереть после истощения, все ничто по сравнению с этим. Пшик, детский лепет, мыльный пузырь. Чудовищным усилием перекатившись на бок, потерял сознание.

* * *

Неизвестное время спустя.

— Никаких спать! Слышишь? Откат будет таким, что вряд ли проснешься. Вставай и разминай мышцы. Сквозь любую боль, сквозь любое бессилие. Если после этой дикой судороги ты позволишь себе расслабить все мышцы, сердце остановится, внутренние органы перестанут работать. Но если с этим можно бороться, то мозг твой вряд ли вспомнит все как надо, не позволяй ему дать сбой. Ты только что пропустил через себя чудовищное количество неконтролируемой психической энергии. Я знаю, ты меня слышишь, постарайся открыть глаза и шевелить рукой-ногой, постарайся двигаться, запуская все прежние двигательные функции. Не позволяй мозжечку забыть свою функцию. Давай, давай, братишка, Лада спит, ты ее спас, больше таких всполохов не будет, считай это ее второй день рождения. Со временем научится себя контролировать. Ты научишь, все будет в порядке. Открывай глаза. Блондин спит под кроватью, Елена и Влада лежат в коридоре. Соседи ближайших трех этажей тоже в отключке, но с ними все в порядке, они не воевали, не боролись с этими импульсами, просто позволив им заглушить свои. А ты боролся, ты противился потоку, что гораздо сильнее твоего. Лада — невероятной силы паранорм. Я не пойму, как твоя личность не стерлась всеми этими «помехами». Я читал про таких людей в Хрониках Акаши, но их за всю историю наберется едва ли два десятка. Если люди с такими способностями начнут рождаться в массовом порядке, человечество встряхнет. Возможно, она затмит Эмиссаров. Этот всполох слышали все, кто обладает хоть маломальской силой на нашей планете... И за ее пределами. Присмотрятся, потом начнется охота, слежка. Ты должен защищать ее... в том числе и от нее самой, это даже важнее меча Славы, поверь мне. Я едва успел выбраться из леса вовремя... Давай Скорп, ты должен. Твое тело не работает, ты практически парализован, но заставь себя двигаться, посылай импульсы, борись, выйди из комы до отката. Братишка, ты должен. Должен ради меня, ради деда, ради родителей, семьи, друзей, ради Леры, ради всех... Ты должен. Двигайся! Двигайся! Я не смогу отразить любое намерение Эмиссаров. Если Лада попадет в их руки, все, ради чего ты жил и боролся, сгорит в огне глобальной войны. Скорп, сделай это ради мира во всем мире. Ты не должен умереть на кровати, ты воин. Воины умирают в поле, в сече, на лихом коне, под крики умирающих врагов, под свист клинков и...

Скорпион резко привстал на кровати, обучаясь по-новому воспринимать мир. Это было

странно, видел, слышал и чувствовал все во всех диапазонах разом, снизу, сверху и отовсюду. Знал все и про всех, видел десятки видов энергии, что витали в воздухе. Весь мир вокруг — одни сплошные энергии. Они формируют предметы, сам физический мир, само пространство, все в строгом взаимодействии.

Органы чувств перестроились, диапазон расширился, время замедлилось. Губы Рыси ворочались невероятно медленно.

Скоро еще заметит отсутствие тела перед глазами? Надо, чтобы вообще не заметил.

Замедлил время еще больше. Сгустил. Или сам ускорился? Этот вопрос пусть лучше без ответа.

Губы Рыси перестали шевелиться, все вокруг застыло.

Чувствовал себя быстрым, как солнечный свет. Нет, лучи света летели сквозь окно со скоростью толстых червяков, что ползли по земле, не быстрее. Тела не чувствовал, словно его не существовало, был легким, как ветер. Мозг чист. Не от знаний и информации, а от рамок и барьеров тела. Их снесло тем самым ураганом. Не надо никаких ступеней, определенно достиг уровня одного из Пятнадцати сильных мира сего... или выше? Уровень богоподобного. Полшага до Прародителя.

Рано. Об этом никто не должен знать. Стоит закрыть силы в себе, чтобы не показать раньше времени. Есть еще дела на белом свете, рано еще за Творцом. Это стоит скрыть глубоко в себе, выпуская постепенно, по частям, пусть даже вместе с теми ступенями. Наверное, стоит скрыть свои возможности даже от себя. Все слишком рано. Оставить себе кое-что, а про остальное на время забыть. Забыть, чтобы потом вспомнить... Но кое-что можно сделать и сейчас.

Сергей неторопливо повернулся на кровати, коснулся лба Лады.

Спи, сестренка, теперь будешь контролировать свои силы, не причинишь вреда близким, не умея сдерживаться. Никакой Эмиссар не узрит твоих способностей. Ты семнадцать минут назад проснешься прежней от дверного звонка и забудешь весь ужас, а седые локоны пусть станут платиновыми, редчайший в мире цвет волос, ты примешь за подарок ангелов. Лада, ты вырастешь красавицей, умной, доброй и станешь существом, что перейдет грань человека и поможет человечеству преодолеть многие трудности переходного возраста. Спи, сестренка, ничего не было, будешь раскрывать свои способности постепенно.

Коснулся плеча Рыси.

Брат, зачем себя извел, отдав все резервы? Сиди в тайге, жена ждет. Ваше единство принесет мне четверо племянников и племянницу. Все вырастут достойными людьми, а ты, Рысь, совсем скоро получишь силу Серого, ты неплохо следишь за балансом.

Шагнул с кровати, шагая по воздуху. В сверхскорости или фактическом отсутствии времени, шагать, можно было без боязни. Можно было лететь или мгновенно перемещаться. Рамок нет. Водно-химический бульон под названием «мозг» о них не знает.

Склонился над Семой, читая как открытую книгу, улыбнулся, узрев всех жен и детей, весь род на десять поколений вперед.

Неплохое вливание в генофонд человечества. Только зачем тебе идти за мной, Сема, когда сделаешь первые шаги по тропе Творца, я буду уже далеко... Но ты упорный, встретимся. А пока, выйдя из лифта, ты просто позвонишь в дверь. Мы вернулись с командировки, и ничего не было. Мы просто вернулись домой, в семью.

В коридоре, прислонившись спиной к стене, сидела Влада. Голова безвольно склонилась на бок, лицо мертвенно-бледное и две багровые струйки каплют на подбородок.

Нет, Влада, ты рисуешь. Ты творческий индиго-гений. Шестнадцать минут и сорок пять секунд назад ты вынырнешь из мира искусства, и бросишься мне на шею, как только я войду в детскую комнату.

Елена лежала чуть дальше, также мертвенно-бледная, пережившая ужас начала психической волны.

Нет, мама, ты готовишь вкусный обед и сетуешь на жару, семнадцать минут назад ты отпрянешь от кастрюль и побежишь открывать дверь, бурча, что девчонки снова заперлись в комнате и не торопятся открывать или не слышат вовсе.

Дмитрий в офисе. Безвылазно работает.

Названный отцом, ты сидишь на работе, и шестнадцать минут и тридцать секунд назад мать позвонит тебе в городской офис Антисистемы и попросит, чтобы ты быстрее возвращался с работы, потому как все дети дома. Сегодня нет неотложных дел, и ты с радостью примешь предложение, потому что соскучился и ты на радостях от звонка жены отпустишь всех домой пораньше. У соседей в этот день все будет хорошо, будет тихий прохладный вечер, семейные ужины. Наверное, впервые во всем доме не послышится бранного слова и не упадет ни одной слезы. Сегодня все вспомнят что-то хорошее в своей жизни и позвонят старым друзьям. Сегодня день будет добрым и безоблачным, наполненный любовью и теплом отношений. Даже таможенник перестанет трястись за машину и перейдет на другую работу, меньше оплачиваемую, но по душе. А ЖКХ на следующей неделе все-таки сменят лампочки в лифте. Я же не выйду за рамки ступеней так быстро. Всему свое время. Всполохов не было.

Скорпион хлопнул в ладоши.

...Сема прошлепал по коридору, нарочито топая, как дивизия солдат, ткнул пальцем в дверной звонок, на ходу поворачиваясь. Лицо скривилось, зажевав губу, забормотал:

— Слушай, Скорп, у меня какое-то ощущение, что все это было. Вот стоим мы с тобой у двери, звоним... Приснилось наверное... Иногда снится будущее, но не предаешь этому значению, вспоминаешь только потом... Или нет... Не, сегодня никаких заморочек.

Сергей кивнул:

— Ага, дежа вю какое-то. Ну, его.

Елена открыла дверь почти сразу, обнимая с порога. На плече висело хозяйственное полотенце — готовила на кухне.

— Наконец-то вернулись! Бегу звонить папе, пусть хоть раз раньше с работы приедет.

Из комнаты вышла сонная Лада, обнимаясь и хвастаясь новым цветом волос. Позже все удивятся, но про себя спишут на влияние Скорпиона. Сергей же об этом не узнает, полагая что сестричку покрасила Влада.

Корпионов прошелся по коридору, толкая дверь детской. Влада отвлеклась от мольберта, засияла и, подбежав, повисла на шее.

Семья в сборе. И на душе легко и радостно...

— ...и стрел, — неожиданно для себя закончит какие-то слова Рысь, сидя в тайге на скамейке в объятиях Натальи.

— Что, милый? — переспросит она, не слыша начала фразы. Ей покажется, что просто не расслышала.

— А? нет, ничего, — встрепенется Рысь и, подумав, добавит, глядя в любимые глаза. — Люблю тебя я, Наталья, просто люблю.

— Докажи, — мягко улыбнется бывшая проводница.

Рысь подхватит жену на руки и понесет в дом.

Загадочным образом исчезнет взорванный автомобиль и в сознание жильцов об этом дне останутся лишь теплые, приятные воспоминания. И не слетит с уст бранных слов и не упадет во всем доме ни одной слезы.

* * *

Поселок нового типа «Эдем-1».

Несколько дней спустя.

Небо посинело, горизонт светлел с каждой минутой, разгоняя ночную хмарь.

Цепкий взгляд хищника оценил расстояние до жертвы. Три, два один!

Коготь стремительно выпрыгнул из клумбы, неловко преодолел четыре ступеньки

крыльца и попытался схватить двуногого хозяина за палец на ноге. Мало того, что тренируется босым, так еще и без майки, в одних шортах.

Сема, смеясь, подхватил трехмесячного уссурийского тигра на руки, подбросил в воздух, наставляя:

— Опять ты за свое? Учти, еще пара недель и тебе придется отказаться от этой игры. Зубы-то уже как иголки!

Тигренок зевнул, махая лапой, стараясь задеть татуировку тигра по левому плечу, взгляд встретился с небесными глазами хозяина: «Да ладно, давай лучше играть! Вон Скорпион на турнике занимается, да в Живце бегают, а ты все спишь. Так и проспишь все самое интересное».

Сема поставил хищника на крыльцо, потянулся, вкушая свежий еловый воздух застраиваемого поселка, зевнул навстречу солнцу и трусцой побежал к воротам, на ходу бросая:

— За мной, Коготь! Асфальт еще не положили, босиком по земле самое то...

Сергей мчался среди деревьев, по пересеченной местности, перепрыгивая валежины, ныряя под завалинами. Ступни собирали росу, от самомассажа тело прокачивалось энергией утренней земли. Живец, радостно собирая все колючки заборного леса, едва успевал за хозяином.

Лес вокруг поселка не вырубали, только немного облагородили, высушив болотца, и расчистив от лишних кустов, что автоматически убрало завесу мошкары и комаров. Прodelали удобные тропинки, практически превратив окружающий лес в уютный парк, где повсюду шныряли белки, суслики, зайцы. Вдоль небольших речушек и ручьев, что стекали с Сихотэ-алинского хребта, водились выдры, бобры. Лес был полон птичьего пения, и ветер гулял по верхушкам деревьев добрый и свежий, без примесей дыма или копоти города. Вдоль леса постоянно бродила пара поселочных лесников, отгоняя хищников и не позволяя любым любителям охоты забрести на территорию.

Солнце обнажило золотой край, тот медленно выполз из-за верхушек деревьев, испаряя золотыми лучами первую росу, поднимая в воздух небольшой туман.

На крыльцо вышла радостная Влада, по-утреннему тепло одетая и с беретом художника поверх макушки, с мольбертом под мышкой. Улыбаясь новому солнцу, поспешила к беседке, где под любимым кедром второе утро рисовала восход. Часть беседки, помимо обеденного летнего стола, практически преобразовалась в мастерскую юной художницы.

Следом выполз Дмитрий в спортивном костюме, беговых кроссовках. Неторопливо хрустнул костями, зашевелился в разные стороны, вспоминая что-то из области школьной физкультуры.

Все. Сегодня новая жизнь. Первый день отпуска, к тому же понедельник — точно, новая жизнь. Газетка в кресле-качалке в беседке после, а сейчас разминка и пробежка, возможно даже обливание холодной водой у бани. Возможно. Конечно, не все сразу, но пробежаться вдоль дороги в назидание подчиненным стоит. Жены заметят, подтолкнут, и с завтрашнего дня все начнут бегать по утрам. Так что в путь. Раз-два, раз-два.

Лада не стала выходить из дома, все равно пруд во дворе еще холодный. Хоть мама и спит еще, не заметит, но купаться во дворе приятно только братику, а у нее губы посинеют и зубы сточатся. Но теплый-то бассейн на первом этаже никто не отменял... Прыгнула с бортика, погружаясь в невесомость. Так будить тело лучше всего. Приятно и полезно. Брызги за бортиком на подогреваемом полу быстро высохнут.

Елена улыбнулась, разглядывая из окна спальни второго этажа корпение Влады над мольбертом. Все творения через несколько лет работы пойдут в народ. Наполненность картин поражает даже сейчас, а со временем станет творить только лучше. До уха доносился визг Лады — с самого переезда по утрам не вылезает из бассейна.

Да и на здоровье. Вода со скважины во дворе своя, чистая, электричество на подогревание в бойлерах свое, на крыше четырехэтажного домика стоят ветряки и солнечные батареи, муж и Василий обещали в скором времени ввести по всему поселку что-

то еще, на двести процентов переведя его на самообеспечение.

В воздухе витали проекты мусороперерабатываемого мини-заводика, водоочистных сооружений, кучи проектов, что посыпались на Антисистему дождем, в старом мире не в силах найти финансирование или хотя бы понимание. Поселок разрастался стремительно, экологически чистый, теплый и удобный.

За несколько дней проживания вся семья Корпионовых перешла на биологические часы, предпочитая спутниковым каналам телевизора вечерами всей семьей сидеть у камина или наблюдать звезды в мини-обсерватории под стеклянным окном оранжереи четвертого этажа. Странные стекла затемнялись или светлели, регулируя чрезмерное поступление света, а ночью открывали вид звездного неба...

Ну да ладно, задумалась, пора и за завтрак приниматься. Художница, пловчиха, спортсмены и животные скоро взвоят от голода, заполнив беседку гораздо раньше, чем случилось бы подобное в душной квартире, — подумала Елена и отошла от окна.

Скорпион, подхватив запыхавшегося Живца, перемахнул забор, вернул меньшего брата на землю и, на ходу сбрасывая шорты, помчался к пруду. Перед прыжком восстановил дыхание и понизил температуру тела, остужаясь после двадцатикилометровой разминочной пробежки.

Вырытый на внутренней территории среди больших деревьев пруд со своего самого крутого берега принял разгоряченное тело в самом глубоком месте. Сергей приник ко дну, глядя выстеленное плоскими камнями и посыпанное песком дно. Старая вода уходила в землю, не застаиваясь, а шланги малым напором наполняли новой из скважины, заполняя пруд, и не позволяя вырасти камышам и поселиться лягушкам. Расчет был таким, что солнце успевало нагревать новую воду.

Вынырнул на другом краю пруда, не торопясь выходить на берег. Засмотрелся на сверкающую четырехэтажную громадину. По стоимости дом из сэндвич-панелей без жесткого фундамента, собираемый почти вручную, получился как однокомнатная квартира в центре города. Еще полкомнаты можно было приплюсовать за облагораживание территории и модернизацию внутри дома: баня, бассейн, спутниковые тарелки со всей коммуникацией, пруд, скважина, двойной гараж на «боевой» джип и «семейный» мини-вэн, беседка, баскетбольная и волейбольная площадки. Первичным чертежом не предусматривались крыльцо и камин, но позволил себе дополнить чертеж и первым и вторым.

Семья много за семь лет от меня, таежного дикаря настрадалась, стесненная обстоятельствами и вынужденная менять приоритеты и мировоззрения. Так пускай хоть сейчас спокойно поживут. Люди, что пахали всю жизнь на безликую химеру системы, должны отдыхать и жить в условиях, а не доживать свой век, кляня все и вся. Вот почему внутри прежней страны рождается зачаток новой, той, что в скором времени расцветет и запахнет дивным ароматом, выращенная на компосте прошлого. На хорошем удобрении — хорошие всходы.

Вынырнув из пруда, побрел среди шепота трав и листьев высоких, вековых деревьев, что не позволил срубить, намечая планы постройки домов в угоду вековым деревьям и ландшафту, а не наоборот. Живописная местность получалась по всей территории поселка. Так и побрел по выложенной камнем тропинке к недавно созданному месту медитации — каменному саду.

Токаява, уезжая, сложил, как память о себе, как клочок иной культуры, в которую иногда полезно окунуться. Окунуться, но не растаять в ней безликой серой тенью, — размышлял Сергей.

Сема бежал к дому с Когтем на руках. Тигренок еще не выдерживал долгих утренних пробежек. Кошки вообще грациозны, стремительны, но не выносливы. Долгий размеренный бег не для них. Собаки выносливее, кони выносливее, но никто из них не выдержит темпа тренированного человека.

Животное не видит причины преодолевать себя, а в человеке Творцом заложено это умение, способность идти напролом, на одной только воле, через силу, на самый край. Но

развивает это умение не каждый, далеко не каждый, — размышлял Леопард.

Коготь добежал до крыльца и рухнул на ступеньках, всем видом показывая, что иссяк. Сема оббежал не поставленный на ночь в гараж джип и пробежал дальше к бане. Там возле скважины прорыт колодец и три ведра студеной воды после пробежки на тело не помешают.

Солнце окончательно выползло из-за деревьев. Семейство Корпионовых, как именовали вчерашние бумаги, скрылось в доме, переодеваясь.

Разом выползли во двор, ближе к беседке, каждый, прихватив с собой что-нибудь из заготовленной Еленой снеди.

Круглый стол из моренного дуба укрылся светлой скатертью. Деревянный здоровяк любезно собрал на себе все свежее: молочную кашу, блины, хлеб, масло, молоко, мед, варенье, квас, расстегаи. Все в деревянной посуде, с деревянными ложками, кружками.

— Живая еда, живая посуда, — сказал Сергей, притащив в новый дом целый ящик вырезанных поделок бабушек, дедушек, что продавали свои поделки на толкучках на рынках. Металл присутствовал только в качестве ножа и... в новом цвете Ладушкиных локонов. Никто почти и не удивился подобной перемене. Скорпион сказал, что с новыми волосами в сестренке открылись новые возможности. По обыкновению, ему поверили.

Семья с веселым смехом расселась по резным деревянным стульям. Так чисто и откровенно могли улыбаться только близкородственные души. Никакой скованности и напряжения обстоятельств последних недель.

Все в прошлом, вот оно, настоящее и впереди только будущее, — думал Скорпион.

Живец и Коготь боролись под столом за право обладания первым лакомым куском. Тигр во всем старался походить на статного пса, учуяв в нем новую няньку. Живцу было все равно, территории вокруг гораздо больше, чем в квартире, почему бы и не взять себе на воспитание мелкого полосатика?

Скорпион, уничтожив вторую тарелку каши, заметил взгляд Влады. Названная сестренка постоянно поглядывала куда-то через плечо.

Ах, да! Закончила работу.

— Влада, ну не терзай, покажи свое творение, — первым успел Сема.

— Да, да, да, — затараторил Дмитрий, упустив за поглощением блинов такой важный момент.

Влада, смутившись, отодвинулась от стола, пошла к прикрытому мольберту.

Скорпион застыл, едва полотно слетело с картины. Все за столом замерли, пораженные точностью сходства. До малейших подробностей кисть художника изобразила рождение солнца, новую зорю. Свет играл среди высоких крон деревьев, просачивался сквозь прорехи листьев, отражался в сполохах небольших волн на пруду, падал на камни японского сада. Само небо было таким насыщенным, живым и подвижным.

Блондин упал со стула, вытягивая руку с большим пальцем вверх, сглаживая потрясение семьи, разрядил обстановку:

— Стартовая цена лота — моя жизнь, честь и совесть. Кто больше?

— Добавь мою печень, — прошептал Дмитрий. — И почку... И левое ухо.

— Печень и почки раз, печень и почки два, продано! — заключил Сема, возвращаясь на стул.

— Твоя картина такая легкая и воздушная, она должна летать, — важно добавила Лада, и... картина медленно оторвалась от крепления.

Влада вздрогнула, Елена побледнела. Мольберт медленно поплыл по воздуху, зависнув над столом.

— Лада, не балуй! — Предупредил Сергей, наблюдая за потугами юного паранорма, готовый в любой момент перехватить картину над столом, если силы сестренки иссякнут.

Картина медленно поплыла обратно, плавно опустившись Владе в руки.

— Фу-у, — шумно выдохнула Ладушка, утирая пот со лба и поворачиваясь к Елене. — Мама, правда, я тоже молодец?

Потрясенной Елене еще не доводилось видеть тренировок младшей дочери, медленно

закивала, увеличивая скорость кивков и поглядывая на Сергея.

— Лада, ты умница, но тренируйся только в моем или Семеном присутствии. И пока только с небьющимися предметами. Хорошо?

Лада улыбнулась, показывая ямочку на щеке. Кивнула и принялась допивать молоко.

Влада поставила картину на место и села доедать. Прежде ненароком заметила, как во время переезда младшая сестренка таким образом упаковывала в ящики свои игрушки.

Дмитрий обнял Елену за плечи, подбодрил:

— Мать, да не бери ты в голову. Ну, летают, ну пусть себе летают. Ну, в крайнем случае, вихрастого побреем, делов-то. Если не поможет, в цирк всей семьей работать пойдем. Да?

Елена выдохнула.

— Влада, отлично, продолжай творить.

Влада округлила глаза, кивнула.

— Не бойся, после Аркаима так же научу отвечать.

Владлена расцвела доброй улыбкой.

Завтрак продолжался.

* * *

Ближе к обеду.

Заточенная вилка, разрезав воздух, воткнулась в нетесаный столб. Следом за вилкой чуть выше первого попадания в столб воткнулся столовый ножик, тут же спица, охотничий нож. Чуть погодя — пара метательных ножей с балансиром и без. Снова в воздух взвилась вилка, спица, восьмиконечная звездочка, кунай²³, пятиконечная звездочка, шестиконечная, топорик, заостренный по всему периметру кругляш.

Арсенал был обширным. Со свистом или бесшумно, металл находил цель.

Оба боевых индиго собирали все, что только могло лететь в цель и поражать ее хотя бы с пяти шагов. Врытым столбам приходилось терпеть в себе куски заточенного металла, что швыряли с разного расстояния и положения двое длинноволосых парней. Порывы ветра никак не могли помешать правильному полету. Намеченная цель упорно попадала туда, куда метил глаз, твердые руки, воля и...

...Сергей снял повязку, разглядывая свои пораженные цели. Сема рядом хмыкнул, кидая с вращением пару разных по весу ножей с обеих рук.

— Какой смысл кидать ножи вслепую?

Сергей встал спиной к столбу, зажав в руке топорик. Резко повернулся, кидая еще до того, как увидит цель. Топорик провернулся три с половиной оборота и воткнулся в столб немного сбоку — при резком развороте метнул не по прямой линии.

— Сема, ты должен всегда видеть противника внутренним зрением. Вдруг внешнее по каким-то причинам отсутствует? Да и зря, что ли, над энергетической кольчугой полгода корпели?

Сема сложил три ножа между фалангами пальцем, швырнул правой рукой. Два точно в цель, третий ударил и отлетел, недостаточно зацепившись за поверхность — плечо еще окончательно не отошло.

— Ну, не знаю, — протянул блондин. — Кольчуги хватает для определения противника на огневом рубеже вслепую, этого часто достаточно. Пулю в лоб и все.

— А если нет огнестрельного?

— Тогда сближение и рукопашка. Нож-то тоже не часто в руках оказывается.

— Дело твое, — пожал плечами Сергей. — Сам знаешь, в бою все может пригодиться.

²³ Кунай — однородный нож, равно заточенный с обеих сторон лезвия, без деревянной ручки, с кольцом на завершении.

Мне даже умение метать зубочистки в Японии пригодилось. Кто знает, что будет в следующий момент? — Сергей сделал загадочный взор, закатывая глаза к небу и вдыхая бодрящий ветер полной грудью.

— Я знаю, — обрубил Сема и побежал к дому, на бегу крича. — Бой на мечах!

Скорпион выдохнул, с огромной скоростью метая все, что осталось в ящике. За минуту столб покрылся железом. Затем так же соседний столб.

— Что завтра будет? Что сегодня будет? — прошептал сам себе Скорпион и добавил. — По идее, через шесть часов вечерний рейс до Урала, билеты забронированы. Наверное, завтра будет Аркаим.

За спиной вырос Сема, довольный, как нашкодивший кот. Голову скрывали груды железа, что нес в руках. Вытащил из дома весь боевой арсенал, кроме меча Славы. С ним тренировки не получается. Если меч просыпается, он жаждет боя и крови. Князь выковал его в лютые времена, когда враги терзали Русь со всех сторон.

— Пойдем, пойдем, на нашу полянку. Я даже кольчуги прихватил. Устроим сечу на прощание.

— Сеча, так сеча. — Сергей забрал часть вооружения и майки обоих — когда кольца от удара впиваются в голую кожу, ощущение не из приятных.

Хоть майку одеть под кольчугу, раз брат так торопится пар выпустить.

Едва выйдя на полянку, Сема скинул оружие и кольчуги в траву, напал сразу, сбивая с ног — о настоящей драке не предупреждают, явление всегда стихийное.

Скорпион вовремя поднял ногу, ускользнул с линии поражения, скидывая оружие в траву рядом. Пошел противнику навстречу контратакой.

Дрались без ступеней и темпа, не разогревая мышцы, не предупреждая об ударах и не сдерживая силу. Дрались ради самой драки, прыгали, уклонялись, падали, вставали и снова дрались. Это происходило не на пределе сил, а в состоянии какой-то просветленной одержимости. Последовал физический надлом, небольшая пауза, и разум ушел прочь, оставив после череды физического бессилия, когда уже перестаешь соображать, провал. Превратились в боевые машины. Стало легко, перестали ощущать тело, сливаясь в движении, в танце боя. Движения невесомы, самопроизвольны и точны, а действенность сбила бы с ног любого мастера боя.

Удары, дальнейшие движения угадывались сами собой. Все происходило в странном состоянии подавления сознания, когда исчезает чувство времени, пространства и реальности. Но главное — из всего многообразия движений выстраивалась упорядоченная, последовательная схема боя.

Это и была сеча.

Отскочив друг от друга, накинули кольчуги, похватав мечи и снова бросаясь в танец боя. Находясь в нем, не осознаешь присутствия в руке оружия, оно становится продолжением руки, частью тела.

Мечи менялись, шоркая о кольчуги и высекая искры встречавшимися лезвиями. То одного, то другого от смерти отделял сантиметр заточенного клинка, лишь в самый последний момент задерживали удар, не переступая последней грани. Но каждый знал, что умер бы, если противником был бы кто-то другой.

Не сразу заметили, как сгустился воздух. Замерли друг напротив друга, тяжело дыша, в предчувствии чего-то враждебного.

— Восемнадцать, — как всегда после битвы просипел Сема, уточняя, сколько раз он мог уничтожить противника.

— Девяносто два, — отмахнулся Сергей, откидывая затупленный зазубринами меч, что в Европе звался дирк²⁴.

²⁴ Дирк — кинжал с клинком треугольной формы.

Сема, оглядываясь по сторонам, перехватил умубари²⁵ и акинак²⁶ поплотнее. Глядя под ноги, прошептал:

— Скорп, беги за мечом, я его задержу.

Сергей с места сорвался в бег. Единственная возможность остановить Духа — пробудить меч Славы. Только бы успеть добежать до дома. В настоящей боевой тренировке снова выпили себя почти до дна. Совсем неплохое время выбрал Отшельник для мести за ставленника.

Сема остался на полянке, замерев на месте, ощущая нарастающее бессилие тела — адреналин медленно покидал кровь — и злобно бросая на ветер слова:

— У нас в дом без разрешения не вламываются. Тронешь кого-то из семьи и все мечи, что ты видишь здесь, будут торчать в твоей груди.

Это был не удар. Словно ветер подул из-за деревьев, и небо и земля поменялись местами. Умубари выскользнул из левой руки, воткнувшись в землю неподалеку. Лежа на траве, Сема явственно ощутил, как по спине побежали орды мурашек, а свет солнца загородила тощая лысая фигура без бровей, в просторном сером балахоне, на манер монашеского.

— Ты убил моего сына! — этот вскрик взлетел в небо.

— Он такой же некультурный, как ты. Вламывается на чужие территории, угрожает. Не люблю хамов. — Спокойно ответил Сема, не поднимаясь с травы.

— Это уже второй сын, которого вы убили! — Вновь разрезал крик небо.

— Первый был еще хуже, — вырос за спиной Скорпион, обнажая меч. — На старика напал. Убил. Смерть за смерть. У вас же уважают старшее поколение? Или с твоими реформами совсем о чести забыли? Это ты приказал убить моего деда?

Дух оскалился, обнажая акульи клыки.

Это у них семейное, — подумал Сема.

Одно слово решило исход дела.

— Я! — ответил Дух.

Пелена закрыла глаза Скорпиона. Меч выпорхнул из ножен быстрее ветра и со скоростью молнии прорвал балахон в области сердца. В то же мгновение Сема вонзил акинак до половины лезвия снизу, под таз противника.

Дух рассмеялся, глядя на меч в сердце и ощущая сталь. Тот, снизу вверх прорезав диафрагму и прошив левое легкое, грозил человеку неминуемой смертью. Человеку...

Скорпион приблизился к лицу Духа:

— Я знаю, что никакая сталь не лишит тебя жизни. Но у меня есть маленький секрет.

Дух усмехнулся:

— Да?

Скорпион коснулся щекой рукояти меча, прошептал:

— Пробудись.

Снова крик Духа прорезал небо. Не было ни огня, ни пепла, он просто упал на колени, а в следующий миг его не стало. Исчез, словно и не было.

Акинак и русский меч на мгновение задержались в пустоте и рухнули на землю, не находясь больше в теле.

Сема облегченно рассмеялся, растягиваясь в траве:

— Я думал, будет сложнее.

— Нет ничего сложнее жизни и проще смерти, — по-философски ответил Скорпион, прислушиваясь к себе. Вроде бы истратил все силы до дна, а ноги до сих пор держат. Что бы это значило?

²⁵ Умубари — японский кинжал с чашеобразной гардой.

²⁶ Акинак — скифский короткий меч.

— Все, хватит с меня этой мистики, — подскочил Сема. — Заносим оружие в дом, ты пакуешь вещи, и я отвожу тебя в аэропорт. С глаз долой, из сердца вон. А сам за учебники, книги, ммм...энциклопедии...

— То есть, проще говоря, сразу после аэропорта едешь к Маше? — Похлопал по плечу Сергей.

— Она для меня кладезь мудрости! — Поднял опаленный акинак Сема.

— Кто бы сомневался, — Скорпион вонзил меч Славы в ножны, ощущая вибрацию под пальцами. Меч не хотел так быстро засыпать, требовал продолжения.

«С собой его, что ли взять? В аэропорту со вчерашнего дня зеленый коридор. Контрольный пакет акций выкуплен».

Через полтора часа, попрощавшись с семей, Скорпион скрылся в салоне с небольшой спортивной сумкой и ножнами за плечами. Предстояло еще забрать Леру. Дмитрий вздохнул, развешивая наиболее уцелевшее оружие. В памяти воскрешал номер хорошо знакомого кузнеца. Без заказов старичок последние полгода не сидел.

«Кузню что ли открыть? Стоит Василию позвонить», — подумал Дмитрий, хватаясь за сотовый.

* * *

Урал. Раскопки Аркаима.

Сутки спустя.

Белоголовый орлан резал небо, неспешно маша широкими крыльями над раскопанным городом-обсерваторией. Острый глаз выцедил из вереницы туристов длинноволосого парня, с цветом локонов, словно воронового крыло.

Все сходится. Именно так, как велел старец Седого вече.

Король неба сложил крылья, стремительно ринувшись на снижение, почти рухнул вниз. Почти у самой земли расправил крылья, замедляя падение.

Лера вскрикнула, упав. Немногочисленные туристы опешили, хватаясь за фотоаппараты. Скорпион молча вытянул правую руку, давая властелину неба опору для приземления.

Орел впился острыми когтями в руку, издал птичий клекот. Сергей перетерпел боль, молча выслушал и поднял руку вверх, давая птице дополнительный разгон.

Орел вновь взмыл в небо, оставив опешивших двуногих на скучной земле. Сергей скинул с плеч обе сумки — теперь не до них — поправил ножны за плечами — которые все принимали за сувенир — подхватил Леру под руку и поспешил за орлом.

— Куда мы? — обронила рыжая, поглядывая через плечо на оставленные сумки.

— Не знаю, но нас там ждут, — уверенно ответил Сергей.

— Кто ждет то? А сумки?

— Про сумки забудь, у тебя есть все, что тебе необходимо, остальное добудем, а орел сказал...

— Орел? — перебила потрясенная Лера. — Ты теперь и с птицами разговариваешь?

— Да, девятнадцатая ступень — «позвоночная жизнь в воздухе» — позволяет мне понимать птичий язык. — Скорпион резко остановился, обнимая и успокаивая опешившую Леру. — Да ты не бойся, он за мной давно наблюдает, еще с Кавказа. Вече волхвов ждет обрядов раскрытия и наречения.

Лера воздела глаза к небу, всплеснула руками:

— Сначала двое милиционеров перед зданием аэровокзала, спрашивая про холодное оружие у тебя за плечами, отказались от своих слов и забыли о чем речь, потом среди ночи нашлись желающие немедленно ехать с Челябинска с экскурсией в это место. Теперь тебе на плечо внезапно садится самая большая виденная мной в жизни птица, а ты спокойно так отвечаешь: «Да она давно за мной наблюдает» и мы стремглав бежим за ней на какое-то наречение. Я немного не так себе эту экскурсию представляла!

Сергей молча перекинул Леру через плечо, продолжив путь. Скорость немного замедлилась, но орел в небе терпеливо вил круги, дожидаясь избранного вече.

— Так нечестно! — Замототила по спине рыжая. — В сумке моя косметика была! Как это я на наречение не накрашенная пойду? А? Отпусти!

— Сама вызвалась ехать, теперь терпи. Хотя, не поздно все вернуть, просто скажи, что ты отказываешься идти со мной дальше, и очнешься в самолете. Идет?

— Это ты у меня сейчас пойдешь далеко и надолго, я совсем не то имела в виду. Ты птичек понимаешь больше, чем меня! Пусти! Пусти, говорю!

Сергей дальше не слушал.

Не отказывается — значит, терпит. Пар только выйдет.

Молча бежал вдоль дороги, затем по поляне, через мелкий лесок, что сменился узкой крутой тропинкой. Наконец, орел вывел в лес и скрылся из виду.

Скорпион вернул Леру на землю, смахнул пот со лба. Снизу вверх смотрели изумрудные обиженные глаза. Она надула губки, смотрела исподлобья, брови грозили всеми возможными муками ада, воскрешения и снова ада, только в двойном размере. Не выдержав взгляда, отвернулась первой, сплетая руки на груди.

— Здрaвы будьте, путники, — вырос за плечами лысый, как лунь дед в белой рубаше без пояса.

— И вам не хворать, — буркнула Лера.

Сергей хмыкнул, поворачиваясь к деду с доброй, печальной улыбкой:

— Прости ее, Старший, обижена на меня.

Старик хохотнул:

— Ничего, молодость — не порок. Пойдем, отмеченный родом, обряд ждет.

Скорпион, сделав несколько шагов, замер и повернулся к Лере. Та никуда идти не собиралась. Бросил через плечо, снова шагая за дедом:

— Раз все еще сомневаешься, посмотри на камень. Чуть ниже по тропке, где мы поднимались.

Валерия повернулась, чтобы высказать все, что накопилось на языке, но ни деда, ни вихрастого в поле зрения уже не было. Стало немного неуютно. Усмехаясь над страхом остаться одной, побрела назад, к камню.

Ха, много возомнил о себе!

Камень нашла не сразу. Никак не думала, что этот балбес камнем назовет огромный валун, что как осколок уральских гор пролежал, порастая мхом, не одну тысячу лет. Или больше? На глаз сказать сложно. В голове вертелись самые неожиданные цифры.

Вскарабкавшись на валун, обшарила его вдоль и поперек. Был изрезан ветром и солнцем так, что походил на...

Стоп, стоп, стоп! Такой вязью ветер не мог рисовать на камне... и солнце не могло.

Лера, спрыгнув с валуна, отбежала на расстояние, достаточное, чтобы увидеть весь валун разом.

Дыхание перехватило.

На валуне неведомыми картографами изображалась современная карта Сибири. Ничего необычного, если бы не сам факт того, что этой карте немногим меньше лет, чем самому камню. Сергей бы так просто не сказал...

Нет, все равно дурак. Какое ей дело до карты Сибири, пусть даже с тысячами лет истории за плечами?

Быстро помчалась по тропинке обратно, туда, куда ушел чуть ранее Скорпион со странным лысым дедом.

Бежала долго. Окончательно запыхавшись, запнулась, растянулась на земле, поцарапав коленки о ветки и куст травы. Стало обидно и... жалко себя, любимую. Весь мир вокруг казался жестоким и непонятным, душным, хотелось пить или окунуться в речку. Хныкая, как маленькая девочка, услышала пение. Замерла, прислушиваясь.

Пение лилось по лесу чистое, ясное, на разные голоса. Словно пел какой-то хор и не

одновременно, а по очереди. Забыв про боль в подданных коленях, поднялась и пошла дальше по тропе, на слух.

Тропинка вывела на солнечную полянку.

Сергей сидел на коленях посреди поляны, положив ножны на колени и низко, до самой земли опустив голову с расплетенными волосами. Вокруг него против часовой стрелки ходил лысый старец, что-то напевая, шепча заговор. За дедом по кругу бегал молодой паренек лет тринадцати, поочередно подавая и забирая какие-то странные и непонятные предметы. По краям поляны стояли четверо молодых девушек. Это их голоса раздавались по лесу, причудливые напевы без слов, одной лишь интонацией. Лера не знала, что звонницы деда чистят лес от недоброго присутствия, разгоняют чертей и бесов прочь не хуже колокольного звона. Так начинался светлый обряд.

Солнце, миновав высокие деревья, светило в самый центр поляны, осеняя Скорпиона золотом. Дед в очередной раз обошел вокруг Сергея и до Леры явственно докатились слова:

Да во славу Богов и Предков!

Пусть свершаться все деяния наша!

В руках деда на солнце мелькнул нож. Лера невольно вскрикнула. Но старик не собирался втыкать его в шею или спину Сергея, воткнул в землю, упав на колени и очерчивая вокруг Скорпиона круг — символ коло — солнца.

Замкнув круг, нож остался в земле. Отрок помог волхву подняться, расставил по всем четырем сторонам света четыре блюдечка с четырьмя элементами: в одном блюдце плескалась вода, во втором горела свеча, в третьем было зерно, и в четвертом тлели сушеные травы.

Лера безотрывно наблюдала за ритуалом, отмечая строгое построение девушек и блюдец на все четыре стороны света. А отрок тем временем поднес деду деревянное ведро, полное ключевой воды. Дед осенил воду знаменем Перуна, набрал небольшим ковшом до краев, и вылил Сергею на голову.

Старик вернул ковшик отроку, взял небольшой ножичек и разрезал на Скорпионе майку. Воздел к свету, разрезая на лоскуты еще и еще, затем бросил под ноги и, топчя, заговорил проникновенным голосом:

Прощай жизнь старая,

Здрава буди жизнь новая

Отрок подхватил остатки рубахи и потащил сжигать на кострище под деревом вне полянки. А волхв поднял блюдце с зажженной свечой, обошел вокруг расправившего плечи Скорпиона, который поднял лицо к солнцу, плотно сомкнув веки.

Дед заговорил, почти напевая:

Семаргал- Сварожич!

Велик Огнебожичь,

Спали боль-хворобу,

Очисти утробу,

У чада- людины,

У всякой тварины,

У стара и млада,

Ты Божья услада!

Огни возжигая,

Мощь душ сотворяя,

Спаси чадо Бога —

Да сгинет хвороба.

Тако быть, тако есть,

Тако буди во век!

Слова из уст волхва лились необычайно складно, ладно. Обойдя полный круг, волхв

вернул блюдце со свечой на место. Огонек на фитиле свечи и не думал гаснуть, порывы ветерка его словно и не касались.

Дед подхватил блюдце с зерном, снова пошел вокруг подопечного, голос возвысился:

Ой, ты, Мать-Сыра-Земля,
Ой, вы духи леса,
Вас зову на помощь я,
Призываю всех и вся!
Сыны Рода приходите,
Своим чадам помогите!
Тако быть, тако есть,
Тако будь из века в век!

Зерно высыпалось на плечи Сергея. Дед тут же подхватил блюдце с водой, вновь пошел по кругу, продолжая речитатив и поливая голову сидящему в круге:

Живая вода, иди-ка сюда,
Боль- хворобу смой,
Чистотою омой,
Живот чаду дари,
От зари и до зари.

Настало время последней чаши. Волхв встал сбоку от Скорпиона, обдувая тлеющими пучками по ветру и приговаривая:

Стрибог, боли подхвати,
Да подальше унеси,
Да за тридевять земель,
Ее в окиян ты слей.
Унеси за черту, да подальше
В пустоту.
Сам возвращайся,
А боль там оставайся.

Волхв поставил последнее блюдце, принял от отрока деревянный оберег с символом грозы и повесил Сергею на шею.

Девушки повысили голос, напевы взлетели в небо, радостные и волнующие. Лера смотрела, не отрывая взгляда, действие завораживало. На север от Сергея, там, где стояла свеча, на миг вспыхнуло пламя — показалось? — за спиной в блюдце булькнула вода, по левую руку остатки зерна словно кто-то шевельнул, а по правую руку ветер поменял дым от тлеющей травы.

Эти голоса заставляли молчать и слушать, впитывая каждый момент пения самой душой, раскрываясь на встречу. Сергей ощущал, как что-то внутри кольнуло и расплылось теплом по телу. Заговорили сами корни, воспринимая, впитывая разноголосье. Песня грела, разливаясь от солнечного сплетения к рукам и ногам. Дух вырвался за пределы тела и взмыл в небо, летая с орлом.

Волхв расплылся в улыбке. Встал напротив свечи, спиной к одной из девушек и лицом к сидящему в круге, поднял голос еще на порядок:

Свят огонь, гори, гори,
Круг огня нам сотвори!

Лера быстро моргнула, но снова показалось, что свечка на мгновение вспыхнула. Волхв подошел к блюдцу с зерном:

Свят Земля, к тебе взываю —
Твою силу вызываю.
Чадо божье огради,
Боль- хворобу не пусти!

Теперь Лера не сомневалась, что зерна вновь кто-то тронул. Видела четко и ясно. А Дед прошагал до блюдца с водой, голос почти сорвался на крик, тяжелый и басовитый:

Ты, вода, теки, теки!
В добром деле помоги!

И последнее блюдце подверглось речи волхва:

Ветер, грязь всю подхвати,
Да подальше замети!

Скорпион поднял веки, протянул руку к свечке и, повернувшись на бок, поджег зерно, шепча:

— Во славу предкам!

Отрок передал деду ковш воды с медом, волхв протянул его Сергею.

Скорпион молча принял кувшин, отпил, повернулся в другой бок, потушил тлеющую траву, развернулся по прямой, потушил свечу, и, остальное вылил на землю перед собой, повторяя:

— Во славу предкам!

Ковш вернулся в руки отрока. Сергей поднялся на ноги, вынимая нож из земли.

Обряд закончен.

Волхв подошел, сложил руки на плечи:

— Ты умер для прошлой жизни и воскрес к новой. Через три дня боги скажут мне твое тайное имя, и ты станешь витязем рода. Через девять дней эгрегоры дадут тебе силу, и ты получишь высший тотем.

Сергей поклонился в пояс и повязал перевязь за плечи.

Лера тяжело выдохнула, поднимаясь с травы.

* * *

Береговой камень безропотно держал на себе молодую девушку, которая, пиная ногой волны, наблюдала за манипуляциями волхва, да то и дело скрывающимся в реке обнаженным Скорпионом.

Солнце светило ярко, но мысли в голове витали невеселые, какая-то знойная тоска грузила тяжким весом. Словно шла не туда и не за тем.

Сейчас волхв прошепчет ему имя и его будут знать только они двое и боги. Возможно, еще Рысь и Сема. Первый является нареченным, старшим братом, второй — брат по сути своей. И никто больше... Даже она... Да не очень-то и хотелось. В последнее время внутри что-то надломилось, словно провело черту между ними. Не только не готова стать берегиней, но и... вообще... Это сложно объяснить даже самой себе. Он все дальше и дальше, рвется в небо, покоряет вершины, а что она? Она никогда не хотела быть только дополнением. Говорят, в жизни надо обязательно чего-то добиться, достичь, успеть попасть в историю или хотя бы зажечься на небосклоне, мелькнув звездой и, догорев, сгореть дотла... А все это вокруг... Слишком просто, слишком по прямой. Жизнь требует

чего-то... Чего?

— Сомневаешься?

Лера вздрогнула, зашептала:

— Чур меня!

В голове послышался долгий смех.

— Не сходи с ума. Демонов нет, есть человек со всеми своими достоинствами и недостатками. Последних больше. Все на демонов списывают.

— Кто ты?

— Тот, кто тебя понимает.

Лера тревожно осмотрелась по сторонам.

— Я сама себя не понимаю.

— В чем же дело? Я помогу. В тебе неплохие залежи способностей. Как насчет вытащить их на свет? Ты всего лишь цветок, которому пора раскрыться.

— Не надо мне помогать. Я сама.

Вновь послышался долгий смех.

— Мне нравится твой настрой. Просто позови, когда придет время.

Голос исчез, погрузив в еще более тяжкие раздумья.

Сергей вышел на берег, надев шорты, встал рядом, загораживая солнце.

— Чего? — Буркнула Лера.

— Ничего. Что с тобой? — Рука коснулась ее плеча.

— Ничего! — Резко отрезала девушка, сбрасывая руку.

Скорпион постоял, молча смотря в глаза, читая все, как есть. Сухо обронил:

— После обеда отвезу тебя в аэропорт. Ты летишь домой.

— Да? — Хмыкнула Лера. — А берегиня?

Руки сложились на груди, застыл, как каменное изваяние древних греков.

— Какая Берегиня? Тебе с такой миной на лице сейчас только вампиров играть. Уезжай, я не хочу тебя ни к чему принуждать, если не дойдешь до этого сама. Возможно это не твой путь. К тому же, совет волхвов сказал, что ты не готова.

— Ах, так? Вампира играть? Значит, я всегда иду за тобой? И деды твои тебе дороже меня?

— Не дури, старики больше нас видят...

— Вот и оставайся с ними! — Подскочила, крича внутрь себя. — Помоги! Забери!

Скорпион ощутил жар перед лицом. Ослепило ярче солнца. Открыл глаза и увидел пустой камень.

Сердце стукнуло раз. Другой.

В виски кольнуло, грудь сжало, ноги ослабли. Таким слабым не чувствовал себя никогда. Повалился на колени, обмякнув, как горячий воск свечи.

Волхв вышел на берег, потянув носом, пробормотал:

— Чую злое присутствие. Ты позволил ставленнику Эмиссара забрать ее?

Скорпион молчал, пытаясь собрать осколки мыслей.

— Так он не мог ее забрать, если сама не согласится. То в законе баланса прописано, чай не детские сказки. Сама она ушла. Совет не ошибается.

Сергей поднял полные боли глаза, заговорил охрипшим голосом:

— Чего?... Чего вам всем от меня надо?

Старик посмотрел в небо, пригладил бороду:

— А чего ты сам от себя хочешь?

— Вернуть ее. Все не должно было быть так. Это нелепо. Мы друг друга не поняли.

— Делай выводы, витязь. Через шесть дней последний обряд.

— Я для вас такая же пешка, как она теперь для Эмиссара?

— Ты еще слишком молод, чтобы понять это.

— Где она?

— Откуда мне знать? — Сощурился дед, прикрывая глаза. — Могу сказать только, что

за пределами Руси.

Сергей поднял голову:

— Где ее искать?

— Не ведаю.

— Скажи, хотя бы, у какого Эмиссара?

— Не ведомо, — снова отрезал старик.

Скорпион поднялся и зашагал прочь от берега.

— Одумайся, молодой витязь. Ее никто не крал, она сама ушла. Стоит тебе встать перед порогом любого Эмиссара, как смерть найдет тебя гораздо раньше, чем тебе отпущено. Не торопи костлявую, не торопи.

Новонареченный витязь повернулся:

— И что делать? Что я скажу ее родителям, когда вернусь один?

Волхв догнал.

— Советую тебе стать сильнее. А там... время покажет. А за родителей не бойся, любому ставленнику Эмиссаров под силу нашептать, внушить любому человеку все, что угодно. Не удивляйся, если, вернувшись домой, застанешь ее родителей, знакомых и близких за обычными делами. А если не вернется, про нее никто и не вспомнит...

— Я помню! — Вспыхнул Сергей.

Волхв повел к лесу, на ходу разъясняя:

— Ты одна из вероятных фигур на место одного из Пятнадцати. После гибели Духа в очень скором времени кто-то должен занять его место. Его ставленники так же мертвы.

— Пусть Серым станет Рысь, я уезжаю за ней сразу после получения второго тотема.

— Куда? США? Израиль? Англия? Кавказ? Эстония? Учти, что ставленники могут быть и в других странах. Не слишком ли широкий круг поисков, особенно когда они не хотят, чтобы ты их нашел?

— Горэ не посмел бы. Что касается остальных, я их не знаю... Придется попутешествовать. Я не знаю что там с ней, но как только отойдет, думаю, захочет домой. Я должен ехать!

— Но твое дело развалится, если будешь отсутствовать слишком долго, к тому же, не такая ты неприметная фигура. И меч за твоими плечами не должен покидать пределов страны.

— Если развалиться, значит не такое уж и дело. А что касается меча... Что-нибудь придумаю.

— Не пори горячки. Сначала разберись в себе. Совет не может себе позволить Руси лишиться еще одного...

— Как Славу? — прервал Сергей.

— ... витязя, — продолжил Волхв. — А князь, он...

— Его можно пробудить раньше времени? Я не могу больше кому-то другому доверить меч. Я оруженосец, — впервые это обстоятельство корбило тяжким беременем.

— Страна не готова. Ни к чему тревожить спящего раньше отпущенного срока. Совет не одобрит. Все вещи вокруг, витязь, настойчиво говорят тебе, что стоит остановиться и подумать, — осторожно добавил Старший волхв. — Ты не сможешь идти один против всех. Подожди, остынь, взвесь. Одной ярости берсерка недостаточно для победы.

Скорпион сжал и разжал кулаки. Душ кричала от мук, а дух просил боя. Но врагами выступили сами обстоятельства.

Старший волхв прав. О, боги. Лера, ну зачем? Снова ошибся, мало уделяя времени... Неужели это рок?

* * *

Окраины Хабаровска.

Даниил Харламов остановил бой, выходя из расстояния поражения. Двое также

прекратили движение, застыв друг против друга, готовые в любой момент продолжить бой.

Дрался без ступеней, на уровне мастеров боя. Ненамного опережал в скорости, а в технике немного уступал. Все-таки мастера. Хотя все приглашенные восточные мастера и пародии смешанных стилей боя, уехали домой ни с чем. Организовал своего рода проверку, заставляя драться всех по очереди. Один на один. До финала дошли двое.

— Замечательно, — обронил Медведь. — Из пятнадцати приглашенных мастеров разных боевых школ разных стилей техника РУБа и Главяно-горицкой борьбы по-прежнему лучше всех.

Ученики Кадочникова и Белова коротко кивнули.

— Вы подходите в наставники бойцов Антисистемы. Предлагаю с завтрашнего дня, путем комбинаций ваших школ и наших корректировок по уровням бойцов, создать первый головной офис секции школы Скорпиона, — добавил Даниил. — Через три-четыре месяца сеть ячеек будет по всему Хабаровскому краю, а затем и по всему Дальнему Востоку.

— Какой смысл создавать с нуля, если у нас есть своя база за Уралом? — спросил рубовец.

Даниил улыбнулся:

— Да, у вас все есть: люди-энтузиасты, пожертвования, кое-какие помещения. Но что если перевести на новый уровень? Мы можем дать стабильное финансирование и обеспечить свободу от прессы и контроля разных... гм... заинтересованных лиц. Или вы сейчас не под прессом?

— Славяно-горицкая борьба не требует помещений, условий и прочего. Занимаемся везде и при любой погоде, — отрезал ученик Белова. — Что до прессы — как стояли, так и будем.

Даня хмуро кивнул:

— Лично вам обещаем отсутствие внимания со стороны органов правопорядка и свободные тренировки с холодным оружием. — И от себя добавил. — Я помню, как с тренером убегал от милиции, помню рейды и угрозы закрыть клуб, помню все эти лишние нервы сенсея, что просто пытался учить драться, а не бегать по чиновникам с бумагами и искать спонсоров, чтобы зимой было помещение. Все знакомо, все проходили, знаем.

Рубовец задал последний вопрос:

— Кого тренировать-то будем? Основной контингент...

— Три уровня. Бойцы нашей структуры: силовики, охрана, спецназ. Спортсмены: физически крепкие люди, достигшие определенного возраста. Любители: все прочие, включая детей. Каждому уровню своя нагрузка. Стоит обучить тренеров, и дело пойдет, как по маслу. Взрослым и детям будет где тренироваться и укреплять здоровье. Школы открытого типа с бесплатным обучением. Все финансирование целиком и полностью берет на себя Антисистема.

Мастер школы Кадочникова покачал головой:

— Что-то у вас все слишком складно. А подвох где?

— Да, вы говорите за всю вашу Антисистему? Или вы всего лишь представитель? — подхватил второй.

Даня убрал усмешку, вновь став прошедшим огонь Кавказа, бравым десантником:

— Мужики, все серьезнее некуда. С деталями ознакомлю на базе.

— Базе? — переспросил представитель борьбы.

— Да, наш подземный офис в горах.

— Вы так открыто это говорите?

— С некоторых пор, да.

Рубовец повел плечами:

— Тогда показывайте, показывайте.

* * *

Эдем-1.

Дмитрий поставил чашку чая на край широкого стола, вздохнул полной грудью свежий порыв ветра и вновь впился глазами в строчки газеты и фото гигантского орла на плече вихрастого подростка.

«На Урале обитают гигантские доисторические орлы-людоеды» — гласил кричащий заголовок. Тут же вкратце объяснялось, как на глазах пятерых туристов чудовищный орел подхватил парня одной лапой, девушку другой, и взмыл в небо, оставив на земле лишь сумки жертв. Далее следовали подробные комментарии очевидцев и в самом конце, твердым вопросом стояло утверждение: «Что еще скрывается в недрах Уральских гор после ядерной Бьярмической войны 23 тысячи лет назад?»

— Куда тебя, сынок, опять занесло? — Прошептал Дмитрий и отложил газету.

— С ним все в порядке, Дмитрий. Многие силы заинтересованы в этом. — Солнце загрозила рослая фигура богатыря с пронзительно синими глазами.

Дмитрий не растерялся. Выдвинул из-за стола соседний стул:

— Присаживайтесь, уважаемый. Я после летающих картин готов поверить даже в то, что вы в прошлой реинкарнации были Лениным или пиратом. Для меня это в принципе одно и то же.

Родослав, улыбаясь, принял предложение присесть.

— Лада еще раскроет свой потенциал. Владлена своим стремлением подталкивает ее к работе над собой. Конкурируя друг с другом за ваше внимание, они добьются много. А что касается реинкарнаций, то я, пожалуй, один из немногих, кто ни разу не уходил в переработку. Все врата мне удалось постичь при жизни.

— Чаю? — вновь не растерялся Дмитрий, скрывая все вопросы и страх глубоко внутри.

Странный гость помахал головой:

— Благодарю, нет. Дела.

— Что ж, понимаю. Таков режим жизни, если хочешь чего-нибудь успеть. Мы тут сами с космосом все на пределе. Над ракетой работали, под ней и ночевали. Вот недавно закончили, ждет пробного пуска. Работников отослал всех в отпуск на две недели. Космодром выкупим и запустим.

В беседку забрался Коготь, усевшись напротив гостя. Поднял лапу, махая перед собой, как пес.

— О, увлекаетесь экзотическими животными? — Подметил Родослав.

Дмитрий поскреб подбородок, вздыхая:

— Что-то вроде.

Синеглазый неожиданно оказался за плечами Дмитрия, положил руки на плечи, склоняясь к самому уху:

— Дмитрий, с вашим названным сыном все в порядке. Тигра я забираю, его никогда не было. Вы забываете про газету и едете с женой и семьей в город делать покупки к новому учебному году.

— Хорошо, — прошептал Дмитрий. — Что, даже память стирать не будете?

— Нет необходимости.

* * *

Где-то под Уралом.

Ветер играл с расплетенными локонами. Обнаженный по пояс Скорпион сидел на пенке, переводя медленный взор от одного старика к другому. Седой совет вече собрался в полном составе: семеро стариков, возраст которых давно перешел вековую черту.

— Мудрые, позвольте низложить меч у ног Славы. Ваших сил хватит, чтобы беречь его, как и гробницу князя.

Волхв Светлогор, волосы и борода которого давно сплелись в одно целое, поймал взгляд молодого витязя, громыхнул:

— Стезя война тяжела, но неужто ты хочешь взвалить ее на плечи семи стариков?

Волхвы одобрительно загудели.

Скорпион бессильно сжал ножны, сдерживаясь от веских слов:

— Это всего до той поры, пока не вернусь.

— А если не вернешься? — Послышалось от Велимира.

Вновь одобрительное гудение прошло вдоль полянки.

Звук ломаемых веток отвлек от беседы. Все повернули головы на источник. На поляну вломился взлохмаченный блондин. Резко бросил сумку, подбегая к Скорпиону, и растянулся на земле, бешено дыша. Для полноты картины едва ли не высовывал язык. Залепетал:

— Братан, тебя найти сложнее, чем иголку в стоге сена. Этот Урал оказывается такой большой... Там дома тоска. Маша как на иголках. Девчонкам через три дня в институт. Кстати, тебе мама теплые вещи передала. — Поднял голову, осмотрелся. — И кстати, где Лерка?

У Сергея появилось огромное желание провалиться сквозь пенек, под землю и никогда оттуда не вылезать.

Сема приподнялся с травы, завертел головой, только сейчас примечая волхвов:

— О, ты тут со стариками перетираешь? Здравы будьте, бояре.

О, Род меня заberi.

— Сема, это не бояре. Это старшие волхвы. Последние из настоящих.

Сема вскочил на ноги, поспешно поправился:

— Доброго здоровья, волхвы.

Совет ответил вразнобой, силясь понять, как ариец прорвался сквозь полосу непрогляда.

Сема повернулся к брату, снова теряя интерес к окружающему миру:

— Так, где Лера? Ее родители себя как-то странно ведут. Что-то про Оксфорд плетут или Кембридж. Я, как человек с двумя высшими образованиями, мало в этом понимаю. Но в том, что рыжая проходит стажировку за границей, почему-то уверена даже декан ее факультета. Не объяснишь? Плела что-то про обмен студентами. Но какой обмен, если они еще и не начали учиться?

Сергей шлепнул себя по лбу, шепча:

— Мне бы кто объяснил. Депрессия у нее была. Собирайся в долгосрочную командировку. Придется покататься... Не знаю я, где она, Сема. И семеро за твоей спиной не пускают за ней след.

Сема резко повернулся к опешившим волхвам:

— Старики, вы чего? — повернулся к брату. — Мы же так к запуску первого спутника на твердом топливе не успеем. Вася уже арендовал Свободный на пять лет, идет расконсервация. А Даня с Андреем секции мутят. Все тебя ждут. Ты опять в лесу застрял. А там мама волнуется, носки тебе теплые передала. Или я это уже говорил? Поехали домой, а?

Спутник на твердом топливе? Что-то ты заговорился.

Вслух Сергей ответил:

— А Лера?

— А, ну тогда поехали за Лерой. — Тут же поменял мнение Сема. — В чем загвоздка то? Надо же вперед, в дорогу, на конях, в сечу ба-бах!

Сергей выдохнул:

— Придержи коней. Мне тотем нужно второй получить и меч кому-нибудь сдать. На современных «конях» с холодным оружием не очень-то.

Сема оттопырил губу:

— И?

Ну почему у него все так просто?

— Не позволяют.

Брат повернулся к волхвам. Разглядывая мудрых стариков. Вместо возмущения с уст сорвался совсем другой вопрос:

— А мне тотем можно?

Этот день никогда не кончиться?

Скорпион снова хлопнул себя по лбу, бормоча:

— Ты еще не почистился и имя не получил...

— Так в чем же дело? — Не понял Сема.

— Это не пятиминутное событие! — Вспылил Сергей.

— Хорошо, — поспешно кивнул Сема и осторожно добавил, глядя на электронный циферблат. — Часа хватит?

— Р-о-д-о-с-л-а-в!!! — закричал Скорпион, вызывая к первочеловеку.

Воздух сгустился, вспышка света обозначила синеглазую фигуру.

— Что, вихрастый, трудностей много? — Прокатился по поляне звенящий силой голос. — Да, жизнь она такая. То ничего, то все и сразу.

Родослав стоял меж волхвами и парнями, держа на руках тигренка Семы.

— Умоляю, размотай этот клубок. Сил уже нет, — признался Сергей.

— А Коготь-то причем? — опешил Сема. — Я его Дмитрию оставлял!

Синеглазый погладил тигренка, пропустив мимо ушей вопрос Семы. Ответил Скорпиону:

— Я не Бог, меня умолять не надо. Одно прошу, откажись от Леры. Она вернется. Немного другая, но вернется, хитростью заткнет за пояс любого Эмиссара, а будешь пробиваться к ней силой, только время потеряешь.

Сергей замолчал. Мысли потухли, слова кончились. Сидел, опустошенный, как иссякший кувшин вина в руках пьяницы.

— Эх, молодежь... — протянул Родослав. Повернулся к волхвам. — А вы чего думаете? Парни силы просят. Многие, что ли, силы просят? Все давно сдались.

Велимир поднялся во весь рост, расправив не по старчески широкие плечи.

— Витязю остался последний обряд, а плечевнику силу без ума зазорно довати.

Плечевнику?

— Ничего, поумнеют. — Родослав подошел к пеньку с Сергеем, коснулся лба.

Скорпиона отбросило метра на два, завертелся в траве, гася падение перекатами. Двадцатая ступень, последняя из второй декады, олицетворяющая «позвоночных животных», проникла в сознание мощным ударом. Коротко и грубо. Как гвоздь вбили большим молотком.

Родослав протянул тигренка Семе:

— Подержи-ка, сейчас закончим обряд.

Синеглазый зашагал к Сергею, на ходу вращая руками, словно что-то разрывал и скреплял. Сергея на траве вертело во все стороны, извивался, как змея, прогибался дугой, вскрикивал. Незримые нити дергали во все стороны.

Родослав застыл, смотря в небо. Скорпион освобождено поднялся сначала на колени, потом на ноги. Правое плечо жгло каленым железом.

Сема разглядел в небе черную точку, та спускалась из-за туч, стремительно вырастая в размерах. Белоголовый орлан не расправил крыльев даже у земли. Врезался в плечо Скорпиона. Сергея отбросило метра на четыре. Покувыркался в траве и затих, закрыв глаза. Тяжело дыша, прислушивался к новым ощущениям в теле.

Родослав повернулся к Семе:

— Хочешь быстрый тотем? Будет! Только за скорость придется платить болью.

Сема без слов скинул майку, подошел вплотную, припадая на колени. Отпустил Когтя на землю.

Тигренок уселся у ног Родослава и с любопытством взирал то на старшего брата, то на странного дядьку. Оба казались одинаково интересными. Только блондина увидел первым после открытия глаз и считал матерью.

Широкая ладонь Родослава накрыла голову Семена. Блондин закрыл глаза, ощущая, как чудовищные потоки энергии водоворотом берут в оборот, стремительно поглощают

целиком, оплетая причудливыми бутонами, листьями, веревками, феерией искр и света. Все закончилось горячим ощущением в области родничка. Родослав прислонился губами к уху, прошептал имя.

Сема открыл глаза, борясь с нахлынувшим головокружением и слабостью в ногах. Побледнел, когда Родослав погладил Когтя. Полосатик стремительно вырос в размерах, став как минимум трехлетнего возраста.

Звериный рык прокатился по лесу.

Правое плечо обожгло кипятком, Леопард закусил губу, сдерживая похожий рык.

Тигр прыгнул прямо на него, опрокидывая мощными лапами на траву, снова рык прокатился по лесу. Коготь сбил с ног, лизнул в лицо и исчез в теле.

Сергей поднялся с травы, наблюдая на правом плече уменьшенную копию орлана. Было очень похоже на новую татуировку. Побрел к Родославу, на ходу бросая слова:

— Возьми меч, Первый. До возвращения. Прошу!

— Это зачем же? — вздернул бровь Древний. — Разбуди князя и сам отдай.

— Но совет говорит...

— Да мало ли что он говорит? — Прервал Родослав. — Человек — не то, что он думает или говорит, а только то, что делает. Ты думаешь, почему я назначил новым Нейтралитетом твоего старшего брата, а не кого-то из этих?

— Почему? — прошептал одними губами Скорпион.

— Твой брат действует, а эти только выжидают. Столпились вокруг гробницы князя, под предлогом охраны, а сами не потрудились даже кокон силы обновлять. Жалкая шестерка Эмиссара — и та смогла пробраться сюда без труда.

— Родослав, — поднялся Велимир. — Ты говори, да не заговаривайся. Сам Золо наследил.

— Сам Золо? Я зол на вас, а не на Золо, и вам лучше молчать, помощнички, — отчеканил по слогам синеглазый.

Волхвы затихли.

Сема с криком поднялся. Осторожно пощупал кожу на правом плече, где прилег Уссурийский тигр, сверкая желтыми глазами с черными зрачками. Теперь всегда на страже. Поднимется, придет на зов.

Коготь, не хотел я для тебя такой судьбы, но Родославу виднее, он как минимум на сорок тысяч лет старше.

— Вот так прокачка, — пропыхтел Сема, садясь на пенек. — Скорп, сдавай меч в камеру хранения, и поехали уже. Я хочу к Новому Году вернуться домой. Елку на улице нарядим, Санта-Клаусу морду набьем, если какой колаб приведет, Деда Мороза зато подогреем.

Родослав повернулся к волхвам:

— Ну, чего замолкли?

Семеро резко вскинули иссохшие, изрезанные временем руки с палками-посохами и деревянными оберегами на запястьях.

Сема слетел с пенка, отскочил. Земля затряслась, как живая. Пенек подкинуло, отшвырнуло вместе с комьями земли. Верхние пласты травы сползли с гробовой доски, солнце вперилося в сырую землю. Склеп поднялся из земли, явившись свету.

Родослав подошел к могильнику, погладил холодную плиту, бормоча:

— Ничего, Слава, недолго осталось. Время пролетит быстро. — Повернулся к Сергею. — Ну, чего замер? Клади меч и уходи.

Скорпион отвязал перевязь, подошел вплотную:

— А куда класть то?

Родослав сдвинул брови:

— Хм, смотри-ка, и в правду некуда. Только если под плиту. Осилишь плиту-то поднять?

Лицо Сергея залило краской. Последнее предложение сказало больше, чем пытался

понять все последнее время. Не поднять одному многотонной плиты, замкнутой велением.

Вот и посрамился витязь молодой. Не все в мире так, как хочется.

— Что, даже с плечником не осилите? — повысил голос Родослав. — Смотри-ка, слабочки... Ты не считаешься ни с чьим мнением. Это уже не мудрость полководца, это безрассудство слабака.

Сергей опустил голову, уничтоженный и разбитый.

Возмнил. Много о себе возмнил. Все под силу, молодость пробьется вверх любыми путями. Как же. Да никогда, если не прикроют плечом «плечник» Сема, боевые товарищи, соратники, если не согреет тепло домашнего очага семья, если мудрый учитель со странным именем — жизнь — не позволит прыгнуть выше головы. Еще постигать и постигать.

— Что, раз Духа завалили, все можете теперь? — Ярился Родослав, а волхвы посмеивались, подыгравшие. — И на другой конец света, и врагов всех в труху? Да? Да как бы вы воткнули в сердце Отшельнику меч, если бы само Веление не позволило убрать многократно оступившегося? Твой старший брат, Скорпион, знает цену балансу, потому и при силе, а ты от данного тебе отказываешься по любому поводу! Веление поручило тебе стеречь великое оружие, так береги пуще глаз своих, а не подкидывай временно мертвым. Мертвые не в ответе. А ты просто убегаешь от себя, от своей ответственности.

Каждое слово вбивало гвоздями в землю, вдавливало по самые плечи тяжелыми камнями. Уроки жизни сыпались как из рога изобилия.

— Мудрее надо быть, мудрее, — продолжал Родослав. — Ты отвечаешь за свои поступки, так отвечай же сполна! Не перекладывай на чужие плечи.

Вече волхвов молчало. Молчал Семен, впитывая каждое слово синеглазого, молчал и Сергей, отчитываемый за спешку жизни.

Могильник уполз под землю, скрылся в недрах. Земля сомкнулась, трава заплела рану, словно и не была выдрана мгновение назад, а всегда здесь росла. Даже пень упрямо приполз на свое место и погрузился корнями, как и прежде, глубоко в землю.

— Я не достоин этого меча, — склонился Скорпион.

— То не тебе решать, витязь! — Рывкнул Родослав. — Про то начертанный судьбой путь ведает. Неси меч, как и прежде, до пробуждения князя.

Смирение далось нелегко. Поднял гордый взгляд.

— Все равно я ее найду. Даже с мечом, как с маяком силы, посреди стана врага.

— Умереть торопишься? — Подмигнул Родослав. — Гордой смертью, в бою, на коне. Или лучше на ее коленях, истекая кровью? А?

Скорпион в который раз за день надеялся, что земля под ногами все-таки поглотит его плоть, заберет навсегда. Этот древний читал его как открытую книгу, знал все и наверняка. На любое действие найдет ответ.

— Родослав, все равно же знаешь, что уйду, — прошептал одними губами.

— Знаю, — снова улыбнулся Древний. — Потому и хочу показать тебе Пустоты.

Глаза Скорпиона загорелись любопытным огоньком.

— Не много ли подарков за один день? — Послышался посторонний голос и из кустов на поляну вышли двое.

Первый был коротко стрижен и одет в дорогой костюм. Бледно-голубые глаза смотрели цепко, но словно держал расстояние между собой и прочим миром. Второй был светловолос. Пряди падали на лоб, закрывая черные глаза. Светлые джинсы и длинная майка с черепами делали его похожим на тинэйджера.

Велимир охнул:

— Мертво и Нежить. Глаза б мои не видели.

— Чего? Глаза? — Переспросил Мертво. — Это можно устроить.

Велимир в то же миг ослеп, шаря руками перед собой. Родослав нахмурился, и слепоту как рукой сняло. Волхв довольно выдохнул.

— Озоруешь? — Глаза синеглазого метнули молнии, зажглись белым светом, зрачки

пропали, растворяясь во внутреннем пламени.

Нежить недобро усмехнулся, выходя вперед. Улыбка была гадливая, самоуверенная. Мертво положил руку на плечо, отодвинул, отвечая:

— Это ты палку перегибаешь, раздаривая силу налево, и направо. Не по закону это.

— Твой напарник по закону шестьдесят миллионов в топке Второй Мировой сжег. Чудная баня была. — Нахмурился Родослав и понизил голос, приближаясь к собеседнику. — Это ты по закону называешь? Или спрашиваешь, как инициатор крестовых походов, инквизиции, вырезания коренного населения Америки? А, любовник Ренессанса?

Мертво аристократически выдохнул, подбирая слова точно и ясно:

— Открытие Пустоты дает мне право забрать его жизнь.

— Попробуй, — равнодушно пожал плечами синеглазый, поворачиваясь спиной. — Он не мой ученик, сам за себя в ответе.

Сему пробрала дрожь. Эти двое внушали страх. Черная аура первого была мертва и словно окутывала вуалью все вокруг, а аура молодого была неестественно светло-кислотного света, такой цвет видел впервые. Преодолевая страх, встал плечо к плечу с братом, сурово обронил:

— Да, попробуй.

— Скорпион, ты когда-нибудь взывал к своему тотему? — передал пакет информации Родослав.

— Нет, — ответил закодированным посланием, который в отличие от астрального диалога, перехватить было не под силу никому из рядом присутствующих. Просто два мозга настроились на одну волну, и возможное участие третьего исключалось.

— Твой низший тотем бесполезен в драке, но он дает тебе возможность нейтрализовать любой яд организма. Если Нежить воткнет в тебя свои когти, активируй сразу, не медли.

Сергей приготовился к бою.

— А у меня есть идея, — резко оборвал всех Семен, — думаю, она устроит всех.

* * *

База «Тень».

Василий устало смотрел в монитор, сводя графики доходов и расходов. Баланс ушел в минус. Колоссальные средства растворялись в строительных и научных проектах. Они дадут тысячи процентов прибыли, но это будет после, а сейчас предстояло протянуть... и желательно не ноги.

Через Татарский пролив кидалась первая линия струнного транспорта, соединяя остров с материком. Север Хабаровского края выкупался под добычу полезных ископаемых. Юг готовился собирать небывалый урожай. Скупались контрольные пакеты акций самых разных предприятий и структур. Лаборатории и заводы новых технологий повышали мощности. Заводы и верфи были до отказа забиты заказами. Строительство кипело массово и бурно. Людей не хватало, даже в связи с тем, что из-за массового снижения цен на жилье на восток России ринулись многие. Вдобавок, наконец вымолили аренду космодрома «Свободный». За большие деньги расконсервировали. Готовился первый запуск нескольких спутников на выкупленной ракете «Энергия», доработанной и модернизированной под новое топливо.

Монитор высветил звонок. Ткнул пальцем в дисплей.

— Василий Васильевич. Пять пробных спутников готовы. Приборы слежения, передачи и боевая начинка поместились в полном составе. Сколько вешать на ракету?

— Все, — буркнул Гений.

— Но, Василий Васильевич, в случае неудачи... Тьфу, тьфу, тьфу конечно...

— В случае неудачи второй попытки не будет. Мы либо запустим их на орбиту сразу, либо их по одному собьет юса, найдя какой-нибудь удобный предлог. Нам за три захода необходимо вывести минимум двадцать штук для полноценного ответа в случае агрессии. Расслабиться можно будет только тогда.

— Не понимаю, Василий. В боевую задачу каждого спутника входит уничтожение пяти подобных спутников условного противника. Наша шрапнель их лазерные чудеса в дребезги разнесет.

— Против нас воюет не страна, против нас воюет сам Предиктор. Можешь с легкостью считать вражеским любой спутник любой страны. Так что шанс один-единственный. Либо выводим на орбиту с первой попытки, либо нас выводят из игры.

— Вас понял. Пять, так пять.

Сема устало откинулся на спинку стула. Некстати на нервной почве задергался глаз. За спиной вырос аналитик, протянул бумаги:

— Банк передал подтверждение новых финансовых поступлений из различных банков Сеула, Токио, Дели, Тегерана, Минска, Алма-Аты, Парижа, Лондона, и Эр-Рияда.

— Чего? — Василий перепроверил данные на компьютере. — Ну, Токио, Сеул и Москва, это понятно. Я даже могу себе представить, что Евгений со своей группой вновь взломал что-нибудь в Париже и Лондоне. От кого другие поступления? В особенности из Минска. Откуда у Белоруссии финансы, если ее бюджет на две трети спонсируется Россией в преддверии интеграции?

— Данные уточняются. — Обрубил аналитик вышел из кабинета.

— Приятные подарочки, — протянул Василий. — Что ж, вложим еще в несколько проектов.

* * *

Космодром «Свободный». Амурская область.

Андрей Ан торжественно поднес помпезную подушку с ножницами Дмитрию. Глава научного отдела трясущимися руками принял ножницы, ухватился за ленточку и ловко разрезал ее посередине.

В небо взвились аплодисменты. Сотни научных сотрудников и более тысячи сотрудников служебного персонала, охраны и всех, наиболее причастных к космической программе Антисистемы подняли руки. Золотые эмблемы скорпиона на рукавах халатов, роб и костюмов отразились на солнце.

Дмитрий первым вошел на территорию космодрома, повернулся, крича:

— Поторопимся, господа! Как можно скорее отсюда должна взвиться в небо новая надежда человечества.

Народ поспешил по своим местам. Тяжелогруженные ЗИЛы, КамАЗы и БЕЛАЗы со всем необходимым оборудованием двинулись следом за народом. С юга полетели первые грузовые вертолеты. Три самолета Су-39 промчались на малых скоростях почти над головами. Опытные летчики демонстрировали фигуры высшего пилотажа, прилетев к космодрому со стороны Комсомольска-на-Амуре. Только-только взвились в небо с первым испытательным полетом. Ночью впервые выкатили на свет божий из ангаров.

— Красиво, — прошептал Андрюха и добавил, — а также быстро и смертоносно. Эх, напал бы Дух сейчас. Я бы на этот бой в небе посмотрел.

— Сема сказал — Дух мертв, — улыбнулся Дмитрий. — Они с Сергеем то ли тренировались, то ли что. Я задремал как раз, просыпаюсь, а Духа нет. То ли на огороде прикопали, то ли случайно задели. Не знаю.

— Эти двое меня поражают, — протянул Кот, щурясь на солнце. — Пойдемте, Дмитрий, мне еще работу всех силовых структур надо проверить, вам работу ученых и конструкторов в нужном русле организовать. Дел хватает. А где, кстати, сейчас, эти двое?

— Не знаю. Но надеюсь, они прикрывают нас и оттуда.

* * *

База «Тень».

В то же время.

Двери за спиной сухо защелкнулись. Гений в сопровождении пятерых помощников остался перед сборочным столом. Руки дрожали в предвкушении содрать занавес до прихода главного хакера.

С другой стороны лаборатории появился запыхавшийся Евгений, бесшумно подбежал. Звуки бега глушили бахилы на ногах. Остановился перед комиссией, бормоча:

— А, ты уже здесь?

— Здесь, здесь, — подтвердил Василий и кивнул в сторону стола. — Давай уже, показывай.

— Погоди ты, — остепенил Евгений. — Сейчас провода принесут, и покажу. Ради демонстрации первого компьютера, работающего на кристаллах, можно и повременить.

— Какие провода? Что ты собрался соединять? Я финансировал только один компьютер.

— Правильно, один, но я вложил все свои средства и во второй. А на новые кабеля пришлось в Индии брать. И у шейхов Саудовской Аравии кланчить.

— Значит, это все-таки ты был.

— Я, я. О, несут.

Трое тащили что-то похожее на резиновый шланг, аккуратно размотали, пробросили конец в другую часть лаборатории.

Одни из помощников Гения склонился над шлангом, пощупал пальцами, деловито спросил:

— Резина?

— Да, внешняя оболочка. Можно мять и скручивать, как душа пожелает. Резина покрывает спецпокрытие, что оберегает главное содержимое от перепадов температур от минус пятидесяти до плюс пятидесяти. От замораживания до испарения.

— Принцип работы новых кабелей? Что в ядрышке, проще говоря? — Заинтересовался Гений.

— Вода. — Просто ответил Евгений. — Точнее, не совсем вода, а разработанный гель, тем не менее, состоящий на девяносто девять процентов из воды. — Евгений схватил Василия за плечи. — Я сам в шоке! Но пропускная способность информации повысилась до тысяч терабайт в минуту! Вся инфа летит по кабелю почти моментально! Это зачаток нашего Руснэта. Быстрее оптово-волокон, и не такой хрупкий! Площадь соприкасающейся поверхности может не превышать и диаметра капли.

Василий молча смотрел на одного из Советов.

«М- да, я тоже такой псих в своей области?».

— Вот-вот, — всплеснул руками Евгений. — Шейхи тоже не верили. И капиталисты. Но я-то верил, так что не зря опустошил их счета. Ты не вдавайся в детали, сейчас подключат, и все покажу. Сам потом удивишься.

Помощник, трогающий шланг, повернулся к Гению:

— Теоретически такое возможно. — Повернул голову к Евгению. — А усилители сигнала? И сами преобразователи?

— Тестовые режимы показали, что усилители не требуются на двести километров. Дальше мы не стали проверять, нет смысла тянуть шланг на двести километров без прерывателей. А вот с преобразователями было немного сложнее. Пришлось добавить в конструкцию к кристаллам немного водной основы. Это только повысило емкость хранителей. Вода не только быстрый передатчик, но и почти бездонный хранитель информации.

Василий мягко улыбнулся:

— Да верю, верю. Включай уже свои машины.

Евгений гордо расправил плечи:

— Господа, добро пожаловать в эру жестких кристаллов и жидких носителей информации нового типа!

* * *

Космодром «Свободный».

Электронный циферблат с точностью до миллисекунды отсчитал до нуля.

Время!

— Ключ на старт! — Рывкнул Дмитрий.

— Есть ключ на старт! — Донес динамик.

— Вперед, мужики. — Прошептал Дмитрий уже сам себе.

Гул самой большой в мире модернизированной ракеты класса «Энергия» катился по космодрому. Люди замерли, затаив дыхание. Не ревело, как при старте ракет с жидким топливом. Огонь полыхнул не так яростно, как если бы баки были полны горючего. На ракетах баки отсутствовали, вместо этого существовали два больших отсека с твердотопливным составом. Мощностей хватило для старта, и ракета с пятью спутниками и двумя космонавтами взмыла в небо.

Дмитрий подхватил бинокль, вышел на площадку и принял к окулярам.

А может, проще было самолетами Мрией или Русланом вверх подкидывать? Тогда мощностей бы хватило для посадки и взлета с Луны. Если сбросить спутники, а взяв на борт полезный груз, из которого будем строить базу... Ладно, есть только здесь и сейчас. Лети, красавица, лети.

Ракета бодро резала небо маленькой белой иголкой. Через несколько минут в стратосфере скинет ступень, вместо прежних трех, и поднимется ввысь, набрав достаточную скорость, чтобы вращаться вокруг Земли.

Дмитрий отложил бинокль, не смог сдержать слез. Те покатались по щекам и застряли в недельной щетине. Все-таки получилось. Новые технологии вывели на орбиту без сучка и задоринки.

«Свободный» вновь замер, прильнув к динамикам, что вещали голос из космоса на всю базу.

«Если случится что-то непредвиденное, этого нет смысла скрывать, все спутники мира направлены на космодром и не одна сотня станций зрит в небо, разглядывая, получится или нет? Узнают сразу. А если успех, то свои единомышленники узнают первыми».

— Антисистема, мы в космосе! — прорезался динамик. — Сейчас освоимся и прильнем к небу на серебряный гвоздь пару спутников.

Дмитрий дрожащими руками поднял микрофон, снова улыбка растеклась по лицу:

— Вас понял! Выполняйте!

* * *

В небе над Атлантикой.

Блондин поправил очки и растекся по кожаному креслу.

— Говорю тебе, она в юсе у Золо. Он же сам сказал: «На другой конец света». А юса от нас как раз на другом конце света. Расслабься, меченосец, неделя-другая и найдем. Если Эмиссары нас отпустили, то неспроста. Нежить и Мертво ненавидят Золо. Не прочь вонзить нож в спину.

Скорпион рефлекторно пощупал грудь, словно Пустоты, что показал Родослав, были именно там. Но пустоты между атомами — это не что-то в груди или другой части тела. Переводя на физический язык, меч растворился в нем, как вода впитывается в сухую кожу.

Человек и меч слились в одно целое.

Трансконтинентальная железная птица уверенно несла их через Атлантику в царство капитализма. Двухъярусный Боинг, что мчал их в Нью-Йорк, был последним оговоренным пунктом из беседы с Эмиссарами.

— Нет, Семка, все слишком просто. Приготовься.

— К чему?

Самолет затрясло, народ в салоне закричал. Динамики донесли встревоженный голос первого пилота:

— Дамы и господа, воздушная яма. Ничего страшного. Сохраняйте спокойствие.

— Не приняли, Семка, они твоих пунктов. Не пускают нас к Золо.

— Что будем делать?

— Для начала попытаемся выжить, а там глядишь и спросим: «Почему?».

— Говорила мне Маша: «Не летай на Урал».

— Хочешь еще раз увидеть Машу?

— Что за вопрос, витязь? Куда я без нее?

— Тогда скажи карме: «Не в этот раз».

— Как, опять?

— А ты думал?